

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

1 (414)

2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Игорь Сорокин. Последние известия	3
Михаил Квадратов. «Утро жмурится и курит...» и др.	57
Александр Брятов. «Одолев полгорода с наскока...» и др.	60
Алексей Маслов. Письма.....	125
Александр Корамыслов. «Историки закатывают истерики...» и др.	128
Инна Домрачева. «Что было сказано некстати...» и др.	131

ПРОЗА

Александр Титов. Путники в ночи. Повесть.....	9
Татьяна Лебедева. Сливовое пюре. Рассказ.....	51
Елена Георгиевская. Вода и ветер.....	63

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Вячеслав Лопатин. Цвет – звук; свет, тьма.....	133
---	-----

ПЕРЕВОД

Лоренс Даррелл. «Горькие лимоны» и др. стихи. <i>Перевод Вадима Михайлина</i>	232
---	-----

ПЕРЕПИСКА

«Все любили получать письма от Петрова». Письма Вячеслава Петрова Валерию Белохову. <i>Предисловие Олега Рогова</i>	235
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей Слепухин. Последний обход (памяти Игоря Алексеева).....	251
Алексей Александров. Формула преодоления.....	253
Олег Рогов. В роли свидетеля.....	255
Алексей Александров. Кроме шуток.....	255
Олег Рогов. Солженицын в контексте.....	256
Сергей Трунев. Лучше «сушеный Чехов»... ..	257
Роман Арбитман. Козлы и жены.....	258

КИНООБОЗРЕНИЕ

Иван Козлов. Артаусная мозаика.....	261
--	-----

Игорь СОРОКИН

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

три посвящения в лето шестого года

май, кратово

Демидовым

Вино не превращалось в виноград,
а только становилось вино-градом.
Господь нам выдал часть своих наград
и их отметил маленьким парадом:

весна и солнце, сосны, старый пруд,
общение без бронзовых кавычек,
хождения великолепный труд,
на взгорке пропускать электричек.

В тот самый осторожный миг, когда
уже налиты полные стаканы,
Он вдруг такой небесной дробью грянул,
что стала льдом летящая вода!

Сухое красное, разбавленное градом,
вдруг на глазах предстало виноградом.

* * *

Маше и Косте

Столько времени прошло
а что осталось?
Рвали яблоки в саду
кормили уток
Не прощались навсегда
расставаясь
оставались в незатейливых
путах.
Огарёв нам на горах
Воробьёвых
был чудак с неостановленным
сердцем

Игорь СОРОКИН родился в 1965 году. Закончил филологический факультет СГУ в 1988 году. Аспирант РГГУ, с 1989 по 2007 – заведующий домом-музеем П.В.Кузнецова (Саратовский государственный художественный музей имени А.Н.Радищева). В 1986–1991 состоял членом объединения «Контрапункт». Стихи и проза публиковались в «Волге», «Знамени» и др. («Костёр» (Париж), «Сочельник» (Саратов), «Остров Борнгольм» (СПб–Курск), «АБГ» (Тбилиси), «Черновик» (Нью-Йорк), «reflection» (Чикаго), «Дирижабль» (Нижний Новгород), «Василиск» (Саратов), «Раненбургская крепость» (Чаплыгин), «Дети Ра» (Москва)).

Мы кричали возносясь
«Огарё-ёв!»
И тошнило чрезвычайно
«Гер-р-рцен...»

sms в окт.

Инке

Жёлтый тюльпан
мой, давай
говорить по-
турецки «Я Ва
слюб лю»

три прошлыходних

* * *

на площадь выйди –
только ветер
предельных слов о мире
рвёт
деревья-стяги
километр
до неба
и наоборот
судьба, поплёвывая кровью,
хребет надставит
ё-моё
ведь каждое средневековье
ждёт возрождение
своё

* * *

1.
как только, в молчаньи, решишься,
захлопают двери
ночью был дождь: на дорогу
вынесло камни
утренним зверем
подумаешь:
выйду на берег
и разойдусь кругами
по берегам
над берегами

чем больше молчишь, тем больше
думаешь друг о друге –
сглаживаешь углы
оказываешься
в круге

2.
пикирующий ангел одночасья
сорвётся в август
с молодых небес:

на горизонте счастья тёмный лес

3.
За немца Тютчева!
За сны больших животных!

* * *

осенний суп киприотами варится с перцем
на глубинной морской воде.
Меня научил его делать Памбос,
рыбак, живущий в посёлке на окраине Пафоса –
лодки в этом посёлке белого цвета,
а глаза им рисуют голубую и чёрною краской
(когда они отдыхают, вытасканные на берег,
закрывают глаза брезентовым покрывалом).
Памбос стар и он любит
забрасывать якоря
и вытаскивать сети.

Для осеннего супа нужно
раздобыть глубинной воды
со дна средиземного моря.
Памбос делает это при помощи
каменного ведра, сработанного ещё
его прадедом Павлосом,
жившим 170 лет.

Там, в глубинной морской воде,
встречается всякое:
рыбы, водоросли, песок,
крабы, мидии, жемчуг –
всё это бросается в суп.
Остальная картошка-моркошка –
по вкусу. Но главное – перец –
чёрный, красный, сиреневый,
предрассветный.
А в самом конце –
непременно – глоток зевании
(так зовётся у них самогон,
виноградная водка)

Хорошо этот суп есть кипящим –
с огня, когда ветер
срывает

пену с бешеных волн –
в штормовую погоду.

Или хотя бы, чтоб дождь
по окошку хлестал.
И под грома раскаты
все яблоки рушились в сад

и плясали деревья.

на будущее

americano

1.
Я люблю это время, когда
перепутана мелочь в кармане:
наши с ненашими.

Здесь не забылось, тут новое манит,
даже не спрашивай,
сдачи не надо, не на...

много не пей, вина,
жить хорошо в молодом тумане,
только не долго:

никто не обманет,
никто не достигнет дна

2.
я всё мотаюсь по своим
делам задумчиво-дурацким
тупой природою гоним
сквозь снег и ветер декораций.

но я ведь знаю, что над всем
усталым этим святотатством
есть Бог
со звёздами
в красе
и силе
адской.

3.
и опять мне снился этот город.
только странно как-то, по другому.

я хотел на поезд опоздать.

* * *

я бросаюсь в язычество, крестик в зубах зажав,
как матрос свои чёрные ленточки с якорьками,
как монету с царём или рыбой переплыватель стикса,
как младенец – соску.

там, в язычестве вечности,
будет мне первый гром,
полнолуние сердца
и чёрной воды закаты

там, под парами, стоит мой большой паром
под названьем «Саратов»

* * *

Знаешь ли ты,
что вновь пробудилась Этна?

Это можно видеть
онлайн, интернетно.

Посмотри внимательно
но осторожно –

мало ли,
не,
возможно

* * *

правда-неправда
летит по касательной
в самое солнце и пик.
вспомни как плавно,
как необязательно
сходит на сердце ледник

и уже гладит тебя по-отечески
нервно-задумчивый друг:
всё... всё прошло уже...
враг человеческий
выкроил башенный круг

и шелестит теперь ветром безбашенным
взятый по случаю флаг
в голую битву зовёт,
в рукопашную,
сушей, воздуха и влаг.

* * *

куда мы едем-едем,
кого мы тра-та-та,
весёлые медведи
под мышкой у кота?
кого мы тут хороним
и кто хоронит нас,
на чьи мы тут патроны
гуляем прозапас?
за что нас всех водило,
бросало и несло,
какого крокодила
по самое весло –
на все четыре солнца
до само-годо-дна
доёмоёдо, ёнца,
допидоедо, нна!

* * *

смена климата
или объекта охоты
или с ино
племенными встреча
вот три фактора для –
субботы и
воскресенья – речи

Александр ТИТОВ

ПУТНИКИ В НОЧИ

Повесть

БЫЛА ТАКАЯ ПЛАСТИНКА

– Зачем ты ходишь к этому бывшему Первому?.. – ворчит Лева, навалившись грудью на расшатанный редакционный стол. Мой коллега всегда принимает такую позу, когда пишет сельскохозяйственные обзоры. Он гордится тем, что обладает способностью Цезаря – сочинять статьи и одновременно вести разговор с собеседником. – Это ведь бывший аппаратчик, сталинист...

И вычеркивает длинное и в то же время незаменяемое в словаре районного газетчика слово «мероприятие». Лева пишет очередную статью о проблемах животноводства, дает советы дояркам: «Надо каждый раз перед дойкой подмывать вымя каждой коровы, что положительно сказывается на исходном качестве продукции общественного стада».

Под «сталинистом» он имеет в виду Прохора Самсоновича Зыкова, работавшего когда-то первым секретарем райкома партии, ныне персонального пенсионера, которого я иногда навещаю на дому.

– А чем занимается его сынок, Вадим? – интересуется мой коллега.

Пожимаю плечами. Этого даже Прохор Самсонович не знает. Вадим в молодости учился в столичном вузе, связался с фарцовщиками, валютчиками, чуть не загремел по статье. Прохор Самсонович, в то время еще первый секретарь райкома, ездил в Москву выручать сына, нашел влиятельных знакомых, отвел Вадима от суда. Парень на время затих, женился, устроился на склад экспедитором...

– Помнишь, у Вадима была любимая песня – «Путники в ночи» в исполнении Синатры?

– Мне тоже она очень нравится, – кивнул я.

«Путников» часто крутили на танцплощадке в качестве медленного танго. Вадим требовал ставить «Путников» без очереди. Иногда, крепко пьяный, он десять раз подряд заказывал эту мелодию, плакал, обнимая шершавый столб, на котором висел репродуктор.

«Сын Первого!..» – показывали пальцами зеваки. Я в то время был подростком, бродил вокруг танцев вместе с другими шалопаями. Обычно мы забавлялись тем, что ловили в пруду лягушек, швыряли ими в танцующих.

Репродуктор в дребезжащем фанерном корпусе ревел над загадочными тенями парка, где под величавую мелодию, посвистывая и похохатывая, разбредалась местная шпана.

Вадим доставал из кармана пачку сигарет с иностранными буквами, угощал приятелей, и, покачиваясь, продолжал слушать «Путников», отстукивая толстой подошвой ритм. Болталась пестрая, навывпуск, рубашка с изображением игральные карт, узкие, с искрой, брюки отражали огни ламп. На высокомерном бледном лице таяла самодовольная улыбка. Вадим приглаживал пятней жидкие волосы, тербел вспушенный чуб, называемый «коком».

Слушая непонятные слова песни, я брел вокруг танцплощадки, перебирая ладонями неструганные колья. Занозы почти без боли вонзались под кожу – я приближался к столбу, на котором звенел динамик.

Александр ТИТОВ родился в селе Красное Липецкой области. Автор шести сборников рассказов и повестей, вышедших в разные годы в Воронеже и Липецке. Публикации в журналах «Подъем», «Волга», «Север», «Новый мир». В журнале «Волга – XXI век» (2007, №11–12) напечатана повесть «Молчание отца».

«Эта песня – мой гимн! – крикнул Вадим сквозь слезы. – С ним я пройду по жизни...»

Вскоре прошел слух, что стилига украл из подвала ДК пластинку с «Путниками». Она была единственная в райцентре, таких уже не было в продаже.

К Первому с отчетом за неделю пришел начальник милиции Шкарин Иван Федотыч, доложил, что среди мелких преступлений, вроде украденных кур, комбикорма с колхозной фермы, электродвигателя с тока, зафиксирована кража из подвала ДК – спилена толстая решетка на окне бывшего церковного полуподвала, в котором хранятся духовые инструменты, аппаратура для танцев, плакаты и прочая ерунда. Начальник милиции удивлялся, что грабители, перепилившие старинные прутья, кроме пластинки ничего не взяли, и даже не поломали из хулиганских побуждений. Кстати, у граммофонной пластинки криминальное название – «Путники в ночи». Завершая доклад, Иван Федотыч как-то странно взглянул на Прохора Самсоновича.

«Из-за одной пластинки, понимаешь, лезли?» – хмурил брови Первый.

«Выходит, так!» – начальник милиции пожал плечами, кашлянул в кулак.

Участковый по фамилии Гладкий видел воришек, вылезавших из подвала с пластинкой в квадратном белом конверте, однако никого задержать не смог, свистел в специальный свисток, рапорт написал совершенно невразумительный: дескать, никого не разглядел...

Вечером, зайдя в комнату сына, Прохор Самсонович увидел конверт, лежащий на столе, брезгливо взял его в руки, прочел в круглом вырезе название пластинки.

«Как же он пилил решетку? – думал Первый. – Небось, нанял кого-нибудь из шпаны, вроде Стрижа...»

Первый хотел швырнуть пластинку на пол и растоптать хромовыми сапогами, но почему-то не сделал этого, положил ее обратно на стол.

В тот вечер Прохор Самсонович долго не мог заснуть, поджидал стилигу, собираясь огреть разок другой ремнем, но Вадим вместе с друзьями укатил куда-то на мотоциклах и вернулся только под утро.

ДОМ БЛОХИ

Старик вот уже лет пятнадцать на пенсии, почти куда не ходит, сидит дома и всегда рад моему приходу. По его просьбе покупаю ему продукты. Почему-то сам бывший Первый стесняется ходить по магазинам. Иногда он заказывает водки. Обычно звонит мне по телефону в редакцию, диктует: буханку хлеба, банку тушенки для заправки супа, килограмма два сахара, рисовой крупы, если будет гречневая – обязательно! Как думаешь – есть гречка в продаже или нет?

Почти каждый раз объясняю, что гречка давно уже не дефицит, это в прежние времена ее отпускали по блату.

Деньги за покупки возвращает с лихвой. Несмотря на возраст, старик еще крепок, много работает по дому и на огороде, и от пол-литра водки, которую мы не спеша, распиваем, почти не пьянеет.

– Прохор Самсонович не сталинист, – говорю я Лева. – Обыкновенный пожилой человек.

Лева пренебрежительно морщится, машет рукой – не мешай писать статью! Неожиданно с отвращением отбрасывает изгрызенную в моменты вдохновения ручку:

– Я всегда ненавидел окружающую жизнь и постоянно думал о Париже. Помнишь, мы с тобой когда-то мечтали туда поехать?..

Кивая головой: много французских и прочих дразнящих фильмов было просмотрено в стенах старого ДК, в котором располагалась когда-то церковь.

Но мне некогда болтать с Левой, иду в магазин за продуктами. Покосившийся кирпичный дом отражается в зеркале тенистого, заросшего по берегам водоема. По-народному пруд издревле называется Кочетовским, лет сто назад звался Блохиным (помещица проживала когда-то в этом доме), но с тех пор, как здесь поселился Первый, пруд именуется Зыковским. С виду жилище крепкое, хотя задняя стена, выходящая к барским подвалам, подперта наклонными бревнами. Деревянное, давно не крашенное крыльцо потемнело, покорибилось. Рассохшиеся половицы скрипят, качаются под ногами.

Дом открыт, вхожу, как всегда, без стука. Из чулана дикими глазами на меня смотрит спорбившаяся Марьяна Прокопьевна, старуха помаленьку сходит с ума, в шкафчике у нее пузырьки с настойками, которыми она растирается, некоторые принимает внутрь. Часами сидит в своем закоулке, облокотившись на стол, голова ее мелко трясется. Из-под платка торчат, покачиваясь, седые пряди. А ведь когда-то волосы ее были иссиня-черные, как «вороново крыло», сама она, по слухам, из донских казачек. Теперь ослабла, еду готовить не может, кухарит помаленьку сам старик.

Кроме дел по хозяйству Прохор Самсонович не оставляет главное свое увлечение – пишет для районной газеты краеведческие статьи. Я набираю их на компьютере, затем приношу ему на правку.

Комната обставлена на казенный лад: высокий шкаф с покосившимися створками, широкий дубовый стол, заваленный бумагами, мраморный, в пятнах, чернильный прибор с бронзовыми фигурками колхозниц – в руках они держат грабли и снопы; рядом пузатый телефон из черной послевоенной пластмассы.

Возле стены большие напольные часы в деревянном футляре. Застывший маятник из золотистого металла в пушистом слое пыли.

Старик показывает жестом на скрипучий стул, сам устраивался в кожаном потертом кресле, попискивающем при малейшем движении, берет из прибора школьную ручку со стальным пером, сдувает с него налипший пух, аккуратно макает перо в чернильницу, пробует писать на клочке бумаги, и только после этого начинает править текст. Листы бумаги, когда он их переворачивает, подрагивают в крупных пальцах.

Прохор Самсонович не возражает против доработки его статей: лишь бы смысл не терялся! Но когда я слишком усердствую по исправлению канцелярско-партийного стиля, бывший Первый огорченно вздыхает, достает красный граненый карандаш, сохранившийся, как он сам утверждает, со времен двадцатого партсъезда, осторожно подтачивает грифель ножичком и с торжественным видом ставит на полях жирную галочку, уточняя то или иное событие.

– Дывай дальше править!.. – вздыхает он, устав от собственного монолога.

Вместо слова «давай» бывший Первый по привычке говорит «дывай». Этим словом во времена своего начальствования «отец района» ободрял подчиненных, благословляя их на трудовые подвиги. А еще к месту и не к месту Прохор Самсонович употребляет величественное и утверждающее «понимаешь!».

Степенно пытая, он правит статью, в которой рассказывается о том, как он, пятнадцатилетний паренек, поступал в Лебедянскую ШКМ – школу крестьянской молодежи, которая была в то время первой ступенькой для будущих комсомольских, затем партийных работников. Прошин отец достал из сундука пахнувший нафталином пиджак, который сам надевал лишь по большим праздникам. Заодно подарил «штуденту» смазные сапоги, в которых ходил когда-то в церковь. Принарядившись, сельский паренек вышел в первый свой большой путь. Прохор шагал по грязному, раскисшему от дождей большаку, забрызгивая ярко начищенные хромовые сапоги – символ российского чиновного величия. И уже тогда он знал, предчувствовал – быть ему большим начальником! На голенищах сапог, тех местах, куда не достигла грязь, играл тусклый рассвет обещающего чего-то социализма.

Никто из жителей деревни и подумать не мог, что подпасок Прошка станет когда-нибудь первым секретарем райкома партии. Когда Прохор Самсонович приезжал на кофейного цвета «Победе», сверкающей лакированными боками, односельчане, разинув рты, смотрели на могучего ростом человека в светлом бостоновом костюме и белой шляпе. Первый неспешно заходил в родную хату под соломенной крышей, обнимал постаревшего отца.

БЫВШИЙ СТИЛЯГА

Междугородний звонок – длинный, и в то же время требовательный, как голос старого чиновника. Телефон от старости разучился звенеть – дребезжит натужно и хрипло. На случайные

звонки отвечает полоумная старуха: «Куды звонить? Чаво надеть?» Когда-то Первый стеснялся ее неграмотности, теперь ему все равно.

Прохор Самсонович поднимает массивную трубку на обвислом тряпичном шнуре. Надежный аппарат 50-х годов, помнящий разносный голос хозяина района. С помощью этого аппарата решались когда-то судьбы людей, поднимались надои и привесы, росла урожайность полей.

Телефон – последний символ номенклатурного значения Прохора Самсоновича. В первые годы перестройки телефонные номера стали дефицитом. Новый начальник районного значения потребовал отдать номер ему, а провода бывшему «партократу» отрезать.

Прохор Самсонович написал жалобу в область, но ему не ответили. Тогда он позвонил в Москву сыну, в то время набирающему силу подпольному миллионеру, тот, в свою очередь, звякнул куда надо – пенсионера оставили в покое, даже извинились.

– Алё! – Прохор Самсонович делает кляксу на листе бумаги. Выражение вдумчивой удовлетворенности сменяется угрюмой настороженностью. – Ты чего, Вадимчик?

На звонок выходит из соседней комнаты Игорь, москвич, сын Вадима, здоровается со мной за руку. Ладонь сильная, спортивная, и в то же время мягкая, городская. На юном лице задумчивость.

Прохор Самсонович с силой прижимает трубку к большому красному уху. В напряженных пальцах трепещет бумажный лист – старик недоволен звонком, отвлекшим его от правки статьи.

– Алё?... – Он прислушивается к шумам на линии. – Вадим? Ты чего? Нормально тут у нас... Все хорошо, говорю!..

Старику чем-то неприятен телефонный разговор. Статью сегодня он вряд ли поправит, и обедать, скорее всего, не пригласит, хотя из кухни доносится запах вареной картошки. Бывший Первый любит картошку со сметаной, которую ему «по старинному блату» приносит Полина – пожилая рабочая молзавода. И сало старик по-прежнему уважает: «Что ни ешь, а без сала всё прочно!»

Из трубки через старинную мембрану на всю комнату звенит писклявый голос Вадима. Я расслышал фамилию Стрижова, нашего общего с Игорем приятеля, с которым каждый день на берегу пруда сражаемся в шахматы.

– Да, Стриж, понимаешь... – как бы с неохотой сообщает Прохор Самсонович, голос его становится приглушенным. – Не знаю, зачем он вернулся, меня это не интересует, этот хулиган, к тому же убийца! – последнее слово старик произносит на старинный лад, со скрытой насмешкой.

Некоторое время на том конце провода молчание, затем вновь неразборчивое звяканье мембраны.

– Никакой дружбы, просто в шахматы играют, – бормочет старик. – Не выдумывай... Всё, говорить больше не об чем, пламенный привет!

Он с раздражением шлепает трубку на рычаги аппарата, вздыхает, рукопись отложена в столу.

– Надо было драть паразита ремнем и оставить при себе, чтобы не лез поперек батьки в буржуи! – бормочет седой великан, поворачивается красным лицом, с которого постепенно стекает гнев. – Завтра приходи к обеду, бутылочку не забудь купить!..

Подает на прощание массивную пухлую ладонь, в ней я ощущаю тычущуюся свернутую бумажку – деньги. Опять, наверное, пятисотка. Это гораздо больше, чем я потратил на продукты. Но старик не позволяет мне даже заговорить по этому поводу, сжимает мой кулак со сложенной свежей купюрой. Медлительный, но всегда как бы торжественный голос большого начальника, пусть даже и бывшего:

– Спасибо, что не забываешь меня!

Возвращаюсь от Прохора Самсоновича, и уже в райцентре, возле гастронома встречаю бывшего зоотехника Толстова, заметно выпившего:

– Что там пишет в газете этот твой бывший Первый? Старческий бред и сплошное вранье. Тоже мне, краевед нашелся!

Зоотехник рассказал о том, как в давние советские времена Прохор Самсонович снял его с работы из-за породистого хрюка, сдуру сиганувшего на бревно и сломавшего себе член. Идиот-хрюк принял дерево за настоящую свинью. Пришлось сдать его на мясо.

Первый не поверил реальному факту:

«Ты, негодяй, пропил ценного хрюка, которого я лично заказывал в племсовхозе! В старые времена тебя бы за это...»

ЗАСУХА

С раннего утра старик поливает огород. Воды не жалеет, ее много в водопроводе, в подземных неиссякаемых жилах земли. Неспешно шевелит шлангом, дарит растениям воду. Вид у него торжественный и слегка напряженный, как у врача, вливающего больному дефицитное лекарство.

Долго работать не может – мучит одышка, начинает кружиться голова, что-то хлопает в груди, словно неисправный насос.

Сполоснув лицо студеной водой, взъерошив седые волосы, Прохор Самсонович присаживается в тень клена.

Воздух недвижим, пахнет гарью, небо дышит синим дымком – под Москвой горят торфяные болота. Тракторы, которые тушат пожар, проваливаются в подземную раскаленную бездну вместе с мужественными трактористами.

Старик вытирает нечаянную, общественного значения слезу – ему жаль безымянных героев, которые всегда есть в русском народе – они готовы идти в пекло за просто так, нужные люди всегда оказываются в нужном месте.

Воздуха не хватает, кажется, солнце выжгло его даже из теневой прохлады, и каждый новый вздох старческие легкие забирают, словно из пустоты.

«А на своем ли месте был я, руководитель? – мучительный безответный вопрос. – Исполнители были, есть и будут: они пашут, сеют, тушат пожары. Я же управлял ими, возвращал этот край почти до самой перестройки...»

Кругом буйствует зелень. Все растет быстро, как в тропиках, словно нет никакой засухи.

Игорь доволен такой погодой, целыми днями загорает, кожа у него прокопченная, чуть ли не дымит. Расхаживает по жаре в плавках, темных очках, подставляя мускулистую грудь солнечным лучам.

– Дед, полей на меня из шланга! – просит он. – Сделай дождик!

Старик смеется и делает «дождик»: зажимает отверстие шланга пальцем, вода рассеивается на мелкие брызги.

Люди, проходящие мимо палисадника, почтительно наклоняют голову:

– Здравствуйте, Прохор Самсонович!

Старик неспешно оборачивается, придерживает левой ладонью картуз за козырек, кивает сдержанно и солидно.

...Сегодня воды почему-то нет. Дали ночью, из открытых кранов потекли тонкие журчащие струйки, и шум этот разбудил весь поселок: в окнах зажегся свет, послышался звон ведер, корыт, тазов.

Едва успели наполнить емкости, воду вновь отключили.

Приноровился поливать огород ночью, все равно страдает бессонницей. Пока идет вода, Прохор Самсонович успевает напоить влагой огурцы, помидоры, молодые яблони – они сделались пышными, обещают неплохой урожай.

На рассвете, когда вода кончается, старик опускает шланг в бочку, идет, покачиваясь, в тень клена. Здесь раскладушка, покрытая старым одеялом. Старик ложится и спит, несмотря на то, что его кусают мухи.

К обеду с пруда возвращается внук, истомленный долгим загоранием и купанием. Волосы, еще не просохшие, кустиками торчат на его голове. Игорь голоден и съедает все, что подает на стол дед.

Пообедав, Игорь ложится спать на дедову раскладушку в тени клена.

Тем временем старик, управившись с кухней, садится у его изголовья, отгоняет мух березовой веткой. Иногда Игорь, неловко повернувшись, открывает мутные глаза, с тупым выражением смотрит на деда.

– Спи, внучок, спи!.. – задумчиво улыбается старик.

РУССКАЯ НЕНАВИСТЬ

На водокачке окончательно поломался насос. По слухам, его будут чинить два, а то и все три дня. Но, видимо, и за неделю не управятся.

Проход Самсонович пришел в редакцию, потребовал, чтобы мы слевой написали разгромный фельетон про разгильдяев, не сумевших обеспечить население водой.

Редактор Бадиков прибежал в наш кабинет, начал оправдываться: дескать, был у нас один сельский сатирик по фамилии Букашкин, да и тот давно умер, сочинить фельетон некому. Увы, не существует теперь такого газетного жанра, как фельетон. Ах, товарищи, какие были фельетоны! Каким резонансом они звучали! Океан остроумия, горы житейского юмора! Где ты, батюшка-фельетон, почему так безвременен скончался?

– Помолчи! – притопнул сапогом Проход Самсонович. – Из-за таких, как ты, лакировщиков, фельетон исчез, понимаешь, из нашей действительности.

Бадиков продолжал оправдываться: права человека сейчас очень уж раздуты, на всех давят, особенно на журналистов – всякую отдельную личность, которая на самом деле, может, и есть настоящая сволочь, нельзя выставлять на газетной полосе в глумом и негативном виде, особенно начальство, какого бы ранга оно ни было. Двадцать первый век наступил, в газете теперь слова критического нельзя сказать – сразу суды начинаются, прочие разборки...

Старик, глядя на расплывшееся «кувшиноподобное» лицо Бадикова, припомнил, что в прежние времена фельетоны писали с благословения райкома, никто даже пикнуть не смел!

Лева ехидно заметил:

– Именно результаты вашего партийного правления привели к нынешней «гласности», когда с журналистом могут сделать все что угодно за любую не понравившуюся кому-то статью. А скоро, товарищ бывший Первый, будет еще хуже!

– Это еще почему? – обернулся Проход Самсонович. Лицо его побагровело. – Что ты, юноша, знаешь об ушедших временах? Пока ты шлялся по болотам и ягодки рвал, мы строили будущее!..

Лева сконфузился. Однако, собравшись с духом, ответил величавому гостю так:

– Дело в том, что привычка затыкать рот недовольным на Руси существовала во все времена!

Вступать в дискуссию с бородатым неисправимым «диссидентом» Проход Самсонович не захотел, махнул пренебрежительно рукой и пошел домой к своим грядкам.

...На огороде все засыхает. Вянут листья, поникают стебли, и только ягоды клубники становятся еще краснее, манят алыми пятнами. Игорь, разумеется, не упускает их из вида. Срывая ягоду, поглядывает на деда – не будет ли ругаться?

– Ешь, ешь, внучек, – разрешает старик, – все равно уж теперь...

Он вздыхает и думает о том, что, видно, не придется в этом сезоне варить клубничное варенье. Грозит в жаркую даль веснушчатым кулаком, седые брови сдвигаются к переносице.

Жители поселка вспомнили о старом колодце, сбили с него дощатую крышку. Давно этот колодец не чистили, не ремонтировали, но, к удивлению, вода в нем оказывается чистой, свежей. Прогнав из колодца двух лягушат, люди, вращая скрипучий ворот с ржавой цепью, в первый же день наполовину вычерпывают его. Однако наутро колодец снова полон.

Пошел уже восьмой день с тех пор, как отключили воду. Насос никак не удастся наладить – не хватает какой-то дефицитной бронзовой втулки. Все знают про эту втулку, однако бессильны что-либо сделать.

Соседка Марфа, шагая поутру с ведрами к колодцу, грозит старику кулаком:

– Из-за тебя, старый ирод, насос поломался. Лил и лил воду цельными днями почему зря! Какого дьявола лил? Зачем, спрашивается, так много тратил? Ежели у тебя водопровод, так надо, значит, лить и лить из него беспрерывно? Сиди вот таперича, поглядывай на солнышко!.. И девку ты машиной сбил, и сынок твой душегуб, весь белый свет его ненавидит...

Старик вскочил со скамейки, изо рта его извергся древний начальственный рык.

Пустые ведра со звоном выпали из рук Марфы. Подобрал их, она торопливо потрусила дальше, оглядываясь на прежнего грозного начальника, которого она опять стала бояться больше всего на свете.

Старик жалуется: плохой тут у нас народ! Оказывается, Марфа все эти годы ненавидела его, хотя прежде при встречах лебезила, кланялась, чуть ли не в пояс.

– Народ первобытный, ненавидящий соседей, родственников, начальство! – негодовал Прохор Самсонович. – Ненавидели и ненавидят всех с древних времен: князей, бояр, царей, помещиков, попов, купцов, большевиков, советскую власть, торгашей, «цеховиков», олигархов, чиновников... Когда же она кончится, эта кондовая ненависть?

От нечего делать целыми днями Прохор Самсонович сидит в тени, смотрит, как гибнут огурцы, жухнут молодые, начавшие цвести помидоры. У старика нет сил таскать воду из колодца, а Игорю на все наплевать. Его папаша олигарх, может купить полстраны, если захочет, со всеми ее сердитыми пенсионерами.

Сорнякам жара в радость, с каждым днем их становится все больше, «зеленый пожар» прорвался в центр бахчи.

МАРСИАНСКАЯ НАДЕЖДА

Задержавшись с выпуском номера газеты, поздним вечером возвращаюсь домой. Возле палисадника на лавочке сидят Игорь и Прохор Самсонович.

Поздоровавшись, присаживаюсь на прохладную скамью.

Старик рад моему появлению, с воодушевлением пересказывает тему новой статьи.

– Скоро приедет папаша... – вздыхает Игорь.

Прохор Самсонович пытается перевести разговор: скоро в поселке пить будет нечего, вот беда! На щеках его играет румянец, маскирующий морщины, припухшее лицо отражает закат.

Игорь, обнаженный по пояс, поигрывая мускулами, с нетерпением ждет ночной прохлады. Светлая рубашка лежит у него на коленях.

Старику хорошо. Вечерняя свежесть позволяет дышать полной грудью, сердце работает спокойно. В предчувствии бессонницы Прохор Самсонович делается бодрее, глаза молодо блестят. С огорода пахнет засыхающими ягодами.

– Не то планета вон там, не то звездочка? – указывает он негнущимся пальцем.

– Где? – Игорь, наморщив лоб, смотрит в небо.

– Вон там, левее – розовая, вроде как мигает.

Игорь пожимает плечами.

Старик вопросительно оборачивается ко мне. Я не знаю, плохо учил в школе астрономию.

– Тоже мне, понимаешь, «пресса»! – ворчит старик. – Журналисты должны всё знать... Говорят, на этих планетах совсем нет жизни? Неужто и там засуха?

– Коли нет там жизни, то и хорошо! – резко произносит Игорь. – Где жизнь, там ненависть одних к другим. И это очень здорово, что на остальных планетах одна только ледяная пустыня, где никто никого не ненавидит.

– Дело не в ненависти... – задумчиво морщится старик. – Просто обидно как-то. Сколько лет думали, гадали, надеялись! Помнится, лектор к нам в район приезжал, на сцене ДК выступал, клятвенно заверял, что жизнь на Марсе имеется! Зря, что ли, убеждал он публику, каналы там вырыты? И вдруг на тебе – никого нету! Ни-ко-го! Хотя бы одна сухая былиночка! Хотя какой завалышенький паучок! Я слушал лектора, и мне ужасно хотелось, чтобы и там, в космосе, что-то шевелилось, дышало!

Игорь громко и зло хохочет:

– Зачем искать в чистом космосе никому не нужную жизнь? Все пройдет, как дурной сон, и Земля когда-нибудь очистится от нас от всех, станет холодной и пустынной, как величественный свободный Марс!

Проход Самсонович с недоумением оборачивается к внуку:

– Что с тобой Игорек? Почему ты так говоришь? В мире существует материализм, которому все подчиняется, в том числе и звездные миры.

– Материя существует сама по себе без всяких «измов». Марс – это глыбы холодного красного песка. Пойми, дед, идеи сами по себе, а планеты – сами по себе.

– Так не может быть! – сердится Проход Самсонович. – Нас учили, понимаешь, что все должно быть диалектически связано.

– Неправильно, значит, учили. Да, впрочем, какая разница, кто, как и кого учил. Все учения бессмысленны!

– Не все! – Старик шутливо грозит ему пальцем, хитро улыбается. Так он когда-то улыбался со сцены ДК во время диспутов с молодежью послевоенных лет. Подвыпившие осмелевшие парни задавали каверзные, с лирическим оттенком вопросы типа: «На фига мне сдался ваш коммунизм, если я до него не доживу?»

ЗАБЫТОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

– Дед, а у тебя есть тайна? – спрашивает Игорь.

– Какая еще тайна? – возле глаз старика вновь сгущаются морщины, он настораживается и как-то съезживается. – К чему эти провокационные вопросы?

Бывший Первый ерзает по скамейке. Зажмуриваются, дрожат старческие веки.

...Летний вечер, новая, только что полученная персональная «Волга» с хромированным оленем над радиатором, свежий черный асфальт на дороге. За рулем Костя, молодой застенчивый парень, недавно вернулся из армии.

Сумерки сгущаются, в окно салона врывается теплый ветер. Настроение благодушное, Проход Самсонович возвращается из колхоза навеселе – председатель, старый друг, накрыл хороший стол.

«Костя, дай порулить!» – говорит Первый.

Звучит как требование – просить в те годы он не умел, разве что на областном уровне.

«Зачем это вам, Проход Самсоныч? Скоро приедем, райцентр уже показался».

«Ты что, мне отказываешь? Не забывай, кого возишь!»

Костя остановился, освобождает место водителя, переходит на пассажирское сиденье.

«Это совсем другое дело! Сейчас покажу, как надо управлять «Волгой»! Такая машина только у нас с тобой, Костик – первая в районе! У нас, брат, еще и не такие машины будут, покатаемся!..»

Первый разгоняет «Волгу». Мотор победно гудит, педаль газа утопает в резиновом полу. Шуршат по укатанной дороге колеса. Этот шорох убаюкивает, и Первый почти не ощущает глухого удара автомобиля о что-то мягкое, тряпкой отлетевшее к обочине.

«Стой, человека сбили!» – Костя кричит ему прямо в ухо, пытается вырвать руль. – Остановите машину. Стой же, твою дурака мать!..»

Костина тонкая рука тянется к замку зажигания, выдергивает ключ. Становится тихо. Разогнавшаяся «Волга» катит вперед по инерции, Костик давит на тормоз твердой подошвой поверх лакированного башмака Первого – тот громко кричит, его пронзает неведомый заячий ужас.

«Как человека?.. – недоумевает Проход Самсонович, озираясь по сторонам. – Какого, понимаешь, человека?.. Откуда он взялся?»

Молча выходят наружу. Первый держит начальственный форс, его движения замедлены, в голове шум, язык сухой. Шагает твердо, подбородок вздернут почти высокомерно. Шляпа в руке, он не спеша надевает ее на растрепанные волосы.

Летние сумерки, ветра нет, в ближней роще робко поют птицы.

На обочине, лицом вниз, лежит девочка-подросток. Светлые выгоревшие от солнца волосы, растрепавшаяся коса, отскочил розовый бант, рядом скомканная косынка. Из сплющенного бидона толчками вытекает узкий ручеек молока, впитывается сухой землей. Белая жидкость, текущая под уклон, пугает больше, чем сверкающая темная лужа возле пыльного лица девочки.

Проход Самсонович садится на колени, берет тонкую еще теплую руку с пуховинкой едва заметных волосков. Лужа с каждой секундой увеличивается, течет под его колени. Проходу Самсоновичу становится сыро.

Провел ладонью по пыльной прохладной косе, поправил бант.

«Ты чего здесь, девочка? Зачем, милая? Какие меры мне в данный момент принимать? Почему я ехал как во тьме и не видел эту красавицу?» – бормочет он.

«Какая же темнота, когда солнце еще светит?» – глухо, будто с небес, отвечает сверху Костик. Голос парня померк, злость из него ушла, он почти смирился с произошедшим.

Метрах в десяти валяется велосипед с гнутым передним колесом. Первый встает с колен, подходит к велосипеду, и сильными бесчувственными руками бессознательно выправляет «восьмерку».

«Что делать, Костя?»

Шофер не отвечает, смотрит вдаль, на первые мигающие огоньки, зажигающиеся в домах райцентра, покусывает губы. Тонкие пальцы его дрожат.

«Надо что-то придумывать, Костик. Думай, парень, думай...»

«Подставу хотите сделать?» – выдыхает из груди Костик. Тают в дымке скошенные поля, птицы в роще поют уже чисто и звонко, будто они рядом.

«К нам, ведь, придут с вопросами: как очутились на этой дороге? Кто сидел за рулем?..»

«Придут...» – эхом отзывается Костик.

На горизонте точкой возникает грузовик, подъезжает, останавливается рядом с «Волгой». Из кабины выходят, покачиваясь, колхозный кладовщик и шофер. Лица у них красные, оба крепко выпивши. Соболезнуют, ахают, разводят руками.

Первый материт случайных свидетелей, машет кулаками, приказывает им разворачиваться и ехать в милицию за инспектором.

Грузовик уезжает.

«Надо что-то придумывать, Костик... – снова начинает Первый. – Пятно на весь район, на мой авторитет!»

«Чего тут думать – придется брать вину на себя!» – потухшим голосом произносит шофер.

«Ничего, Константин, прорвемся! Ты меня сейчас выручишь, а я тебя потом оттуда вытащу. У меня везде могучие друзья. Даже в самой Москве! Я за тебя похлопочу!»

Из молодой узкой груди шофера вырывается глубокий смертельный стон. Закрыв лицо ладонями, Костик прислоняется к помятому боку «Волги», по-детски, со всхлипом, рыдает.

В тот же вечер милиция составила протокол, все участники ДТП, как положено, расписались.

На следующее утро еще более изувеченную, – Костик нарочно наезжал с разгону на стволы деревьев – райкомовскую «Волгу» находят в лесополосе. Рядом, на березовом суку, висит на электрическом шнуре Костик. Вот это уже зря! Все шло по плану – паренек взял вину на себя, участвовал в следственном эксперименте, дело обещали спустить на тормозах...

Вспоминая тот случай, Проход Самсонович шмыгает крупным пористым носом, на глазах выступают слезы. Не уследил за Костином, оставил одного. А надо было поехать с ним в город, поводить по ресторанам, развлечь...

Просто «дорожно-транспортное происшествие», сокращенно «ДТП».

– Милый добрый Костик! – бормочут распухшие от жары губы.

– Ты что, дед, плачешь, что ли? – оборачивается Игорь.

– Нет, помилуй Бог! – вздыхает Проход Самсонович, стараясь не моргать влажными покрасневшими ресницами.

– Если старый атеист Бога вспомнил, значит, дело серьезное! – усмехается Игорь. – Не нужны мне твои тайны, успокойся.

– Тайна!.. У каждого человека, прожившего на свете, мешок тайн. И никому он их не откроет. Думаешь, у твоего отца меньше тайн?.. Вон опять фигура маячит в конце переулка – твой, небось, Игорек, охранник.

– Не нужны мне охранники – я сам боксер! – Игорь сжимает смуглый кулак. Сверкает в сумерках загорелая кожа. – Кто меня вздумает похитить, получит элементарно в рыло.

– Интересно, где живут тайные люди, охраняющие тебя? Я их не вижу, но замечаю: то за сараем тень мелькнет, то в саду. В стоге сена, что ли, прячутся?

– Я просил папашу, чтобы он не приставлял ко мне своих жандармов. Поймаю хоть одного – набью физиономию.

– Набьешь ты ему... – ворчит Прохор Самсонович. – Он тебе такой прием сделает, долго будешь помнить.

– Надоели мне эти глупые разговоры! Пойду, прогуляюсь.

– Гляди там, с парнями не дерись, – напутствует Прохор Самсонович внука.

– С чего ты решил, что я буду с кем-то драться? – Игорь с подчеркнутым спокойствием застегивает пуговицы, находя их на ощупь.

– Пока! Не грусти, старина! – с задумчивой усмешкой произносит он и уходит в сторону парка. В темноте долго белеет его рубашка.

ВЕЛОСИПЕД «ОРЛЁНОК»

Недолго, примерно с полгода, мой отец был личным шофером Прохора Самсоновича. Как раз с того дня, как похоронили Костю.

В обед отец приезжал домой на «Волге» – новой, полученной взамен разбитой, с таким же хромированным оленем на радиаторе. Отец распахивал дверцы, проветривая машину от духа начальника, а сам шел в дом.

Я, в то время семилетний пацан, усаживался на водительское кресло, крутил гладкий руль кофейного цвета.

Выходил из калитки мой почти ослепший дедушка, трогал горячий от солнца и двигателя капот машины:

«Вот как жизнь вперед идет! А ведь, кажется, еще вчера я возил молодого Первого на бричке, запряженной Красоткой...»

Дедушка боялся, что я заведу машину и куда-нибудь уеду. Иногда я включал приемник – дедушка пугался, грозил костью.

«Вылезай, идоленок! Испортишь машину, что Прохор Самсоныч скажет?»

У отца был один недостаток – он любил выпить. Пропустив стакан-другой, поникал головой, вспоминал друзей-танкистов, погибших на войне, говорил, что водка сглаживает его теперешнюю жизнь, которая оказалась совсем не такой, о какой он мечтал на фронте. Думал: победим, все будет по-другому! Но ничего не изменилось – такие же соломенные крыши, в некоторых деревнях печки топят по-черному, питается народ в основном картошкой да капустой.

Физически отец был крепок, по утрам никогда не похмелялся. Прохор Самсонович, «отец родной», чуя перегар, начинал ругаться, отношения начальника и шофера стали портиться.

Отец никогда не унывал. Лицо его, словно бы не тронутое войною, до последних дней жизни было веселым и улыбчивым. Лишь в редкие минуты задумчивости он опускал голову вниз, и тогда щетина на его скулах вдруг начинала болезненно, по-зимнему светиться, редкие волосы на голове поникали, словно трава, покрытая изморозью, черные фронтовые складки бороздили лоб.

Однажды отец повел меня домой к Прохору Самсоновичу, я увидел барский дом из красного кирпича – мне он уже тогда показался мрачным, похожим на амбар, вытянувшийся вдоль пруда.

Вадим решил отдать мне свой подростковый велосипед. Сам он в то время учился то ли в

восьмом, то ли в девятом классе, стилигой еще не успел заделаться, густые волосы он, как и его сверстники, зачесывал назад, одет был в вельветовую куртку, широкие брюки подпоясаны ремешком с красивой пряжкой. Он оказался приветливым парнем, поболтал со мной о школе, смешно изобразил некоторых учителей, показал мне свою комнату с паркетным полом: в ней когда-то жила мать барина Тужилова по прозвищу Блоха. Тройные рамы в окнах защищали ее от дворового шума. Барыня боялась всякой заразы, исходившей от крестьянского мира: чумы, скарлатины, холеры, тифа, чахотки. Полный список «летучих» болезней и кратких разъяснений, как с ними бороться, был вывешен на стенах комнаты. Эти инструкции сохранились под обоями.

Дворовые люди мылись по несколько раз в день, натирались по настоянию барыни вонючими мазями, убивающими микробы. Денег на дезинфекцию Блоха не жалела. В комнатах и коридорах стоял запах хлорки, карболки и прочих заграничных веществ. Форточки были закрыты сетками от насекомых.

Пошли в сарай за велосипедом, и там Вадим показал мне застекленные деревянные носилки, в которых дворовые мужики носили Блоху по улицам села во время эпидемий.

Барыня принимала множество выписанных из-за границы «невротических» порошков, от которых у нее всегда был сонный вид. Спала Блоха до вечера, – боже упаси разбудить ее грохотом телеги или звяканьем посуды! Конюхи обвязывали копыта лошадей тряпками, иначе порка неминуема. Вся живность, чтобы не было от нее шума, была переведена подальше от барского дома.

Уже в сумерках Блоха завтракала, гуляла, читала книги, играла на пианино. Дворовый люд приспособился к ночной жизни Блохи, днем слуги отсыпались, зато ночь напролет хлопотали, выполняя капризы барыни, стараясь быть незаметными и услужливыми.

Несмотря на непрерывную заботу о своем здоровье, умерла Блоха от инсульта или, как говорил дворовый люд, «кондратий матушку хватил!»

«Сейчас я отдам тебе свой велосипед!» – весело воскликнул Вадим. Вадим снял со стены велосипед «Орлёнок», почти совсем новый, поставил его на пол:

– Вот, катайся на здоровье!

Я торопливо схватил пыльный велосипед, вывел его на улицу и, не оглянувшись на Вадима, забыв даже сказать ему «спасибо», помчался с холма вниз по утоптанной, растрескавшейся от жары тропинке.

«Орлёнок» – чудо техники тех лет! Сверкают никелированные ободья и спицы, гнутый руль с подрагивающим звонком устремлен вперед, шины шуршат по земле, весело повизгивают на песчинках и камешках. Мне казалось, что я вырвался на этом летящем с горы «Орлёнке» в какую-то другую, почти взрослую жизнь...

Вскоре отец написал заявление по собственному желанию. Дома жаловался:

«Прохор Самсонович пьет больше меня, и ничего ему – всегда бодрый, лицо красное, сала может съесть сколько угодно. Вот это мужичара!»

ЗЕРКАЛО ВОДЫ

Я часто сбегаю из редакции на пруд – поплавать в нагретшейся за день воде. Во второй половине дня она дышит влажно и духовито, искрится на фоне глиняной косы.

Стриж работает грузчиком на железнодорожной станции, но трудится, видимо, тоже не очень усердно. До четырех вечера он свободен. К Стрижу плохо прилипает загар, кожа красная от солнца, оползает чешуйками. Худое тело изрисовано татуировками, будто синькой обрызгано. Живет Стриж один, в доме, оставшемся от матери, которая умерла в тот же год, когда его осудили. Ему за пятьдесят, но выглядит он моложаво: почти не седой, костлявый и жилистый. Лицо задумчивое, с острыми чертами, но вида совсем не преступного, хотя и запечатлелось на нем то особое выражение человека, который долгие годы провел за решеткой. Здешний народ думал, что с началом перестройки Стриж подается в бандиты, однако он вел себя тихо, ни с кем не связывался.

Лежит в тени прибрежного дерева, глаза закрыты, на лице сонная улыбка, в полуоткрытом рту мерцают коронки. И какая-то постоянная виноватость в его облике, вялые сонные движения, медлительная походка. Даже выигрывая у меня или у Игоря в шахматы, Стриж всякий раз конфузится, разводит руками: так, дескать, получилось.

В шахматных баталиях Стриж неизменный победитель, хотя есть и другие сильные игроки. Мы с Игорем в местном рейтинге на третьих-пятых местах.

Подремав, Стриж берет коробку с аккуратно нарисованными белыми и черными клетками, вытряхивает на траву самодельные фигурки. Лица королей имеют высокомерное выражение, королевы похожи на деревенских бабёнок, пешки, кажется, вот-вот заплачут. Зато кони веселые, с глуповатыми мордашками.

На пальце правой руки у Стрижа самодельный перстень из нержавеющей стали с ярко-красным камнем, грубо вделанным в оправу.

Стриж часто купается в пруду, подолгу плавает. Достигнув середины пруда, ложится на спину. Вода, подернутая рябью, уверенно держит его, дробятся солнечные искры. Стриж лежит на спине, дремлет на воде, как на перине. Рыбка рядом плеснет, а он даже не вздрогнет.

Однажды я подплыл к нему, с тревогой взглянул в белое, покачивающееся на воде лицо: шевельнулись синие, как у мертвеца, губы. Лениво приоткрыл глаза, вздохнул, блеснула железнозубая улыбка.

«Он все-таки мог убить человека!» – невольно подумал я, глядя на сверкающие под солнцем коронки.

Выйдя на берег, Стриж ложится на расстеленную одежду и вновь спит, словно всю жизнь бодрствовал, а теперь получил возможность отдохнуть.

На другом берегу одинокий комбайн домолачивает делянку белой от жары пшеницы. Пыль тучей окутывает комбайн, он в ней полностью скрывается. Машина на минуту останавливается, серое облако уползает в лесополосу, налипает на листья, деревья серые, будто карандашом нарисованы.

ПАПАША

Зачем-то приехал на пару дней Вадим – папаша Игоря. Проведать отца? Непохоже. Вадим годами не появлялся в отцовском доме – все больше по заграницам путешествует. Сегодня он зачем-то пришел на пруд, как раз в тот момент, когда мы с Игорем увлеченно сражались в шахматы.

Все, кто собрался в этот воскресный день на песчаном пятачке, с удивлением разглядывают знаменитого олигарха. Богач, а с виду простой. Вот что значит земляк!

Вадим постарел и, несмотря на популярность, не все жители поселка при встречах его узнают. Чаще Вадим первый протягивает знакомым руку и называет себя какому-нибудь позабывшему его старику, который с изумлением всматривается в него поблекшими глазами.

На пруд Вадим пришел без видимой охраны: коренастый, в джинсовом костюме, беспрестанно улыбаясь, со столичным умеренным животиком, голова седая, с большими залысинами. Разделся до пестрых трусов, одежду бросил на траву. Голые ноги его казались тощими. Картежники, сидевшие чуть поодаль, ухмылялись:

– Это не мильянер, а хмырь какой-то...

Сын по сравнению с папашей – загорелая античная статуя.

Игорь продолжал передвигать шахматные фигуры, словно бы не замечая появления отца.

– Как же вы купаетесь в таком грязном пруду? – удивленно озирался Вадим.

– А где нам еще купаться? – сердито отозвался кто-то из картежников. – Тут бассейнов нету...

Вадим подошел к нашей компании, со всеми поздоровался за руку.

Стриж, помедлив, протянул Вадиму длинную, словно дощечка, ладонь.

Солнце сельской юности ласково играло на заплывших жирком плечах олигарха. Поежив-

шись, Вадим нарочито взвизгнул, нырнул в зеленую глубину. Плескался на мелководье, радовался, как ребенок, горстями зачерпывал со дна ил, намазывал им волосатую грудь.

Чернильного оттенка ступки шмякались с его плеч в воду.

– Ура – грязь!.. – звенело над водой, деревья отзывались эхом, глянцевая листва лозин блеснула ярче солнца, дробящегося в ряби волн.

Снова нырнул, вразмаху, сильными движениями коротких рук поплыл на середину пруда. Вода вокруг него была такая же, как и тридцать лет назад, если не обращать внимания на цвет и запах, она нежно ворковала возле ушей, плескала в нос, в глаза, обнимала очищающей прохладой.

Картежники перестали играть, смотрели на Вадима.

ГОЛОСА:

– Тот самый?..

– Да, наш знаменитый олигарх...

– А почему без охраны?..

– Как же без охраны: вон какой-то мужик ходит по плотине...

– Вадима в Москве несколько раз пытались взорвать...

– Взорвешь такого осторожного...

– Всякий раз он ухитрялся оказаться в другой машине – по телику показывали...

– К отцу приехал ...

– Бабка ихняя давно чокнулась, в дурдом хотели отправить, Прохор Самсоныч не разрешил...

– Простачком смотрится этот Вадим...

– Он может себе это позволить...

– Гляди, Стриж плывет ему навстречу...

– Еще бы: в молодости вместе человека ухлопали. Прохор Самсоныч выгородил сыночка, а Стриж загремел на двенадцать лет...

.....

Стриж зашел в воду, поплыл в центр пруда. Встретившись на середине с Вадимом, начал что-то ему говорить.

Я тем временем сделал коварный ход слоном, после которого ферзь Игоря оказывался в ловушке.

Две головы над водой: одна маленькая, ершистая, вторая круглая, глянцево сверкающая. Сблизились, словно персонажи детективного фильма, которым приспичило вести секретную беседу посреди водохранилища. Головы мелькали в волнах, терялись в бликах света, болтались, как поплавки.

ГОЛОСА:

– Возьмет да и назначит Стрижа каким-нибудь министром!..

– В Москве своих начальников хватает...

– Что ни говори, а Стриж всю вину за то дело взял на себя...

– О каком деле идет речь?

– Бытовая мокруха...

– Когда-то об этом весь поселок говорил...

– Участковый знал, кто того парня грохнул, однако ничего не сказал...

– Это же Гладкий, старый лис...

– Молчун. О чем его ни спросишь, всегда в ответ готовая милицейская ухмылочка: отвали, мол, пацан! Ни слова не произнесет, зато в глазах вся последняя истина...

– Я слышал, они братья?..

– Кто?..

- Дед Пехто: Вадим со Стрижом...
- Как братья? Они же совсем разные...
- От разных матерей потому что...
- Прохор Самсоныч знает?..
- В том-то и дело, что нет. Начальство вообще никогда ничего не знает, и понимает только то, что ему докладывают...
- А Вадим?..
- Этот всё знает, у него своя тайная полиция...
- Что же он отцу не скажет?..
- Зачем?..

КУДА ИДЕМ?

На травяном берегу появляется постаревший участковый Гладкий со своим некогда казенным, а теперь уже навсегда «приватизированным» велосипедом, который он по привычке большей частью водит за руль, к которому подвешена сетка с буханкой хлеба. Сетка в одном месте порвалась, и аккуратно перевязана проволокой. Гладкий даже на пенсии носит темно-синюю форму милиционера шестидесятых годов.

Парни перестают играть, карты в их ладонях растопырились веером. С давним страхом все смотрят на Гладкого: когда-то он гонял их, тогда еще пацанов, из парка, от танцплощадки, на травливал дружинников. Странная казенная улыбка бывшего участкового пронзает, кажется, весь солнечный день.

ГОЛОСА:

- А этот за каким сюда приперся?..
- Да еще со своим идиотским велосипедом...
- Он всегда был сумасшедшим, однако всю жизнь прикидывается ментом...
- С нашим братом нормальный человек разве справится?..
- А Гладкий по-твоему справлялся?..
- Еще как! Спроси своего батьку, сколько раз сидел он в каталажке по милости Гладкого?..
- Мой батя одной рукой его подымет, другой прихлопнет!..
- Не скажи. У Гладкого мертвая хватка, еще никто не вырвался...
- Зато и хватал он старух с мешком украденной соломы, стариков, помочившихся по пьянке за углом – выполнял план по задержаниям...
- Зачем сейчас Гладкому надо все знать?..
- Хрен его, беса, знает, привычка такая...

.....

Бывший участковый сделал болтунам знак пальцем – величавый и в то же время наполненный таинственным смыслом жест. Он требовал тишины, а сам в это время неотрывно смотрел на качающиеся посреди пруда головы Стрижа и Вадима, будто понимал каждое их слово.

Пловцы разминулись. Стриж поплыл к берегу, размашисто выбрасывая жилистые белые руки, вышел на берег в стороне от пляжа, лег лицом на траву.

Игорь, перестав обдумывать ход, вздохнул и с потухшим взглядом объявил, что сдается.

– Твоя позиция вовсе не безнадежна! – воскликнул я. – Можно обменять ферзя на две легкие фигуры плюс проходная пешка. У тебя шансы на ничью.

– Не хочу играть... – Голос его потух, Игорь отвернулся, сорвал засыхающую травинку с пушистым колоском.

Вадим вышел на берег в семейных, обвисших от воды трусах, снял их и начал выжимать под черемуховым кустом, не обращая внимания на то, что отовсюду видна его скрюченная фигура.

Помочился тут же, за кустом, пахнуло городской канализацией. Бормоча под нос ругательства, с трудом натянул мокрые, плохо отжатые трусы, затем, прыгая то на одной, то на другой ноге, влез в джинсы. На зад у брюк появилось мокрое пятно.

Подошел к нам, плюхнулся возле шахматной доски, глубоко вздохнул, взялся доигрывать за сына с виду безнадежную партию. Я тщательно обдумывал ответные ходы, в то время как Вадим почти мгновенно, с легким цоканьем, передвигал по доске фигуры. Он быстро отдал ферзя, пожертвовал проходную пешку, затем развил атаку на королевском фланге, и теперь уже мой ферзь попал в коневую «вилку». К моему удивлению, Вадим не стал его брать, с помощью легких фигур он загнал моего короля в матовую позицию. Пришлось сдать.

Вадим удовлетворенно крикнул, пристально взглянул на меня.

Я набрал в грудь воздуха, и задал земляку-миллиардеру вопрос:

– Давно хотел спросить вас, Вадим Прохорович... как вы считаете, в каком направлении будет развиваться российское общество?

Вадим улыбнулся.

– Я куплю этот край и выстрою между людьми отношения, приличествующие новому веку.

– Что-то вроде коммунизма? – уточнил я.

Вадим утвердительно кивнул круглой серьезной головой.

Стриж, севший рядом и задумчиво глядевший на волны, вздохнул:

– Твоя система, Вадим, может, хороша для всех, но стержня в ней все-таки не будет...

– Что ты имеешь в виду под «стержнем»? – иронически обернулся к нему московский гость.

– Стержень – это смысл, на котором общество держится. До этого оно крепилось революцией, коллективизацией, войной, верой в «светлое будущее», затем откатились к «развитому социализму», после перестройки нырнули с головой в капитализм.

На воде, недалеко от берега, качался первый желтый листок.

– Скоро осень! – отчетливо, с лирикой в голосе произнес Вадим. – В эту пору всегда почему-то легко на душе. Люблю бродить вечерами по опавшим листьям.

– Грустную волюнку завели, Вадим Прохорыч! – Стриж со вздохом оглядывал окрестности.

– Пока еще лето, купаемся, отдыхаем... – Он взглянул на группу подростков, собравшихся на песчаной косе. – Нынешние ребята и девушки стройные, сытые, холеные, родились от благополучных родителей. А мы кто были: шпана недоношенная, послевоенные дети, пацаны тощие, синюшные, девчонки, наоборот – кубастые, приземистые, с круглыми ляжками и короткими шеями – после войны почему-то рождались такие...

ЗЕМЛЯНОЙ ЖЕНИХ

Наутро Лева явился в редакцию с бодуна, весь какой-то взвинченный. На лбу ссадина – опять, наверное, жена приложила сковородкой.

Пришлось идти в магазин за портвейном «Три семерки». В отличие от незатейливых семисотграммовых бутылок прошлого века нынешняя удлиненная посуда была украшена золотистой этикеткой и какими-то ярлычками, хотя по вкусу сегодняшнему портвейну далеко до прежней советской «бормотухи». Портвейн был слащавым и не таким забористым по сравнению с главным напитком нашей молодости.

...В конце восьмидесятых Лева опубликовал в московской «смелой» газете фельетон «Человек в хромовых сапогах». Персонаж был списан с нашего Первого, в статье говорилось о мизерных урожаях зерна, о колхозных коровах, мычащих от голода, о свекле, ежегодно уходящей под снег, о крохотных надоях и «отрицательных» привесах – это когда быка кормят, а он почему-то худеет. Завершалась статья фразой: «Такие, как партийный чиновник З. и подобные ему, загубили отепельное окончание двадцатого века...»

Проход Самсоновичу кто-то услужливо переслал статью на дом заказным письмом. Пенсионер послал в газету гневное опровержение. Как ни странно, желтеющая на глазах молодежная

газета поместила письмо бывшего Первого рядом с карикатурной фотографией высокого партийного чиновника, выступающего с трибуны последнего партийного съезда. Фото и текст объединили рубрикой: «Разве такие перестроятся?» В свое оправдание Прохор Самсонович писал:

«Я работал, как мог, теми средствами, которыми располагал, поэтому возникает вопрос: кто же на самом деле губит последние годы двадцатого века, ставшего для многих ужасным и невыносимым?»

– Он, Первый, как фараон, должен был в символическом смысле оплодотворять землю! – гневно воскликнул Лева. – А он не оплодотворял, потому что потерял свою мифологическую силу, в результате чего урожаи становились все ниже, доходя до отметки тринадцатого года. Первый, и ему подобные, развели на колхозных землях сорняки.

– Что за ерунду ты несешь насчет «оплодотворения» земли? Что мог сделать вопреки системе районный начальник?

– Не чужь, но вполне реалистическое событие, которое произошло со мной, – ведь именно я в отроческом возрасте оплодотворил эту вашу почву, сделав ее, если можно так выразиться, отчасти «демократической», я пробудил ее от дремучей закоснелости! – Лева выпил еще чашку портвейна и осоловел. Икая, щуря глаза, он вспоминал томительные детдомовские дни, когда, устав от тоски и ненависти к окружающим, через пролом в монастырской стене убегал на природу, воспринимая ее как добрую мать. Природа, как и всякая женщина, обладает фантастической пластичностью и таким же чудовищным эгоизмом. За ней, как и за каждой женщиной, простирается пустыня неведомой жизни, желтые разрушенные образы тех, кого она любила до тебя. И всегда в ней прячется ночь, ночь!

Он всегда стремился к одиночеству. Хотелось через это состояние, как через линзу, что-то истинное в себе увидеть. Подросток бледен, худосочен, прыщав, росточка малого. Жизнь «монастырская» с детдомовским уставом доводила порой до оцепенения – хоть от самого себя, живого, куски отрезай. Пионер, скоро примут в комсомол – откуда же постороннее лезет в голову и душу?

Запахи приторного детского пота, сырость заплесневелых коридоров, сводчатые потолки. Лабиринты старинных переходов ведут к трапезной, чуть дальше – туалеты с вечными лужами на выщербленном цементном полу.

Молодая розоволицая воспитательница Генриетта называла Леву «хрустальным мальчиком». Наверное, за то, что он редко шалил. Он помнил ее темные, сверкающие в сумерках волосы, взгляд ярких коричневых глаз – будто коньяк налит в зрачки. От Греты всегда пахло хорошим женским одеколоном. Ее вскоре почему-то уволили.

Леве от тоски по Грете хотелось рыдать, рвать на груди рубаху с номерным штампом, чтобы отлетали и шелкали по бетону самостоятельно пришитые пуговицы.

Трепеща от нечаянных прикосновений к холодным слизистым стенам, Лева однажды не выдержал и, уже по первым холодам, в начале октября, сбежал с уроков в ближнюю рощу.

Мчался, запыхавшись, через лесные поляны, холмы, скуля от стыда и влечения, пока не споткнулся, упав лицом в сухие колкие травинки. Отдышался, чувствуя, как трепет сердца передается вздымающемуся и опускающемуся болотному покрову. Качались пушистые колоски, выросшие на торфяном грунте. Под земляной шубой булькало накопленное за лето тепло болотной жижи.

Обнаружилось в следующий момент, что копка, на которую Лева давил животом, в ощущении мягкая и приятная. И вовсе не холодная, но согретая внутренними болотными соками, имеющая образ раздвинутых женских бедер, поднимающихся то вниз, то вверх плавным касательным образом. Слышался призывный болотистый всхлюп.

Поглаживал моховые груди, чувствуя низ ее живота – приворотного, наливающегося последней теплотой осени, источающего перебродный парной запах. Вдруг обнаружилось, что он проникает всей своей телесной горячностью в долгожданное мышинонорчатое, расширяющееся беспредельно, всхлипывающее грязевой втягивающей слизью.

Заплакал, заласкался, разогреваясь изнутри под прохладным равномерным дождиком, падающим мелкими каплями на спину, – до пота, до стога и ужаса, ощущая могучую причмокива-

ющую ласку, словно совокупился не с болотной кочкой, но со всей черноземной родиной, про которую ученикам талдычили на уроках краеведения.

От необычайности случившегося подросток хрипел и задышался, корчился, сжимался сам в себе до каменной твердости, устремляясь в природу, совокупившуюся с ним так неожиданно.

– Ах ты, земляной жених! – я невольно улыбнулся, подливая в треснутую чашку портвейн.

Я надеялся, что моя реплика раззадорит Левину фантазию, и он соврет еще что-нибудь. Сам же я в это время продолжал сочинять статью о сортообновлении зерновых культур на полях нашего района.

Лева еще что-то вспомнил, улыбнулся, зябко передернул плечами: то ли змея болотная, то ли мышь острозубая цапнула его за «эту самую штуковину», распалившуюся в норке до последнего трепета. Лева заорал на весь лес.

Проход Самсонович в тот воскресный день охотился на болоте. Сильная рука подняла Леву, торопливо подтягивающего штаны.

«Ты что здесь делаешь?» – будто гром, густой канцеляровитый голос.

«Этот монастырский, из приюта, – донеслось пьяное ворчание егеря. – Они часто тут бродят, дичь из луков стреляют, уток подранивают. Высечь бы его...».

Вывался Лева из медвежьих лап Первого, помчался обратно в монастырь. В общей комнате, где стояло коек двадцать, никого, все, наверное, на физкультуре. В слезах плюхнулся на свою койку и пролежал до ночи без ужина, согнувшись колесом от боли. Головка полового члена, раздувшаяся, как чудилось мальчику, до размеров воздушного шара, утягивала куда-то вверх.

Наступила ночь общего детдомовского сна. Лева не мог спать от боли в распухшем детородном органе, заснул лишь под утро, укутав больное окончание мокрым полотенцем.

– В ту ночь я понял, что высшее коммунистическое общество никогда не построится, потому что сперма моя в земле, а не в женщине. Я сделался полностью опустошенным, будто что-то главное, важное вытекло не из моих семенников, но из глубины мозгов, которые вдруг как-то скукожились, ум мой стал не таким острым, из отличников я вмиг скатился в троечники.

– Но ведь не полностью же они вытекли, твои мозги? – Я хотел его успокоить, однако он смотрел на меня с подозрительным прищуром, пытаясь понять: разыгрываю ли я его или говорю серьезно.

– Я внутри себя гений, – продолжал он задумчиво, с затаенным высокомерием, – но между моей кипящей гениальностью и жизнью, как стенка сосуда, стоит невидимое препятствие – грех, не позволяющий мне творчески реализоваться. Я удивлен, разочарован и задаю сам себе вопрос: почему после соития с землей, когда из ее сына я превратился в мужа, она вдруг лишила меня удачи и всяческой перспективы? Я жил дальше, как мог: читал книги, занимался самообразованием. А потом еще эстрада шестидесятых, в том числе и «Путники», уводящие советского мальчика из-под власти государства в область туманной лирики. В песнях тех лет звучало чистое, не оскверненное будущее. Я брел вслед за этими песнями в страну неясных грёз.

Мы помолчали.

– Каждый человек страдает от собственной глупости, – вздохнул Лева. – Мне странно вспоминать ту историю именно сейчас, жарким летом начала другого века, в пору либеральных общественных холодов.

Усмехнулся: оказывается, Первый тоже не забыл ту встречу на болоте. Даже спустя годы, когда Леву приняли в партию и назначили заведующим отделом сельского хозяйства районной газеты, Первый, как бы шутя, грозил Лева пальцем из президиумов различных заседаний и конференций, плутовато подмигивал.

Редакционных и типографских работников в начале июня обязательно посылали в колхоз тяпать свеклу. Лева, несмотря на свой «земляной» статус, в поле работать не любил. На свекольных грядках всегда стояла жара, вокруг стеной сорняки, которые надо рубить тяпкой на благо колхоза. Мы обливались потом и жутко уставали. Да, не любил Лева трудиться на «матушке-земле», даже свой огород не копал, нанимал мужиков за бутылку, и те рыхлили почву. Сам же Лева в это

время продолжал сочинять эпопеи о богатырях, питающихся соками от земли. Мужики, малость опохмелённые, неспешно налегали на лопаты, то и дело курили, ожидая, когда бородатый «анти-лигент» позовет их выпить по чарке водки и плотно, как и полагается землекопам, закусить.

ГИТАРА И ХУНВЕЙБИНЫ

В разгар жаркого дня Стриж любит поспать на берегу пруда в тени черемухи. Во время сна лицо его делается напряженным, словно он испытывает страдание.

Синеют многочисленные татуировки. Особенно хорош орел, запечатленный неизвестным мастером на безволосой тощей груди. От такого орла никто бы не отказался. Игорь, по возвращении в Москву, собирается наколоть себе такого же в специальной мастерской разноцветными чернилами, но не с одной головой, а с двумя. Две хищноклювые птичьи головы, как разъяснил молодой человек, – возможность выбора добром и злом.

Орел, наколотый на груди Стрижа истинным мастером, нравился даже тем, кто не любил татуировки. Когда Стриж вздыхал, орел плавно шевелил крыльями. Под крылом мелкие синие буковки: «Я не убивал!»

Середина августа, но духота не спадает даже к вечеру. В воздухе синий дым от горящих торфяников, временами от него першит в горле. Удушающие дымы стелются над полями, по которым все еще ползают неспешные, как жуки, комбайны, домолачивающие хлеб. Лесополосы на горизонте покачиваются в горячих волнах воздуха – будто через линзу на них смотришь.

Притихли в заводях лягушки. Зной перекачивается над рябью пруда, гаснет в зарослях лозин, приобретающих в солнечном мареве синий оттенок. Но в тени деревьев уже прохладно, особенно под рябинами, покрасневшими от гроздьев ягод. Деревенеющая к осени листва почти не шевелится. Иногда ветер начинает дуть с севера, и от внезапного холода на коже выступают мурашки. Картежники, не прекращая игры, поеживаются: засентябрило, мать твою! Потрепанные карты отскакивают от выгоревшей пружинистой травы.

В молодости Стриж всегда носил в кармане финку. Согласно неписаной моде финки имели при себе многие поселковые ребята. «Нормальный» парень, если он не «фраер», по тогдашним понятиям должен был хоть раз отсидеть в тюрьме, и обязательно носить в кармане финку.

Этим критериям в поселке удовлетворяли в полной мере Стриж, и еще несколько шалопаев, совершивших пару тюремных «ходов» по мелочам, вроде хулиганства или украденных банок с маринованными огурцами. Эти «преступления» раскрыл по горячим следам участковый Гладкий. Кстати, на весь район в то время насчитывалось около десятка милиционеров, они держали носителей финок в положенных рамках, отправляя иногда их туда, куда они так стремились – в тюрьму. После возвращения снова кража кур, велосипедов и т.д. – не из нужды, а ради «понта».

У Стрижа была одна судимость – помог одному мужику украсть с колхозного тока мешок зерна. Оба, сильно пьяные, попались Гладкому, сидевшему в засаде. Участковый, доставил их в отделение милиции, составил протокол, передал дело в суд. Отсидев два года, Стриж вернулся в поселок весь в татуировках, с «фиксой» во рту. В глазах местной молодежи он сразу стал «авторитетом», чуть ли не «паханом». Ему это нравилось. Пьяный куролесил, задибался. Его не раз били, в том числе и дружки. Гладкий иногда сажал его охолонуть на пятнадцать суток, финку регулярно отбирал.

Выйдя из милиции, Стриж покупал напильник, затачивал его на наждачном круге, мастерил себе новое «перо».

Темнота парка, блатные песни, скрипучая скамейка в зарослях американского клена – в этот «медвежий» угол даже участковый боялся заглядывать.

Пьяный Стриж с высокомерным видом отбирал у пацанов гитару и нарочито хриплым голосом пел тюремные песни, блямцая неуклюжими пальцами по жестким неподатливым струнам.

По кругу пускалась семисотграммовая бутылка с портвейном, почти невидимым в темноте. Пили из «горла» (с ударением на последней букве). Отпив несколько глотков и довольно крикнув, парень совал бутылку соседу. Тот осторожным, словно бы извиняющимся жестом, брал ее. В сумерках блес-

тели капельки темного, как кровь, вина на юном подбородке. За темноту и густоту этот портвейн еще называли «чернилами». И все же это был терпкий, духовитый и весьма приятный напиток.

Звенела на весь парк расстроенная гитара. Мальчишки, обступившие скамейку, с почтением слушали хриплый голос «барда», восторженно блестели в темноте белки глаз: «Во, Стриж дает!»

А Стриж совсем не умел играть, но страсть, с какой он отбивал ритм тощими пальцами, сби- вающийся на визг надрывный голос, повествующий о неудачных побегах «пацанов» из тюрьмы и о «кровавой руке прокурора», загнавшего за решетку «корешей», умилял ребятню до слез. Некоторым парням «блатная» жизнь и сидение в тюрьме казались гораздо привлекательней службы в армии или работы на заводе, а уже тем более в колхозе, в котором надо пахать от зари до зари. Сделаете две-три «ходки», и ты уже совсем другой человек, ты принадлежишь к великому «ночному» миру, страна перестает в тебе нуждаться, впрочем, как и ты в ней, но, рассердившись за такое невнимание, она время от времени делает тебя своим «зеком» – смягченный вариант раба.

Стилягами в узких брюках были пока еще только Вадим и его дружки, большинство парней все еще носили широкие прямые брюки, наборные ремешки, развевающиеся при ходьбе пиджаки, у некоторых куртки-вельветки, и обязательная стрижка под «полубокс» – чтобы ветер охлаждал затылок, шевелил заборные чубы. На головах разлапистые, лихо заломленные кепки, некоторые носили тюбетейки.

Стриж, откинувшись на спинку лавочки, нелепо взмахивал неуклюжей, будто из дерева, рукой, опухшие, красные даже в темноте пальцы колотили по обжигающим струнам. Звуки выходили то резкие, дрынкающие, то глухие, боночного оттенка. Он не пел, но выкрикивал: то хрипло, то визгливо, вздувались на узкой шее фиолетовые жилы.

Иногда исполнял куплеты о Ленинграде – выдумывал что-то свое, заунывное вроде: «Ленинград, мой пахан, я тебя никогда не забуду!..»

Парни выдергивали у него гитару:

«Пошел ты со своим Ленинградом!..»

Все знали, что Стриж мечтает съездить в этот город и собирает деньги на дорогу.

«Я – Стриж!» – горделиво восклицал он на весь парк, глотнув из бутылки. – Я – ленинградец!»

Жили Стрижовы, в основном, на колхозные заработки матери. В хозяйстве держали поросенка, кур. Возле дома имелся небольшой участок земли, сажали картошку. Стриж не помогал матери ни копать, ни сажать, он считал, что ему, имеющему «ходку» в тюрьму, несолидно работать лопатой и тяпкой. «Корефаны» увидят – засмеют. Чтобы вскопать землю, мать нанимала за магарыч еще крепких в ту пору пенсионеров – Иван Поликарпыча и Сидора Михальча.

Шагая через площадь и глядя на светящееся окно кабинета Первого, Стриж всякий раз вспоминал о матери, которая не спит, поджидая сына, подогревает суп на керосинке.

Горевала: тощий сын растет, как ни корми. А все потому, что родила его в послевоенном Ленинграде, после блокады. У многих матерей родились тогда хилые младенцы с сине-зеленой кожей, похожей на хлебную плесень. Одним из них был Вася Стрижов.

Заходил в дом, сгибаясь под низким потолком хаты, вешал гитару с алым бантом на гвоздь, садился за стол, покрытый жирной, как ее не оттирай, клеенкой, ел суп, иногда окрошку, от пшенной каши тоже не отказывался. Ел много, иногда через силу, борясь с отрыжкой. А все потому, что хотел стать сильным, тренировал мышцы – во дворе валялась самодельная штанга, которую с натугой поднимал каждое утро два-три раза, а больше не мог – сердце забивалось.

«Кто мой отец?» – пытался он расспросить мать. – В кого я уродился таким слабым и жалким, что только финка да гитара мне по плечу?»

Она шмыгала круглым деревенским носом, натягивала платок на глаза, молча уходила в сени. Хотела образумить Васю, пристроить на работу – но трудиться для Стрижа было «западло» – популярное в то время словечко.

Бдительный в идеологическом отношении бывший политзек Пал Иваныч полагал, что это слово это в нашу страну внедрило и популяризировало ЦРУ, чтобы население положительно воспринимало образ «Запада», навязчиво звучащий в этом слове.

Ветеран партии блатных терпеть не мог, навидался таких в лагере, а к Стрижу тем более относился презрительно: «ни рыба, ни мясо». Стрижи – сироты увядающего социализма, они никому не нужны, разве что грядущий капитализм возьмет этих полубандитов к себе в услужение.

«Почему же социализм «увядает»? – попытывался я у ветерана революции. – Партсобрания проходят, всюду плакаты, призывы, лозунги, в Москве то и дело съезды, пленумы, конференции. Ученые доказывают, что мы уже социализм построили!»

«Да уж, построили... – ворчал бывший политзек. – Это только на бумаге надои, привесы, тонны чугуна. А вечерами по улицам бродят парни с финками. Они, что ли, будут достраивать этот никому не нужный «социализм»? Ребята подрастут, выбросят финки, начнут делить имущество, нажитое рабским трудом пятилеток».

«А Вадим? Он же никогда не ходил с финкой».

«Тот тем более своего не упустит. Их будет много, таких Вадимов – заколышется, зашелестит долларами новая буржуйская Русь!»

«Ну и пусть жируют на здоровье. В России полно бесхозного добра!»

«Дело не только в собственности. Я, дорогой товарищ пионер, читал Маркса, но так и не понял, к чему наш главный вождь там клонит. Вадимы сплотятся, создадут новую капиталистическую идеологию, по которой люди еще сотню лет будут жить по волчьим законам. Они отменяют двадцатый век и вычеркнут его из истории. А век, товарищи, был воистину пролетарским – век надежды!»

КАКОЙ-ТО ПАРЕНЁК

В тот вечер тощий хулиган скучал, поглядывал на танцующих, поигрывая финкой с наборной ручкой. Когда его вызвали из ДК трое пьяных балбесов, Стриж оживился – хоть что-то сегодня произойдет!

Вадим, крепко пьяный, сказал: выведи какого-нибудь «фраера», хочется кулаки почесать... Его приятели сонно кивали, покачивались – «пацаны-колотуны», кулаки в карманах.

«Сделаем!» – воскликнул Стриж, довольный тем, что «золотая молодежь» нуждается в его услугах. Вернувшись в фойе, подошел к первому попавшемуся десятикласснику, уверяя, что того на улице ждет «кряля».

Парнишка, почуяв неладное, не хотел идти вместе с пьяным Стрижом, мнушим слюнявую папиросу в уголке ухмыляющегося рта.

«Иди, а то перо в бок...» – пригрозил на всякий случай Стриж, продолжая улыбаться, сверкнули железные «фиксы».

Парень вздохнул, поплелся вслед за Стрижом. Завернули за угол, и Стриж без всяких разговоров отвесил пацану оплеуху. Из кустов с хрустом выломилась троица, сбила юношу с ног, принялась колотить ногами.

Стрижа оттолкнули в сторону. Тот, видя, что дело оборачивается дурно, протрезвел, крикнул тонким голосом:

«Харэ, кореша! Бить ногами запаadlo!»

Из его кармана выпала финка, ставшая позднее главной уликой. На пластиковой рукоятке было вырезано крупно «С-Т-Р-И-Ж». Утром на затоптанной траве нашли также недокуренную папиросу «Беломорканал». И хотя анализа слюны в те годы делать не умели, Стриж на следствии признался, что папироса его.

В тот злополучный вечер он с трудом оттащил распалившихся хулиганов от скорчившегося на земле паренька.

«Вы что, грохнуть его решили?»

«Да нет, развлеклись маленько... Пойдем, корефан, водку пить, Вадим угощает!»

Вадим вытер остроносую туфлю правой ноги о траву, огляделся по сторонам, велел оттащить стонущего парня в кусты – очухается!

«Зря мы это... – озирался сын военкома. – Лучше бы чувака на дороге отдубасили, а этот хлипкий попался, кони может двинуть...»

«Ни фига ему не сделается, – хмыкнул сын директора молзавода. – Мы часто кого-нибудь метелим, и ничего...»

«У меня отец как-никак Первый! – хрипло бормотал трезвеющий Вадим. – Люди узнают, как я тут развлекаюсь, в область донесут, отца с работы снимут, из партии исключат!..»

«Нужного человека не снимут...».

«Идемте к колонке, руки мыть...».

Стриж, слыша стоны, доносящиеся из кустов, сказал, что надо отнести парня в больницу, подбросить на порог, вроде бы он сам пришел.

Уставшей троице не хотелось тащить избитого через весь поселок, не терпелось залить душу водкой. Сторож местного ресторана мог выдать Вадиму в долг по «ночной» цене хоть ящик.

Страшный слух по всему райцентру: убили!.. в кустах нашли!..

Отрезвевшая перепуганная троица пробралась тропинками в сарай Стрижа, где тот ночевал летом.

Поначалу накинулись друг на друга:

«Ты его под дых с носка!..»

«А ты в ему в лицо подошвой...»

«Неужели он все-таки умер?...»

«Что же теперь делать?...»

«Ша, пацаны, умолкли!..»

Бледные лица, дрожащие ладони. Поглядывали то на Стрижа, то на Вадима.

Стриж молчал. Ему расхотелось изображать из себя уголовного «авторитета».

«Зачем мне ваша мокруха? – Стриж с трудом выдавливал слова, чувствуя себя со всех сторон липким, влажным, духовитым. – Говорил вам: хватит бить! А вы будто с цепи сорвались!».

Он с трудом сдерживал злость.

«Думай, Стриж, думай! – произнес Вадим тихо, но отчетливо. – Ты ведь первым ударил, значит, ты и затеял драку. Кроме того, все видели, как ты выводил парня на улицу. Тебе и придется за все отвечать».

«Почему же я? Это вы, звери советские, забили парня насмерть ногами. Я отвесил ему всего лишь пощечину».

«Вот тебе и пощечина... Думай, Стриж, думай!.. Мы тебя *там* не забудем. За решеткой будешь жить как король. И дадут тебе мало – адвоката московского наймем, наши паханы-родители де-нег не пожалеют».

«Зачем это мне?»

«Объясняю: от статьи тебе не отвертеться. Кроме того, ты уже бывал *там*, Стриж!.. Где твоя финка?»

Стриж снял брюки с гвоздя, вбитого в стену, начал шарить по карманам. Финки не было.

«У настоящих корефанов давно стволы, а он все «перышком» поигрывает...»

«Ладно, я подумаю... – Стриж закрыл глаза. – А сейчас уходите отсюда!»

Ближе к полудню пришел участковый Гладкий, крепко взял Стрижа за руку: пойдём!

«Я ведь тебя предупреждала, что доиграешься!» – причитала мать.

Участковый дернул его за рукав и повел сажать в кутузку.

ВРЕМЕННОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

Вадим даже не потрудился смыть пятна крови с заостренных носов модных тувель – их в то время называли «лодочками». Прохор Самсонович видел из окна своей комнаты, как сын выносит запятнанную одежду во двор, заворачивает в нее кирпич, обвязывает шпагатом и топит в бочке с дождевой водой.

«Конспиратор, понимаешь! – выругался мысленно Первый. – Что же он на сей раз натворил?»

Утром в его рабочий кабинет пришел начальник милиции Шкарин и доложил об убийстве десятиклассника. Убийца уже арестован – известный хулиган Стрижов.

Вечером того же дня Прохор Самсонович, войдя в дом, хлестнул Вадима ремнем, но стилига даже не вскрикнул. Допросил его. Вадим отнекивался: пьянствовал, дескать, ничего не знаю. У него алиби – он был в ресторане соседнего городка, ездил туда на мотоцикле, его видела официантка Люся.

«Какая еще, понимаешь, Люся? – рассвирепел отец, и принялся лупцевать стилигу ремнем вдоль и поперек. – Я тебе покажу Люсю!»

В последующие дни Первый старался не обращать внимания на досадные слухи, будоражащие поселок.

В районе росли надои и привесы, повышалось плодородие полей, впервые в области по личной инициативе Прохора Самсоновича был проведен семинар по внедрению широкозахватных агрегатов. Механизаторы и агрономы ворчали – как в нашей местности применять широкозахватные агрегаты, если кругом холмы да овраги? Областное начальство опыт одобрило, но внедрять его не спешило. Пока шло следствие, Первый вел себя так, будто ничего не знает: собирал совещания, стучал кулаком по столу, требуя нужных результатов, словно бы не замечая позора, творящегося за его спиной.

Однажды во время проведения райпартхозактива с ним случилось что-то вроде истерики: он встал из-за стола, выкрикнул в зал несколько матерных, ни к кому конкретно не обращенных фраз, погрозил вдалеку кулаком.

Партийно-хозяйственный актив оцепенел.

Наваждение не отступало, и Первый закричал тонким голосом, стаскивая со стола президиумную зеленую, в чернильных пятнышках скатерть, – с грохотом свалился на пол графин и, расплескивая воду, со стуком покатился по доскам.

«Да отстаньте вы от меня со своими надоями и привесами! Что вы ко мне привязались? Какое мне дело до перевыполнения плана?»

На трибуне в этот момент находился очередной выступающий, сказавший в адрес районного руководства много лестных слов. Оратор очень перепугался, хотя его слова имели к выходке Первого лишь косвенное отношение.

Люди, сидящие в зале, думали об одном и том же.

В следующий миг Прохор Самсонович взял себя в руки.

«Никто не знает, как мне тяжело! – думал он, глядя на расплывающиеся перед глазами лица. Опираясь ладонями о мокрый стол, стараясь сфокусировать взгляд. Кто-то из присутствующих товарищей осторожно поднял графин, поставил его на стол. – В зале, и даже в президиуме, нет ни одного человека, которому я мог бы по-дружески все рассказать. Что же это за социализм мы такой построили, если комсомольцы убивают друг друга просто так, если суд творится несправедливый, если каждый человек живет сам по себе?»

Сделав глубокий вздох, Первый призвал собравшихся к спокойствию, после чего партийно-хозяйственный актив продолжил работу.

Прохор Самсонович взял графин и, прямо из горлышка, допил остатки теплой воды, успокоительно промчавшейся по пересохшему горлу. Поставил графин на место, кашлянул в кулак, велел выступающим соблюдать регламент.

Шагая домой после совещания, Прохор Самсонович замечал, что встречающие люди почему-то отводят от него глаза.

Жаркое, без единой тучки небо, палящее солнце. Бесхозяйственность в руководстве, засуха в душах. Ненависть разрывала провинцию на куски, пузырилась гроздьями опухолей на человеческих лицах.

СЛЕДСТВИЕ

Разбирательство по убийству десятиклассника проходило через пень-колоду. Первому старались об этом деле не напоминать.

Но уже тогда сердитые старушки грозили ему вслед закорюченными пальцами: девку задавил, а всю вину свалил на несчастного Костю. Сынок-бандит школьника ухандокал, и всё-то им сходит с рук!

Прохор Самсонович позвонил прокурору и потребовал, чтобы тот быстрее заканчивал «эту волюнку». А сам думал: надо шалопаю в институт устраивать, чтобы не болтался в райцентре и не портил отцовский авторитет.

Оформлялись следственные документы, не за горами был суд. Блудливо-виноватая физиономия стилига маячила дома. Домработница Глафира жаловалась: Вадимчик ворует вашу водку, весь ящик изничтожил, и наливка из подвала куда-то делась...

Вадим перестал ходить в кино, на танцы, слушал без конца своих «Путников». В то же лето «золотая» троица обзавелась мотоциклами – модными «Явами» и «Чезетами». Гоняли в лес, на речку, в соседний городок, кутили в компании девушек.

С отцом Вадим был предельно вежлив, старался не попадаться ему на глаза. До сего дня не желавший слышать об учебе, он сам теперь хотел скорее поступить хоть в какой-нибудь московский институт. Торопил Прохора Самсоновича: давай, батя, действуй! Надоел мне ваш глупый поселок!

Исчезла вдруг из комода зарплата Первого, из которой не успели потратить ни копейки. Прохор Самсонович наорал на стилига, а тот знай себе, ухмыляется: ничего, дескать, не знаю. Сам трезвый, значит, деньги пошли на какое-нибудь «дело». Он ведь намекал, что надо будет откупаться... Кроме того, Вадим попросил отца снять еще четыреста рублей с книжки. Дескать, надо передать матери Стрижа на лечение. Отец тут же выполнил его просьбу.

По слухам, – и откуда люди всё знают? – тысяча двести рублей, которые собрали три приятеля, чтобы передать матери Стрижа, до нее так и не дошли, потому что собранную сумму вызвалися передать именно стилига. Прохор Самсонович стал замечать в комнате Вадима дорогие вещи – магнитофон «Яуза», фотоаппарат «Киев», и рябиновую настойку у матери перестал воровать – от парня разило армянским коньяком и дорогими сигаретами.

СУД

Стриж, как и договаривались, взял вину на себя. Местный народ знал, что дело тут не в обещанных деньгах, которых Стриж и его мать так и не получили: парень все-таки замешан. Зеваки в зале суда недоуменно поглядывали на Стрижа: неужто этот плюгавый мог в одиночку забить до смерти крепкого десятиклассника, футболиста?

Свидетели подтверждали: Стриж вывел юношу на улицу. Следствие предъявило неоспоримые улики.

Я тогда был мальчишкой, толкался в толпе, мне почти совсем ничего не было видно. Маячило вдалеке бледное лицо Стрижа с выступающими костями скул.

Металлической решетки в те годы в зале суда не было – скамья из цельной доски, на которой обычно сидели подсудимые, отгораживалась от зала деревянным барьером, похожим на балкончик. Стриж почти все время стоял, опираясь на перила. Я не мог понять, на кого Стриж смотрит. Они, все трое, тоже были здесь, не могли не прийти. Договаривались не приходить, но усидеть дома не смогли.

Одеты скромно, прислонились к стене со сложенными на груди руками, жадно втягивают ноздрями воздух – спёртый, пропитанный людскими испарениями и затаённой ненавистью к ним. Прячут глаза – здешний народ, сволочь, всё знает!.. Факт для массы ничто, а вот правда всегда под рукой, зато слова, журчащие в устах судьи, нужны лишь мертвой букве закона.

Настроение неопределенного ожидания висело над судебным заседанием свинцовой радугой. Истина по привычке надела маску, улицы поселка полнились шепотками.

Участковый Гладкий тоже всё знал, время от времени на его круглом розовом лице возникала кислая затаенная улыбка.

Он сидел в первом почетном ряду, почти не шевелясь, изредка одергивая портупею. Форменная фуражка с кокардой лежала у него на коленях. Так надо! Это «надо» Гладкий осознавал намного четче, чем любой другой житель поселка.

«Кто находился в тюрьме, тот обязательно туда вернется! – сказал на процессе Гладкий, имея в виду Стрижа и ему подобных. – Много вольностей стало предоставлено народу! Надо всех заставлять фактическим образом исправляться!»

В перерывах «золотая» троица выходила на порог, жадно курила, а все на них потихоньку смотрели. Зато водку целую неделю, пока шел суд, не пили, терпели изо всех сил. Надо выждать, и тогда хоть в стельку, глухо и утробно, без тостов, зато, как живые, зазвенят наполненные доверху граненые стаканы. Напившись, набьют друг другу физиономии, порвут рубахи и, вытирая кровавые сопли, скуля и подвывая, разбредутся в разные стороны. Но до этого «мероприятия» еще далеко.

Бледные, с блестящими от волнения глазами, они напрягались при каждом вздохе медлительного судьи, восседающего в скрипучем кресле, изготовленном здешним плотником бог весть в какие времена. Чуть выше седой неподвижной головы судьи, на спинке кресла различался резной, небрежно обновленный масляной краской герб с колосьями.

По обеим сторонам судьи две пожилые заседательницы с морщинистыми отрешенными лицами, обе важные до омертвелости, листают беспрерывно бумаги.

Сидел на своем месте бледный, будто восковой, прокурор.

Бесплатная адвокатша оказалась рыхлой пожилой теткой, которая, запинаясь, читала по бумажке оправдательную галиматью. На круглой голове юридической женщины редкие, крашенные в ярко-красный цвет волосы, сквозь которые просвечивает белая кожа головы.

Толпа в тесном зале размеренно покачивалась. Люди, плотно прижатые друг к другу, с трудом дышали, узнавая друг друга со спины, по одежде.

Судья изредка моргал и, кажется, никого не слушал, хотя и задавал по привычке вопросы. «Что он сказал?» – перекатывались по залу взволнованные шепотки.

«Хрен его знает...»

«Замолчите вы, глупые люди, ничего не слышно...»

«Стриж ему чево-то отвечает...»

Прокурор, очнувшись, попросил для Стрижа двадцать лет.

Адвокатша читала свою непонятную речь, истомленная духотой, она запинаясь на каждом слове. Дескать, Стриж убил, но вроде как нечаянно. Ее никто не слушал, знали, что ритуал такой.

Делегация выпускников требовала для Стрижа высшей меры.

Матери его в зале не было. Она давно слегла, сельский доктор не мог понять, чем она болеет.

После перерыва судья продолжал читать приговор: монотонное неразборчивое бормотанье. Пушистая седина сияла нимбом над узким лицом, плавала на фоне крашеной стены как мертвая. Набрав в прокурорные легкие воздуха, которого все равно не хватило бы для завершения фразы, судья на выдохе прошелестел обескровленными губами: двенадцать лет!

«Ого!» – пронеслось по залу. И непонятно было: довольны люди таким приговором или это смутный протест.

Мне этот срок казался немыслимым, двенадцать лет были длиннее всей моей тогдашней прожитой жизни.

Судья снял мутные, залапанные очки, оглядел односельчан высокомерным туманным взором.

Подсудимый низко опустил стриженую голову, казавшуюся синей в сумерках зала.

«Брехня все это! – воскликнул какой-то пьяный. – Отпустите человека домой, у него мать помирает!»

Судья неожиданно бодро вскочил с места, указал пальцем на пьяного, рявкнул прорезавшимся басом:

«Пятнадцать суток ему за нарушения правил порядка в суде!»

Участковый протискивался сквозь толпу, чтобы арестовать кричавшего, которого узнал по голосу. Балбесу несдобровать: Гладкий его обязательно найдет, доставит в отделение. Мужика постигут наголо, посадят в камеру и уже завтра утром он будет махать метлой возле Дома культуры.

Стриж стискивал маленькими ладонями стертые до блеска перила. От последнего слова он отказался.

Люди молча толпились у дверей, стремясь скорее выйти наружу. Шуршали по деревянным доскам пола подошвы. Тихий невнятный голос:

«Не Стрижа надо сажать, а вон тех... Скоро папаши будут устраивать им хорошее будущее...»

Стриж вдруг распрямил плечи, поднял голову. Впервые за последние дни он взглянул на «ко-решей».

Сын военкома и сын директора молзавода торопливо опустили головы. И только Вадим внимательно, словно гипнотизер, смотрел Стрижу прямо в глаза. Взгляды их сошлись в какой-то кипящей точке.

Судья объявил приговор, дряблой рукой приподнял обшарпанный деревянный молоточек, стукнул им по подставке, произведя щелчок, после которого по залу пронесся вздох – от древесного звука открылись клапаны человеческого дыхания.

«Товарищи! – медленно заговорил судья, продолжая стоять, молоточек в его дрожащих руках весело приплясывал. – Вы должны сейчас понять то, что я хочу сказать именно вам...»

Зрители направились было к выходу, но после слов судьи остановились, обернув головы, а те, которые сидели в многочасовой полудреме, шире открыли глаза.

«Вы знаете, товарищи, в какую эпоху мы живем и каким образом мне приходилось наказывать преступников в рамках соблюдения закона... Я много лет работаю здесь, вы голосовали в качестве избирателей за Ивана Поликарпыча Горшкова, то есть за меня...» – на миг он выпрямился, голова наклонена, взгляд направлен на стол, заваленный бумагами.

Гладкий в этот момент вцепился в рукав пьяного, настигнув бедолагу у двери. Оба на секунду остановились, заслушав дребезжащий тенорок судьи. Гладкий еще сильнее выкатил круглые оловянистые глаза, пьяный продолжал ухмыляться, грозил пальцем – не судье, а как бы всем собравшимся: ужо вам!

«Отпусти его! – приказал судья участковому. – Я прощаю этого человека, он в следующий раз не будет нарушать правила поведения в суде... Я, товарищи, собираюсь на пенсию, это мое последнее заседание. Я прощаюсь с вами и, надеюсь, вы поймете смысл этого прощания...»

Пьяный с горделивым видом качнулся, освобождаясь от железной хватки милиционера. Уходить он не спешил, а продолжал грозить своим медлительным пальцем уже куда-то в потолок, и весь наш народ с испугом смотрел на него: ишь, какой тип! Люди, теснясь, наступая друг другу на пятки, выходили на свежий воздух, под высокие столетние тополя, растущие возле здания суда. Деревья шумели на ветру ракетным ревом эпохи.

ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЬЮ

Стриж попросил конвойных милиционеров, чтобы те завезли его домой, попрощаться с матерью.

Те переглянулись, не зная, как быть.

Стриж повернулся к Гладкому:

– Григорий Абакумыч, помогите...

Участковый обычно не разговаривал ни с кем, лишь иногда словно бы скрипел отдельными протокольными фразами. На сей раз он поправил на голове форменный картуз и граммофонно выдавил из себя:

«Рекомендуется выполнить такую возможность и посетить в начале движения данную родительницу».

«Спасибо, Григорий Абакумыч, век не забуду, дай вам бог здоровья!».

...Соседка Акси́нья, сидевшая у постели умирающей, охнула, увидев сразу трех милиционеров, а среди них тощего Васю.

В маленьком доме белела в сумерках холодная печь. Акси́нья иногда протапливала ее соломой, чтобы сделать для больной «теплый дух».

Гладкий подошел к окну, отдернул пыльную занавеску.

Акси́нья, приподняв голову больной, поила ее из закопченной алюминиевой кружки.

Глаза матери остекленело и влажно смотрели на подошедшего сына. У дверей стояли милиционеры. Красные околыши на фуражках светились как фонари. Мать перестала глотать, струйки молока потекли по серым бескровным щекам.

Соседка убрала кружку, вытерла больной лицо.

Конвой присел на скрипнувшую деревянную лавку. И только Гладкий продолжал невозмутимо стоять на своих коротких, широко расставленных ногах, обутых в яловые, начищенные до блеска сапоги.

Стриж поправил белый платок, сползший матери на лоб – она откинулась на подушку. Синие, с чернотой, губы втянулись в провал беззубого рта.

Странно было видеть, что эта ловкая, вечно хлопочущая женщина лежит неподвижно. Всю жизнь она работала, с детства умела жать ручную рожь и пшеницу, вязала аккуратные снопы.

Перед войной Фрося была мобилизована в поселок Шувалово под Ленинградом, на торфоразработки. В то время там работали девушки со всего тогдашнего СССР. Ленинград отапливался торфом, требовалось его очень много, городские предприятия также работали на торфе.

Война началась внезапно, девушки очутились в блокаде, в холоде и голоде. Две девушки обязаны были нагрузить за день вагон торфа, приходилось работать по семнадцать часов в день, обеденного перерыва хватало лишь на то, чтобы сходить в столовую. Кормили один раз в день похлебкой, кроме того, выдавали в сутки по четвертушке хлеба на человека.

Выходили на работу в снег и дождь. Налетали «юнкерсы», падали с неба воюющие бомбы, женщины прятались в торфяные ямы.

В сумерках возвращались в холодные сырые бараки.

Иногда девушек посылали рыть противотанковые рвы, а вражеский самолет кружил над ними, сбрасывал листовки. Для полуграмотных девчат немецкие специалисты по пропаганде сочинили частушки:

Ленинградские матрёшки,
протяните скоро ножки.
Готовьте для баланды ложки –
сегодня не будет бомбежки!

Ленинградские дамочки,
ройте глубже ямочки.
Через ваши ямки
прыгают наши танки!

Но женщины строили укрепления на совесть и фашистские танки к Ленинграду не прорвались.

На торфоразработках каждый день умирало несколько человек. Выжили самые выносливые, среди них двадцатилетняя Фрося, к ней хорошо относился повар столовой, подкармливал...

После прорыва блокады, опять-таки с помощью повара, устроилась горничной в гостиницу «Октябрьская». Вася родился уже в сорок девятом. Некоторое время Фрося была в домработницах у большого ленинградского начальника. Васю поместили в интернат, мать работала без вы-

ходных, ей запретили встречаться с подругами. Чтобы она не могла ничем заразиться и заразить хозяйских детей, ей было запрещено ходить в кино и ездить в трамвае. После возвращения из магазина с продуктами, она мылась в закуске для прислуги.

Так жить было невозможно, и Фрося вернулась из Ленинграда в поселок.. Снова пошла в колхоз: полола рожь, веяла зерно на току, тыпала свеклу.

Бабы судачили: Вася родился у «бляди ленинградской» от Прохора Самсоновича. Недолюбливали Стрижову: она говорила по-городскому, не «чавокала» и не «почямукала», хотя так же работала за трудовни, или, как тогда говорили – за «палочки».

В районном ДК каждую осень устраивались сельскохозяйственные выставки, проходили собрания ударников. Первый вручал передовикам грамоты, ценные подарки: для женщин отрезы крепдешина, мужчинам – хромовые сапоги. Позже, когда колхозы стали финансироваться государством, ударницам вручали хрустальные вазы. Лучшая свекловичница колхоза «Путь к коммунизму» Ефросинья Стрижова каждый год выходила на сцену, после того, как ведущий объявлял ее имя. Темные ладони, выглядывающие из рукавов серой кофты, странное лицо с потупленным взглядом. Однажды, получив грамоту и вазу, невысокого роста женщина, по привычке согбавившись, поклонилась Прохору Самсоновичу, словно старинному барину. И все же поклон был не глубокий, не крестьянский, а короткий, колхозный.

Сходя со сцены по крутым ступенькам, Стрижова споткнулась – ваза выскользнула из ее рук, упала с двухметровой высоты в зал, с хрустом разбилась.

Прохор Самсонович так огорчился, что даже вскрикнул – Стрижовой тут же выдали вместо вазы транзисторный приемник, предназначенный передовому трактористу, который в тот день загулял и на торжество не явился.

Вася рос тощим, синюшным от плохой еды и долгое время был маленького роста. Все знали, что в Ленинграде он родился недоношенным. Однажды в школьном коридоре его поймала твердая и в то же время теплая женская ладонь, встряхнула, словно тряпичную куклу:

«Ты, штоль, Стрижов?»

Он затравленно кивнул. Очень уж строгой казалась эта тетка с черными усами над верхней губой. Волосы на ее голове были уложены аккуратным и модным в ту пору венчиком. Она обернулась к директору, следовавшему за ней с педагогически невозмутимым выражением лица:

«Запишите Стрижову талоны на дополнительное питание!»

Учителя, сопровождавшие заведующую районным отделом образования, сдержанно улыбнулись. Видимо, кто-то ей подсказал, что надо подкормить мальчика-сироту, родившегося в послевоенном Ленинграде, куда Прохор Самсонович ездил на экскурсию в сорок восьмом году вместе со слушателями Высшей партийной школы, которых поселили в гостинице «Октябрьская», где горничной в то время работала Ефросинья.

На следующий день директор пришел в класс, чтобы торжественно вручить мальчику из «неполной малообеспеченной семьи» талоны на питание в школьной столовой.

Стриж вышел на подгибающихся ногах к доске, директор протянул ему листок с неразрезанными квадратиками талонов. Стриж отшатнулся:

«Я не хочу есть! Я – ленинградец!»

Ребята засмеялись.

Директор скомкал талоны и молча покинул класс.

Дома мать по привычке сушила и собирала на черный день хлеб, картошку всегда варила неочищенную, за обедом съедала парящую кожуру, аккуратно посыпая ее солью. Если крупинка соли падала на стол, мать тут же нащупывала ее чутким пальцем, и, дождавшись, когда крупинка прилипнет к коже, отправляла в рот. Несет, бывало, поросенку месиво из отрубей, и непременно зачерпнет на ходу щепотку, торопливо съест, да еще пальцы обсосет с чмоканьем. На недоуменный взгляд сына виновато улыбалась: это я пробу снимаю!

Иногда уборщица молзавода Полина, возвращаясь с работы, приносила матери сметану и творог – не очень свежие, зато даром. Мать поначалу отказывалась, говорила, что у них всего

хватает, однако, Полина, уперев руки в бока, топала ногами, ругалась и так смотрела на мать, будто знала про нее что-то особенное.

Сердитая тетка Марфа в шестьдесят третьем году при всех ругала Ефросинью в магазине за то, что та не пропустила ее без очереди за кукурузным хлебом.

«Ты рабыня! – кричала баба на весь магазин. – Ты жрала человечину в Ленинграде, закусывала торфом... Почему ты всегда молчишь? Почему не хочешь, чтобы мы всё про тебя знали?»

Мать Стрижа молчала, теребя талон на хлеб, где было написано крупно – «Стрижова», а сверху, как татуировка, синяя сельповская печать.

«Я не рабыня – я находилась в блокаде, работала на страну... – лепетала ошеломленная Ефросинья. – Становись, если хочешь впереди, хлеб по спискам дают, все получим по буханке на руки».

Марфа встала впереди, тесня крупным телом гомонящую очередь, но вдруг Стриж, тогда еще подросток, достал из кармана финку, приставил ее к мощной груди скандалистки: «Если ты, сука, еще раз назовешь мою мать рабыней, я тебя зарежу. В Ленинграде не было рабов – мы там сражались!»

Женщина побледнела, боком вытиснулась из толпы, запрудившей магазин, крикнула от дверей: «Подстилка ты Прохор Самсоновичева, а твой бандит – его выблядок!»

Побежала домой, забыв про хлеб. Запах желтого кукурузного хлеба был особенный – терпкий, слащавый, обещающий нам, сельским ребятишкам, что-то хорошее, заграничное.

Спустя годы, вернувшись из тюрьмы, Стриж зачем-то полез на чердак и там, среди пыли и хлама, нашел полдюжины мешков, набитых сухими хлебными корками: мать по привычке сделала запасы. Стриж сбросил мешки вниз, чтобы отдать сухари соседке – годятся на корм домашней живности. Мешки с треском падали, словно были набиты костями.

«... Необходимо завершать свидание и разговор!» – произнес Гладкий, стоящий посреди хаты все в той же позе.

«Ма!..» – Стриж взял обессиленную белую ладонь со следами твердых мозолей, сжал ее тонкими мальчишескими пальцами. И молчал, не зная, что сказать.

В почти покойником лбу, в светлом хряще заострившегося носа, в узком крестьянском подбородке поросшим пухом старости вдруг проявилось что-то ленинградское.

«Скажи, кто мой отец?» – спросил Стриж потухшим голосом.

Мать приоткрыла рот, послышался хрип, приподняла дрожащую руку.

Участковый подошел к Стрижу, положил на костлявое плечо тяжелую, будто из железа, ладонь, вкрадчиво произнес:

«Про это не следует дознаваться!»

Гладкий смотрел на Стрижа улыбочиво и в то же время напряженно. В его взгляде сельская деликатность сочеталась с гневом казенного человека, который вынужден в данный момент из-за глупых человеческих причин нарушать инструкцию.

ПРОНЕСЛО!

После суда стилига вместе с приятелями укатил в соседний город. Пили, ели с облегченной душой. Стриж, корешок, балбес, и в то же время молодец! Сделал, как велено было! Пусть гордится своим идиотским «подвигом», рассказывает сокамерникам о своей стойкости.

Устроили в ресторане дебош, попали в милицию. Пришлось Первому ехать выручать оболтусов из кутузки.

Один из трех подельников был сын военкома – того самого, который застрелился спустя месяц в своем кабинете. По официальной версии -- полковник погиб в результате неосторожного обращения с оружием. Жители поселка думали, как всегда, по-другому...

В то же лето Первый устроил своего стилигу в Москву, в институт на экономический факультет.

Пока стилиага учился на экономиста – много денег, бараньих, телячьих и свиных тушек уплыло в Москву. Вадим успешно делал карьеру, мелькал по телевизору на «круглых столах», выпустил книгу на тему экономики развитого социализма. Были в ней и новые идеи. Из-за этой книги его чуть ли не в диссиденты записали. Он давал интервью в газеты, ратовал за кооперативы и свободный рынок. У него появились ораторские жесты, манера говорить прищурясь, почти всегда с иронией. О досадных эпизодах его «стиляжной» молодости никто уже и не вспоминал.

Кореш, сын директора молзавода, с помощью друга был пристроен на неплохую должность в министерство.

А вот третьему из этой компании, сыну военкома, не повезло. После смерти отца парень стал окончательно спиваться, бродил по райцентру небритый, неряшливо одетый, бил себя в грудь, плакал, утверждая, что он знает «тайну районного масштаба». Но кому теперь нужна полузабытая «тайна»?

Почти бомж, но все равно в нем оставалось что-то военное, отцовское, даже чубчик волос свисал наискось четким манером.

Несколько раз его видели на кладбище, где он, покачиваясь, двигался между могил, опираясь на скрипучие ограды. Старушки пришли к выводу, что парень «колдует», пытаются получить прощение.

Прохору Самсоновичу надоело слышать о блужданиях сына военкома, и он распорядился, чтобы его отвезли в ЛТП для принудительного лечения от алкоголизма. Долгое время о сыне военкома не было никакого слуху, потом пришла весть о том, что он угорел вместе со своей сожительницей во времянке на окраине Металлограда, где отбывал «химию» за мелкую кражу.

Стриж отсидел срок от звонка до звонка, ни года ему не скостили.

Соседка Асинья прислала письмо: мать, Ефросинья Ивановна Стрижова, умерла через неделю после суда, похоронена за счет сельсовета.

САМОГОН – СТАРИННЫЙ ДРУГ!

– Как был скупой Вадимка, так и остался! – ворчит Прохор Самсонович после отъезда Вадима, когда мы остаемся в палисаднике вдвоем. – Я у него денег на лекарства вчера просил, так он задумался и уточнил: «Сколько тебе, отец?» И так небрежно, понимаешь, подал бумажку в сто долларов...

Старик роется в кармане пиджака, находит темно-зеленую, блеклую в вечернем свете купюру: – Вот она, голубушка!.. И в диком сне не могло присниться, что американскими деньгами будем пользоваться! Слушай, а не купить ли нам на эти доллары самогонки? – Розовое на закате лицо озаряется радостью.

Я засомневался: какой самогонщик сможет разменять сто долларов?

Старик уходит в дом и возвращается с российской сторублевкой, несет ее, зажатую двумя пальцами, и она колышется, как флажок. – Вот, нашенская!

В райцентре, под алым шатром заката, возникает бухающий ритм дискотеки, мы оба вздрагиваем.

Прохор Самсонович в последнее время из спиртного предпочитает самогонку. Водка, дескать, стала «жульническая», от нее по утрам плохо. А самогонка напоминает о прошлых временах – много ее, матушки, выпито!

Иду к Гене по прозвищу Дёрганный, сорокалетнему инвалиду. Гена болен с детства, походка у него «ломаная», движения как у робота. К нему можно стучаться в любое время суток, с пустыми руками не уйдешь.

Дверь террасы открыта, на газовой плите жарятся караси, обваленные в муке, масло вскипает пузырями. Молчаливая сожительница, наклонив пухлое, с «фингалом», лицо, переворачивает карасей лопаткой, они шкворчат еще пронзительнее.

Гена Дёрганный сидит за столом, перед ним миска парящей рыбы. Он с хрустом отламывает

румяный плавник, вопросительно смотрит на меня. Щеки его лоснятся от жира, на столе груды рыбьих костей.

Сам Гена свою продукцию не потребляет, врачи запретили, потому как давно уже пропил печенку. Зато успешно торгует самогоном. По утрам ездит на вихляющем велосипеде ловить рыбу. В отсутствие Гены самогонкой торгует сожительница Римма, разбавляет ее помаленьку водой, добытые таким образом излишки выпивает. А Гена ее за это поколачивает, он дорожит репутацией «правильного» самогонщика.

Я прошу его продать мне бутылку хо-ро-шей (произношу по слогам) самогонки, плюс четыре жареных карася. На самогонку тариф известный – тридцатка, за крепость дополнительно пять рублей. За карасей Дёрганный ломит цену как в ресторане – по десятке за штуку. Пробую торговаться, но Гена – товарищ упертый. Одно слово – самогонщик!

– Не хочешь, не бери... – широкий рот его растягивается в слюнявой ироничной улыбке.

Я соглашаюсь, но требую, чтобы самогонку была «самая-самая»!

Гена кивает лохматой головой, болтающейся то в одну, то в другую сторону, загадочно улыбается. Улыбка у него всегда веселая и хитрая, во все лицо.

Встает из-за стола, вытирает ладони о чумазое полотенце, затем скрывается в темных сенях, гремит посудой, выбирает «хорошую». Выносит зеленую бутылку удлинненной советской формы – в таких когда-то продавали ситро, – пыльную, заткнутую не бумажной, но пластмассовой, аккуратно обрезанной пробкой.

Он держит бутылку на весу, смотрит, как я достаю из кармана деньги. При виде сторублевки в глазах его появляется радость.

Со сдачей Гена не мухлюет, даже пьяных не обманывает. Жареных карасей, каждый размером с ладонь, заворачивает в газету. Мышцы его лица работают плохо, зато всегдашняя придурковатая улыбка перескакивает с одного уголка рта на другой.

Газета от рыбы становится горячей, масло проступает сквозь бумагу, жжет ладонь. По пути покупаю в киоске буханку хлеба, на ходу откусываю шершавую корочку.

Бывший Первый сидит за дощатым столом в палисаднике и задумчиво смотрит на меня, на пухлом от бессонницы лице задумчивость.

Бутылка со стуком утверждается на середине стола, жидкость в ней загадочно преломляет оттенки заката.

Сверкают в надвигающихся сумерках граненые стаканы, называемые в народе «маленковскими». Прохор Самсонович любит выпивать именно из таких. Стаканы изнутри в капельках воды, рядом пучок лука, пупырчатые огурцы, сорванные с грядки, теплые от дневного солнца, на газете порезанное сало. Разворачиваю темный от жира газетный сверток. Караси еще теплые, почти горячие, от рыбы идет парок.

Бывший Первый с удовольствием втягивает круглым носом запах, напоминающий времена, когда он потчевал свежей рыбой областных товарищей.

– Чего сидишь – наливай! – командует он с начальственной снисходительной улыбкой.

С легким чмоком сдергиваю с горлышка бутылки пластиковую пробку, наливаю граммов по сто.

Тостов не произносим, и так все понятно, молча стукаемся гранями стаканов. Посудины глухо отзываются, самогонка маслянисто колышется, и пахнет, собака, действительно, первосортно! Конфетный сивушный запах распространяется по всему саду.

Я думаю о том, как хорошо быть бедным журналистом и пить самогонку с восьмидесятилетним умным стариком.

Выпивает Прохор Самсонович медленными глотками, глядя поверх стакана напряженными глазами. Обвисший кадык взволнованно трепещет. Допил до дна, довольно крикнул, стукнул донышком о столешницу: хороша, едрит её бабку! Некоторое время он сидит в застывшей позе, шумно дышит носом, нюхает хлеб.

Я пью вслед за ним, откусываю ломтик огурца – хрустит на зубах налипшая к кожуре песчинка, на миг во рту появляется что-то земляное, грустное. Язык и небо обожжены, вкус огурца про-

падает в горечи, сивушный дым туманит глаза. Отщипываю от теплого караса корочку. Она тоже хрустит, тает на языке, и я вдруг чувствую запахи пруда, в котором эта рыба когда-то жила...

Старик дышит всей грудью, смотрит на темные к ночи деревья. Слышно, как в доме кашляет Марьяна Прокопьевна.

Старик оживает, блестят в сумерках водянистые глаза:

– Из чего Гена ее гонит? – спрашивает он пока еще строгим голосом.

– А хрен его знает.

Помолчав, выпиваем по второй. Бывший Первый с удовольствием обсасывает голову жареного караса, нахваливает – давно не откушивал свежей рыбы...

– Когда-нибудь наш Вадим купит этот край! – произносит старик задумчиво, будто с огорчением. – С полями, селами, прудами и карасями.

– На фига он ему сдался, этот наш край?

– Мнит себя новым князем, понимаешь. Народ здешний постепенно вымрет, а деревни Вадим заселит инородцами, заставит работать за горсть риса.

Осторожно напоминаю Прохору Самсоновичу о том, что Вадим обещал издать в Москве три книги – мою, его и Левину, причем большими тиражами!

– Что?? – На минуту старик погружается в раздумье. – Подлец он, Вадимка, а все равно мне его жалко. Сын, понимаешь... Не посылай ему никаких рукописей – потеряешь время и бумагу.

В саду поет грустная вечерняя птичка. Марьяна Прокопьевна затихла, не кашляет. Мне кажется, она пытается услышать, о чем мы тут говорим. Со стороны дискотеки доносится все та же бухающая вязкая музыка.

ОТРЕЧЕНИЕ

Возле парка встречаю Игоря. Он в белых брюках и такой же рубашке. Парень задумчив, то и дело озирается, какие-то тени мелькают в кустах.

Заметив меня, Игорь останавливается, смотрит чуть насмешливо:

– Водку пили с дедом?

– Нет, самогонку.

– Слушай, а что связывает Стрижа и моего папашу?

– Они – ровесники, в молодости дружили, ходили на танцы...

– Батя, насколько я знаю, хотел сделать Стрижа «доверенным лицом» в этом поселке, а Стриж почему-то отказался.

– Им виднее.

– Мой папаша, кстати, никогда ни с кем особой дружбы не водил. У него и сейчас друзей нет, одни компаньоны... Дед тоже почему-то ненавидит Стрижа... – в голосе Игоря горечь недоумения. – Почему?

На фоне ночного парка, в котором звучат голоса, будто светится белая стена церкви.

– Ты совсем молодой, а уже разочарован в жизни? С чего бы это? – спрашиваю я, стараясь не слишком выказывать хмельную веселость.

– Не знаю... Не хочу ни богатства, ни любви, ни искусства. Спорт тоже надоел. Прошлое отвратительно, будущее мрачно.

– Смотри, какие у нас девчата! Влюбись в какую-нибудь.

– Не могу! – Прижимает ладони к груди, лицо бледное, без притворства. – Вот здесь, возле сердца, будто кол забит.

– Тогда тебе дорога прямиком в монастырь! – я все еще пытаюсь шутить.

Игорь даже не улыбнулся.

– Во мне сидят гены безверия, хотя в нашем роду были, кажется, и священники.

К ночи опять чувствуется дымная гарь.

Высокая стена церкви отражает свет поднимающейся луны, и кажется, что уже начался рас-

свет. Была до перестройки Домом культуры, затем магазином продовольственных товаров, в начале девяностых здание вновь отдали верующим. Марьяна Прокопьевна тайком от мужа отнесла во вновь открытый храм несколько икон, сохранившихся с дореволюционных времен.

Прищурив глаза, Игорь смотрит на белизну стены:

– Я узнал про своих папашу и деда нечто такое, что не могу сказать это даже тебе... Зачем мне это рассказали? Как мне теперь дальше жить?

– Просто живи. Сын за отца, а тем более внук за деда, не отвечает.

– На мне лежит проклятье семьи. Я куда-нибудь сбегу, сменю фамилию. Никто не должен знать, кто я такой и в каком месте я нахожусь. А род Зыковых должен исчезнуть.

– Успокойся, у тебя вся жизнь впереди.

– Что будет впереди, я не знаю. Мне шестнадцать с половиной лет, я наполовину в возрасте Христа... – Внезапные слезы на его глазах блестят по-вечернему ярко.

– Ну и что?

– А то, что я должен принести жертву, искупить свой род.

– Что за бред? Опомнись. Слово «род» забыто.

– Дед говорит, что род живет в каждом из нас. Мы его просто не замечаем, он сидит глубже генов, потому что он – дух, он приказывает, а я не могу ему отказать.

– И что же он тебе приказывает? – От таких разговоров я трезвею, мне хочется поскорее распрощаться с Игорем.

– Он говорит: «Ты должен искупить их вину».

– О чем ты, Игорек? Кто из нас двоих пьян?

– Тебе этого не понять! – Он сердито взглянул на меня и, взмахнув смуглой рукой, побрел по аллее парка.

«БУНТАШНАЯ» МАЙЯ

Возле Дома культуры, где оглушительно гремела дискотека, я увидел женщину в короткой юбке, в блузке-матроске, в туфлях на шпильках. Что-то было в ее одежде от стиля шестидесятых.

Да это же моя одноклассница, Майя Манцева! После восьмого класса она уехала в Металлоград, выучилась на кондитера, затем, кажется, вышла замуж.

Она меня тоже узнала, мы поздоровались. Майя в отпуске, живет у родителей, решила прогуляться, посмотреть на молодежь.

– А ты откуда и куда? – она внимательно на меня посмотрела.

– От Прохора Самсоновича.

– А он еще жив?

– Почему бы ему не быть живым? Он крепкий старик.

– Очень уж нервный был начальник. Помнишь, приходил к нам в школу: агитировал мальчиков идти в трактористы, а девочек в доярки?

Я кивнул. Некоторые ребята записались, чтобы отвязался, другие мямлили о прочих уважаемых профессиях.

В тот день, когда Прохор Самсонович посетил наш класс и начал разводить свою тягомотную «профориентацию», Майя встала из-за парты и с возмущением сказала, что ни за что на свете не пойдет в доярки: «У меня мать всю жизнь на ферме, заработала ревматизм и грыжу в придачу...»

За это Первый назвал ее «бунташной девкой» и добавил, что одна паршивая овца все стадо портит.

Майя, понизив голос и касаясь моего уха губами, поведала о том, что Вадим сегодня был на кладбище, на могиле «того парня».

Майина мать тоже была там, проводывала могилки родственников -- и вдруг увидела Вадима, за которым брели два мордоворота, с трудом протискивая свои туши между часто стоящими

оградами. Старушка оробела, схоронилась в кусты, наблюдая за всхлипывающим невзрачным человечком, остановившимся у могилы десятиклассника. Вадим, озираясь по сторонам, начал истоно креститься. Старушка сидела в кустах, не шелохнувшись, боялась, что охранники, посадят ее в мешок и утопят в пруду.

Я смотрел на лицо Майи, замечая лишь прежние веснушки, которые потемнели, обрели четкие границы, и все равно каждую из них хотелось обвести обслюявленным химическим карандашом.

– А ты все такая же конопатая! – сказал я.

– А ты все такой же вредный! – Она придирчиво оглядела меня. – Как всегда непричесанный, и вдобавок выпивши... Проводишь меня домой?

– Зачем?

– У меня в саду шалаш, я там схоронила бутылку коньяка. И вообще в прошлом году я развелась... Слушай, почему ты гладишь этот пакет, а не меня? – рассердилась Майя. – Погладь лучше здесь!..

И, нервно схватив мою ладонь, засунула ее за отворот блузки. Я почувствовал большую, все еще упругую грудь, сосок вминался в нее твердой горошиной.

– В пакете пластинка, Вадим подарил, – запоздало объяснил я.

Майя приподнялась на цыпочки, обхватила мою шею обеими руками, как на школьном вечере танцев, мы поцеловались. Губы мои, холодные от ночного воздуха, стали вдруг горячими, в них загудело, взбухло забытой молодостью. Странное чувство прикосновения к женщине, будто опять всё становится возможным.

– Зачем тебе пластинка?

– Не знаю.

– Ну, идем! – Она качнулась на шпильках, рассмеялась, подхватила меня под локоть.

– Пойдем! – Я чувствовал сытость от рыбы, необъяснимую удаль, а также приятное самогонное опьянение.

ОСКОЛКИ СЧАСТЬЯ

Наконец-то я добрался домой. В прихожей старое зеркало в овальной раме, по привычке в него смотрюсь. Рубашка в пятнах, бумажный квадрат в засыхающих брызгах. Дверь открыта, но потихоньку пройти в комнату не удастся.

– Ты пришел? – Мать с огорчением разглядывает мою одежду, однако в голосе ее радость.

Я в этот момент думаю почему-то об экзистенц...ме: даже в уме не могу выговорить это слово, и зачем оно мне только сдалось? Вот что значить пить поверх самогона коньяк.

– У тебя вся спина в грязи! Переодевайся немедленно! – Мать заглядывает мне в лицо, забирает из моих окоченевших рук пластинку. – Опять что-то принес?.. Вечно ты собираешь разный хлам!

– Это не хлам, это «Путники». Сейчас заведу...

Раздеваюсь догола, мать тем временем приносит сухие трусы, я с трудом надеваю их. Достая из-под кровати проигрыватель, с энной попытки втыкаю вилку в розетку, подключаю самодельный усилитель, звуковые колонки, щелкаю тумблером, и вот уже светятся радиолампы, в динамиках гудение. В молодости я своими руками спаял эту громоздкую аппаратуру, и она все еще работает!

– Что ты собираешься включать? – Мать с озабоченным видом заглядывает в комнату. – Опять соседей разбудишь?

– Нет, я потихоньку.

– Да ты на ногах еле держишься!

– Прости, так получилось.

Мое вечное незаменимое «прости».

Мать сказала, что греет ванну, спросила, буду ли ужинать?

– Купаться буду, ужин долой! – Хочу навсегда остаться пьяным лирическим человеком.

Неожиданно вспомнил, что в проигрывателе сломана игла, а новую сейчас купишь разве что на барахолке.

С огорчением снимаю пластинку с диска, смотрю на угольный блеск бороздок. Пластинка, словно живая, выскальзывает из моих пальцев и начинает плашмя падать на пол. У меня есть целое мгновение на то, чтобы поймать ее. Падаю вперед всем телом, как в юности, когда был вратарем молодежной команды района. И я бы ее поймал, если бы не пил коньяк поверх самогонки. Пок! – четкий ужасный звук, ладонь загребает шуршащие осколки. Собираю в недоумении блестящие треугольники, машинально ломаю их на куски – порезал ладонь, из пальцев течет темная кровь, мне совсем не больно.

Снова пришла мать:

– Опять намусорил? – Она осторожно приняухалась. – Ты был с кем-то?..

Взгляд ее остановившихся глаз делается презрительно-ревнивым, она с гневным видом отступает на два шага, морщинистое лицо краснеет:

– Господи, с рукой-то что случилось!.. Пойду искать бинт...

Вернулась с бинтом, пузырьком зеленки, усадила на диван, туго, с раздражением перевязывает, ворчит: бродишь по ночам неизвестно где... Затем принесла веник, подметает звенящие осколки.

Я лег на диван и в тот же миг заснул, чувствуя, как мать укрывает меня одеялом. Мне снилась большая металлическая бабочка, летящая над выгоном: крылья гремят, всем страшно. Бабочка с треском падает на лужайку, где пасется коза Марфы. Из нутра бабочки живой и невероятный выскакивает Вадим, пританцовывает:

«Я всё в этом мире соберу заново, по винтику!» – напевает он на мотив «Путников», затем быстрыми шагами уходит в сторону кладбища – поднимать из могил наших несчастных мертвецов и проводить с ними агитационную работу.

СТАРИК ЗАБОЛЕЛ

– С дедом что-то случилось, – сказал Игорь на следующий день, когда мы встретились на пруду. – По-прежнему не спит, даже не ложится в кровать, ищет домработницу Глафиру, которой давно уже и на свете нет, требует, чтобы подала ему рябиновую настойку, зовет с крыльца какого-то Костю... Боюсь, старик окончательно свихнется.

– Скоро твой дед выздоровеет! – сказал Стриж, отводя глаза, и как-то нехорошо улыбнулся. Кожа его бледном лице перестала шелушиться от загара, ветер с пруда летел уже прохладный, купаться сегодня никто не отважился.

Он медленно, путаясь в шахматных фигурах, расставлял их на доске, собираясь сыграть партию с Игорем. – Уеду из поселка, и Прохору Самсоновичу станет легче.

– Как уедешь? – удивился Игорь. – Куда?

– В Ленинград.

– Такого города больше нет, есть Питер.

– Ленинград тоже существует, и я там обязательно буду. Надо к делу прибиваться, надоело валять дурака. Вы хорошие ребята, с вами я чувствовал себя человеком.

– А ты разве не человек? Ты, может быть, даже лучше тех, которые считают себя настоящими людьми! – Игорь наморщил лоб, припоминая что-то важное, затем перевел взгляд на шахматную доску – самодельные фигурки за лето замызгались, трудно отличить белые от черных. Сделали первые ходы. Стриж выиграл у Игоря пешку, и готовил атаку на королевском фланге. Игорь не торопился делать ответный ход. Блеснули зубы на загорелом лице:

– Слушай, Стриж, я знаю – ты не убивал! А еще я знаю, кто это сделал...

– Молчи! – вскрикнул Стриж, озираясь по сторонам.

– Завтра уеду из этого проклятого поселка! – Игорь перестал играть, пешка из его пальцев со стуком упала на фанеру доски. – Здесь нечем дышать... Папаша не хотел, чтобы я сюда приезжал, собирался отправить меня на испанский курорт...

Игорь вдруг зашатался, толкнул нечаянно шахматную доску: фигуры загремели, покатались в разные стороны. Юноша наклонился, поднял с травы обезглавленного короля, со стуком утвердил его на обшарпанной доске. Неожиданно молодой человек откинулся на засыхающую траву, ноги и руки его задержались, на губах появилась пена, сквозь загар проступила бледность.

Я шлепал его по щекам, но Игорь не приходил в себя, глаза его были закрыты.

К счастью, у парней, игравших в карты, нашлось немного водки. Мы влили ее в рот Игорю, он сделал глоток, пришел в себя.

– Что это было? Я шагнул в пропасть!..

– Ты, видно, на солнце перегрелся... – бормотал Стриж. – Прежде с тобой такое случалось?

– Нет, в первый раз.

– Тебе Игорек, нельзя думать о разной чепухе.

– Нахлынули видения, мне стало хорошо, затем во рту вспыхнул огонь...

Игорь отлеживался, я вместо Игоря завершал партию. Стриж тоже был не в себе, часто ошибался, и я быстро выиграл.

ПРОЩАЛЬНЫЕ СУВЕНИРЫ

Мы со Стрижом пришли к поезду проводить Игоря. Я подарил ему на память магнитные шахматы.

Стриж снял с пальца массивный перстень из нержавеющей стали, Игорек, я сам сделал!

Игорь в свою очередь вручил Стрижу небольшой карманный фонарик, а мне, как сельскому журналисту, авторучку.

Глаза у Стрижа были какие-то пустые, он вертел фонарик в руках, не зная, куда его деть.

Над вокзалом и всей округой шумели столетние тополя, посаженные графом Витте в день открытия этой железнодорожной ветки.

– Чего, дед, загрустил? – Игорь с вымученной улыбкой смотрел на Прохора Самсоновича.

Тревожный августовский воздух, насыщенный запахами тленья, напоминал о братской могиле.

Подошел, скрипя тормозами, поезд, новенькие вагоны сияли на фоне дореволюционного вокзала и высокой водонапорной башни. И все же Прохор Самсонович выглядел почему-то старше всех зданий, его массивная фигура тоже будто кренилась.

Из вокзала с башенками вышел дежурный в железнодорожной форме с блестящими пуговицами и новой красной фуражке. Раздался певучий звон бронзового колокола, на котором стоял год пуска железной дороги – 1884. Колокол считался музейным экспонатом, и, начищенный до блеска, ярко сиял. На ночь его снимали, чтобы не украли сборщики цветного металла.

Требовательный голос проводницы: занимайте ваши места!

Стриж поднес к глазам часы, взглянул на циферблат «Победы» и сказал, что его ждут во вторую смену. Кашлянул в кулак.

Прохор Самсонович собрался было протянуть Стрижу на прощанье веснушчатую ладонь, но передумал, его передернуло. Выпрямился, скрестил руки на животе – старинный начальственный жест, выражающий понимание и в то же время отчужденность.

Стриж, не шелохнувшись, смотрел на него.

– А ты тоже становишься седой, хотя был когда-то рыжий... – вздохнул старик, глядя на бывшего уголовника. Неожиданная догадка мелькнула в проницательных тусклых глазах. – Как тебя, понимаешь, зовут?

– Вася.

– А матушку твою как величают?

- Фросей звали, она умерла.
- Ну, ступай с богом, он нам всем судья!
- Вы же сами когда-то говорили, что Бога нет.
- Мало ли я что говорил... Иди своей дорогой, забудем всё плохое.
- Прощайте, Прохор Самсонович, я, как и обещал, уеду отсюда.
- Езжай, тебя здесь никто не держит.
- А я бы держался возле вас, будь вы настоящим отцом.
- Это как, понимаешь, понимать?

Стриж медленно повернулся, и, оскользываясь на гальке, побрел вдоль состава, на ходу коснулся вагона, оставив зеркальную линию на бахромчатом слое пыли.

Бывший Первый смотрел вслед Стрижу и облегченно переводил дух.

Стриж обернулся, крикнул:

– Ухожу от вас навсегда! Прощайте!.. А вы, Прохор Самсонович, вовсе мне не отец, если не можете остановить меня?..

– Иди своей дорогой! – бывший Первый смотрел на него с каким-то древним отточенным высокомерием, словно яд власти навсегда отравил его. – У каждого свой путь!

Глаза стального оттенка гневно мерцали под светлой фуражкой наркомовского образца.

– Вы скоро поймете, что были неправы! – кричал издаലെка Стриж, голос его был едва слышен.

– Вы всю жизнь были неправы!

Старик вытянул шею, на секунду оцепенел:

– Как это, понимаешь, «неправ»? Что за глупости? Прочь с моих глаз, тунеядец!

– Зачем ты так с ним, дед? – Игорь поставил ногу на ступеньку вагона.

Прохор Самсонович придержал его за рукав:

– Я тебе, Игорек, буду писать письма, а ты отвечай, ладно? Конвертов тебе в сумку положил – пятьдесят штук!

Игорь отчужденно кивнул, махнул на прощанье ладонью, стараясь, чтобы и Стриж его увидел. Но тот не оглянулся, фигурка его скрылась за железнодорожными складами.

Поезд со скрипом тронулся, и, набирая скорость, исчез за лесополосой.

Я думал об Игоре. Вот он поднимается с полки.

«Куда?» – спрашивает охранник, сонно щуря глаза.

«В туалет...»

«Туалет открыт справа – иди туда. Там дежурит Иван...»

«Ладно...»

Игорь идет налево, в тамбур, наружная дверь открыта. Он сдергивает с загорелого пальца аляповатый нержавеющий перстень с кровавым камнем – сувенир, сработанный Стрижом в тюрьме, выбрасывает его в черный вихрящийся воздух, уже по-осеннему холодный, вытирает ладонь о штаны, словно мальчишка, раздавивший гусеницу.

В поезд врывается холод, перед лицом грохочет мост, дышит ржавым железом. Мелькает изгиб реки с косматыми лозинами, щекочет ноздри запах осоки...

ЯВЛЕНИЕ УЧАСТКОВОГО

Тень мелькнула среди кустов, ни один сучок не хрустнул, Гладкий возник передо мной, как чертик из табакерки, прислонил велосипед к стволу яблони, щелкнули чешуйки коры. Появление милиционера, пусть даже и бывшего, не сулит ничего хорошего.

– Что вы, Григорий Абакумыч?.. – Я испуганно привстал со скамейки.

Гладкий навсегда утратил способность к нормальному человеческому общению, в поселке его никто и за человека не считал, но все по-прежнему его боялись. Даже в темноте заметна механическая служебная улыбка. Я ждал, когда он заговорит на своем протокольном языке. Сел Гладкий на табурет, положил на стол короткопалые ладони. Каждый толстый палец казался отдельным

живым существом. Бывший участковый достал из кармана кителя замызганный блокнот, чернильную авторучку, отвинтил колпачок, сделал несколько пробных росчерков. На желтой бумаге остались влажные фиолетовые закорючки.

– Не следовало бы тебе писать обо всех наших событиях по поводу осуждения человечества вообще...

– Не понимаю, Григорий Абакумыч, о чем ведете речь – я работаю в местной газете, пишу о надоях, привесах и прочих сельхоздостижениях.

– Моменты прожитые исправлению не поддаются – как ввиду решенной судьбы, так и в соответствии с веком, они остаются всего лишь неподтвержденными бессмысленными фактами. Знай, сынок: дела прошедшие состоят из миллионов незаполненных протоколов... Всю свою жизнь, если ее рассматривать документально, я, делая службу, пробирался через частокोल преступлений... – Он задумался, перестал рисовать затейливую вязь строчек. – Я помню каждый злобный насмешливый взгляд, направленный в мою сторону, каждую ничтожную угрозу над смыслом расследования...

– Зачем вы мне все это рассказываете? – Я с изумлением смотрел на нелепого старика в мятой форменной фуражке без кокарды, сжавшего в толстых пальцах еще более толстую авторучку. – Мне ничье прошлое, а тем более ваше, совсем неинтересно.

– Предлагаю взять! – Он протянул мне свою авторучку.

– Зачем она мне? – Я чуть не упал со скамьи.

– Положительным образом её тебе дарю!.. – Он поманил меня к себе, медленно сгибая и разгибая короткий указательный палец – знаменитый в прежние времена милицейский жест, который заворачивал и делал бессильным любого человека.

Пришлось взять неуклюжую авторучку, еще теплую от его прикосновения. Казалось, внутри нее были не чернила, а непонятная, все еще горячая кровь прошлого века.

Гладкий встал с табурета, взял свой дребезжащий велосипед, повел его в руках из сада, стараясь не наступать на яблоки, насыпавшиеся так густо, что местами тропинку совсем не было видно. Он все-таки был уже совсем старым человеком, его покачивало.

Я смотрел на его спину, на выгоревший до желтизны китель и гадал: обернется или нет? И он действительно обернулся, прокашлялся в кулак:

– Ты обязательно напиши следующее: меня всенародно не понимают и обижают откровенно вредными взглядами со стороны. Я не хочу, чтобы память обо мне утонула в пустых насмешках...

– Чего же вы хотите, Григорий Абакумыч? – Я видел темное в сгущающихся сумерках лицо с блестящими глазами.

Старик исподлобья смотрел на меня как на подозреваемого, с которым он может сделать всё что угодно:

– Рекомендую отобразить мою судьбу самым положительным примером. Народ меня не любит, потому что не понимает, что ему без меня нельзя. Я – Гладкий!.. – последнюю фразу он произнес громко и настойчиво. – Я – машина народной судьбы!

Затем Григорий Абакумыч почти мгновенно исчез из сада, будто испарился.

Вернувшись в дом, я лег в постель и заснул под монотонное журчание приемника.

Мне снилась помещица Блоха в расписном народном сарафане и вышитом платке – розовощекая девка, совсем не больная, с веснушками на полной груди. Она прислала мне письмо по электронной почте, но файл никак не хотел открываться – вместо букв выскакивали непонятные знаки, запечатлевшие каким-то образом прошлое нашего края.

Утром меня растолкала мать:

– Стриж под поезд бросился!

– Как бросился?

– Так...

Гладкий явился на место происшествия по собственной инициативе, зафиксировал в неофициальном протоколе факт о наручных часах: Стриж зачем-то и положил на траву среди засохших ягод

«Победу» с выцветшим циферблатом, затем бросил на траву белую рубашку – символ юности 60-х.

С высоты железнодорожной насыпи он мог видеть в окне своего дома лампочку, которую оставил включенной. Так во все времена смотрели во тьму беглые рабы, знавшие, что от погони им не уйти и пустыню, расстилающуюся перед ними, не преодолеть. Над заревом поселка возникал в темноте сладострастный яд власти, ее неискоренимое высокомерие. А теперь он, Стриж, остановившийся возле холодных, тускло сверкающих рельсов, сам над собою власть.

«Отец! – мог воскликнуть он напоследок, и, наверное, сам удивился ничтожности своего голоса. Темнота молчала, стрекотали кузнечики. – Спаси меня, отец!»

Нет ответа. Вспыхнул прожектор тепловоза – он был еще далеко, и в то же время стремительно приближался. Возникла сначала точка, затем громахающая фигура состава. Стриж лег в траву, чтобы машинист его не заметил, кожу холодила роса. Блестело стеклышко часов, лежащих рядом с рубашкой.

Медленно ползли в гору вагоны. Стриж нырнул всем телом под колеса, как в воду, его всосал ветер движения состава. Будто не он сам бросился, а все получилось само собой. В следующий миг он ощутил, как силен поезд, на котором собирался ехать в недосыгаемый Ленинград. Что-то лязгнуло в последний звон ночи, тяжесть накатившего колеса оказалось мгновенной, разбросались на винтики горячие механизмы века, звезды легли на шпалы, пахнущие полынью и мазутом.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

На следующий день хоронили Стрижа, как и его мать, – за счет сельсовета.

Проход Самсонович неожиданно явился на похороны, надев по такому случаю темный, в полоску костюм – тот самый, про который старушки говорили, что он уже старый, на голове помятая шляпа, зато начистил до блеска ботинки.

– Признал Первый сына-то, хоть мертвого, но признал!.. – перешептывались меж собой старушки.

Старик шел вслед за процессией, а когда наступил момент прощания, скромно отошел в тень черемухи.

Марфа тут же начала к нему придирается:

– Сказал бы хоть словечко, папаша! Привык доклады читать по бумажке, а как сын помер, так он молчит, гада советская!..

Проход Самсонович машинально вышел вперед, встал в позу произношения речи.

– Да, я сегодня хороню его. Поверьте, люди, я не знал прежде, что он мой родной сын...

Все слушали его, с покорным напряжением вытянув шеи, уверенные в том, что бывший Первый всегда говорит особенные слова.

– Прощай, сын, и вы, люди, меня простите!..

Он с трудом наклонился над гробом, поцеловал покойника в синее обезображенное лицо, прикрытое марлей. Несколько старушек вразнобой всхлипнули. Они с одобрением смотрели на Прохора Самсоновича. Пусть он ни разу не перекрестился, зато плачет по-настоящему.

Мужики заколотили крышку, опустили гроб в могилу. Все начали бросать туда горстями глину. Старик тоже шагнул к яме, крошки из-под его штиблет с шорохом посыпались вниз. Он вдруг заскользил, мы слевой успели схватить его под руки.

На поминки Проход Самсонович не пошел, хотя старушки настойчиво и наперебой его приглашали, он для них по-прежнему оставался самым главным на свете начальником. Прямо с кладбища старик, покачиваясь, словно пьяный, побрел домой.

Аксинья, распоряжавшаяся похоронами, зазвала меня и Леву помянуть «раба божьего Василия» в теперь уже ничейный низкий домик, построенный, наверное, еще до революции, вросший нижними венцами в землю.

За столом, уставленным скромной закуской и выпивкой, приобретенной соседями вскладчину, возникло тихое оживление. Старушки вспоминали, какой Вася был добрый, как он любил

свою мать. Нам слевой подливали магазинной водочки, накладывали в тарелки блины, теплые котлеты. И сами не забывали пропустить очередную стопку.

Мне странно было смотреть на старух, я думал, что скоро Майя сделается одной из них. Память в неуместный момент дотошно воспроизводила уголки Майино тела, рыжие волоски в ложбинке белого живота.

Поминальной выпивки нам слевой оказалось мало, и по пути в редакцию купили бутылку водки: поминать так поминать! Редактора Бадикова в редакции не было, его опять вызвали на какое-то совещание.

– Я в своих романах создал новый российский эпос, идеологически оправданный... – объяснял Лева. Его постепенно развозило. – Эта вещь по своему духовному воздействию будет похожа на компьютерную программу, ее можно будет продать потребителям, клянусь надоями и привесами!.. А все эти Стрижи, Вадимы, бывшие Первые – они слишком приземлены, нет в них романтического духа. Они испортили остаток прошлого века, и нечего о них художественно помнить.

– В чем же заключается твоя «национальная» идея? – спросил я.

– Не иронизируй. Под знаменем «национальной идеи» мои романы обязательно пробьются в печать. Я пока еще не знаю, что она конкретно собой представляет, эта идея, но я заранее расставлю смысловые вехи, по которым она должна идти вперед: гуманизм, демократия плюс...

– Социализм, прорвавшийся «из-под глыб»? – в шутку добавил я.

– Опять ты со своим неуместным юмором? – Мой коллега сердито взглянул на меня.

– Надеюсь, Вадим опубликует твои вещи, он интересуется всякими там «духовными прорывами» и «национальными проектами», они ему нужны для оправдания собственной деятельности. – Я старался обнадежить Леву, чтобы он перестал плакать.

– Почему же тогда Прохор Самсонович не верит, что нынешние богачи будут жертвовать деньги на непонятную идею? – Лева шмыгнул покрасневшим от волнения носом, внимательно взглянул на меня.

– Потому что он прожил жизнь и знает людей, в частности своего сына.

– Вадим предлагает признать советское прошлое! – Лева по-пьяному надул губы. – Но разве можно его оправдать, это прошлое?

– Признать тот факт, что оно существовало, придется... – Я люблю иногда подразнить людей, которые, по словам апостола, «надмеваются гленим своим умом». – Никто не сможет опровергнуть тот факт, что оно, советское прошлое, было на самом деле.

– Не согласен! – вскричал он. – Все мое детдомовское нутро против этого категорически протестует. Здесь более уместны слова Шекспира: «Погублен век, будь проклят он!»

– Но это не значит, что мы должны отшвырнуть неудавшийся век, как тряпку. Мы с тобой жили в том веке пусть маленькими, но личностями.

– Да, «человек», «личность» – понятия именно и только советские. Стриж был на суде личностью, он смог взять на себя чужое преступление.

– Но почему же он не смог жить дальше? – спросил я, наливая по второй, чтобы сбить азарт спора.

– Ох уж эти милые, добрые, несчастные советские негодяи!.. – пьяно пролепетал Лева. – Стриж узнал, что он брат Вадима во время совместного купания в пруду. Известие потрясло его, хотя он и не подал виду. Еще до суда родственное чувство подсказало ему, что он выручает не какого-то стилиста, но родного брата.

– Так давай же выпьем за это таинственное чувство родства! – предложил я.

МАРЬЯНА ПРОКОПЬЕВНА

Послышалось царапанье в дверь кабинета, невнятное бормотанье.

Лева, покачиваясь, поднялся со стула, взялся за дверную ручку, заранее уверенный, что это опять пришли к нему с какой-нибудь жалобой.

Он неловко открыл дверь, вошла, также покачиваясь, Марьяна Прокопьевна. Платье ней коричневое, засаленное, с рисунком пузатых довоенных самолетиков. Из-под небрежно повязанного платка торчат седые космы. Голос бывшей советской барыни – скрипучий, жалобный, и в то же время гневный, с визгливыми оттенками. Повернулась ко мне:

– Иди к нему – помирая! – Так и впилась в меня поблекшими глазами.

– Кто? – Я машинально от нее попятился.

Марьяна Прокопьевна вновь перекрестилась на тусклое редакционное окно:

– Тюкнула она яво.

– Кто «она»?

– Известно кто – кондрашечья! – произнесла с вызовом, почти злорадно и, как мне показалось, хихикнула, ее фиолетовые зрачки искрились на фоне блекло-голубых радужек. – Сначала рука перестала владать, таперича нога заколянела...

– Может, «скорую» вызвать? – рука моя потянулась к обшарпанному, заклеенному скотчем телефону.

Отрицательный жест дрожащей руки:

– Ничего ему не надать. Тебя прося придти, чевой-то хоча сказать...

– Что он мне еще может сказать? – с невольным раздражением вырвалось у меня.

Лева с иронией усмехнулся: будешь знать, с кем водить дружбу!

– Игоряшка тоже умер!.. – Старуха наклоняется ко мне со странной улыбкой. Теперь наши лица на расстоянии сантиметров, мы горячо обдаем друг друга перегаром. Марьяна Прокопьевна опять, наверное, пила спирт, настоящий на вонючих «целебных» корешках.

– Как умер? – Визит полусумасшедшей старухи меня почти совсем отрезвил.

– Из поезда выкинули, разбили, под мостом нашли... Вадим на винтолети туды прилятел, а Игорек ляжить, весь разбитай, почитай без лица... Вадимчик так по телефону мне кричал об этом случаи, убивалси, что у ине сердца сжалось и до сей поры не отпускайт. Я ему в телефон ответила:

«Вадя, несчастный ты мой сыночик! Сколько раз я тебе говорила: живи по-христиански, молись не раз у год, а каждый день!.. Таперича и отец наш, Прохор, ляжить, помирая...» Вот что я ему сказала, и слышу, как он в ответ в трубке еще дужее кричить – он безумнай, совсем безумнай!..

«Ляжить», «безумнай»... – мне почему-то хотелось ее передразнить. Я, ища хоть какой-то поддержки, взглянул на Леву. На красном лице его проступили белые пятна – признак гнева.

– Да убирайтесь вы оба отсюда! – Он, спотыкаясь, подошел к форточке, распахнул ее ударом кулака, звякнули вылетевшие стекла, с улицы пахло засыхающей листвой. Глаза у Левы были дикие, борода встопорщилась.

Марьяна Прокопьевна, опираясь костлявыми кулаками о край стола, бормотала:

– Он тебя зовёт! – Старуха опять взблеснула на меня глубокими сияющими глазами, а в следующий миг словно бы перестала узнавать. Развернувшись на месте, ни на кого не глядя, засеменила к двери, опираясь о стену.

Я хотел взять ее под сухой локоть, чтобы свести по ступенькам с террасы, она резко вырвалась:

– Уйди, я сама! – Багровость щек контрастировала с сединой, клочьями валившейся из-под развязавшегося платка. Одна щека у нее дергалась, казалось, старуха подмигивает.

Заметив, что я остановился и слушаю, она, как мне показалась, ободряюще улыбнулась, взмахнула ладонью – иди с богом!..

«НА ПРОЩАНИЕ ДАЙ МНЕ РУКУ!»

Я быстро шел по знакомой тропинке. Ночью моросил дождик, в воздухе почти не пахнет гарью. Вот и белесая выщербленная стена.

По затоптанным грядкам ходили Марфины куры, клевали помидоры, подвязанные к палоч-

кам. Сломаны нижние ветки на яблонях, исчез из палисадника шланг для полива – вновь подвергается разграблению бывшая барская усадьба!

Медная дверная ручка, оставшаяся со времен Блохи, стерта до белизны. Скоро и ее оторвут бродяги, сдадут скупщикам цветного металла.

Темные сени с вечным запахом кислятины, комнаты с низкими потолками, считавшиеся когда-то просторными и светлыми, гостиная с пыльной бронзовой люстрой.

Бывший Первый, накрытый пледом, лежит на обшарпанном кожаном диване, зашитом в нескольких местах дратвой, взгляд направлен в потолок. Розовые еще недавно щеки окрасились в болезненную синеву, круглый русский нос заострился, стал тонким, будто просвечивающимся.

Увидев меня, Прохор Самсонович шевельнул ладонью, указывая на табурет. От слабости голос его почти пропал:

– За что же внука на алтарь я положил?.. Плачьте, люди! Плачь, райцентр! Плачь, Марьяна, несчастная моя жена! Плачь и ты, корреспондент...

Глаза мои и без того были мутны от слез.

– Ему бы жить да жить! – бормочут все еще властные губы, превратившиеся в две темные полоски. – Я думал, что у Игоря жизнь сложится по-другому! Стриж умер: в мире стало чисто, хорошо, а Игорек решил от нас почему-то уйти, дураки-охранники не уследили... Зачем он, понимаешь, так сделал?

Бывший Первый взглянул на меня строго и пристально, словно вел заседание бюро, а я должен был перед ним отчитываться. Но мне нечего было ему ответить. Я захватил с собой свежий номер газеты с его краеведческой статьей, но почему-то не решился отдать ее, положил на стол.

Правая сторона лица старика не шевелилась, как бы омертвела, однако речь его была вразумительная, с четкими ораторскими паузами.

Прохор Самсонович с трудом привстал на диване:

– Я прожил тяжелый страшный век. Народ поймет, кто кем был и кто есть кто!

Мы обнялись. Я чувствовал сквозь материю пижамы кости его рук и плеч, а ведь еще вчера это был богатырского сложения человек.

– Я хочу, чтобы люди плакали обо мне, когда меня понесут в гробу, – тихо произнес он. – Как думаешь, заплачут?

Я торопливо кивнул.

Старик удовлетворенно вздохнул, под кожей лица его появились черные шевелящиеся пятна. Слезинка скатилась на подбородок и тоже стала черной.

– Дай напоследок попить! – попросил он.

Я подошел к столу, налил из толстостенного райкомовского графина полстакана воды, сделавшей от долгого стояния похожей на масло.

– Может, в колодец за свежей сходить?

Он вяло махнул рукой: и такая сойдет.

Я подал ему стакан, он перехватил его дрожащими пальцами, с хлюпом отпил несколько глотков, кадык, словно металлический, шевельнулся над обвисшими складками шеи. Кончив пить, вернул стакан, бессильно откинулся на синюю, в цветочках, подушку.

Дрожащей ладонью Прохор Самсонович пытался на прощание сжать мое запястье, но почти сразу кисть его обмякла, хотя в крупных пальцах оставалось еще столько жара и затаенной силы, что внутри у меня все загорелось, будто я глотнул неразведенного спирта.

– Ну, ступай с богом! – добродушно напутствовал он. – Не забудь прийти на мои похороны.

ВЕРТОЛЕТ С КАРТИНКАМИ

Я вышел на улицу и, жмурясь от солнца, начал дышать воздухом, пахнущим гниющими на земле яблоками.

По двору бродила Марьяна Прокопьевна. Платок потеряла, седые космы развеивал прохлад-

ный ветер. Она с кем-то разговаривала, хихикала, прикрывая рот ладонью. Заглянула в сарай, тонким голосом позвала Игоря обедать.

Завидев меня, хитро улыбнулась, погрозила пальцем:

– Игоряшка тута гдей-то схоронилси! Я его ишшу, а он не отзываетца... – подмигнула красным веселым глазом. – Паровозик: ту-ту! Не мой сынок на рельсы лег, там Прошина кровь, ленинградская. Я Васе в школе пышку давала, он отказалси:

«Отстань, – говорит, – тетка, я – Ленинград!»

Женщины из ближних домов стояли возле забора, тихо переговаривались, смотрели, кто еще придет к умирающему. Доносились неразборчивые, с насмешливой интонацией голоса: «все там будем от смерти ишшо ни одна сволочь не откупилася!..»

В очистившемся от торфяных дымов небе послышался гул вертолета. Он снизился и летал кругами над усадьбой бывшего Первого. На зеленом фюзеляже был нарисован негр-музыкант с толстыми красными губами, играющий на трубе, рядом профиль человека с серебристым саксофоном, у третьего – золотая гитара. На белых линейках пятнышки нот. Вертолет дребезжал винтом, кошки испуганно жались к земле, куры с кудахтаньем разлетались в стороны, гуси на пруду кагакали, в садах падали отяжелевшие яблоки.

Вертолет ворочался в синем небе медленно и лениво, покачиваясь с боку на бок, будто не знал, что ему делать, винт его вращался с каждой минутой все бешеней, сталисто блестел, оглашая окрестности жутким свистом. Машина кружила над райцентром, словно бабочка, выбирая место для приземления.

Мне почему-то не хотелось в такой момент встречаться с Вадимом, и я поспешил уйти прочь.

Продолжался жаркий день – ужасный и бесконечный.

Татьяна ЛЕБЕДЕВА

СЛИВОВОЕ ПЮРЕ

Рассказ

Стояло очень жаркое лето, и деревья в саду изнывали.

Вишни вяли, не успевая дать плодам сочной спелости, яблони роняли зеленые яблочки, не в силах сохранить собственное изобилие, и только слива радовалась солнцу, жаре и влажной духоте сада. Ее зеленые ветви, набитые нереальным огромным количеством желтых ягод, все ниже клонились к земле, делая ее похожей на беременную красавицу, желающую поскорее освободиться от своей ноши.

Лена медленно ходила по дорожкам, задумчиво перебирая в уме те последние слова, сказанные два дня назад Сережей.

– Мне показалось, что наши отношения – это нечто большее, чем банальные чувства. Можно быть близким, но не испытывать таких ослепительных мгновений... Понимания... Проникновения... Мне кажется – это сильнее, чем физическая близость.

– Да, да – «высокие отношения»!

– Ты меня достаем! За тридевять земель ты звонишь, говоришь всякие-разные вещи, а теперь иронизируешь. Чего ты боишься?

На самом деле Лена не боялась. Она просто перестала себя понимать. Эта жара действовала угнетающе. Два месяца без дождя! Кажется, еще немного – и сердце не выдержит. «Они оба, эти два сердца, мечутся просто от жары», – думала Лена, прикладывая к животу руку.

Посмотрев на беременную сливу, Лена застонала. Она подошла, попробовала – кисло, но косточка отделилась мгновенно, значит, можно варить варенье. Казалось, что от этой мысли слива как-то пробудилась и затрепетала под рукой слабым дуновением жара.

– Ах, как жарко, – вздрогнула Лена, опять потрогала свой вздувшийся живот, принесла стрелянку и стала собирать сливы, пожелтее.

Да, эти отношения с Сережей вдруг свалились на нее снова.

Когда-то давно, в пору их первой влюбленности, она испытывала уже нечто подобное. Ничего не объяснимо, все запутано, и неожиданно. Было состояние сплошного ожидания радости. Как будто бы она, радость, вот тут рядом, за порогом, вот там, только открыть дверь. Мгновения, когда он переступал порог их квартиры и попадал в поле ее зрения, то есть являлся, заставляли ее сердце останавливаться, и захватывало дух, и была полная свобода. Свобода от всего – от мыслей, от чувств, от понимания происходящего, а был только он – этот миг счастья, волшебный и глупый одновременно. Ей казалось, что она отрывается от земли и... прекрасное выражение: летит «не чуя под собой ног».

Кажется, он ничего такого не ощущал, и постепенно Лена привыкла думать, что это свойственно только ей по отношению к нему.

Она всегда была настолько поглощена им, что никогда ни на что не претендовала, а только старалась понять его, вникнуть в ход его мысли. Он был необыкновенным, совершенно необыкновенным человеком, и у него была куча талантов. Его понять было непросто, но страшно интересно.

Он был заядлый математик, прирожденный, просто с ума сходил от математики, и после 7-го класса родители перевели его в спецшколу для одаренных детей. Это было здорово, и он радовался, и она радовалась. Они радовались вместе. Плохо только, что школа находилась в Москве.

Татьяна ЛЕБЕДЕВА родилась в Саратове, закончила филологический факультет СГУ. В журнале «Волга – XXI век» публиковалась повесть «Кукучкины дети» (№9–10, 2007).

А это было далеко. Правда, он приезжал часто, даже вопреки разрешениям родителей, но все же больше он отсутствовал, и они грустили, загружая эфир глупыми разговорами ни о чем.

Лена тоже старалась учиться из кожи вон, но ее способности всегда были средними, и ни о какой спецшколе она не мечтала, да и мама особенно не интересовалась ее успехами – у каждого ведь своя жизнь.

Потом как-то все устаканилось.

В Лену стали влюбляться мальчишки, она кому-то нравилась. Сначала она это игнорировала, потом из любопытства – коллекционировала и объединяла, потом стала присматриваться, то к одному, то к другому, сравнивала, но все было как-то не то, зато появилось много друзей – Лена умела дружить. А вот в личных отношениях, тет-а-тет, всегда не хватало чего-нибудь, а, главное, не было загадки того отдельного существа, загадки, которую хотелось бы разгадать. Все было поверхностно, как-то несерьезно, а иногда даже глупо.

А в Сереже загадка была.

Лена волновалась до умопомрачения, когда он звонил по телефону, потому что он почти всегда рассказывал что-то сверх-неординарное, и, даже на расстоянии, она чувствовала его внутреннее вибрирование.

Она закрывала глаза и слушала его голос, пытаясь представить себе, как он выглядит, на чем сейчас сидит, как размахивает рукой, или наоборот, прикрывает рукой трубку, чтобы другие не слышали. Однажды он рассказал ей о своих попытках вывести математическую формулу музыки Баха, рассказывал что-то о гармонии целых чисел, на основе которой строятся основные музыкальные постулаты классиков. Она потом каждый вечер лежала, закрыв глаза, и слушала в наушниках эту самую 565 фугу, испытывая странное ощущение раскрепощенности и полета куда-то туда, в высшие сферы.

Время от времени он приезжал с какими-то «твердыми намерениями», которым не суждено было сбыться. Зато они ходили, бродили и разговаривали в любую погоду, и ногами измеряли длину почти всех саратовских улиц. А может, сама Лена виновата, так как от радости одних только предположений об этих намерениях у нее захватывало дух, и его хватало для счастья. Тогда, давно, и нужно было это счастье как-то приватизировать, но не хватило ума или практичности.

Но это было давно, а сейчас она просто не понимала, что с ними происходит. Она тупо ела сливу и морщилась: «Все-таки еще не созрела».

Сейчас у них все было «в полном ажуре». По отдельности.

Сережа давно жил за границей. Они оба были в браке. Лена серьезно, уже 7 лет, а Сережа как-то несерьезно, уже 3-й раз. Рассказывал, что расставался с женами он всегда легко и продолжал дружить потом с их новыми мужьями и детьми их мужей, и с ними самими, как будто не было никаких обид или размолвок. Он был легкий человек, и только с Леной все было нелегко.

Лена вспомнила, как после его отъезда за границу она тихо и долго остывала, вначале продолжая верить, что не все еще кончено. Но после его сообщения о первой женитьбе начала остывать быстрее и остыла почти до смертельной скуки и равнодушия ко всему.

После долгих лет забвения они случайно встретились в Крыму.

У Сережи тогда был медовый месяц со второй женой Мариной, и он опять жил в Москве, а Лена первый раз поехала с мужем на море.

Так получилось, что все или почти все вспомнилось – и разбередило, как будто не было этих лет разлуки, а было только желание видеть друг друга, говорить и смеяться. Лена никогда не была за границей, и Сережа рассказывал про разные города и страны, в которых он или жил, или приезжал туда на всевозможные невозможные конференции и встречи. Они вдруг вспомнили, как ни дня не могли прожить без новых стихов открываемых ими старых поэтов, и вспоминали эти стихи, и вспоминали, как Сережа пытался вывести формулы, похожие на стихотворные ритмы – хорей и анапест, и как им казалось, что он вот-вот совершит открытие и «проверит алгеброй гармонию».

Муж Лены, Вадик, ревновал, новобрачная злилась, а им было невдомек, пока тогдашняя Сережина жена Марина не заявила, что или она или Лена. Тогда Сережа опомнился, стал шутить над ее ревностью, но через два дня они уехали из Ялты в Кореиз.

Три года замужества Лену порядком разочаровали, однако после этой встречи в жизни что-то изменилось. Теперь ей казалось, что все не так уж уныло, что жизнь не одно сплошное убожество, и что есть на свете что-то хорошее, и оно связано с детством и Сережей, и это чего-то стоило.

Потом Сережа прислал фотографию, сделанную в Ялте, где волна накрывает ее с головой, и Лена разозлилась, так как на фотографии она была слишком толстой и неповоротливой, как раскоряченная в воде корова.

На письмо она не ответила.

Потом он позвонил, и сообщил, что уезжает по контракту за океан, а перед этим заедет к родителям в Саратов.

Он пригласил старых друзей, и они все сидели за тесным столом в жару и ели, и пили, и желали ему успехов в «его нелегком, но праведном деле», и он опять был свободен, то есть не женат. А она была с мужем, и Вадик опять, как тогда в Ялте, злился, и они ушли раньше всех, и Сережа, веселый, провозжал их до самого троллейбуса, забыв про гостей, долго держал ее за руку, что-то продолжая рассказывать, а потом просто махнул рукой и ушел, не оглядываясь.

Дома муж молча швырял вещи, а она заплакала от обиды и несправедливости, и, вообще, от чего-то непонятного.

Потом прошло еще три года. И вот теперь он опять приехал. В этом году уже третий раз. Но сначала они переписывались по e-mail и перезванивались. Первое письмо Сережа прислал ей на общую их с Вадиком почту, потом она завела свой собственный ящик.

Если бы эпистолярный жанр снова был в моде, то Лена, наверное, писала бы письма каждый день. В письмах она могла рассуждать на любую тему, рассказывать все подряд – слов хватало. Но время изменилось, и теперь уже его не хватало на длинные письма.

Однако они писали друг другу каждый день. Иногда перебрасываясь короткими записками типа: «Погода шепчет, но дел невоворот. До связи», или: «Посмотри на сайте..., то-то...», или «Все хорошо. Сегодня сдаю статью». Иногда длинными письмами, например в субботу. Но каждый день обязательно. Время расходилось на несколько часов, и Лена всегда знала, когда он открывает ее письмо, и что-то в груди екало.

Последний раз он приезжал полгода назад, и тогда она уже была беременна.

Почти семь лет бесплодного брака, и вот «счастливый случай», как сказал врач. Вадик ничуть не удивился, даже не переменял позы за компьютером, когда она ему об этом сообщила.

– Все в порядке, малыш, давай рожай.

И опять уткнулся в свой Интернет.

Но теперь ей было все равно. Появился смысл. И она сразу сообщила о нем Сереже.

Он выразил свой восторг, прислав веселую Рождественскую открытку с пляшущим младенцем. А потом приехал сам. И привез кучу подарков. Для всех. Он опять собирал друзей, и теперь Вадик отпустил ее одну, так как беременность была залогом всего, и он больше не злился.

На этот раз гостей было мало, и они вдвоем весь вечер просидели в углу, рассказывая друг другу то, что не напишешь в письмах, даже самых откровенных, потому что сидеть рядом и слушать, и ощущать прикосновения и взгляды – под это можно и помолчать. Но хотелось разговаривать, и Лена подумала тогда, что ему там, за рубежом, в той его прекрасной жизни, не хватает все-таки этого простого русского трепка, или разговора «по душам», как принято говорить.

Сейчас, здесь в саду, ей было удивительно спокойно. Однако беременность подходила к концу, навевая страхи. Живот стал большой и неудобный, а она двигалась по саду осторожно, боясь оступиться и покатыться незнамо куда, как колобок. Вечером, ворча, рассматривала старые фотографии, представляя себе, как будет выглядеть их с Вадиком ребенок, и нашла ту, которую когда-то снял Сережа в Ялте, и удивилась, что казалась себе толстой.

Сережа приехал неделю назад без предупреждения и завалился к ним домой вечером с букетом дурацких лилий, которые страшно воняли, а она теперь не переносила никаких запахов, даже хороших.

Дома никого не было, и от неожиданности его прихода, от своего задрипанного вида в старом

халате и от запаха ненавистных лилий она расплакалась. Он утешал ее, посадив к себе на колени, как маленькую, распустил волосы, легонько целовал в спину. И приговаривал: «Все хорошо. Все прекрасно».

А Лена успокоилась и закрыла глаза, и ей казалось, что они плывут в лодке по Хопру, и солнце светит ей в спину, а Сереже прямо в глаза, и он жмурится, как кот, а поэтому гребет неровно, и лодку поворачивает вправо, и они натываются на корягу и чуть не переворачиваются, а вокруг речные лилии и кувшинки.

Потом он вышел на балкон и просто бросил букет вниз: «На могилу всего вонючего».

Потом они пили кофе, и она переделалась в новое платье, купленное «для выхода», и опять все было здорово.

Бродя по саду, Лена все время натыкалась взглядом на сливу, и ей казалось, что необходимо, очень важно сохранить урожай, так старательно вынашиваемый этим молодым деревцем.

Она каждый день обрывала ягоды с одной из веток. Ветка распрямлялась, и Лене казалось, что слива ей благодарна.

Сначала она варила варенье. Простое – кило на кило, ягода – сахар. Потом варенья стало слишком много. Банки стояли повсюду, да и запасы сахара поиссякли, и она решила делать сливовое пюре. В старинной книге прочла рецепт, где нужно было сначала сливу отваривать, затем протирать через сито, а затем снова варить уже без косточек и кожуры, добавляя специи, сахар и соль. Кроме сливы, всего остального нужно было немного, а это значит – экономия.

И Лена стала фантазировать. Во-первых, она все упростила: пропускала сливу без косточек через блендер, а потом варила, добавляя сахар и корицу, если хотела сделать пюре сладким, или зелень, чеснок и красный перец, чтобы оно было острым, и могло содиться для мяса или рыбы. Лена вкладывала в свои рецепты какие-то особые чувства к сливе.

Количество банок увеличивалось.

А сливы на дереве все не кончались.

Свекровь и муж, приехавшие на дачу, ахнули, пораженные объемом приготовленного сливового пюре.

– Ты сошла с ума на почве беременности, – сказал Вадик, – кто это будет есть? Лучше бы в доме прибрала, а то куда не сунься – сплошные банки.

– А ты попробуй, – улыбнулась Лена, намазывая пюре с базиликом на поджаренный хлеб.

Сережа приезжал на стареньких отцовских «Жигулях», оставался целый день до позднего вечера, гулял с ней по саду, водил на речку и в деревню за хлебом и молоком, и беспрекословно пробовал все виды сваренного сливового деликатеса.

Он так и сказал: «деликатес».

– В Штатах такого и не едали. Там все искусственное. Дашь с собой хоть баночку.

У Лены радостно забило сердце.

– А можно две? В самолет пустят?

– А я их – в багаж.

А потом они поспорились. Как-то слово за слово... Она пребывала в состоянии ожидания, и ничего не хотела решать, а он хотел, чтобы она сейчас же, сегодня, уехала с ним сначала в Саратов, а потом туда, за моря-океаны. Это было глупо, так как она еще не всю сливу обобрала, да и ребенок должен был родиться скоро, здесь, на родине, и вообще, это было детство, которое кончилось там, давно, в другой жизни.

Он уехал разозленный, а она пошла и прилегла в тенечке, и все смотрела на сливу, и ей казалось правильным то, что она ему сказала, но было грустно и радостно, так как мечты все же могли сбыться, и это немножко утешало. Потом пришел соседский кот-подлиза, и пришлось встать и разморозить ему сосиску.

Вечером Сергей сидел на кухне у Вадима, и они пили. Кондиционера не было, и, по мере опья-

нения, они постепенно разделись до трусов. Водка была ледяная из морозильника, а малосольные огурцы, сделанные Ленкой, хрустящие.

Все – классно!

Но на душе опять та паршивая неуверенность, которая всегда мешала ему жить. Вадим был отличным человеком, очень неглупым, и, кажется, в глубине души сочувствовал Сергею. Его сочувствие Сергей воспринимал как превосходство, и это выводило из себя. Хотелось сказать гадость, но воспитание не позволяло.

Говорили об Америке и Штатах, в частности. Говорил в основном Сергей, рассказывая о работе, о возможностях и «американском образе жизни». В этих рассказах даже ему самому все казалось сладенькой сказочкой, и было противно, как будто он хвалился чьими-то чужими заслугами. Он ободрял и подначивал Вадима, заманивая перспективами работы программиста. Вадим посмеивался, потом помрачнел и спросил в лоб:

– Ты честно скажи, че ты едешь сюда, если там так здорово?

Помолчали.

– Я жену твою люблю, – вдруг сказал Сергей, и ему резко заглохло.

На прощанье Вадим все-таки пожал ему руку, и просто без всякого сочувствия сказал:

– Ты знаешь, всякое бывает. И Ленка тебя тоже по-своему любит. Но лучше ты ни на что не надейся. Поезд ушел. И давай, там держись в своей Америке, духом не падай. Помни, родина осталась, и мы по ней ползаем. Так что, если что, приезжай...

В самолете времени было много, и Сергей сразу открыл note-book, чтобы дописать статью, которую давно ждали в научном издании Калифорнийского университета, где он подвизался профессором на спецкурсе.

Но в голову лезло одно и то же: вот Лена идет по саду, халат на пузе расстегнулся, она запахивает его рукой и краснеет, вот она показывает на звезды, спрашивая, какие звезды он видит там за «морем-окияном», а он не знает, так как на звезды смотреть некогда, вот она опять накладывает ему в розетку сливовое пюре и вдохновенно рассказывает очередной рецепт.

И ему вдруг становится душно в салоне самолета и хочется сейчас, немедленно, дернуть вон ту красненькую ручку и мягко на парашюте спланировать прямо в душный сад. Вернуться и остаться, и держать ее за руку, когда она поедет на каталке в родильное отделение, хочется наклониться к ней и шептать что-то, безразлично что, только чувствовать ее дыхание и тихий голос, и видеть эту слабую, робкую надежду в глазах.

В Нью-Йорке он окупнулся в работу, и больше ни о чем не вспоминал.

Каждый день он писал ей и получал письма. А раз в неделю звонил. И этого было довольно.

И она была ужасно спокойна, только время от времени начинала скулить тихо-тихо, и сразу вешала трубку, ссылаясь на помехи. Она всегда была такая – не хотела вешать на него свои настроения, плохие.

18 августа Лена написала, что сегодня ему нужно обязательно съесть сливового пюре за ее здоровье, так как она отправляется в роддом прямо сейчас на машине скорой помощи, которая никак не приедет.

Лена, которая мучилась уже с ночи, обрадовалась, когда приехала «скорая», и, расслабившись, задремала по пути в больницу. Но ребенок не хотел, что бы она дремала, и снова начал проситься наружу. С носилок встать она уже не смогла, и ее понесли два жизнерадостных бугая, уговаривая не волноваться. Занесли прямо в предродовую палату и стали быстро переодеваться и мыть руки, посмеиваясь над ее страхами, приговаривая: «Все будет хорошо, мамаша. Ребеночек-то не первый?» А когда узнали, что первый, то бодро стали увещевать, «что все равно ничего, и все обойдется». Эти слова ее как-то не утешили, но болтовня двух пышущих здоровьем санитаров ее отвлекала. Когда же они перешли вместе с ней в родилку, оказалось, что они и есть те самые врачи, которые будут принимать у нее роды. Все было так необычно, что она только слегка возмущалась, но вскоре от боли и беспрестанных команд: «тужиться и дышать», забыла о своем возмущении.

Письмо он получил с опозданием на 6 часов, из-за разницы во времени между Саратовом и Нью-Йорком.

Он тут же позвонил, узнать – как там, но никто не ответил. И вдруг он заволновался. Его прямо трясло. Руки дрожали, и стало реально плохо.

Он вдруг вспомнил, как когда-то давно, когда он только что уехал в Москву учиться, он сильно затосковал и без спроса приехал повидать Лену. Родители его тогда были начеку и бдели за их отношениями, поэтому домой он не пошел, а дождался ее у школы, и они почти целый день бродили по городу. Стемнело рано, стало холодно и ветрено, так как наступил октябрь. Волга была черной. Глаза Ленки блестели в темноте и отсвечивали какими-то зелеными искрами. Они шли по нижнему ярусу Набережной и время от времени наклонялись за парапет и глядели в воду. Течение было быстрым, и вода притягивала и пугала. А ему вдруг захотелось какого-то геройства.

Ему всегда не хватало уверенности в себе и в людях. Всегда он чего-то опасался, и в чем-то сомневался, но с Ленкой было все по-другому.

Сергей закрыл глаза и представил себе, как идет по узкому парапету, а она испуганными глазами умоляет его слезть. Сердце даже сейчас съежилось от волнения и страха.

«Леночка, – взмолился профессор Калифорнийского университета, – милая моя, пожалуйста, держись!.. Роди уже кого-нибудь – и баста!»

– Я что-то должен сделать!?! – вспомнил он. – Сливовое пюре, – и стал искать банку.

Их должно было быть две. Кажется, он угощал Лизу – падчерицу, но где же вторая? Ага, вот она! Скорее! Банка плохо открывалась, и надо было поддеть крышку ножом. Вот, сейчас, где ложка? За твое здоровье, девочка моя! Он положил сливовое пюре в рот и закрыл глаза, желая почувствовать вкус, как делал это на даче, когда Лена кормила его из ложечки, и... от неожиданности вдруг сразу проглотил яство.

Потом налил в стакан воды и выпил залпом.

Пюре оказалось очень острым. Оно было кислым и острым одновременно, пряные травы и чеснок, придавали вкусу несомненный оттенок изысканности. Но, боже мой, Ленка явно переложилась жгучего перца! Вот те на!

...Потом наступил момент, когда ни дышать, ни, тем более, тужиться Лена уже не могла, и она просто отлетела на минутку от измученного тела, повыше кресла, над лампой, которая все время светила и слепила ее в ее мучениях. В этот момент он и появился на свет. Это очень правильное определение: появиться на свет, потому что он вышел головкой вперед и его сразу ослепили эти дурацкие лампы, и он, естественно, заорал и задергался, а вокруг него крутилась какая-то уж слишком большая и подвижная фиолетовая змея-пуповина. Лена тут же ринулась вниз, к нему, защитить, закрыть от ламп, от всего, что могло бы помешать ему чувствовать себя здесь уверенно, хорошо и покойно.

...Выступили слезы, но он упорно продолжал поглощать пюре и звонить в Саратов. Звонил и ел, пока не съел всю банку.

Наконец, на том конце ответили. Это был Вадик.

– Мальчик! – радостно кричал он, – 50 см, вес – три шестьсот... Было трудно, но сейчас – более или менее. Ленка хочет назвать его Сергеем. Ты не возражаешь? Что? Не слышно...

Сергей чувствовал, что должен сказать что-то значительное, но в горле пересохло, а во рту горело...

– Нет, – сказал он, вытирая сливовые слезы.

– Не слышу! Алло...

– Да, я – за! – крикнул Сергей в трубку. – Передай ей, что сливовое пюре удалось. Скоро приеду... Приготовь пару банок... поострее!

28.08.07
г. Саратов

Михаил КВАДРАТОВ

* * *

Утро жмурится и курит;
в коммунальном абажуре
золотые фонари.
Кости тёплые внутри.

Задушили белым флагом,
уходили лёгким шагом
по паркету в пустоту.
Видно, приняли за эту...
Или ту.

* * *

Всех зима заманит и убьёт.
К вечеру замёрз тритон в фонтане
вместе с мотыльком, листьями и цветами.
Улетела птица-кривоногот.

Все ушли. Но, втянут пустотой,
по дорожке в привокзальном парке
мчится, мчится оборотень жаркий
в белой шубке с искрой золотой.

* * *

кому тут нянчиться с тобою
здесь небо борется с землёю
и посредине всей фигни
похрустывают дни твои
так фээзушник недалёкой
среди нелепого урока
тихонько в маленьких тисках
сжимает майского жука

* * *

зима – и целый день глядеть в окошко;
и рацио в сиреневых сапожках

Михаил КВАДРАТОВ родился в 1962 году в г. Сарапуле УАССР. Живет в Москве. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый Берег», в интернет-журналах «Сетевая словесность», «Вечерний гондольер» и др. Книги стихотворений «делирий» (СПб: «Геликон Плюс», 2004), «Землепользование» (М: ОАО «Русский Двор», 2006).

бежит, как водится, в подпольный лазарет
по шаткой лестнице, гляди – сорвется – нет!

он жмурится, он лечится от чисел,
и кто-то розовый толчёт лечебный бисер,

закручивает вечную спираль –
бедняк визжит, но мне его не жаль.

я в даль гляжу – а там на троттуаре
навязчивый мороз – в искристом пеньюаре

согражданам грозит ледом и леденцами,
над ухом клацает железными щипцами,

кусается, скрипит, целует в теплый лоб
и машет мне рукой (проклятый термофоб)

* * *

Эх, болезный, сколько не видел ты света белого,
провалился в чужой колыбели одиннадцать лет.
А уж там оттянулись – пить его давай, есть его;
выжил, однако, – толку от него, дуралея, нет.
Подарили тогда страховку, обратный билет
и наколку слева – делали, как могли –
Сологуб с еловым посохом
бредет, типа, посуху
из-под земли.

* * *

Вот и дятла – ласточку Ареса
рано утром понесли из леса...
Отче, Отче, что же ты – проснись,
слышишь: время утекает ввысь.

Поздно думать – сметь или не сметь:
будет тонко ненависть звенеть
в светлых залах, сумрачных прихожих.
Скоро смерть запросится под кожу,

спрячется в подрёберной пещерке,
станет таять острым леденцом –
просто вышел срок... Душе пора за дверку,
за пальто, за окна, за крыльцо;

ночью занесёт её на переправу,
беженку, черницу, юнге фрау,
вот душа разделится с тобой...
Ловкою монтажной иглой

некий господин продёрнет нить
между берегом другим и этим –
будет чуткой уточкой скользить
по озёрам серым на другом рассвете.

* * *

ну, зачем, зачем тебе она
она нежна, но к тебе же изнаночна
и она ведь любит этого доктора
у него позднеримский шрам от топора
веселятся его разноцветные глаза
он смотрящий от улетающих к небесам
он эрото-, танато-, -лог и ещё чего-то там
...да, говорят, она и без него не одна

рядовой водопьянов

рядовой водопьянов попал в чей-то каменный сон и спит
в этом каменном сне чернокамень толчёт, уминает мел
рядом камень суровый гранит поедает камень агат
водопьянов сопит – он не очень сюда и хотел
водопьянов не то, что кому-то, чему-то не рад –
просто ему все равно – кто здесь о чём говорит –
скупает во сне солдат

* * *

Больной измотан, изнемог,
его астральный колобок
летит по чёрному эфиру,
блуждает по задворкам мира.

Неподтверждённый персонаж
следит нелепый пилотаж –
завязнет в призрачном болотце?
заблудится? домой вернётся?

* * *

пассажиры, багажные звери и моряки
вам мигают зелёные донные огоньки
это зыбкие рыбы светят глазами со дна
пельматохромис крибензис, его молодая жена
им бы туда, где кивают портреты на стенах кают
с ними просились соседи, но ходу наверх не дают
там насос паровой и рупоры верхней плавучей земли
там поют, но морские на баржу попасть не смогли
плачут дети холодной подводной страны
говорят – никому не нужны

Александр БРЯТОВ

* * *

Одолев полгорода с наскока
и застряв в воронке жестяной,
дождь щекочет горло водостока
за моей простуженной стеной,
запоздалой пяденицей с лёту
о стекло стучится дотемна,
пальцами ведет по переплету
наугад раскрытого окна.

Занавеску сбитую расправлю –
пробежит по пальцам чуткий ток:
это мир, прочитанный по Брайлю,
безвозвратно хлынул в водосток,
паруса листвы в ручье полощет
и уносит тайну в глубину,
выболтав грядущее на ощупь
первому открытому окну.

* * *

Перелетная песенка спета,
приземленным метаться поздняк.
Облетевшую летопись лета
на скамейке мусолит сквозняк:
то запойно листает страницы,
то, отбросив ажурную вязь,
к небесам воздымает глазницы,
сокрушительной влагой давясь.
Отчего этот странник понурый
с волосами седыми вразлет
от склоненной над книгой фигуры
мне глаза отвести не дает?
Я ведь тоже свидетель распада,
избежавший холщовой сумы.
И в мою слюдяную ограду
бились беженцы черствой зимы.

* * *

Мокрым снегом листву занавесило,
притянуло к земле провода.
Окунувшись в метельное месиво,
не вернешься вовек никуда.

Александр БРЯТОВ родился в 1961 году в Самаре. Живет в Рязани, работает системным администратором. Публиковался в журналах «Звезда», «Новый берег», «Сетевая поэзия» и коллективных сборниках.

В эту мутную мглу благодатную
стоит сделать доверчивый шаг –
и уже не пойти на попятную:
пропадешь, зажимая в кулак
палый лист опаленного золота,
что в ногах распластался без сил...
Млечный путь закружит тебе голову
ледяной каруселью светил.

* * *

Перехлестывая дыханье,
ляжет лед на гортани рек.
Перелетными мотыльками
фонари облепляет снег.

Припорошенные ресницы
фонарей раздвигают тьму.
Насторожены половицы
под стопами зимы в дому.

В ослепительном хлопке кружев,
свитой хлопьев окружена,
все пронзительней смотрит стужа
в перекрестный прицел окна.

* * *

На дворе – юра, на юре – триас,
на триас налегает пермь.
Если смотришь вечером в рыбий глаз,
заводной чешуе не верь:
он пузырит щеки, как стеклодув,
но не дай себя обмануть, –
это время, в зеркало заглянув,
повернуло в обратный путь,
и когда по швам литосферных плит
затрещит коры полотно,
ты свернешься в шарик, как трилобит,
и уйдешь на морское дно.

* * *

Засыпает снегом двор
из овчин распоротых.
Эстакадой без опор
ночь растет над городом.

Меркнет все в ее тени,
только чудом светятся
габаритные огни
у Большой Медведицы.

Режут наледь тормоза
шинами шипованными,
засыпает ангел за
шторами шифоновыми.

Свет потушен, день прожжен,
скверы обесточены:
спи, провинция, бомжом
у чужой обочины.

* * *

парфенон кристаллической серы
целестина стилет голубой
кто рубил в доломите пещеры
чтобы вывести вас за собой
через все серпантины inferно
за спиной вельзевула тайком
чтобы брызнула соком каверна
под склевавшим века молотком
чтобы шлиман от палеозоя
и толмач доегипетской тьмы
до прорвавшихся лавой мозолей
высекал вас из вечной тюрьмы

* * *

Под желтками светофоров
барабана во всю мощь,
струпья краски от заборов
отколупывает дождь,

и чернеет сквер, ощерясь
частоколом в пол-лица,
как запущенная челюсть
африканского жреца,

и немые истуканы,
вброд листву переходя,
воздевают под тамтамы
ветви к статуе вождя.

* * *

Что видит стекло ветровое,
мотая клубок колеса? –
обочину с пыльным подбоем,
в горячке осенней леса,

дороги расхлябанный синус,
да кобальта легкий мазок
над краем, где *quercus* и *pinus**
врастают в голодный песок.

* *quercus*, *pinus* (лат.) – дуб, сосна.

Елена ГЕОРГИЕВСКАЯ

ВОДА И ВЕТЕР

Л. В. – литератору, а не прототипу

You tell me:
Who gives a good goddamn
You'll never get out alive
Don't go dreaming; don't go scheming
A man must test his mettle
In a crooked old world

...
As the crow flies
It's there the truth lies
At the bottom of the well
E-o-leven goes to heaven
Bless the dead here as the rain falls

...
Don't be greedy, don't be needy
If you live in hope you're
Dancing to a terrible tune.

Tom Waits

I.

В один, не могу с точностью сказать, насколько прекрасный день я забыла о Лизе; мне напомнили о ней в городе, ставшем для неё гораздо более чужим, чем для меня. То есть, изначально это был город Р. на северо-западе от Москвы – позор северо-запада, мусорный городишко, страшный, как термины в филологической диссертации; мужчины там откровенно некрасивы, а женщины делятся на две категории: малолетние лохушки, соответствующе наряженные, и удалбанные жизнью тётки в просторных кофтах до колен. Только потом вокруг меня на некоторое время возник этакий метафизический Кёнигсберг, которого, по мнению одного известного писателя, никогда не существовало. Впрочем, на фоне Р. любой город кажется мистическим, метафизическим и просто чистым.

Тогда я должна была (согласно просьбе почтенной родственницы) пройти по магазинам, а я этого не люблю. Миновав тёмно-зелёный новорусский дом в три этажа, я свернула в переулок, забитый толстыми бабами и шмотьём, предназначенным для отпетых натуралок, со всеми этими кружевами, блёстками, вырезами, разрезами; отдельного внимания заслуживали брюки с талией, приходящейся на середину задницы, что вполне адекватно отвечало особенностям российского климата, с одной стороны, и особенностям анатомии человека, с другой. Ну да, подумала я, ведь «женщина – не человек», к чему ей нормальные брюки? Вообще, наша плебейская мода, результат взаимной приязни японских проституток «когару» и геев-модельеров, как нельзя более соответствовала характеру типичного потребителя – малообразованной малолетки в стиле «я не

Елена ГЕОРГИЕВСКАЯ родилась в 1980 году в городе Мышкине Ярославской области. Публиковалась в альманахах «Дети Ра», «Футурум арт», в сетевых изданиях; в журнале «Волга – XXI век» (№11–12, 2007) публиковался роман «Место для шага вперед». «Вода и ветер» – авторский цензурный вариант.

такая, я жду трамвая; а, впрочем, подождите, сколько дадите?» Торговка перехватила мой взгляд и спросила: вас что-то интересует? – хотя в моих глазах должен был отражаться не интерес к её товару, а завешанное Нахманом из Брацлава радостное удивление перед всё новыми и новыми гранями неопровержимой глупости бытия.

Тут появилась Мариша. Мы когда-то вместе учились, хотя это вовсе не повод для общения. Я не буду говорить о ней подробно, потому что Мариша – это архетип.

– Шалом лакхм, Мирьям*, – сказала я. Торговка решила, что я – лицо кавказской национальности, и испуганно оставила меня в покое.

– Надо же иметь такую наглость, – сказала Мариша. Я не видела её года два. – И ты думаешь, что это кошерное приветствие, а?

Мы ушли. Мы были убеждёнными предателями родины, родной религии и традиций. Это очень помогало нам в жизни и в общении друг с другом.

Она тоже ненадолго заехала к родственникам и теперь жгла в их квартире благовоения под аккомпанемент какой-то индийской брехни. Я ехидно напомнила, что сейчас шаббат, зажигать огонь не рекомендуется, и уберу от меня подальше ветчину, в ответ на что последовало предложение отправиться вон, то есть, в рай, к моему прадеду-протоиерею, который меня немедленно убьёт и будет прав. Потом она спросила, как дела. Конечно, я сказала, что в порядке, кроме научной работы, которая висела у меня над головой, как труп самоубийцы, да ещё моя девица свалила в Питер, так что придётся искать другую.

– А мужики тебе окончательно надоели? – спросила Мариша.

– Если бы мужики молчали, у меня было бы к ним меньше претензий. Но с ними надо *говорить*, строить *отношения*, ведь не у каждого хватит мозгов ограничиться *one night stands*. И они достали, они мне рассказывают, какой я, по их мнению, являюсь, и какой женщина, по схеме патриархата, должна быть...

– Да-да, все говорят одно и то же. Лиза характеризовала мужиков как существа с разными размерами половых органов и одной и той же ерундой в башке.

– ...и большинство не верит, что я на самом деле такая, какой являюсь на самом деле. Думают что угодно: что я их поддразниваю с целью привлечь к себе внимание; что я пытаюсь носить маску; что я постоянно вру; что чёрт знает что. А если кто-то, из числа самых умных, и понимает, что женщина может быть такой, то смотрит, как на марсианку. И потом, они делятся на два типа. Одни считают, что «баба должна давать», а другие – что «женщина должна отдаваться». А я не могу «давать», и с каждым годом мне всё больше надоедает весь этот бред.

– Ты совсем как Лиза, – сказала Мариша, закуривая. – А знаешь, ей нравились «наши»...

– Знаю.

– О красивом еврейском мальчике она могла сказать: «Я хочу сорвать его, как чёрную розу».

– Убийственный Лизин пафос.

Я отодвинулась подальше от дыма, и Мариша истолковала это так, будто я не хочу больше говорить о нашей общей знакомой. Она сказала:

– Впрочем, ну её... в лес. Кстати, она ведь жила в Калининграде, вы там не сталкивались?

Калининград – не Р., там трудно столкнуться, разве что на Куршской косе. Но я видела её в Москве – не среди окололитературных сплетников, как можно было бы предположить, а в полуподвальном клубе. Она сидела в глубине зала, цедила этот их фирменный коктейль через соломинку (я не заказывала его никогда). Молодая женщина в чём-то сером и прозрачном, как сигаретный дым, подседа к ней и заслужила замечание поддатой трансухи в парике: «Мать, ты всегда любила экзотику». Мне показалось, что Лиза узнала меня: она улыбнулась, мол, я тебя помню, всё в порядке, но мы не настолько близко были знакомы, и ты не настолько свободна сейчас, чтобы я тебе надоедала. А может быть, это была не она; может быть, эта улыбка означала обычную симпатию: пришла, отметила в зале пару красивых лиц и через пару часов их забыла. Но она

* «Радуйся» (иврит). Легендарное обращение Гавриила к Марии.

была очень похожа на Лизу, в ней чувствовалось это вечно-отщепенское «я-противопоставляю-себя-другим». Поэтому она, со своей обыкновенной вечно-славянской внешностью, и казалась кому-то экзотичной. Она была «не такая» – совершенно, по убеждениям и по собственной воле, которую только дурак назвал бы доброй. Нечто подобное усматривали и во мне доморощенные психологи, недоучившиеся ловцы человеков, не понимая самого главного: я не противопоставляю себя окружающим, пресловутым «всем» – я просто имею слишком мало общего с плебсом, вкусы и привычки которого нам навязывает государство. Я генетически и психологически не могу принадлежать к этим людям, это как другая порода кошек. (Сиамских кошек меньше, чем сибирских, ну так что же?) В общем, путать кастовость и сознательный нонконформизм – это всё равно что не отличать крик души от нытья.

Я была сиамской кошкой, предназначенной охранять храм где-нибудь в Таиланде, а её заперли в московской квартире под охраной «хозяина». А Лиза была сибирской кошкой, решившей надавать своим собратьям лапой по морде. Вот и всё.

Мариша не согласилась.

– Я имею в виду, – уточнила она, – это общее для вас стремление не быть пассивом, не навязанное воспитанием, – воспитанием навязывалось как раз обратное, – а природное, врождённое, тоже, может быть, заложенное на генетическом уровне. Вы даже внешне похожи. Такая, как Лиза, крепкая немногословная блондинка, слегка а la Ким Гордон*, с трансцендентным этим выражением в ненакрашенных глазах, больше напоминает брюнетку, чем блондинка другого типа – эстрадная кукла.

– То есть, больше напоминает человека, а не олицетворённый штамп?

– Ну, можно и так сказать.

2.

Кёнигсберг ближе всего к центральной Европе. С одной стороны – море, с другой – Мазурское поозёрье. Поляки там действительно хороши собой (польки тоже). В них есть чуть-чуть еврейской крови, иногда – чуть-чуть русской, и это не пресловутая «взрывная смесь», а вполне спокойное и даже гармоничное сочетание. Так же спокойны там вода и ветер... до поры, до времени.

Вода и ветер, вот что приходит в голову, вот что я увидела там в первую очередь, а не ветшающие немецкие дома и чудом уцелевшие протестантские кирхи. Через несколько лет я прочитала у Анджее Стасюка: «Полумрак родных краёв – наше незаслуженное проклятие... я ощущал постоянный сквозняк, постоянную тягу с востока на запад и обратно... И вновь Галицию накрыл циклон. Вода и ветер...» Pan pisarz** не жил в Петербурге зимой. Этим всё сказано.

Конечно, по сравнению с Италией там холодно, не спорю. Но у нас на северо-западе ещё хуже. У нас не бывает такого мягкого ветра, нет тёплого течения Гольфстрима. У нас ничего нет, кроме Волги и претензий. Но ни претензии нам не помогут, ни Бог, в которого почти не верят, ни царь, потому что монархию отменили, ни герой, потому что героев нет. И *zadne wiersze tu nie pomoga, alkohol any lzy****.

Мне бы твои проблемы, Лиза.

А насчёт «нас там не ждут» – так нигде никого не ждут, а если где-то иногда и ждут, то, чаще всего, наивные люди, обманутые собственным воображением, или мошенники, мечтающие собрать на одном поле как можно больше дураков.

– Сколько раз ты уже писала про филфаковских девочек? Про общежития периферийных вузов с их почти армейской дедовщиной, про этот синтез казармы, помойки и бесплатного борделя? Опускаем абзац.

* Ким Гордон – альтернативный композитор, вокалистка рок-группы «Sonic Youth».

** Пан писатель (польск.)

*** «Не помогут ни стихи, ни водка, ни слёзы». – Владислав Броневский.

Лиза жила в общежитии на улице Римского-Корсакова, оно было лучше, чем ваше, но тоже не подарок. Она мне говорила, что ты была ей тогда интересна, но её подруги недолюбливали тебя, и наоборот. Она терпеть не могла эту твою Валю, с которой тебя постоянно видели. Однажды Лиза раздражённо сказала мне: неужели она не могла найти собеседника поумнее?

Ладно... Лиза была вечной аспиранткой, вот примерно как ты раньше была вечной студенткой. Она была из плохой врачебной семьи. А почему нельзя так говорить, ведь есть же словосочетание «врачебная этика»?

Что такое окраина райцентра, одним объяснять не надо – они это слишком хорошо знают, а другим – бесполезно, не поверят и не поймут. В этом квартале, застроенном частными домами, и во всём N-ском районе было невозможно установить Интернет и окончательно починить электричество. Некоторые жители N работали в деревнях, потому что в городе не хватало вакансий. Лизин отец числился на должности фельдшера в убийственной дыре, которую с завидной регулярностью переименовывали то в посёлок, то в село, то в сельское поселение, что являлось не только грубой тавтологией, но и наглым враньём: применить благородно-нейтральное слово «поселение» к этой череде утопающих в навозе сараев – всё равно что назвать провинциальный выгрезвитель клиникой имени Бетти Форд. Отец ездил по грязной дороге на велосипеде за семь километров. Утром велосипед заносило из стороны в сторону: отец спал за рулём. Вечером было то же самое: отец предпочитал медицинский спирт. Мать работала стоматологом в районной поликлинике, где всегда были очереди и иногда не было воды, эфира и новокаина. Да, я знаю, что эфир давно запретили – как бы запретили, – но другого обезболивающего не было.

Существовала легенда, что однажды народ (не знаю, какая именно социальная прослойка подразумевалась под этим определением) пришёл к губернатору области и сказал: дайте денег на поликлинику, лечиться невозможно.

У меня нет денег, ответил губернатор.

Ну, тогда хоть дайте денег на постройку моста через реку.

Мне кажется, ответил губернатор, что паром больше соответствует местному укладу жизни, а в том, что после восьми вечера он не ходит, я не вижу никакой трагедии.

С этими словами он убрался вон.

Колодки тоже, кажется, не соответствовали местному укладу. На окраине были колодцы. То есть, было два колодца на шесть домов, но отец Лизы (не спрашивай, каким образом, это недоступно моему пониманию) опрокинул в колодец открытую двухлитровую канистру с медицинским спиртом. Это был ещё не худший поступок в его жизни.

Фельдшер заколотил крышку колодца и стал ходить к одной из соседок, но она вскоре умерла, а столетний прогнивший дом её, памятник местной архитектуры, купил за гроши некий Герман Фёдорович, пожилой дядька с замашками собственника и пророка. Достаточно было посмотреть на него, чтобы понять: изначально его отчество звучало примерно как Авигдорович. Ладно, это всё домыслы. Я сплетен не собираю, на всезнание не претендую. Его отца вполне могли звать иначе, вовсе не Авигдор, а, например, Дов Бер.

Любитель спирта этого снести не мог. Он не терпел евреев. У него был обширный опыт общения с ними: когда-то в его школе была учительница Людмила Израилевна.

– Даёт нам задание, – злобно вспоминал отец Лизы, – пишите, типа, бля. А сама из сумки достаёт колбасу и хлеб, нарезает и *ест!* Мы тоже есть хотели, но надо было писать подлежащие и сказуемые.

– Она должна была с вами поделиться? – спросила Лиза.

Отец помолчал и, наконец, мрачно ответил:

– Она не должна была есть.

Герман Авигдорович усугубил ситуацию. Отец узнал, что до выхода на пенсию он вёл драмкружок, и это не повысило статус соседа в его глазах. Строгий папаша считал, что искусство должно быть не профессией, а увлечением. Тот, кто врёт, что занимается им профессионально, – жулик и дармоед. Но в свободное от распития... то есть, работы время папаше было не чуждо общение

с музами. Он вытаскивал из-за шведской печи фанерную гитару, подкручивал колки и пел что-нибудь типа:

Девки, пойте, девки все,
Я нашёл манду в овсе.
Она рыжа, без волос,
Сидит и кушает овёс.

Мать мешала ему. Она входила в комнату и начинала диалог:

– Нет чтоб ведро вынести. Ты эгоист, ты думаешь только о себе. Что хочешь, то и делаешь. Вон, весь велосипед глиной заляпан.

Отец раздражённо и укоризненно отвечал:

– Саш, ну, не пизди. Не пизди-и!
– Мало того, что я весь день зубы драла, я ещё должна целый вечер твою рванину от глины отстирывать. Машина-то не работает. А ты сидишь. Нет чтоб ведро принести.
– Как я принесу?! – рявкнул отец. – Еврей колодец на замок запер! Ломай замок, неси сама!
– и т. д., и т. п.

Герман Авигдорович был очень сдержан по отношению к местным жителям. Лиза могла это понять. Однажды нетрезвый отец пошёл с ведром к еврейскому колодцу, по дороге упал, выронил ведро, и т. д., и т. п. Еврей видел всё это из окна. Наверно, он решил: не хватало ещё, чтобы этого типа вырвало прямо в колодец. Короче, пенсионер объявил колодец своей частной собственностью и запретил соседям черпать воду.

Отца это взбесило. Весь вечер он стоял, оперевшись на забор, и орал:

– Мне! Хамит какой-то еврей! Козёл старый! Тут евреев, мать ети, никому не надо! Их тут не было никогда!!

– Вот-вот, Константин Сергеич, – кивала соседская бабка. – Вы спирта для моего старика не нальёте? А то анальгин совсем не берёт.

Особенно отцу не понравилось то, что еврей в ответ на все его претензии брезгливо заметил: «М-да... провинциальные медики...» Думает, если он приехал из соседнего райцентра, в котором население гораздо больше, то ему всё можно.

Боевой запал не оставлял отца до глубокой ночи. Он брэнчал на гитаре следующую фольклорно-импровизационную чушь:

На столе сидят жида
И стоят на стуле.
Дайте Гиришелю воды
И по морде Срулю!

Я припёрлась в сарафане
И в ворованном пальто.
Испугалась тётя Фаня,
Сразу вызвала ментов!

Нету в доме, на фиг, стен,
Нет вина в стакане...

Далее слышалось дребезжание, скрип и мат. Папаша ронял гитару, подбирал и возобновлял концерт:

Надо всем обрезать хрен,
И тогда он встанет!

Евреи, евреи летят выше солнца
На небо, на праведный суд!
Ведь скоро умрёт мировое масонство,
И все синагоги снесут!

Через несколько дней Лиза узнала, что её реферат не был воспринят зав кафедрой на должном уровне. Нравы в этом вузе всегда были простые: никакого собеседования с комиссией и проч.; ты всего-навсего звонишь на кафедру, и тебя всего-навсего посылают.

В то время я имела неосторожность подрабатывать лаборанткой. Проходя мимо полураскрытой кафедральной двери, услышала следующее:

– И так в этом году в аспирантуре будет одно бабё, я уже бабьих голосов слышать не могу, у меня аллергия.

– Тсс... Воронина может в коридор выйти.

– Ну-ну! Профессорская дочка недооценённая!

– Тсс... Тьфу! – Дзынь! Я забыла, что сегодня был то ли день памяти какого-то православного мыслителя, то ли просто пятница, – в общем, дядьки традиционно бухали.

– ...а эта, из мухосранска, наверняка хочет вырваться из родных, это самое, стен. Таким лишь бы осесть хоть где-то, если не в Москве, то в областном центре, а научную карьеру – в гробу видели. Всё равно она ничего дельного не напишет.

– Так что, зарежем? Но ведь не худший реферат, я листал... Пятьдесят источников. У Егоровой всего двадцать.

– У Феи лучше.

– Так он, извини, сын Прошиной. У мамыши одной библиографии к этой белиберде целый стеллаж. Всё, ну эту девицу...

Мимо меня, на минуту застывшей в ожидании более интересного диалогического поворота, прошёл небритый доцент Успенский, обернулся и остановился. В руке он держал цветастый полиэтиленовый пакет, в котором что-то позвякивало.

– Лиходеев, не знаете, там? – умирающим голосом поинтересовался он.

– Не знаю, – быстро ответила я и ретировалась. Вслед мне понеслось мрачное:

– О, Господи...

На этой душещипательной ноте научная карьера Лизы временно завершилась.

Услышав о судьбе реферата, папаша позлорадствовал – он никогда бы не простил дочери, если бы она добилась в жизни большего, чем он, – попрекнул Лизу куском хлеба, крышей над головой, фактом её появления на свет, поступлением в определённый вуз и тем, что она якобы выпила накануне рюмку предназначенного не для неё медицинского спирта, и посоветовал ей сходить в магазин за бытовой мелочишкой типа оцинкованных вёдер и эмалированных тазов, а потом – немедленно найти работу, потому что содержать наглых двадцатитрёхлетних сук он, порядочный верующий человек, не намерен.

Ближе к вечеру она забрела в кафе, сгрузила на пол рюкзаки с продуктами и огромный пакет с оцинкованными вёдрами. За одним из столиков сидели местные рабочие, оглушительно шмыгая носами и хлюпая чаем. За другим златозубые хачи что-то обсуждали на нерусском языке. Лиза отвернулась к окну, из которого открывался тот вид на окраину города, какой не предназначался для глаз туристов. Бурьян, мусор, сломанные заборы, покосившееся здание общественной бани с проржавевшей крышей. Магазин в виде избы, у входа вывеска с названием «Мавр». Невдалеке маячил указатель: фирма по оказанию ритуальных услуг «Стикс» находится там-то и там-то. На этом фоне бродили бесхозные козы. На памятнике Ленину пару лет назад кто-то красной масляной краской написал: «Палач». Туристы были в восторге, то и дело щёлкали фотоаппаратами. Потом надпись с трудом, но стёрли. Жаль. Она привлекала туристов, за счёт которых пополнялся городской бюджет.

И я должна буду любоваться всем этим, быть может, всю жизнь, подумала Лиза.

Только не это. Ещё год – и опять попробую вырваться. А что она будет делать в течение года? Преподавать в деревенской школе – потому что в городской школе все места заняты? Ей даже торговать в ларьке не устроиться: для этого надо либо быть мусульманкой, либо спать с кавказскими торгашами – вроде этих толстых полуседых дядек, которые, сверкая зубами, ржут на всё заведение. Открыть своё дело? Ха-ха... Она знала, что вряд ли сможет стать бизнес-леди: к ней так же трудно было применить слово «леди», как и слово «бизнес». И она не могла устроиться на работу никуда, никуда: ни столяром, ни электриком, ни охранником, ни сантехником, ни сварщиком, ни грузчиком. Она не имела юридического права получать деньги за то, что поднимает ящики с пивом. Она имела право только платить деньги за то, что поднимает штангу в спортзале. Ей на секунду показалось, что всю жизнь она сидит в этой убожеской забегаловке в окружении грубых поддатых мужиков. Ей вспомнился бывший гражданский муж, которого она на четвёртом курсе с удовольствием бросила, – а на пятом выяснилось, что он всем своим друзьям рассказал, что это он – он! – бросил её, потому что она его достала, хотя Лиза сказала ему: «Мы больше не будем жить вместе», – очень жёстко и при свидетелях; так случилось, что по общежитскому коридору, где они стояли, прошли несколько человек, да так и застыли: мелодрама! (А староста крыла на следующий же день рассказала обо всём охочему до сплетен зав кафедрой педагогики.) Но друзья поверили. Как же – мужское самолюбие... Ей вспомнились её бывшие любовники, которые тоже безбожно ввали у неё за спиной: то и дело она узнавала, что её спокойное и ровное отношение в очередной раз принято за любовь, а значит, теперь от неё потребуют невероятных жертв.

«Я свою бабу в кулаке держу!» – говорили они. «Если что – она за мной побежит, задрав штаны», – говорили они. «Пристаёт какая-то, не знаю, куда от неё деваться», – говорил тот, кто сам неделями безуспешно приставал к ней. «Обязательно женюсь на училке, – говорил очередной её парень, закончивший политех. – Они детей должны любить, она их мне нарожает и сама с ними возиться будет, не то что эти феминистки долбанутые, которые хотят, чтоб мы, бля, пелёнки стирали. Я так себя в её глазах поставил, что она мне будет каждое утро опохмелку наливать. Она от меня никуда не денётся. Всю жизнь мне будет должна, у меня квартира, блин. А у них в педё не парни, а пидарасы какие-то». Тут Лиза распахнула дверь своей общежитской комнаты, где, собственно, и сидел инженер со своим приятелем, которого он зачем-то притащил сюда, а Лизу, незадолго до начала беседы, отправил на кухню – жарить картошку.

– Повтори, – вежливо попросила она, – кто это будет каждое утро наливать опохмелку?

Инженер что-то невнятно и матерно забормotal.

– Ты бы хоть потише озвучивал свои планы на будущее, – холодно посоветовала Лиза, – а то в коридоре слышно, вдруг пидарасы с истфака ненароком забредут – разобраться. Они как раз на площадку вышли курить.

Повисла тишина, абсолютная, как свобода сверхчеловека в интерпретации Ницше. Скоро госы, бля, устало подумала Лиза. Как надоело всё это...

– Давай, – порекомендовала она, – иди. До свидания.

Если он тоже потом врал другим своим приятелям, что сам бросил её, – неудивительно. Лиза его ни секунды не любила, просто он нравился ей в постели. Она и детей не особенно любила. По крайней мере, младенцев. «Дети – это счастье»? Для многих счастье – это как раз отсутствие детей. «Тяжёлый рок разрушает психику»? А детский визг на протяжении многих часов психику не разрушает? «Работа в офисе огрубляет женщину, делает её менее женственной»? А круглосуточное вытирание грязных детских задниц делает её более изысканной и нежной?

Тьфу!

Тогда она ещё не понимала, что мужчина, по крайней мере, – настоящий, так и должен думать, он попросту не может думать и поступать иначе. Она не знала, что такое на самом деле эта пресловутая мужская логика. Не соображала: откуда непонимание друг друга, вину за которое обычно сваливают на женщин, мол, они нелогичны, сами не знают, чего хотят?

Просто женщинам внушают, что мужчины склонны их, видите ли, любить. А мужчинам вну-

шают, что они должны только иметь. Любить должны бабы. И жертвовать собой – тоже. Отсюда – разное толкование одних и тех же поступков.

Иногда девушка думает: если он помог ей в тяжёлой ситуации, то сможет и полюбить. А он просто самоутверждался в роли крутого «спасителя». Иногда она думает: если носит меня на руках, то сделает для меня всё. А он носит её на руках потому, что для него это нетрудно. Я тоже могу без особого труда поднять на руки женщину, весящую сорок восемь – пятьдесят килограммов. Только потому, что я – в более тяжёлой весовой категории. Но я не буду при этом врать своей подруге, что сделаю для неё всё.

Итак, я благодарна вам, дорогие мои, подумала Лиза. Из-за того, что вы правите миром, я не могу даже подработать грузчиком. А о том, чтобы мои слова правильно истолковали, не смею и мечтать.

Тут официантка в кои-то веки начала разносить чай и кофе в одноразовых стаканчиках, из которых торчало что-то одноразовое, кажется, ложки. Но это были вилки. Лиза не знала, куда администрация заведения дела одноразовые ложки; не представляла, куда она дела ножи, – впрочем, их тут вообще подавать было не принято; она также не знала, с какой стати Н объявили преуспевающим городом. Она хотела задать только один вопрос: вам перед туристами не стыдно? Не за враньё, не за липовую историю города, изложенную в малограмотной книжке, не за привычные спекуляции с историческими датами, – вам не стыдно за вилки, которыми посетители кафе вынуждены размешивать кофе?

Зазвенел дверной колокольчик. Лиза отхлебнула отравы со сливками и устало подняла глаза. Вошёл молодой человек, которого она, кажется, уже где-то видела. Он полистал меню у барной стойки и опустился на стул рядом с ней:

– Ничего, если я сяду?

– Нет, – сказала Лиза, – вам, конечно же, лучше остаться стоять.

Он рассмеялся.

– А я вас помню. Мой дед купил дом рядом с вашим. У вас там какие-то проблемы с колодцем, да?

Она уже почти отвыкла от этой врождённой еврейской живости, которая выигрышно смотрелась на фоне застенчивости и неуклюжести местных парней. У них на филфаке учились пять или шесть олицетворений такого же умеренно ашкеназийского типа. Нервные евреечки, похожие на птичек, вовремя не улетевших на юг. И юноши со взором горящим...

– ... похожие на чёрные розы, – ехидно напомнила я.

– Ну, с чёрной розой его сравнить, конечно, было нельзя. Разве что с кустом шиповника. В шипах... Характер у него оказался поганый.

Полуеврейчики... Цветы зла!

Я вспомнила одного такого. Он некоторое время числился моим как бы названным братом, хотя дураки и сплетники, не понимавшие, как можно иметь личную жизнь вне своего института, во-первых, и вне общежития этого института, во-вторых, наивно полагали, что у нас роман. Ага. Роман в составе.

Пока он не спился, выглядел соответствующе: ресницы в полметра, тёмные кудри, великолепная талия. Кейт Мосс удавилась бы от зависти при виде его фигуры, хотя у неё тоже до родов была поистине великолепная дистрофия. Этот представитель братского народа видел меня в трёх ипостасях: воплощения женственности, воплощения мужественности в женском облике и помойки, куда можно сваливать псевдометафизический бред, который может возникнуть только в кудлатой башке чокнутого девятнадцатилетнего поэта. Слава Богу, его отчислили. (Не Бога, конечно.)

– Это совсем другой тип, – сказала Мариша. – Помнишь, о Лиле Брик кто-то писал: «Своеобразная острая красота, какая бывает у блондинок-евреек»? Представляешь себе мужчину такого склада? Нет, не та разновидность, представители которой к тридцати пяти годам уже вполне подпадают под определение «рыжая свинья». Они не рыжие, обычный светло-русый цвет, узкая кость,

в меру стройные бёдра, именно в меру, смотри греческие статуи четвёртого века до эр ха. Очень похожи на неевреев, но в них что-то *настораживает*.

– Греческие статуи, – лениво переспросила я, – похожи на неевреев?

– Не греби мозги. Статуи, похожи, да. И на евреев тоже. И многие греки похожи на евреев (я была в Греции и могу поклясться тебе в этом). Правильно сказал апостол Павел: нет больше ни эллина, ни иудея. Потому что он заколебался их различать.

– Опять твоё дуракаваляние... так что, он был мужским вариантом Лили Брик?

– Если бы. Разве что внешне.

3.

Кавказцы пропали. Рабочие купили по четвертинке водки и пошли бухать домой: в городе не было круглосуточных заведений. Андрей Шейнин – так звали авигдоровского родственника – сказал:

– А мне здесь даже нравится. Иногда. У вас весело. На стенах Дома культуры, Дома быта, на асфальте возле новой переправы – надписи: «Настя Виноградова – шлюха», «Лёха Шапошников – лох», «Рэп – говно», «Здесь были Мытищи». И так крупно, главное, и никто не сотрёт. Это тоже местные достопримечательности, что ли? А местный поэт и журналист О. Т. пересказывает в своих статьях якобы мистические сны, подоплёку которых расшифрует и малолетний первокурсник психфака.

– Я всё это знаю, – сказала Лиза.

– Но, вы думаете, я идеализирую тут хоть что-то? Ничего подобного. Я в Питере учился, на журфаке. Пришлось потом вернуться домой, по обстоятельствам. И меня порекомендовали в один провинциально-патриотический журнал. Услышав его название, я понял, что мне лучше туда не соваться. Мне его подарили, пришлось пролистать. Я почувствовал себя, как питерский интеллигент, приехавший в деревню и случайно заглянувший на скотный двор.

И простота эта ихняя, которая хуже не то что воровства – а вооружённого грабежа...

Впрочем, я и есть в какой-то мере интеллигент, приехавший в деревню. Человек, знающий меня хорошо, не удивится подобной реакции, но рекомендовавший плохо меня знает и не читал мои статьи никогда. Он думает, если мне поставили «пять» за диплом, значит, мои работы годятся для их избы-читальни.

O rus* ...

Ох, бля...

– Ожидали иного? – кратко спросила Лиза.

– Мне так нравится, – заметил Андрей, – ваш стоический фатализм...

– Речь сейчас не обо мне.

– Разумеется. Так что у вас за ерунда с колодцем? Дед говорит: «Их семейка, извините, это семейка Адамс, идиотский мультфильм о которой вы смотрели в прошлом году с Димой Вальдманом. Они не доведут меня до добра, запомни, а всё, что я говорю, всегда сбывается. Этот их папаша – врач-гробовщик». У меня очень продвинутый дед, знаете ли.

Лиза молчала, задумчиво глядя ему в глаза.

– Но я вижу, что вы – нормальный человек. Я не услышал от вас за это время ни одной неадекватной фразы.

– Мне очень неудобно, – тихо произнесла она. – Мой отец, в принципе, не худший человек в этой глухомани. У него приличная родословная, прадед были купцом, очень богатым. Но коммунисты всех раскулачили, потомки деградировали, результат налицо. Вы ведь понимаете, эта нищета... Я бы хотела попросить у вас прощения за моего отца, за его хамство и за... – она вовремя оглянулась на барменшу, – нетерпимость.

* O, деревня... (лат.)

– А мой прадед был комиссаром. Из хорошей религиозной семьи. Наверно, его просто достали с этой религией, хасидской покорностью... Он всех раскулачивал, и своих, и...

– ... гоев, – сказала Лиза.

– Не обижайтесь. Еврей из меня отвратительный. Во мне много русской крови, я не соблюдаю всякую обрядовую дрянь.

– Это ваше личное дело. Пойдёмте, а то скоро закроют.

Уже после семи вечера осенний город N опускался в тёмную бездну. Проезжая часть представляла собой сплошную лужу, тротуаров не было в принципе. Изредка проезжали машины, обдавая молодых людей брызгами грязной воды. Один водитель с размаху вписался в засохшее дерево.

– М-да, – пробормотал Андрей. Лиза пожала плечами:

– Вы разве видели трезвого водителя в этом городе в полдевятого вечера?

– Как они вообще ездят, тут же нет светофоров?

– И не будет. И моста через реку не будет. И меня здесь не будет, я надеюсь, уже через год.

– Я смотрю, вы не патриотка.

– Любить то место, в котором ты никому никогда не был и не будешь нужен, и в уклад которого цивилизованный человек попросту не вписывается, может любить только мазохист. Это всё равно что любить человека, который годами тебя унижает. Вот мэру здесь хорошо, у него два коттеджа и домработница. А я выпадаю из этой колоды.

Андрей решил, что она неглупая девушка. Лиза ненавидела многочасовой трёп, но в тех редких случаях, когда ей нужно было произвести на кого-то впечатление, удивляла умением легко и грамотно строить фразы.

– О чём ваш реферат? – спросил он.

– Обо всём понемногу. Как вы относитесь к Достоевскому? – осторожно поинтересовалась она.

– Знаешь – можно на «ты»? – я вообще нашу классику не очень люблю. Ни Достоевского, ни Шолом-Алейхема. И всякую типа Диккенса, которого дед в меня запикивал, тоже.

– Кстати, Достоевский воровал у Диккенса. Особенно в «Униженных и оскорблённых», где тринадцатилетняя девочка Нелли с дедушкой, точь-в-точь как в романе «Лавка древностей». Хоть бы имя и возраст сменил, что ли. Это ещё более бесстыдный плагиат, чем «Дубровский», частично списанный с «Разбойников» Шиллера. А эта диккенсовская интонация!

– И ты об этом пишешь?

– В целом о специфике межтекстовых связей. Сложно объяснить. Конечно, у нас не принято об этом говорить, а писать научные работы – тем более. Принято говорить, что англоязычные писатели двадцатого века подражали Достоевскому. Они сполна рассчитались за крошку Нелл и прочих. Заслуга Достоевского в том, что он диккенсовскую сентиментальность довёл до логического завершения, до абсурда. И она обернулась знаменитым достоевским надрывом.

– Это в периферийном вузе никогда не примут, и не надейся.

– Но не писать же в десятитысячный раз про образ Наташи Ростовой. Такое не примут тем более. Говорили, что новый зав кафедрой – как бы широко мыслящий человек. Наверно, у него были свои причины, по которым...

Как-то мы с однокурсницей возвращались с тренировки по каратэ. Нас нагнала Лиза. Второй это был курс, третий – не помню. Однокурсница заговорила с Лизой, они с ней вместе ходили ещё и на айкидо. Речь постепенно зашла о том, что мы хотели бы стать мужчинами, нас напрягали женские шмотки, образ жизни, образ мыслей. Мы терпеть не могли разговоры о детях, женских болезнях, рецептах, истериках и способах вязания крючком, тем более что никогда не могли отличить эту хренотень от вязания на спицах.

– Но, потому что я женщина, мне не хочется быть мускулистой, – сказала моя однокурсница.

– Я бы хотела быть такой же сильной, как Шварценеггер, но не с такой же фигурой. Мне и у мужиков такие фигуры не нравятся.

– Чего захотела, это против законов физики, – усмехнулась я.
– Тебе-то по фиг, у тебя бицепсы, как у парня. И не стыдно. Зато ты красишься, – если бы мне сейчас показали девицу, накрашенную, как я в восемнадцать лет, я бы, пожалуй, сказала, что ей место на улице Тверская. Вот Лиза не пользуется косметикой.

Лиза пояснила:

– Я думаю, если меня когда-нибудь по-настоящему полюбят, то полюбят меня настоящую, а не слой пудры и помады.

– А разве твой парень тебя не... – заинтересовалась собеседница.

– У нас нет никакой страсти до гроба. Иногда мужика надо иметь просто для здоровья. Но ведь считается, что это аморально, что я Мария Магдалина какая-то.

Меньше всего Лиза напоминала упомянутый портрет-архетип. Короткие волосы, холодный взгляд тёмно-серых глаз, не умеющих плакать. Она, кажется, даже в Бога не верила. Я уже не говорю, что она не верила в возможность лично для себя заработать на панели, а потом благополучно вернуться туда, откуда вышла на панель.

– Если бы я была мужиком, – мечтательно вздохнула моя однокурсница, – я бы так баб кидала! Звиздец! Мне, правда, вид хрена совсем не нравится, хорошо, когда он в тебе и в темноте, а смотреть на него – брр, мерзость!.. Но если бы я была мужиком, мне на этот вид, наверно, по фиг было бы.

Лиза помолчала, а потом спокойно произнесла:

– А мне бы не хотелось быть мужчиной. Я бы предпочла быть женщиной, только умной и сильной.

Мы набросились на неё с двух сторон:

– Как же, позволят они нам быть умными и сильными! Мне мать всегда говорила: прикидывайся дурочкой с переулочка, делай вид, что ты трусиха, иначе всех мужиков распугаешь. А выйдешь замуж – тащи всё на себе, по-другому в наше время и не получится, – но мужу говори, что всё на нём держится, иначе сбежит.

– Варька Жукова рассказывала: после института пришла устраиваться в Дом культуры, говорит начальнику: у меня высшее гуманитарное образование. А он ей: девочка, у тебя ноги длинные, будешь их раздвигать, а на твоё образование все плевали с высокой колокольни. И почти все так. И мне то же самое говорят: какие глаза, какие губы, зачем тебе читать книги?

Листья падали, задерживались на мгновение на чугунных остриях ограды и соскальзывали вниз. Я подумала, что в этой аллее были бы уместны длинноподольные барышни в шляпках – я видела много таких дореволюционных картин: парк, листья, нечто в платье идёт, – нежели мы.

«Отдать за свободу собственное тело»? Так я *теперь* это формулирую. Только через несколько лет я поняла, что транссексуальность – это путь наименьшего сопротивления, величайший компромисс, попытка сказать свои слова с помощью чужого тела – зачастую сводящего смысл этих слов на нет. Что с того, что я, согласно психологическим тестам, – почти стопроцентный мужчина? Даже по тестам мужских журналов, где были каверзные вопросы вроде: дышите ли вы диафрагмой? Всем, чей тембр голоса ниже меццо-сопрано, проще дышать диафрагмой, у них (у нас) такое строение связок. Но я не воплощаю мужчину, я воплощаю *маскулинный стереотип*, к которому большинство мужчин имеют весьма отдалённое отношение. Многие любят готовить и бояться огромного количества вещей. Некоторые даже не эгоисты. Кто-то не реагирует на неприятности убийственной бранью, как положено мужчине, а вот я – отпетая матерщинница. И что с того? Гордиться, пытаться уложить себя в прокрустово ложе? Такова моя изначальная природа, и бороться с ней бессмысленно. Можно заставить себя говорить тоненьким сопрано, и всё же в один «прекрасный» момент в твоём «правильном» голосе зазвучат контральтовые ноты; и в твоей голове зазвучат слова, ещё не нашедшие своей оболочки, ещё не рассованные по камерам алфавита, не клеймённые лагерно-словарным номером; не слышимые теми, кто стоит вокруг тебя, пристально всматриваясь и ничего не понимая.

Тот разговор с Лизой я так никогда и не продолжила. Я вспоминала этот эпизод с точки зре-

ния моей тогдашней близорукости: парк, заваленный сплошь чёрно-жёлтым; её немнущаяся ветровка, накинутая поверх кимоно. Сейчас, после операции, я бы разглядела все мелочи, вообще всё. Она была одета удобнее, чем мы, и она была совершенно права. Лучше бы она тогда не была права.

Мы вышли из тошнотворных тряпок и шпилек, как из тюрьмы, заколотили дверь кухни досками крест-накрест, спустили паяльцы и клубки в мусоропровод, отряхнулись и пошли дальше. Нам было куда идти.

А она поняла, что всю жизнь стояла в этом захламлённом парке в этой своей ветровке и ботинках, подбитых железом, и ничего не менялось. Тогда она пошла назад.

– Хочешь, отопру колодец? – предложил Андрей. – У меня ключ есть.

– Сейчас, занесу рюкзак и принесу ведра.

Она отправилась стучаться: дом запирался изнутри на крючок, щеколду и швабру, как в анекдоте. Открыл пьяный и заспанный отец. Это было хорошо: трезвый, он немедленно завёлся бы на тему «где ты, сука, шлялась», а теперь он всего лишь открыл, ушёл и заснул, и наутро не вспомнил ничего предыдущего.

Лиза старалась ступать осторожно. Родительский дом. Начало начал. Отсутствие бытовых удобств. Коллекция восхитительно тупых ножей и ножниц. Характеристика мебели: она такая старая, что, будь она хорошей, её можно было бы сдать в антикварную лавку, но она, к сожалению, плохая. Вон отсюда. Вон.

Над земной темнотой нависало отвратительно тёмное небо с намёком на месяц. Ржавый ключ с трудом ворочался в ржавом колодезном замке. Наконец ведро с грохотом провалилось в бездну; в окне Авигдоровича зажёгся свет. «Вуф! Вуф!» – залаяла агрессивная тварь возле дома напротив. Авигдорович, наверно, тоже залаял бы, если бы позволяли нормы человеческого общежития.

– Это что такое? – он выполз на крыльцо в халате и посмотрел на Лизу.

– Это?! – Андрей заглянул в ведро. – Плавучее кладбище. То есть, наш колодец превратился в кладбище для тритонов, мышей и лягушек. Дед, меня достало это всё. Раньше одни дохлые муравьи были, ещё можно было понять.

Лиза выплеснула воду с трупами на землю.

– Не туда! – простонал Авигдорович. – Дальше!

– Поздно уже.

– Это единственный приличный человек в их семье, – оправдался Андрей.

– Здесь нет приличных людей, – жёстко ответил дед. Тактичность вообще не относилась к сильным качествам их семьи.

– Кто такие хасиды? – мягко спросила Лиза, глядя ему в глаза.

Она выбрала именно тот тон. Что-то в нём чувствовалось такое, от чего неглупые евреи сразу начинают понимать, что переборщили.

– Зачем вам знать, кто такие хасиды? – скорбно поинтересовался он. – Я же не спрашиваю вас насчёт способов, которыми ваш папа разбавляет медицинский спирт.

– А они вам и не нужны. Приличные люди в нерабочее время пьют приличное вино.

– Вина нет, – обречённо сказал Авигдорович. – Есть чай. Добром жизнь вашего отца не кончится, и вы это знаете.

– Мне его не исправить.

Авигдорович открыл дверь, приглашая в дом.

Нет, Лиза не решила, что должна полностью измениться, заставить себя быть кроткой покорной дурочкой с волосами по пояс, в кружевах до ушей и единственной мыслью в безнадежно отупевшей головке. Хотя некоторые поняли её поступок именно так. Их проблемы.

Всё то время, когда она смотрела ему в глаза, она осознавала, что он не отведёт взгляда до тех пор, пока она ему не позволит. Она, как ты помнишь, была по-своему обаятельна. Многие её

собеседники рано или поздно переставали обращать внимание на то, что в ней нет ни тени той хрупкой жеманной красоты, которая *требуется*, и того обезьяньего кривлянья, которое до сих пор принято деликатно именовать кокетством. И она знала некоторые вещи:

к двадцати шести годам многие мужчины начинают задумываться, не пора ли надеть приличный костюм и навестить сакральное учреждение (ЗАГС – не сакральное учреждение?! Да вы что, господа? Именно всяческим бумажкам и институтам, их плодящим и множащим, ещё с советских времён в нашей великой стране придаётся значение если не сакральное, то, по меньшей мере, убийственное);

человек, который так смотрит, так себя ведёт и говорит с такой интонацией, не будет ярым приверженцем домостроя;

надо вовремя проскальзывать в открытую дверь. Так говорила одна её ныне покойная родственница. Кстати, пройти в свою дверь она Лизе не позволила, потому что квартиру в областном центре завещала пьянице-племяннику.

Это была единственная возможность вырваться из болота. Вся центрально-русская провинция – болото. Вместо огня там тускло горят окурки «Примы» без фильтра, вместо воды там денатурат.

Лизу бы даже устроило отсутствие штампа, лишь бы он временно поселил её в своей однокомнатной квартире в Уличке (а она там была, эта квартира). Конечно, были и другие варианты, с трёхкомнатными, но их обладателями были жирные наглые дядьки, на фоне которых Лизин отец казался юным трезвенником.

Она прикинется незаменимой и славной, да. Разве он сможет найти в этой дыре кого-нибудь вроде неё, здесь же сплошное ПТУ? А потом можно будет разойтись. Когда у неё будет шанс получить нормальную работу, другого мужа, кандидатское звание, наконец. (Время и способы получения всего упомянутого представлялись ей довольно смутно.) Лиза начистила картошки на авигдоровской кухне, от покосившихся стен которой отслаивались полосатые, как талес, обои, и пенсионер выразительно взглянул на внука; она ловко поймала этот взгляд сквозь опущенные ресницы. Будь на месте Лизы я, знающая евреев, как знают себя только евреи, я бы расшифровала этот взгляд так: «Всю жизнь мечтал о покорной шиксе, смотри, не упусти».

– Да полно, – перебила я, – как будто все эти старые ультрамаскили*, всю жизнь забывающие мамашин идиш с таким рвением, с каким одарённые дети зубрят английский, знают слова типа «шикса»**.

– Ну, слова типа «ультрамаскиль» они, конечно, не знают, но насчёт «шикс» вполне просвещены, во всех отношениях. По крайней мере, дед мог подумать именно так.

– Как «неправильный» советский еврей?

– Я не делю евреев, как наш главный раввин, на правильных и неправильных. Евреи – всегда евреи.

– Так и фаши рассуждают.

– Со знаком минус. А я – со знаком плюс.

4.

Всякую романтическую дребедень я здесь воспроизводить не стану.

– А она была?

– Лиза ничего не говорила об этом. Она сказала, что как бы мысленно диктовала ему: «Мне пора замуж. Любой мужчина думает, что в двадцать три – двадцать пять лет любая девушка обязана собраться замуж и начать ждать. Надеюсь, ты мыслишь, как любой мужчина. Я как бы всё

* Ультрамаскиль – ассимилированный еврей, игнорирующий иудейские традиции.

** Шикса – молодая нееврейка (идиш).

для тебя сделаю за жилплощадь, хотя ни словом не обмолвлюсь о ней. Смотри: на лбу у меня написано: у меня нет ничего общего с моей семьёй!»

На самом деле и в глубине души Лиза была против брака. Помню, курсе на первом старшая научная сотрудница заставила нас писать контрольную по ИДМ. На следующей неделе она явилась, тряся стрижкой в стиле «обувная щётка» и пачкой двойных листов:

– Неизвестно как написали! У половины группы – ни одной даты! А что за бред несёте про первобытнообщинный строй! Мнение о котором я попросила высказать!!

Тут вообще есть фраза: «Мне нравится первобытнообщинный строй, потому что в то время люди были вольные, свободные и не скованные брачными узами». Мне не нравится такое отношение к браку, особенно если учесть, что это написала девочка.

Маша, которая почему-то собиралась замуж за Васю, который на самом деле в гробу её видал и на третьем курсе женился на тридцатилетней дамочке с квартирой, и Таня, которая собиралась замуж за сорокалетнего дядечку с коттеджем, шёпотом завозмущались. Мне, свободолюбивой буддистке, очень понравилось это заявление. Я стала гадать: кто мог это написать? Сначала – про себя, а на перемене – вслух.

Возле меня материализовалась Лиза и сдержанно сообщила: я.

Сначала я не поверила: Авдеева, такая тихая и спокойная? По моему восемнадцатилетнему мнению, такое могли писать только раскрашенные девахи в мини и вызывающих сапогах на шнуровке. Вскоре я поняла, что это действительно могла написать только Лиза. Потому что вызывающие девахи прогуливали все контрольные и вдобавок мечтали повыходить замуж за миллионеров.

Что им ещё оставалось? А Лизе? Не бросаться же с головой в болото денатурата или в карамзинский пруд. И она молча смотрела и думала: его изящные руки не сильнее моих. Я никогда ему этого не скажу, но всегда буду знать: это я беру его. Для своих собственных целей. Я могла бы обменяться с ним парой фраз и уйти, но я решила взять его. Ради этого ощущения я даже буду готовить и убирать. Он – не будет, но и хозяином он не будет. Только так. Потому что раньше меня слишком часто брали.

Через некоторое время Андрей зашёл к Лизиним родителям. На лбу у него было написано: «У меня нет ничего общего с моей семьёй!»

– Я вообще не еврей, – охотно подтвердил он. Папаша мрачно выпил медицинского спирта. – Могу паспорт показать.

– Там не пишут теперь ничего, – жалобным голосом напомнила мамаша.

– Так свидетельство о рождении. У меня мать только наполовину еврейка, и отец тоже. У него во всех документах «русский» написано. Я вообще не люблю то, что с евреями связано. Они жадные все, хитрые, молятся не по-русски. Я православный человек. Знаете, вот хожу вдоль вашего собора и думаю: какая красота. А евреи, они ж запретили иконы рисовать, они не понимают ничего. Полное отсутствие художественного чутья и интернационализма.

– Бывает, – мрачно отметил отец. Ему было неудобно, что он не успел переодеться к приходу гостя. Лиза радовалась, что не успел: что хуже, выходной костюм, купленный в восьмидесятых, или неглаженная белая футболка, выглядевшая пародией на врачебный халат, трудно было сказать.

– Я жидов вообще не люблю, – продолжал Андрей. – Ну, тех евреев, которые жиды. В народе говорят: «Не тот жид, кто еврей, а тот жид, кто жид» и «Чтоб не прогневался Бог, не пускай жиды на порог». Сколько мудрости в русском фольклоре!

– У власти все сидят, – с умным видом поведал папаша. – Березовский. Боровой. Гусинский.

– Вот видите. У тех, у кого фамилия на «-ский» заканчивается, – все евреи. А у меня разве на... это? Не смешите меня. А на деда не надо сердиться, он старый больной человек. Он колодец запер, чтоб кошка туда не упала, но не стал всем об этом рассказывать. Думал, засмеют. Я вам вина принёс, хотите выпить?

– Трепло, – заявил отец, когда Андрей ненадолго вышел.
– Да ладно, – одёрнула мать, которой понравился молодой человек, – какой он еврей? У меня вот бабка мордовка была, и что? Я мордовка теперь, что ли?

– Мордовка – не мордовка, а замордовала меня конкретно, зубодёрка хуева.

– Да я тебе про жидов говорю, отцепись от меня. Они чёрные все и с носами. Вон на этого посмотри, – она бросила выразительный взгляд в сторону окна, выходящего на забор Авигдорovichа.

– Лизавета, – сказал отец, открывая бутылку вина, – квартира тебе не лишняя, так что вали. Но от жидов – поняла? – держись подальше. Разве что Березовский предложит миллион. Или Гусинский. Или этот... Лившиц. Хотя... нужна ты им, как пятое колесо телеге.

– Главное, что ты им нужен, – сказала Лиза.

– Зачем? – хмыкнул отец, наливая вино.

– Чтоб пить твою христианскую кровь.

– Чего-о-о?.. Плевал я на эту... ханжескую дурь. Попы жулики все. Дед покойный вообще ни в кого не верил. Даже в коммунизм.

Когда Лиза вслед за Андреем уходила, отец продолжал бормотать, пялясь в окно:

– До старости лет чёрный, сука. Ему сколько, лет семьдесят пять? Седины ни хрена. А я уже...

– Пить надо меньше! – вышла из себя мать.

– Са-аш! Ну, не пизди! Не пизди!

Остальное Лиза уже не слышала, но это остальное наверняка было ещё менее цензурным.

В доме Авигдорovichа мужчины зашли за перегородку, похохатывая. Лиза расслышала обрывок дедовской фразы: «...нездоровый артистизм...» Оба долго вспоминали русские народные поговорки о евреях, вроде: «Бесы и жида – дети сатаны», «Отольются в аду христианские слёзы жиду», «Любовь жиди хуже петли».

– А что люди скажут? – бормотал отец. – И что я скажу людям?

– Что квартира, – злобно посоветовала мать. – Вот у меня Женя, брат двоюродный, женился на еврейке и квартиру после развода отсудил. Вся родня его хвалит.

– Так то в семидесятые.

– Какие семидесятые? В восемьдесят первом году.

– Ты сравнила. Тогда, бля, Абрамович не сидел на нас с Березовским. Сейчас хер что отсудить. Тебя самого отсудят.

– Костя! Чего хоть ты смыслишь в этом? Ты смыслишь, как спирт домой таскать и аспирин продавать идиотам. Ты, блядь, сам не пизди! Не пизди!..

Через некоторое время в Угличе не прибавилось не только евреев, но и свободных вакансий.

Все они были заняты. Почему-то русскими.

Андрею нравилась идея жены обязательно найти нормальную работу. Идеальной ему казалась такая ситуация: жена зарабатывает больше (почему бы и нет, если ему самому вкалывать целыми днями лень?), а он небрежным тоном сообщает друзьям, что больше зарабатывает он. И все довольны. Некоторые его знакомые так делали. И правильно: не признаваться же мужику в том, что он получает меньше жены.

(Лиза узнала об этом только спустя пару лет.)

Сам он устроился в местную газету благодаря каким-то питерским рекомендациям, коробке конфет с коньяком и комплиментам в адрес редакторской новой машины.

– А почему вы из Питера-то уехали? – подозрительно осведомился редактор.

– Так подсидели, – невинно сообщил Андрей, подражая местному (и не лучшему в мире) выговору). – Там евреи одни. У них блат.

– А почему, в самом деле? – спросила Лиза, выслушав изложение диалога.

– Я же сказал. Евреи там. И у них блат.

– Ну-ну. Ты ещё начни доказывать, что Дворкин и Малкин – тоже русские фамилии.

– Кстати, дураку с удовольствием докажу. И что Достоевский – еврей, могу доказать.

- Он поляк.
- Наверно, именно поэтому он так не любил поляков.
- Конечно. Другой причины быть не может. Сталин вот грузин не любил, например.

– Лиза, прекрати. Там не было Дворкина, Малкина и Достоевского. Там был старый козёл Славгородцев, это, кстати, стопроцентно еврейская фамилия. Местечко такое, Славгород, в бывшей черте оседлости. Типа Жиринова... Так вот, он меня терпеть не мог. Я ему как-то правду сказал, что его дочь хуйню пишет. А я тогда не знал, что это его дочь. У неё совсем другая фамилия была.

– Понятно, – сказала Лиза. – Я пойду картошку почищу. – Она хотела сгрести разбросанные по столу карты в кучу. Больше в Угличе развлечься было нечем. Не ходить же в ближайшую пивную, обитель неприкаянных пэтэушников, и в ближайший музей, который осточертел ей ещё в школьные годы из-за частых экскурсий.

– Подожди. Ты совершенно неправильно раскладываешь пасьянс. – Андрей отстранил её. – Карту надо чувствовать, а у тебя этого нет.

– Ну, я логически рассуждаю: если я вот это на это положу, то как мне потом удастся разложить пять следующих карт.

– Это правильно. Но не совсем. Ты не врубаешься в сам процесс. – Он расшвырял карты по стопочкам. – Пасьянс, кстати, элементарный.

– Ты где так научился?

– В универе, в общаге было делать не фиг, вот мы все и маялись дурью. Как у тебя с работой?

– Никак.

– Вообще?

– Ну, уборщицей могу устроиться. В подъезде дома номер пять. Мало я на своих стариков пахала. Я пойду картошку почищу.

На улице была зима. Подъезд дома номер пять замело, и там замёрз забрёдший переночевать бомж, которого менты выгнали с вокзала.

5.

– Не понимаю, – вскоре признался Андрей. – Не могу здесь работать и не понимаю вообще никого.

– У тебя же там более-менее образованные люди.

– Да! Один из лингвистических шедевров бабы из отдела кадров: «Дак а Вася-то с зубам-то сделал ходил?»

Мол, переведите, кто умный.

– Ну, про зубы что-то.

– Подсказываю: «Вася сегодня должен был сходить к зубному врачу. Он успел это сделать?» С бабой из отдела писем – та же история. Они постоянно опускают связи в предложении. «Дак а чего пришла сделала говорила». Я уже не помню, какой смысл вкладывался в это предложение изначально. Но оно не означает то, что слышится: «Зачем она пришла? Что она сделала? Что говорила?» У него более сложный смысл, нормальный человек изложил бы его в двух-трёх предложениях. Главный тоже какие-то бредовые словечки употребляет и смотрит на меня, как на идиота, потому что я не врубаюсь, о чём он говорит. Я не идиот, но и не профессиональный диалектолог; впрочем, не каждый диалектолог расшифрует подобный бред.

– Зашифрованный, закрытый для профанов язык плебса.

– Вот ты такая умная, – огрызнулся Андрей, – а сидишь на жопе без работы.

– Так поедem в другое место, где есть работа. А квартиру сдай. Но ведь ты не поедешь.

– Как же, – усмехнулся он, – не поеду я... плохо ты меня знаешь. Это что, это мне письмо?

– От какой-то твоей калининградской родни, – равнодушно заметила Лиза. Ей было уже на всё плевать. Она устала ждать очередного сентября и постепенно впадала в прострацию. Её даже

перестал раздражать розовый цвет обоев. Они всё время размышляли – уехать или не уехать, так что переклеивать обои было в лом.

– Вижу, что от тёти Веры... Класс! Это очень вовремя.

Письмо было следующее:

«Мой дорогой Андрюшенька, я тебе так давно не писала уж старая стала потому что и скоро умру.

Валя на позатой неделе умер такое горе я уж тебе телеграмму посылать не стала мне Герман звонил и сказал что ты очень занят чтоб напохороны поехать и я уже старая ничего не вижу и скоро умру. Валя денег Юре Боркову оставил и Ире и не осталось больше денег-то.

У Вали инсульт был врачи сказали так уж восемьдесят один год и я тоже умру скоро Андрюшенька такчто ты приезжай если хочешь и у меня скалирост, а цены у нас растут но говорят в вашей области тожо растут калбаса 60 р., канфеты 70 р., хлеб чёрный 6 р. 50 коп., водку не пью и не знаю сколько.

Андрюшенька ты извини если что нетак написала я веть совсем стала плохая. Скоро умру. Любящая тебя тётя Вера».

– М-да, – заключил Андрей, дочитав вслух этот монолог Молли Блум. – Дядя Валя... не думал, что он выкинет такой финт ушами. Должен был дожить до ста лет. Всего восемьдесят один... Он по дому бегал, как таракан по плитке. Здоров был, как лошадь. Насчёт денег – это плохо, плохо. А квартира у неё двухкомнатная. Так что собирайся.

– Хороший был дядя? – машинально поинтересовалась Лиза, не в силах поверить.

– Очень. Домашний тиран и самодур. Пил энергию родственников, поэтому прожил так долго. Вера – двоюродная сестра моей матери. Очень старшая. Сама увидишь.

– Она русская?

– У меня со стороны бабки по материнской линии все русские. Но дядя Валя был настоящий жид. Хотя он русский, по всем документам. Но... вот каким антисемиты представляют жида – таким и был, в натуре, дядя Валя. А тётка нормальная. Я тебе рассказывал, я у них часто летом жил в Калининграде. Сама увидишь.

Идиотская бытовуха типа оформления виз, других бессмысленных, по сути, бумажек, сдачи квартиры внаём, собирания вещей и проч. пронеслась мимо Лизы, как пригородная электричка, управляемая поддатым машинистом. Лиза мечтала жить поближе к Европе, но в последние пару лет эта мечта покрывалась плесенью и практически издохла. Лиза спокойно перенесла даже полуторасуточный плацкартный ад – ибо плацкарт для мыслящего индивидуалиста, не выносящего духоты и скотских манер, воистину ад, – и очнулась в полутьме, на верхней полке, вблизи границы. Откормленные сероволосые арийцы в форме пролистывали чужие паспорта и трещали печатями. Блядь, подумала она спросонья, какое-то плацкартное гестапо. Внизу переговаривались две неудачно покрашенные в блондинок мешанки:

– Пошли в Белоруссии с болота. Сумок на нас было, как грязи, – штук десять.

– Змеи там, да?

– Ага, они, когда влажно, выползают на дорогу, как дождевые черви. Куча мала змей.

– Куда едете? – мрачно поинтересовался жирный литовец, всматриваясь в её помятое лицо, не слишком похожее на фотографию в паспорте.

– Домой, – вымотанно ответила она, спрятала паспорт в сумку и снова отключилась.

Как же. Домой...

Найдите мне людей, у которых есть дом, а не хаза для временного пребывания, не тюрьма со злобным родственником во главе, не осточертевший угол, годный только для того, чтобы возвращаться туда после осточертевшей работы. Таких людей мало. Они богаты. Богатых мало. Россия – страна бездомных. Осточертевшая страна осточертевших друг другу людей. Ещё и поэтому так комично и нелепо выглядят попытки фашей проплатить здесь националистическую кампанию.

Лиза сказала мне:

– Вряд ли России на самом деле нужно, чтоб её любили.

Но Кёнигсберг – это не совсем Россия, хотя там тоже бардак. Но не такой. Лиза сказала:

– В России бардак – это в беспорядке валяющийся тут и там мусор. А в Кёнигсберге мусор рассован по пакетам. Но его ненамного меньше.

Дом, где проживала тётя Вера, был четырёхэтажным и ободраным с левого края фасада. Красный немецкий кирпич, пробивающийся сквозь розовую краску, смотрелся довольно живописно. Черепица на половине крыши была новой, на другой половине – старой и выгоревшей. Газон и клумбы охраняли чугунная решётка и рослая крашеная блондинка лет сорока с лейкой. Задрав голову, она кричала кому-то, находящемуся на мансардном этаже:

– Куфлярчик* под пивко возьми, не пей как неизвестно кто!

Это были потомки аборигенов, русских немцев, русских поляков или польских немцев. На территории данного района они перемежались бывшими эсками и гопниками. Лиза пока пребывала в неведении на этот счёт.

Тётя Вера наконец отперла дверь. Это была небольшого роста и среднего сложения старушка с умильной улыбкой. Её прикид был невообразим. Поверх изъеденных молю красных рейтузов был надет выцветший и протёртый до дыр халат. Его прикрывала кацавейка без пуговиц. На голове у старухи был ситцевый платок, в каких православистки тусуются в церкви своего спасителя. В ушах висели серьги из дешёвого турецкого серебра.

– Горе-то какое, Андрюшенька, – запричитала бабка. – А это что, жена твоя? А ты с ней хоть расписался?

– Да, – хмуро сказал Андрей, скидывая тяжёлый рюкзак.

– А печь всё дымит, всё дымит, – пожаловалась бабка, осматривая Лизу со всех сторон.

Немецкие печи отличаются удивительной красотой, но топить их не надо. Их надо либо перделывать в камин, что стоит денег, либо проводить в квартире электрические батареи, а печь оставлять как памятник прусской материальной культуры.

– Здравствуйте, – сказала Лиза.

– Здравствуй, милая, – сказала бабка, меряя её неоднозначным взглядом. – А я умру скоро, квартира-то вам останется, так ты хоть поухаживай за мной.

– Тётъ Вер, – не выдержал вернувшийся из ванной Андрей, – давай я тебе нормальное платье куплю. Тебе ещё не надоела эта рванина?

– Так у меня есть, – изумлённо уставилась на него бабка. – Вот... – она прошла вслед за молодыми людьми в спальню и распахнула шифоньер, стены которого были активно отмечены жуками-короедами. Внутри висели кошмарные занафталиненные советские пальто, халаты и костюмы.

– Ты, Андрюша, не хочешь костюм Валин взять? – поинтересовалась тётя Вера. – А то столько всего... Кому носить-то?

– Ты меня, конечно, извини, – сказал Андрей, – но он пятьдесят четвёртого размера и семидесятого, если я правильно помню, года.

– Так и что? – изумилась бабка. – А вот кроссовки хорошие твоей жене могу отдать. – Кроссовки были издевательски жёлтого цвета. Сплошного.

– Это не мой размер, – машинально ответила Лиза. После дороги она плохо соображала.

– Так и что? Они хорошие, у меня много всего. Боюсь, как бы кто не влез. Украдут ещё.

– Слушай, она что, телевизор не смотрит и не выходит на улицу? – спросила Лиза у Андрея, когда они кое-как привели комнату в порядок и распахали по шкафам барахло. – Не понимает, как надо одеваться и себя вести?

– Это довольно закрытый район, – неохотно ответил Андрей. – Старуха болеет, лет двадцать жила в неком вакууме. Телевизор смотрит, но, кажется, плохо понимает, что там к чему.

* Бокал (искаж. польск.).

– У неё с головой плохо?

– Нет. У неё семь классов образования. Она не местная, я же говорил. После переезда в Калининград мало с кем общалась, видимо, ей это было не нужно. – Он понизил голос. – Плюнь. Бабка проблемная, но она правда скоро умрёт, сейчас мы здесь пропишемся, и квартира будет наша. Вряд ли моя кузина из Минска припрётся, чтобы отбивать эту хату. Жить можно. Посмотри на этот паркет. Ему сто лет, но это натуральный дуб. Сейчас такая фигня стоит ненормальных денег.

Лиза мрачно посмотрела в окно, не обременённое стеклопакетом. Белокурая полька продолжала поливать цветы. Видимо, ей, в отличие от Лизы, было больше нечем заняться.

Когда-то я писала: «На северо-западе люди злые, потому что рядом Москва, и туда не попасть». Я бы могла предположить, что в Калининграде люди злые, потому что рядом Европа, и далее по тексту, но они там не очень злые, они просто сложные. Прибалты злее; я их понимаю, но жить в Прибалтике ни за что не стала бы. А злее, чем в нашей области, люди только во всяких эковских городах, типа Воркуты и Нижнего Тагила. Ну, ещё в Москве, я имею в виду – по отношению к иногородним. Москвичей все ненавидят. Калининградцев мало кто понимает. Тем не менее, народ рвётся и в Москву, и в Калининград, но мало кто там обретает счастье или хотя бы нормальную зарплату.

Лизе дико повезло. В чудесном городе, застроенном немецкими особняками и продуваемом всеми ветрами с ближайших побережий, крайне трудно найти работу по специальности: редактор, корректор, внештатный корреспондент, заместитель главного редактора, литконсультант (последняя специальность для местных работодателей не существует), если нет нужных знакомств и денег на взятку. Кому нужны литературные работники в городе строителей, моряков и точильщиков янтара? Но Лизе это удалось. Она заняла место в отделе писем. Поиски работы заняли всего-навсего две недели. Редчайший случай... Аминь. Название газеты из этических соображений приводить не стоит, не правда ли?

Редактор был пузатый дядька, похожий на жбан с пивом. Казалось, что его живот начинается прямо от шеи. Над брюхом плескалась запущенная борода цвета пива. Глаза были того же оттенка, светло-жёлтые и злые. На редакторском столе стоял графин то ли с водкой, то ли с водой.

Своё подозрительное отчество «Феликсович» дядька объяснял немецкими корнями и называл себя скандинавским язычником. Манера общаться у него была диктаторская, включающая в себя: привычку громко перебивать собеседника; озвучивать возникающие по ходу действия мысли, не поинтересовавшись, нужны ли они собеседнику; попытки по-идиотски заигрывать с подчинёнными женского пола, и проч. У входа в редакцию, возле кустов, спали чёрно-жёлтые бесхозные кошки; у самой двери валялся здоровенный кусок известняка. Это мог быть и кусок янтара, и мина замедленного действия: от Кёнигсберга всего можно ожидать.

– Я всегда знал, что женщина как работник немногого стоит, – начал дядька тронную речь, – но мне приятно смотреть у себя на работе на симпатичных женщин, я им зарплату никогда не занижаю. У вас дети есть?

– Нет, – героически преодолев отвращение, ответила Лиза. Выхода не было. Или метла, или петля, как любили шутить на ярославском филфаке. Отвращение к начальству или отвращение к мятью зассанных подьездов? Каждый сам выбирает свою судьбу. Оставьте свои комплексы за дверью кабинета начальника. Вас от него тошнит? Но это ваши проблемы! Смотрите на вещи позитивно. Пусть мерзкая борода начальника напугает вас о такой приятной вещи, как холодное пиво после трудового и рабочего тяжёлого дня. Кстати, не будь трудовые дни такими тяжёлыми, не было бы прелести нетрудовых вечеров с пивом и крабами. Да, редактор почему-то напоминал ещё и краба. Креативная личность.

Редактор достал из кармана пиджака мелкую мужскую расчёсочку и стал приводить бороду в порядок – бессмысленное, с точки зрения здравой логики, занятие. Эту дрянь следовало немедленно сбрить.

– А жаль. Я всем девочкам на работе сказал, что они обязаны за пять лет родить как минимум двух детей. Иначе они перестанут быть женщинами, и нас выживут китайцы.

– Но если женщина уходит в декрет, она начинает немногого стоить как работник, – вежливо сказала Лиза. – Вам же это не нравится.

– Конечно, – сказал редактор. – Но ведь нас выживают китайцы. Надо ведь что-то делать.

– Я не располагаю достаточными средствами для того, чтобы иметь детей, – с остервенением произнесла Лиза и собралась уходить. Ей показалось, что над ней просто издеваются.

Так оно и было. Но она не учла один нюанс. Редактор искал как раз доведённую безработицей бабу, чтобы свалить на неё всё, что не приколочено. Обрадовавшись новому долгожданному штампу в трудовой книжке, баба будет вкалывать и помалкивать. В какой-то степени Лизе повезло. С точки зрения среднестатистического европейца, ей чудовищно не повезло, но ведь Кёнигсберг, хотя уже не Россия, ещё не Европа.

6.

– Я скоро умру, – сообщила тётя Вера и легла на диван, который жалобно затрещал под её задницей, облечённой в вылинявший розовый халат с оторванными пуговицами. Говорить этой старой пэтушнице, что так одеваться нельзя, было бесполезно. У неё был вечный убийственный аргумент: «Мы с Валеём всегда так одевались». Если на неё пытались надавить в стиле: «Не позорь нас перед гостями», – она кротко опускала вылинявшие глаза и блеяла: «Так ведь я старая уже, мне уж всё равно». Из этих рассуждений можно было сделать логический вывод, что тетя Вера всегда была старой, либо стала ею в момент заключения брака.

Старушка собралась на тот свет очень вовремя: к Андрею заглянул представитель местной богемы Коля Рифатов, полутатарин, пишущий галиматью под псевдонимом Ник Валерий Галл.

Лиза как-то полюбопытствовала насчёт происхождения псевдонима.

– Мой отец, – поделился воспоминаниями Коля, – человек, в отличие от меня, интеллигентный, чуть что, начинал орать: «Почему едите одной вилкой без ножа? Почему ты на газон сел задницей? Вандалы! Варвары! Галлы!» Я за семнадцать лет жизни в родительском дурдоме выслушал такое количество подобного, что просто не мог не взять этот псевдоним.

– Это единственная причина? – спросила Лиза.

– Нет, но остальное я тебе расскажу потом, когда ты поймёшь жизнь так, как я. Тебе ещё рано понимать её так, – ответил поддатый Коля Рифатов.

Было ему лет тридцать, выглядел он неопределённо, ни дать, ни взять – безродный космополит. Он почти закончил истфак, но почему-то ушёл с пятого курса. Или был отчислен, но предпочитал помалкивать об этом. Ник Валерий работал то сторожем в морге, то сборщиком посуды в ресторане – это была самая высокооплачиваемая работа в его жизни, с которой его выгнали за пьянство и неосторожное обращение с посудой, – то в гимназии, откуда его выгнали за пьянство и неосторожное обращение с детьми. По собственному признанию, Ник Валерий курил каждые пятнадцать минут и конкретно прокурил усы и зубы: усы у него были уже не чёрные, а серые. Он говорил о себе: «Я никогда не отличался красотой, но всегда нравился людям». В свободное от дуракавания и работы время он сочинял стихи, такие, например:

Убери молитвенник – на что мне?
Не могу читать его уже.
В христианнейшей каменоломне
ни души: там места нет душе.

Там Христос пасётся, аки овен,
на лугу, усыпанном костями,

а Йоанн слагает злую повесть
о суде кошмарном над людьми,

а предатель-Пётр готовит леску,
чтоб ловить несчастных, словно рыб...
Дьявол лишь живёт по-королевски,
потому – духовно не погиб.

Плачь, святой! Таскай Христовы камни,
призывая на меня звиздец.
Но твоя мольба в помойку канет,
и не снидет с неба Бог-отец.

Я плевал на ваше злое безделье,
я Христовых не седлал коней.
Знаю: будет некуда вам деться, –
Асмодей откроет в небе дверцу
и убьёт Христа среди камней.

К сожалению, не все стихи Ника В. Галла не дошли до общественности в моём лице в полном объёме, но, судя по отзывам, они были значительно менее лапидарны, зато перегружены аллюзиями на алкогольно-мордобойно-библейские темы. Коля Рифатов принадлежал к довольно многочисленной околотоворческой группе населения. Эти мне интеллектуалы с трёхдневной щетиной и алкогольным взглядом, у которых в их макулатуре всё так как бы умно и наворочено, и мнение о бабах подкреплено не только статейками из «Плейбоя», написанными хуем, но и трёхгрошовым памфлетом Вейнингера, написанным дерьмом; и на каждой странице у них из-за леса, из-за гор едет дядя Кьеркегор, сидя верхом на Сартре и Кантом погоняя; и на обед герою подают свежий абсурдизм, фаршированный дешёвым нищенством; и тот, с кем герой поддаёт, – то ли ожившая тень Петера Шлемиля, то ли князь мира сего, то ли патриарх всея шизофрении. Мне их уже не жаль, но мне всё ещё скучно читать их.

Вышеупомянутый богоборец был постоянно прописан в худшем районе города Балтийска – так называемом Камсигале, где по ночам не было воды, а днём туда-сюда шаталось в немалом количестве быдло и приставало к посторонним с дурацкими и совершенно неэтичными вопросами: «Женщина! Эй, вы за сколько гладильную доску, которую несёте, покупали?»; «Слышь, командир, я такие же штаны вчера купил! В ларьке на проспекте Ленина! А ты где?»; «Девушка, ты что такая грустная идёшь? Самогону с нами выпить не хочешь?». Рядом располагался Гданьский залив с намёком на пляж, глобально заросшим камышом; на крохотном пятачке у воды стояли мусорные баки, раздолбанные автомобили и быдло. Оно кидало мусор мимо баков, ржало и било друг другу морды. Купаться в заливе было невозможно.

Периодически в микрорайоне появлялись приличные люди, покупали по дешёвке квартиру в немецком доме, капитально ремонтировали и потом долго не могли перепродать.

Николай Рифатов давно и, похоже, окончательно решил там не жить и окольными путями проник в рабочее общежитие на улице Z, где его полулегально приютила полупролетарская баба. С Андреем он был знаком довольно давно. «Когда он приезжал сюда отдыхать, мы всё время пили вместе», – пояснял Галл.

Стоило Нику Валерию или кому-то из соседей ненадолго зайти, как тётя Вера начинала умирать. Иногда она заходила на кухню и брюзжала по поводу дыма. Если гость не курил, бабка начинала разговаривать с ним на тему лечения колита, тромбоза, радикулита, ревматизма и недержания мочи. Если гость не уходил, бабка начинала умирать. Когда гость всё-таки уходил, бабка по инерции некоторое время умирала, а потом включала телевизор и улыбаясь, загадочно глядя в экран.

Стыдно было ругать бабу: ей исполнилось семьдесят пять лет. У неё наличествовали медицинские карты, исписанные непонятным врачебным почерком. Она регулярно мерила давление. «Ноги у меня совсем не ходят», – говорила она.

На кухне Андрей и Коля беседовали под пиво.

– Бля, у меня сигарета погасла.

– Потому что звиздишь слишком много.

– А сам-то! Трепло!

– Помнишь Бабеля? «Беня говорит редко, но смачно».

– Это ты про себя, типа, да?!

– Нет, это интертекст. Ты меня хреново слушаешь, поэтому не понимаешь ни хрена.

– Бля, ты бы лучше сказал, где мне денег взять. Я бы тебя внимательно выслушал. Поверь! Мне невыебенно нужны деньги. Я бы хотел иметь хотя бы восемь тысяч в месяц, блин.

Ник Валерий Галл подобрал с пола расстроенную гитару и вполголоса запел:

А как бы я хотел иметь собачку!
Я бы водил её на поводочке!
Я бы водил её на поводочке,
Соба-ач-ку!!
Собачка тихо подойдёт ко мне!
И поцелует меня прямо в жопу!
И поцелует меня прямо в жопу!!
Соба-ач-ка!!!

– Достал уже, честное слово, – не выдержал Андрей. – Я хочу денег, бля. Это так смешно?

– А я хочу нажраться пива и устроить бедлам.

– Ладно, ты не виноват, – примирительно произнёс Шейнин, наливая пива. – Это всё наше проклятое общество. Бандиты и воры, коррумпированные чиновники, подлец-президент, лжецы и бюрократы, ханжи-церковники. Лизка, хочешь пива? Всех надо гнать. По одним из наших правителей плачет богадельня, по другим – тюрьма.

– Там тётя Вера резко против, – хмуро ответила Лиза.

– Надо реформировать законодательство, упразднить бюрократическую хуйню вроде прописок, по месту которых люди всё равно не живут, формальности, связанные с жилищным вопросом, обходные и прочие листы, никому не нужные отчёты «для галочки» и так далее.

– Забавная старуха, – заметил Галл, доедая бычки в томате. – Да ты не психуй, толку-то от этих реформ? Большинство людей обламывается при любом строе, идеальный строй, при котором не обламывалось бы хотя бы семьдесят пять процентов населения, невозможен.

– Но капитализм мерзок во всех своих проявлениях. И мы, дети капитализма, несём на себе этот бред.

Лиза стала прислушиваться внимательнее. Раньше Андрей не позволял себе в её присутствии подобные пессимистические эскапады. Видимо, безденежье довело.

– Прошу изъять меня из их числа, – лениво потребовал Галл. – Меня логичнее причислить к детям лейтенанта Шмидта.

– А я хочу жить по-человечески.

– У тебя другой менталитет, – пояснил Коля Рифатов, стряхивая пепел в салатницу.

– Я тебе щас расскажу про менталитет! Мой менталитет состоит из трёх подоснов. Покоится на трёх, так сказать, краеугольных камнях. Духовная моя сущность, единая в трёх лицах, выражаемых тремя глаголами:

Один. Достало.

Два. Достало!

Три. Дос-та-ло...

И приличные деньги, чтобы выпутаться из всего этого, мне не заработать. Родители не научили зарабатывать, они и сами не умеют, умеют только на детей в школе орать.

– А почему ты не пользуешься еврейскими связями? – поднял брови Ник Валерий Галл. – Будь у меня здесь татарские связи, я бы не преминул...

– Псевдоучёный сухарь. Мне бы выжить как-нибудь, а он в душу лезет: почему... Ты видел моё чёртово свидетельство о рождении? Что там написано?

– На заборе «хуй» написано, – лениво отозвался Галл. – Ладно, а что, вакансий вообще нет?

– Есть, типа строителем, грузчиком, так это не для меня, я ничего не строю и сразу сдохну. У меня вегетативно-сосудистая дистония.

– Правда, что ли?

– Да, я же тебе говорил. Так, вроде, ничего, но если буду таскать ящики, сдохну. Ещё надо с компютером расплатиться. Он, правда, Лизкин.

– Ну, так в чём проблема?

– Я же глава семьи.

– Пошли, погуляем, – сказал Валерий Галл и упаковал гитару в чехол. – Все мы больны. Мне вот к наркологу надо. А вообще, кодироваться лень. Зачем лишать себя удовольствия? Я ж не такой мазохистичный придурок, как ты.

Неделю назад Андрей сказал о Рифатове: «Он хотел стать вторым Моррисоном. Спиться ему удалось, а вот таких песен он никогда не напишет, поэтому и комплексует. Это тупик». Похоже, приятели крайне уважали друг друга.

Они ушли. Лиза осталась одна. То есть, время от времени она забывала, что не одна: уличный шум, доносящийся из открытого окна, заглушал телевизик в соседней комнате, и иллюзия одиночества была полной. Можно было спокойно читать, писать, смотреть на закат из окна. Рано или поздно в эту идиллию вмешивалась тётя Вера, за которую надо было готовить, стирать, гладить, искать её лекарства в грязных коробках из-под дешёвых конфет («Дак я уж, милая, ничего не вижу») и выслушивать её ахиною с невозмутимым видом профессионального психотерапевта.

Тётя Вера олицетворяла воспоминание о родине. Этот невозможный акцент, эти бредовые словечки, это бытовое хамство и неряшество. Она говорила «завтрик» вместо «завтрак», «поздо» вместо «поздно» и составляла подробные списки того, что молодые люди должны были для неё купить. Список возглавляли «канфеты», «калбаса» и «кансервы». Очевидно, старуха решила, что «ка» – это некий корень, обязанный находиться в начале слова, обозначающего ряд предметов пищи, то есть, выполняющий вдобавок и обязанности префикса. Однажды бабке понадобилась халва; не стоит, пожалуй, уточнять, как стало выглядеть это слово в её написании. Она храпела, как полк пьяных солдат, мешая родственникам спать. На работе Лиза изо всех сил пыталась забыть о существовании тётки Веры, но о нём то и дело напоминали многочисленные письма всяких маразматиков:

«Дорогая редакция! Уже двадцать два с половиной года выписываю вашу газету. И хочу рассказать вам, как жизнь моя сложилась. Жизнь у меня сложилась очень удачно. Мои родители, Фляйс Иван Иванович и Полотенко Зинаида Маркеловна, всю жизнь прожили в посёлке Голубево Калининградской области. Я закончила техникум такой-то с отличием и по распределению попала на север. Там, в посёлке Малые Кирпичи Краснознамёнского района Иркутской области я отработала семь лет. Много хороших людей встретилось мне на пути, например, Меджибовский Иосиф, Лихобор Пётр Афанасьевич и многие другие. А потом по обстоятельствам попала я в женскую исправительную колонию по несправедливо сформулированному обвинению. Выйдя оттуда, я поселилась в городе Гусеве Калининградской области, где и разошлась с мужем. Теперь, на пенсии, я веду здоровый образ жизни в гармонии с природой. Люблю ходить на речку, в поле. Сколько интересного в мире живой природы! Мне нравится смотреть, как рыба сверкает на солнце. А вы замечали когда-нибудь, какие красивые глаза у жаб? Шлю вам свои стихи, уважаемая редакция:

Мне купальника не надо,
На Канары не хочу,
«Местный вестник» я читаю,
Не хожу теперь к врачу.

Приношу также глубокую благодарность Штофу Олегу Исааковичу за оказанную поддержку. Пишите! Мой адрес: Калининградская область, г. Гусев, ул. Карла Маркса, дом и квартира такие-то, Игнатенко Алевтине Ивановне».

Сначала Лизе было смешно, а потом её это достало. С потолка в кабинете активно сыпалась штукатурка, похмельный редактор вопил про несоблюдение древних прусских традиций, письма от идиотов не иссякали, и очень хотелось спать.

Ситуацию разнообразили визиты бодрых пенсионеров в редакцию. Однажды Лиза застала в кабинете странного бородатого деда в чёрных женских шлёпанцах, беседующего с малолетней секретаршей на повышенных тонах.

– Как я могу подать в суд на вашу газету? – громко осведомился дед.

Лиза смерила его ледяным взглядом.

– Я должен подать на вас в суд! – возопил дед, поправляя на башке соломенную шляпу, какие носят пасечники. Седые волосы его были собраны на затылке в неопрятный хвост, перевязанный аптекарской резинкой. – Вы написали, что я претендовал на земельный участок гражданки Бело-бородовой Вэ Е!! – Бородач потряс свёрнутой в рулон пожелтевшей газетой.

– Чья статья? – холодно спросила Лиза.

– Вашего корреспондента Ивана Токарева. Как я могу подать в суд? Что для этого требуется?

– А почему вы к нам приходите? – вмешалась секретарша. – Идите к юристу, он вам всё расскажет. И вообще, статья напечатана в иллюстрированном приложении к газете, «Местный сплетник», там свой редактор, все претензии к ней.

– Юрист денег за консультацию потребует, а я хочу, чтоб вы мне бесплатно сказали, – упорствовал дед.

– Ну, это уже ваши проблемы.

Дед ещё немного поорал и ушёл.

Демонстрировать подобные экземпляры редактору было категорически нельзя. Блюстителю прусских традиций сильно поддавал и приходил на работу в плохом настроении. Просьбы персонала помочь разобраться с невменяемыми посетителями заканчивались, в лучшем случае, многочасовым ором на всех и вся, в худшем – увольнением побеспокоивших редактора сотрудников. Когда Лиза и секретарша мрачно выпили по чашке кофе, таким образом отметив уход чокнутого деда, из коридора вновь раздался ор редактора:

– Нет, я не могу взять на работу эту дуру! Да, про неё Сидоров говорил, что у неё абсолютная грамотность, но я ещё слышал, она какая-то ужасная феминистка. Мне этих феминисток недотра- ханных на корректуре не надо!!

– Какая чушь, Никита Феликсович, – ответила невидимая собеседница полупрезрительным тоном. – У моего мужа, если я вам ещё не говорила, двадцать сантиметров. А я феминистка. Если вы мне не верите, я вышло на ваш мобильный телефон откровенное видео. Хотите?

Лиза и секретарша на секунду застыли. Мало кто мог так разговаривать с редактором и оставаться безнаказанным. Самое главное, редактор сразу осёкся и пробормотал:

– У меня нет видео на телефоне.

– Я вам подарю на день рождения новый, – нагло ответила собеседница, – если вы мне повысите зарплату.

– Ха! – сказал редактор, видимо, придя в себя. – Хм! Зачем тебе? Ты ж в Германию намылилась?

– Это ещё вилами на воде... Неизвестно.

Редактор что-то невнятно пробурчал, и вскоре до сотрудниц донеслись его удаляющиеся шаги, тяжёлые, как судьбы отечественной публицистики.

– Это Ася Шлигер, – обреченно произнесла секретарша. – Ей всё можно.

Интонация фразы напомнила Лизе приписку внизу экстремального кадра из рекламного ролика: «Не пробуйте повторить: это опасно для жизни».

– Он всегда представлял себе феминисток неужоженными, истеричными, с немывыми волосами, – сказала в коридоре просвещённая главный бухгалтер, которая, как всегда, моталась по всему зданию в поисках новых сплетен вместо того, чтобы спокойно сидеть на рабочем месте.

– Странно, а я такими всегда представляла традиционно мыслящих домохозяек. И не то что представляла... многие из них именно такими и являются. Мужья их не удовлетворяют, потому что у этих баб не хватило ни ума, ни смелости найти себе нормальных партнёров. А следить за собой несчастным попросту некогда, потому что церковь-дети-кухня, и на приличный шампунь денег уже не хватает, ведь надо купить детишкам очередную порцию детсадовской хренотени. – Тут, очевидно, устав созерцать постную физиономию бухгалтера, Ася Шлигер, высокая молодая женщина с копной чёрных кудрей, появилась в дверях проклятого Богом отдела писем и спросила:

– Девки, вы что, офигели? Почему не послали старого козла сразу ко мне? Сейчас его труп уже покоился бы в земле прямо за зданием редакции, а шляпа выполняла бы роль надгробия. Вы офигели, девки?

Ася вообще не пользовалась косметикой, разве что кремом-лифтингом из дорогой аптеки, потому что в двадцать восемь лет так молодо выглядеть почти невозможно. А химические краски и солярий были ей не нужны. Её ресницы и без того были чёрными, а кожа смуглой. Если ты представишь себе синтез шуамитянки из Песни Песней и еврейской революционной комиссарши, то сможешь создать довольно бледное представление об Асе Шлигер: её надо было видеть.

– И охота тебе, – Лиза сразу поняла, что здесь непосредственное обращение на «ты» более чем уместно, – и охота тебе прикасаться к такой засаленной и, кажется, вдобавок засанной шляпе?

Лицо секретутки пошло красными пятнами.

– Ты уверена, что она именно засанная? – как ни в чём ни бывало, осведомилась Ася, усаживаясь в кресло, предназначенное для посетителей. – По-моему, он разгребал ею навоз на участке, который у него отсудила гражданка Белобородова, – или всё было наоборот?

Надо сказать, что морально-этические понятия Аси Шлигер были по сути консервативно-иудейскими. Её совершенно не волновала чепуха типа «не дай Бог, кто услышит», «как бы чего не вышло», «как можно, это же несчастный человек», «да, это мой крест, моё наказание». Врага надо было уничтожить, другу надо было помочь, дурака или ханжу назвать дураком или ханжой. Возможно, в одной из прошлых жизней Ася была Иосифом или кем-то из его братьев, но ни в коем случае не осторожным фарисеем или черношляпным хабадником. Также возможно, что в прошлой жизни она была забитой хабадницей в парике и теперь отрывалась вовсю. Бог Авраама, Ицхака и Якова благоволил к Асе. Не всегда, конечно, по настроению. «Бог – человек настроения», – говорила Ася. – Бывает, что мы сами Ему его портим». Такое, почти домашнее, отношение к Богу свойственно евреям и мало кому ещё.

– Ну и фигнёй вы тут занимаетесь! – сообщила Ася.

Лиза в это время пыталась прочитать письмо очередной корреспондентки: «Уважаемая редакция отдела писем! Я уже не знаю к кому обратитца. Прожили мы с мужем двадцать один год и я неожиданно узнала что он гомосексуалист...»

– Тётке надо написать в «СПИД-инфо», – сказала Лиза.

– Их редакция в Москве, а мы близко, удобнее сливать нам свои помои. Все ж свои, ёптыть...

Был обеденный перерыв. Редактор закрылся в своём кабинете на опохмел. Секретарша пошла к нему с неизвестной – о, конечно же, известной, но мы умолчим, какой именно, – целью. Лиза и Ася остались одни. Ася вытащила из сумки какие-то непостижные уму нерусские яства. Кажется, халу, если Лиза не ошибалась; насчёт остального ничего не могу сказать.

– Муж готовит, – пояснила прекрасная иудейка. – Ой, ты тоже не выносишь горячий чай? Я его ненавижу. Что за удовольствие – хлебать стоградусный кипяток?!

Потом она незаметно вытащила из собеседницы кучу никому не нужных, в общем-то, сведений. О том, что они с Андреем взяли кредит на ремонт, теперь фиг расплатишься, а без ремонта никак: старики глобально запустили хазу, потолок протекает, обои отсырели, раковина отвалилась вместе с плиткой, а на откосы без слёз не взглянешь. Хотели купить электрические батареи, потому что немецкая печь достала, но денег уже не остаётся.

– Чем, говоришь, твой муж болеет? – переспросила бесцеремонная Ася. – Вегетативно-сосудистой дистонией? Я тут как раз на днях у Марь Ивановны Арбатовой прочитала, что при качественном сексе у человека не бывает вегетативно-сосудистой дистонии.

Лиза хмуро усмехнулась и ответила:

– При тяжёлом жилищно-финансовом положении даже качественный секс не гарантирует появление отсутствия вегетативно-сосудистой дистонии. Могу поклясться. Кстати, мой муж на треть еврей.

– Везде жида! – воскликнула Шлигер. – И чего ради сюда едут? Это совершенно не еврейский по духу город. Скоро парой жидов здесь будет меньше. Один из них – довольно влиятельный журналист, в смысле, я. Меня пытаются удержать. Пытались даже заставить работать на одну патристическую группировку за приличные деньги. Но меня это мало волнует, мне больше нравится Германия. *First we take Manhattan, now we take Berlin!**

Лиза была от неё в лёгком шоке. Ей всю жизнь внушали, что человек, ведущий себя так, как вела себя, к примеру, Ася Шлигер, должен умереть на помойке как аморальный, не уважающий начальство и принадлежащий к национальным меньшинствам тип в самом начале своего жизненного пути. Женщина, похожая на Асю, должна была сделать карьеру только на панели, а потом сдохнуть на помойке, а если её муж проявлял способности к уборке помещений, то она обязана была по гроб жизни презирать его как ничтожного подкаблучника.

Ася язвительно улыбнулась, словно прочитав её мысли.

– У вас в Ярославле такие зажатые люди, – мягко проговорила она. Лизе не захотелось с ней спорить. Это было правдой. – Здесь они более спокойные и вежливые, но в то же время раскормленные.

– Ты была в Ярославле?

– Я бывшая хиппи, объездила стопом всю страну. – И доверительно добавила: – Поганая всё-таки у нас страна, ты не находишь?

7.

«Долг ЖКХ.....	2888.87
Наём жилья.....	–
Тек.ремонт.....	1876.65
Содержание.....	999.99
Мусор.....	766.96
Хол.вода.....	572.11
Водоотвед.....	853.23

Итого.....»

Лиза с удовольствием бы скомкала и выбросила бумажку, а потом романтично сожгла её в немецкой печи, но делать это было абсолютно нельзя.

– Это что? – тихо осведомилась она у Андрея, который лежал на диване и смотрел в потолок.

– У тёти Веры спроси, – посоветовал он безразличным тоном.

– Так ведь я не могу сходить заплатить-то, – пролепетала тётя Вера, возникая из воздуха.

* «Сначала мы завоевали Манхэттен, теперь завоёвываем Берлин». – Цитата из песни Леонарда Коэна.

– Как Валя умер, так стало некому ходить платить. Я документы-то не умею заполнять, глаза ничего не видят, и пенсия маленькая.

– Хорошо, – так же тихо проговорила Лиза. – Давайте вашу маленькую пенсию, я отнесу её в РКЦ и частично покрою долг.

– Так ведь он на Валину фамилию, – проявила эрудицию бабка. – Как же ты будешь платить, раз это Валя должен платить?

– Он обязан прислать им перевод прямо с кладбища? – спросила Лиза, чувствуя, что её начинает трясти.

– Это уже перебор, – сухо сказал Андрей, поднимаясь с дивана. – Оставь тётю Веру в покое.

– У неё пенсия больше, чем ставка журналиста в Балтийске и официанта в Гурьевске.

– Как ты быстро научилась разбираться в местных реалиях, – процедил сквозь зубы Андрей.

– С таким интеллектом тебе впору начать искать более высокооплачиваемую работу, или я не прав?

– А сам-то ты когда на работу устроишься?

– Вот не надо тут разводить свою любимую бабскую логику типа «сам дурак»!

Тётя Вера сидела на тёмно-красном стуле, сложив руки, и умильно улыбалась.

– Тётя Вера, – медленно повернулась к ней Лиза, – здесь цирк?

– Так я ведь старая уже, – смиренно ответила бабка, – устала стоять-то, посидеть хочу.

– Не цепляйся к моей родне, – велел Андрей.

– Хорошо. Как ты намерен рассчитываться с долгами?

– Мне тут звонила по объяве одна баба, – неохотно ответил он. – Якобы новая литгазета, хуё-моё. Предлагала стать замом. Я пошёл выяснять. Оказывается, как таковой ставки нет, то есть, зарплаты нет, а есть заработок.

– ?!

– Проценты с договоров с банками, которые фиг заключишь: банковское начальство упорно не хочет поддерживать культурные проекты. Одна девица из газеты принесла в «Собинбанк» бумажку о спонсорской помощи, чтоб поставили входной номер для отчёта, а управляющий позвал охранника, и тот её выставил со словами: «С русской культурой сюда просьба больше не ходить». Я понял, что эта работа немного не для меня. А кроме корректуры и редактуры, начальница хотела повесить на меня весь этот, мягко выражаясь, менеджмент и курьерскую беготню. А при таком раскладе получать деньги невыносимо. У них там текучка дикая, люди держатся две-три недели и сбегают.

– Лохотрон вроде сетевого маркетинга, – констатировала Лиза. – И это всё, что тебе предложили?

– Так ведь бухгалтером можно работать пойти, – с невинным видом вмешалась тётя Вера.

– Люди с гуманитарным образованием не могут работать в этой сфере, – машинально поправила Лиза, забыв, что тёте Вере в принципе не знакомы слова «сфера» и «гуманитарный».

– А почему не могут-то? – вскинулась старуха. – Вон сколько людей бухгалтерами-то работают. Главное, это, институт-то закончить, а потом идти. Что ты глупости-то порешь, взрослая ведь девка-то?!

– Убери её, – одними губами произнесла Лиза.

Андрей встал у порога, усыпанного извёсткой и штукатуркой, в наполеоновской позе.

– Лизочка, – начал он угрожающе, – это квартира тёти Веры, и я её первый наследник. Пожалуйста, не надо тут распоряжаться, как комиссарша в революционном штабе.

– Конечно, распоряжаться я не должна. Я должна только платить долги. Но я этих долгов не делала. Спроси у тётушки, сколько у неё в кубышке запрятано.

– Заткнись! – рявкнул Андрей. – Ты здесь никто, ясно?

Лиза шагнула вперёд, аккуратно отодвинула его с порога и оказалась в прихожей, где стала лихорадочно искать свою куртку. Вешалка была захламлена старухиным кошмарным шмотьём от вида которого упала бы в обморок самая непритязательная бомжиха. На потолке сидел солидных

размеров паук-крестовик и созерцал бардак, будто откормленный православный поп – паству. Куртка почему-то обнаружилась на тумбе для обуви. Она была завалена кусками обоев, ламината и табачного цвета линолеума.

– Лизочка! – Андрей вломился в прихожую, сообразив, что зашёл слишком далеко. – Всё будет нормально. Нам скоро за съём квартиры в Угличе пришлют перевод.

– Они должны были прислать его две недели назад.

– Ну, что ты как дура? Тут же почта работает чёрт-те как. Граница, проверки и проч. Ты куда?

– Я никто, – сказала Лиза, – и иду никуда. – Она хлопнула дверью. Андрей не вышел за ней на лестничную площадку. Видимо, у него были на то свои логические причины.

– Ася, – сказала она по телефону уже на улице, – помнишь, ты предлагала в выходной сходить куда-нибудь выпить?

– Я как раз сегодня в Зеленоградск собиралась, – радостно ответила Ася. – У меня муж уехал на гастроли в Польшу, так что я целую неделю могу дома не появляться. Звони часа через полтора, я буду на море.

Только нищета может заставить великодушного, в сущности, человека испытать к кому-то зависть. Лизе тоже захотелось как минимум неделю не появляться дома, забыть, как чистят картошку и держат швабру, сколько минут надо тушить мясо на медленном огне, и как распорядиться деньгами, чтобы их к концу недели хватило на это самое мясо.

Счастливая Ася, подумала она. Только зачем ей со мной общаться? Она, может быть, не такая счастливая, как кажется со стороны, и хочет самоутвердиться на моём фоне? Или ей просто в редакции скучно, не хватает интеллектуального общения? Но у неё полно знакомых, она же выросла в этом городе. И большинство этих знакомых – евреи, то есть, о нехватке достойных собеседников и собутыльников говорить не приходится. Скорее всего, она просто поверхностный человек, привыкший заводить по сотне «друзей на час» каждые пять минут. Как говорил Андрей об одной питерской знакомой, «это была самая общительная девчонка в еврейской студенческой организации, могла затрещать любого; но когда новые друзья через неделю звонили ей, она почти никого не узнавала». У подобного человека стыдно и бессмысленно просить денег. Скажет: извини, я к тебе прекрасно отношусь, но это твои проблемы. Лиза неоднократно сталкивалась с такими экземплярами, но лучше Ася, чем общение с чокнутой бабкой или соседкой – продавщицей из мясомолочного отдела магазина, помешанной на самых тупых телевизионных шоу, какие только могут быть в этой тупой стране.

Лиза дошла до городской черты, застопила дальнобойщика на немецкой машине, везущего посуду «Kaiserhoff» (хорошо бы забыть о ценах на кухонную посуду, кухонные уголки и вообще о том, что этой посудой в уголках делают!) и вышла в Зеленоградске, забитом красочными одноэтажными особняками и туристами. Вода накатывала на берег и на несколько мгновений словно покрывала песок глянцем, а потом начинала отступать, и берег приобретал прежний матово-серый цвет. Свободных мест на пляже не было: всё заняли целлюлитные тётки, неухоженные мужики в толстенных серебряных цепях и визжащие дети. Вздохнув, Лиза пошла дальше. Примерно в километре от будки смотрителя пляж обрывался; отдыхающих почти не было. Лиза хотела расстелить полотенце и сесть, но вскоре раздумала. В песке были глубокие грязные вмятины, полные пивных пробок, по ним ползали муравьи и таскали яйца. На следующей неделе сюда не поеду, решила Лиза и побрела назад.

– Ау! Ты офигела? – раздался знакомый женский голос с верхней ступеньки лестницы, по которой люди спускались на чёртов пляж. – Почему у тебя телефон отключен?

Лиза стала медленно подниматься по лестнице: орать снизу не хотелось, на неё и так уставилось штук десять любопытных целлюлитных рож.

– Чтобы с мужем не общаться, – пояснила она с сардонической улыбкой. – И потом, ты ведь сказала: через полтора часа; ну, я и собиралась через полтора включить.

– Я не слишком пунктуальна, – сказала Ася, – прихожу или раньше, или позже. Закатай джинсы, они у тебя в песке.

Ася улыбалась ей, и было понятно, что ничего обидного в её замечании изначально не заложено. Ветер уложил её волосы, как парикмахер-креативщик, в стиле «бардак, но красиво». Она была очаровательна. Совсем не хотелось говорить с ней о проблемах, своих и чужих. В местном кабаке почему-то ловилась одна из самых приличных украинских радиостанций – та, где было очень мало современной русской и украинской музыки.

– Миша – идиот, – сказала Ася, подразумевая мужа, свалившего на гастроли: он играл клезмер в промежутках между репетициями русской классики. – Случайно заглянул в мой почтовый ящик, когда я ненадолго вышла из комнаты, и прочитал там что не надо. За пять минут набросал ответ, отправил со своего ящика, распечатал и оставил на кухонном столе. Сейчас прочитаю.

«Дорогой Марк!

Я очень ценю твою симпатию по отношению к моей жене и традиционной каббалистической культуре. Но почему бы тебе также не проявить внимание к своей жене? Вот, один раввин издал книгу «Соблазняйте и грешите с собственной женой», хочешь, оставлю ссылку? Заодно хочу обратить твоё внимание на допущенные в тексте письма ошибки. Цитата, которую ты приводишь, принадлежит Ари, а вовсе не Баал Суламу*. «Не» в данном случае надо писать отдельно, и это ещё не всё! Я, конечно, не филолог, а всего лишь невежественный музыкант, но всё-таки рекомендую прислушаться к моему мнению. Надеюсь, что мы останемся друзьями.

Твой Михаэль».

А до свадьбы клятвенно заверял меня, что мы с ним свободные люди, и случайные измены только укрепляют брак! А что касается жены Марка, то он давно уже разводится с ней, тут не поможет ни один раввин. И тем не менее он цепляется к нему! Чёрт знает что.

«Чёрт знает что, а не проблемы, – мрачно подумала Лиза. – Мне бы такие».

– Тебе, наверно, вся эта фигня неинтересна? – спросила Ася. – У тебя что-то случилось? Хочешь, я закажу вина? Я оплачу.

– Не люблю одалживаться, – сказала Лиза.

– Мне надоел твой выпендрёж в духе худших героинь Шарлотты Бронте. «Жратвы чужой не надобно, хоть нет, зато своя»!

– Это Башлачёв, – сказала Лиза, – а не Шарлотта Бронте.

– Нам, хазарам, один хрен.

– А какие героини у неё худшие? Я, как невежественный филолог, что-то не понимаю...

– Главные. Они все страшные и чокнутые. Мне больше нравилась Берта Мейсон**: она хотя и чокнутая тоже, но в правильную сторону: подожгла дом своего садиста-мужа.

Официантка принесла бутылку «Merlot», и Лиза стала рассказывать о том, что случилось, – точнее, о том, что случилось вот уже который месяц подряд, тщательно избегая слова «деньги». Не упомянула и о том, что в местный университет она подать документы на соискание не сможет: соискание теперь везде платное, да, вдобавок, на кафедре русской литературы нет профессоров, а писать для зарубежной кафедры она не имеет права, поскольку заканчивала русский филфак. В общем, научная карьера Лизы снова откладывалась на неопределённый срок.

– Поехали ночевать ко мне, – сказала Ася. – Похоже, твой придурок, будучи полным эгоистом, не станет искать тебя с ментами, а просто напьётся и уснёт. Он уверен, что ты от него зависишь и ещё долго никуда не денешься, так что первые три дня тебя не побеспокоит.

– А потом начнёт искать. Ведь это он от меня зависит.

– Это уже его проблемы. Почему не пошлешь? Квартирный вопрос или юдофилия?

– Обожаю одесскую бесцеремонность, – ответила Лиза, ненадолго забыв, что пьёт за чужой счёт.

* Ари, Баал Сулам – известные каббалисты.

** Одна из героинь романа «Джейн Эйр».

– Правду говорить легко и приятно. Это сказал Иешуа га-Ноцри Христос.

– У меня много причин, – сказала Лиза.

– У всех много причин. Христос тоже не ради любви единой потащился на крест. Он много чего хотел от этой жизни и от этой казни.

Ася, как писала Марь Иванна Арбатова, вообще о многом годилась порассуждать, – о Христе, дьяволе, коррупции, скрытом влиянии группы «Coil» на гей-культуру, архивах КГБ и мужиках, и это, как писал её муж, было ещё не всё.

– Он придурок, – заключила Ася, имея в виду не Христа. – Давай я тебя познакомлю с Марком. Правда, он сейчас в Вильнюсе. Но скоро явится. Правда, он ещё долго не отстанет от меня. Но мне ради тебя Марка не жалко.

– Я тебя умоляю, – устало сказала Лиза. Облака в небе приобретали романтический фиолетовый оттенок, и на этом фоне плебейская группа отдыхающих приобретала всё более идиотский вид.

8.

Лиза пришла домой следующим вечером. Прихожая встретила её пустыми бутылками, заполненными «бычками». Из кухни доносился прокуренный голос Ника Валерия Галла, декламирующего стихи:

Я издох. Я забил гвозди ржавые хуем
вдалеке от глобальных идей бытия,
и теперь, если кто-то Иисусом рисуем
на холсте облаков, то уж точно не я.

Я исчез. Под водой моя дремлет корона,
и пришли фраера мою карту покрыть,
но душа избежала корысти коррозии,
и над сердцем не виснут коварства ковры.

Я пролил в ваше море всю чёрную краску,
я надрезал крестом стебли вашей травы,
я пробит длинной дробью, я проклят двукратно,
но плевать в мои стёкла не смеее вы!

– Bravo! – заорали на кухне Андрей и кто-то ещё.

– А я всегда знал, что я гений, – хладнокровно провозгласил Ник Валерий.

– А чего книгу не выпустишь? – спросил третий собеседник грубым голосом.

– Ха! Мне тут один бизнесмен знакомый предложил денег на это дать. Только с одним, не устраивающим меня условием. Каким – этого я вам, противные, не скажу.

– Да просто не дал, а ты теперь про него хуйню в оправдание сочиняешь, – возразил Андрей.

– Может, и дал, но не денег, – предположил третий.

– Не верю. Коля бы не стал скрывать.

– Хватит звиздеть, – очнулся от вдохновения Коля Рифатов, – мы не закончили партию. Где мой голубой мизер?

Лиза помнила, что такое мизер в преферансе, но почему голубой – это уже оставалось на гениальной совести Коли Рифатова. Она обречённо пошла мимо кухни, мечтая исчезнуть где-нибудь под водой, но Андрей окликнул её:

– Лизочка! Ты что-то рано вернулась. Говорила, что раньше четверга не приедешь. А денег тебе одолжили?

От этой прелестной импровизации Лизе чуть не стало плохо.

– А должны были одолжить? – спросила она, хотя обычно не допускала тавтологий даже в обыденной речи.

– Нет, ну, бля, вот и пойми этих баб! Я с тобой потом поговорю, а вообще, если ты всё собираешься оставить себе, то на здоровье, только не жалуйся потом, что мне на что-то по фиг!

От этой фразы Лизе стало ещё хуже.

– Зайди сюда, – сказал Андрей. – Это мой тёзка Штацкий, он охранник в учреждении, где Коля работает.

– Оказывается, Коля работает, – задумчиво проговорила Лиза. Ей было уже на всё плевать. Штацкий был грузным малопривлекательным мужиком, которому на вид было примерно от тридцати до сорока. С такими незапоминающимися лицами людей только так берут в шпионы или бандиты. Его рубашка и брюки выглядели прилично, но не шли ему. Таким людям вообще ничего не идёт, включая саму жизнь. Смерть им тоже не идёт: в виде трупов они ещё более отвратительны. Даже не то что отвратительны – они просто неприятны, во всех отношениях, как сказал бы классик.

– Андрей, ты чего свою бабу не воспитываешь? – спросил Штацкий хриплым басом.

– Меня не надо воспитывать, – раздельно произнесла Лиза. – Я не в старшей группе детского сада.

– Андрей, чего твоя баба лезет в мужские разговоры?

– Да, – философски заметил Коля Рифатов, разминая «беломорину», – в плане баб я скорее мусульманин, чем наоборот.

– Ты меня позвал для того, чтобы я не вмешивалась в ваши разговоры? – обратилась к Андрею Лиза.

– Я тебя хотел предупредить: на нашей кровати спит тётя Вера. Не знаю, почему. Не беспокоить её.

Лиза слегка позавидовала железным нервам старухи. Ей не мешала дрыхнуть ни пафосная декламация Галла, ни вопли его слушателей, ни сирена за окном.

– Хорошо, – сказала она и скрылась в комнате тёти Веры. На комод со старушечьим бельём валялась записка: «Андрюша заведи мою пенёчку». Лиза взяла валявшуюся рядом с посланием нетронутую пачку валидола, положила таблетку под язык. Я не то что не реализуюсь, пришло ей в голову, я вообще практически не живу. На фига мне сдалась эта прописка, думала она, зачем весь этот бред? Снять комнату не на что, иначе придётся жить на полторы копейки. Если разведусь, придётся снова прописываться у родителей... только не это. Лучше в рабочем общении. Ага, на время плюнуть на амбиции и научиться, скажем, собирать телевизоры. За это здесь платят. Это ничего, что ей в плане техники сорок тысяч медведей на ухо наступили. Это тоже своего рода развитие интеллекта. Он (интеллект) время от времени обязан усваивать что-то новое, иначе башка изнутри зарастёт бурьяном и чертополохом. Примерно как у тёти Веры, чтоб ей...

Не раздеваясь, Лиза прилегла на кровать тёти Веры, пахнущую нафталином, и заснула. Её не разбудила ни декламация очередных декадентских стихов, ни ор про мизера и взятки.

Жизнь – сама сплошная взятка, однажды сказала она мне. Взятка кому-то сверху. Или снизу. Какая разница, сверху или снизу, если кто-то всё время всё отбирает? Уже безразлично, на нижний или верхний этаж доставляется отобранное, и лестница в небо давно перестроена в невидимый лифт, по которому никуда не подняться.

Её разбудила тётя Вера, нависшая над кроватью, как небольших размеров мусорная куча:

– Вставай, вставай, ты чего разлеглась-то тут? Это моя кровать, я здесь умру, а ты к себе иди!

– А вы почему спали в моей? – пробормотала Лиза, протирая глаза. Было полутемно. Дверь полуоткрыта. С улицы веяло запахом горелого мусора.

– Так а я уж не помню, – сказала старуха. – У меня скалирост. Я куда ни пойду, чего ни сделаю – ничего уж не помню. Я на кухню-то пришла, а мне Андрей говорит, мол, Лиза на твоей кровати спит. И всё тут, не подступись, я уж целый час думала, где мне спать-то?

– Господи, – тихо произнесла атеистичная Лиза, поднимаясь с постели, – Господи... за что?! «За то, что ты в меня не веришь, сучка», – отозвался внутренний голос.

Лиза побрела в ванную, но оказалось, что горячей воды нет.

– Отключили за неуплату, – сообщил Андрей. Издали он казался непозволительно трезвым. – Подойди сюда, – без интонации сказал он. Бывает, что таким тоном отцы и мужа разговаривают перед тем, как дать по морде. Лиза машинально сунула руку в карман, нашаривая складной нож. Такими ножами удобнее не резать, а, не вынимая предварительно лезвия, бить в висок. Лучше не сильно, чтобы просто отрезвить противника, в противном случае посадят за убийство.

– Днём было нормально, – сказал он, – а сейчас невозможно двигаться. Надо было тебе туда идти.

– Куда? – Лиза застыла в темноте. В прозрачной пепельнице на столе догорала недокуренная сигарета.

– Да ящики грузить. Пошёл подработать и, кажется, спину сорвал. Я их неправильно поднималю.

– Надо напрягать мышцы рук в первую очередь, иначе вся нагрузка пойдёт на позвоночник, – сказала Лиза, тоже без интонации.

– Я что-то такое слышал. Но у меня руки не работали. Я ж несколько лет ничего тяжелее пакета с бутылкой водки не поднимал. Разве что сумки тогда в поезде... Блядь, я срывал уже спину однажды, меня потом в универе от физкультуры на два года освободили. Всё, теперь пиздец. Извини меня. Не думал, что так будет.

Опыт – а не вознесённая на незаслуженный пьедестал дамская интуиция, – подсказывает мне, как суфлёр со стажем, чётко, но для широкой публики неслышно: стоит тебе принять решение об уходе, даже ещё не озвучив его, как мужик с мозгами успевает прочесть решение у тебя на лбу и начинает действовать. Мужик без мозгов, до поры до времени бесчувственный и самодовольный, оказывается в проигрышной ситуации: твой уход для него – новость, он ни черта не понимает и выглядит, как беспомощный младенец, которого мамаша оставила на произвол мусорного контейнера или детдомовской администрации (неизвестно, что хуже). Но такие мужики – не наша весовая категория, не наше сословие, проще говоря, – ибо сословия, милостивая государыня, Бог ещё не отменял, а Бог – это не советская власть, у Него всё предreshено и неизменно.

Мужик, обожающий игры в свободу, которые заменяют ему настоящую свободу, популяризирует сказки о том, что брак нужен только женщине, но сам яростно цепляется за этот брак, боясь лишиться кормушки, а если и бросает бабу, то, как правило, ради кормушки более сытной. Таковой вблизи Андрея не имелось. Посудите сами: Андрей был в чистом виде люмпен-интеллигент. Если бы не жена, страшно бы подумать, до чего бы он дошёл. А какой нормальной бабе такой нужен? Кёнигсберг – не Питер, полный жалостливых интеллектуалок. Бабе простонародной нужен конкретный мужик «с руками», чтоб электричество устанавливал, краны чинил, и без всяких гнилых интеллигентских выкрутасов. Другой бабе нужен мужик с фирмой и машиной или, по меньшей мере, с кандидатской степенью, или, ну, совсем крайний вариант, чтоб умел принимать решения. Были ещё религиозные бабы. Тут Андрей и вовсе был в пролёте, ибо истовые религиозницы, опиоманки Христовы, немедленно заклеили бы его как искателя недостойных плотских утех в первую очередь, бытовых удобств во вторую, и вообще, если тебе в жизни так не везёт, значит, хреново молишься Богу. Да-да, современное православие всё больше смахивает на кальвинизм. Сочетание традиционного русского юродства и лицемерия с протестантской расчётливостью и отношением к ближним в стиле «это твои проблемы» скоро окончательно опустит авторитет православной церкви до уровня плинтуса, и это ещё мягко сказано.

В глубине души Андрей всё это понимал. Он же был евреем, а евреи в России – это скорее интеллектуальная каста, чем народ. Так что проблемы со здоровьем у него, скорее всего, возникли по неизбывной подсознательной указке папеле Фрейда. Все болезни от Фрейда, миром правит ложь и самовнушение. Я тут начинаю, кажется, читать мораль, как грёбаная Маргарита

Наваррская. Но у меня есть алиби: смерть автора по методу структуралистов. Меня нет, и кто угодно может придумать какие угодно причины вышеобозначенных поступков. Я не королева и не носитель истины в последней инстанции.

Итак, в ход пошли обещания, плавно перешедшие в клятвы, и даже, как ни странно, признания в любви. Впрочем, что тут странного? Семнадцатилетний парень, отчисленный из ПТУ за неуспеваемость и работающий сборщиком стеклотары или грузчиком в продуктовом магазине, тоже говорит своей жирной тёлке, продающей стиральный порошок в магазине напротив, что любит её: так принято. Тёлка опускает томные глаза и кокетливо виляет хвостом; правда это ли нет, ей, верьте – не верьте, по барабану.

Лизе тут же, как по команде, полезли в голову шедевры народной мудрости, вроде: семья необходима для выживания, характеры в браке притираются друг к другу (а точнее, в браке стирается индивидуальность, ну да ладно), со временем отношения крепнут, а мужик превращается в человека, если правильно себя с ним поставить. Уж эта мне фолк-педагогика, эти мне мудрствования лукавые вперемешку с причитаниями, как у Ларисы Румарчук: «Не буду сына лепить из глины, не буду бабу лепить из снега, а буду, плача, лепить мужчину, чтоб был похож он на человека».

Я, конечно, немного тенденциозна, дорогая моя, но что поделаешь? Не хочу я ни плакать, ни лепить. А она сдалась. На время. Многие сдаются «на время», а потом, очнувшись, понимают, что времени у них лично больше нет. Ближние намазали их время на свой хлеб и сожрали, и сказали: это было твоё решение. Что-то не нравится? Вали отсюда. Но если всерьёз попробуете свалить, то вас ждёт серьёзное испытание. Не уговоры ближних, нет, – ваши собственные предрассудки. Лиза помогла ему раздеться, лечь удобнее и в темноте нашла пачку анальгина – нет, свет всё-таки не отключили за неуплату, просто лампочка перегорела. Он плёл всякую чушь с душераздирающим выражением лица, смутно улавливаемым в темноте и достойным рабби Шимона, повествующего ученикам о небесной колеснице*. В глазах его стояли слёзы, и проч. Из квартиры снизу, где жили малолетние братья-панки, украсившие подъезд граффити «Рэп здесь убивают», доносился голос верховного культуртрегера вся Руси, версия 1985 года:

Голубые мальчики, молодые мальчики, мама бя,
Голубые мальчики, холостые мальчики, мама бя,
Голубые мальчики, молодые мальчики, мама бя,
Я хочу вас, мальчики, молодые мальчики, мама бя.

Мама бя!

9.

Ранним, поэтому особенно ненавистным утром, Лиза пошла в аптеку. Ты тоже сова и можешь прекрасно её понять. Худшие, самые холодные, мутные и тошнотворные часы – с шести до девяти. Может быть, не совсем до девяти – так, до восьми сорока. Чёрт с ним.

Анальгин закончился. Лиза сказала Андрею, что, в крайнем случае, надо заставить себя встать и начать делать упражнения на растяжку.

– Что?!!

– У меня было ущемление поясничного нерва, я посидела на шпагате минут двадцать и смогла ходить, а до этого мне даже лежать было больно.

– Отцепись от меня со своими идиотскими каратистскими штучками! У меня нулевая растяжка. Ты не в курсе, да? Позвони врачу. Я их ненавижу, но пусть придет хоть одна сука... они должны какие-то уколы делать.

Лиза позвонила. Ей ответила сонная и злобная дежурная:

* Рабби Шимон бар Йохай (1 в. н. э.) – предположительно, автор книги «Зогар».

– Девушка, у нас все машины как бы заняты. Скажите мужу, пусть пьёт анальгин.
– Он не помогает.
– Пусть тогда идёт к хирургу в поликлинику по месту прописки. Не занимайте линию, у вас не такая серьёзная проблема.

– Скажи этой твари, – вежливо проговорил Андрей, которому Лиза дала прослушать полезный совет, – что я не могу встать.

Лиза сказала.

– Идите к хирургу, – с нажимом повторила девица.
– Бесполезно, – сказала Лиза, прикрыв трубку ладонью. – Им по хуй.
– Дай мне эту шлюшку, я её сейчас отхерачу. – Андрей с трудом приподнялся на постели, чтобы взять трубку, но на другом конце провода уже раздавались гудки. – Что ж, придётся пить анальгин. Морфия же нет.

– Анальгина тоже, – сказала Лиза.

– Если мне не помогла одна пачка, то и вторая не поможет. Прикинь, я получу инвалидность. В двадцать семь лет. А кто-то добывается государственного пособия только к шестидесяти. Мне будут завидовать все старые хрычи всех подъездов. Ты куда?

– В аптеку.

– Тебе же на работу надо.

– В кои-то веки ты вспомнил, что мне надо на работу, значит, не надо меня отвлекать, – хмуро отозвалась Лиза, натягивая свитер.

– Ты опять?! Нет, бля, ты меня сведёшь в могилу. Но у тебя будет чувство вины. Я тебе его гарантирую. У любого порядочного человека на твоём месте будет чувство вины. Купи мне лучше морфия. Быть морфинистом романтично. А дешёвые обезболивающие – дикий моветон.

Не дослушав тираду, Лиза хлопнула дверью и только на улице поняла, во что ввязалась.

Кёнигсбергская погода не более предсказуема, чем лондонская. Местные дожди немногим отличаются от израильских, сваливающихся на головы людям сразу после удушающего хамсина, в стиле «все воды твои и волны твои прошли надо мною». Если вы заметите, что многие кёнигсбержцы не открывают зонтов, не удивляйтесь: ветер тут в стиле «зонт всмятку». Не только сие непрочное средство защиты от хлябей небесных, но и вы будете раздавлены дождём, прижаты порывом сырого ветра к ближайшей стене (вы не успеете рассмотреть, стене чего – немецкого дома, супермаркета, психодиспансера, потому что ваши глаза будут наполовину закрыты ещё не окончательно вывернутым наизнанку зонтом: если держать его прямо над головой, ветер немедленно переломает спицы, а так у вас есть шанс сохранить целыми хотя бы половину из них), шум воды напомнит вам «Реквием» Моцарта или самую мрачную и длинную композицию немецкого нойз-электронщика. Не думайте, что у вас больше возможностей уцелеть во время дождя, если вы мужчина. Я сильная женщина, следовательно, сейчас описываю то, что ждёт вас. Слабых женщин в такое время на улицах Кёнигсберга в принципе не бывает. Иногда попадаетесь очень не местная, не очень знакомая с климатическими достопримечательностями дамочка; в состоянии лёгкого шока она топит шпильки в луже, провожая взглядом зонт, вырванный ветром из её рук.

Лиза укрылась под козырьком аптеки, потому что идти было невозможно. Вода полностью залила брусчатку. Водители напоминали оснащённых автомобилями Христов. Брызги от колёс разлетались во все стороны. Ей казалось, что она стоит напротив дождя всю жизнь, примерно как Штефице Цвек у Дубравки Угрешич* казалось, что она всю жизнь ползает по кухонному полу, собирая горошины. Глобальная проблема центральноевропейской литературы. Zeitgeist**, наконец-то настигнув тебя (нашёл ты меня, враг мой!), безмолвно вопрошает: где ты был всю жизнь? – и ты, иногда не в силах ни ответить, ни даже осознать, что тебя спрашивают, понимаешь, где. И зачастую лучше смерть, чем это понимание. Я не шучу. Впрочем, можете думать, что шучу, если вам так удобнее.

* Дубравка Угрешич – известная югославская писательница, культуролог.

** Дух времени (нем.).

Она опоздала. Приди она чуть раньше, Андрей бы не взял трубку или не стал разговаривать так откровенно. Он не расслышал шорох ключа – именно шорох, бывают такие замки. А Лиза расслышала вот что:

– Вечером я не могу к Зойке ездить. У меня жена дома. Какие менты? Какой притон?! Это же не казино. Тут никто ни к чему не имеет права придираться. Кому какое дело, как кто проводит время? Блядь...

Лиза застыла в дверном проёме, как статуя Фемиды, но с открытыми глазами.

– Всё, не могу говорить, извини, – нервно произнёс Андрей и швырнул трубку.

– Кто такая Зойка? – поинтересовалась Лиза тоном, каким обычно спрашивают, где находится ближайший хозяйственный магазин.

– Сейчас будешь бить лежачего, да? – предположил Андрей. Простыня вокруг него была засыпана пеплом. – Замечательно, всё идёт наилучшим образом, осталось только приготовить саван.

– Я терпела твоих приятелей, не наводя подробных справок, кто они, – сказала Лиза, включая электрический чайник, – терпела твою клиническую безработицу и твою идиотскую тётю. Но это уже перебор. И что за разговоры о притонах и ментах? Ты куда-то вязался? Я имею право знать, тебе не кажется?

– А я имею право тебя выписать, – меланхолично заметил Андрей. – Ну, не сейчас, конечно. Вот только приду в себя...

– Выписывай, – сказала Лиза. Она выпрямилась и скрестила руки на груди.

– Мне уже плохо от тебя, блядь. Этот запах дихлофоса... чёрт-те что. На черта он тебе?

– Вам с тётушкой плевать, что в квартире полно пауков. А мне почему-то нет. Прикинь? Я не знаю, чем ещё их травить. Я, кстати, проветривала квартиру. Форточка была открыта, но ты пожаловался, что тебе холодно. Я закрыла её. Что ещё хочешь узнать?

– Как же мне надоело всё это! – воскликнул Андрей. – И пожрать нечего в этой квартире. Хоть сдыхай.

– Пусть твоя тётя драгоценная готовит! – прошипела Лиза. Всему должен быть предел, подумала она. Всему.

– Она болеет.

– Болеет, да? А кто мелочь тырит у меня из карманов, ты, твоя больная родственница или Николай Валерьевич Галл? Передай ему, пожалуйста: пусть пьёт на свои гонорары, а не на мою зарплату! Думаешь, я ничего не замечаю? В первый раз я решила, что по рассеянности забыла, сколько у меня осталось денег, но...

– Ты меня утомляешь, – перебил Андрей.

– Зато моя готовка, уборка и зарплата тебя не утомляют. Я за твою хату с кучей сомнительных типов и долбанутой бабкой на тебя двадцать пять часов в сутки пахать не обязана, понял?

– И ты меня бросишь в таком состоянии? – так же меланхолично поинтересовался Андрей.

– Пока нет. А там посмотрим, – сказала Лиза, холодея от собственной наглости. – Давай ты выпьешь эту дрянь, и начнём сначала. Кто такая...

– Лиза, – донёсся из соседней комнаты голос тёти Веры, – ты мой для давления-то этот куда вчера дела? У меня, чувствую, опять давление-то!

– Это она о чём? – обморочно спросила Лиза. Чайник вскипел. На стене, возле белой полосы бордюра, сдыхал паук размером с мобильный телефон.

– О тонометре, – сказал Андрей. – Давай это закончится мирно, или как?

Лиза вышла из комнаты и набрала номер Аси Шлигер.

– Ты уже проснулась? Извини, но у меня к тебе идиотский вопрос. Если я скажу редактору, что из-за болезни мужа не могу выйти на работу, он выгонит меня сразу или постепенно?

– Потребуется справка, – сообщила Ася. – А я не сплю. Сижу, читаю «Зогар», на работу зайду, но поздно. Чё мне там делать?

– Врач отказывается приезжать, а муж не может дойти до больницы.

– Ну, тогда этот козёл ничего не скажет, но потом, когда ты забудешь об инциденте и расслабишься, уволит. Это одно из его любимых развлечений. Тебе придётся туда пойти. Увы.

– Зачитай мне какую-нибудь фразу, – попросила Лиза. Соседи наверху включили телевизор. Женщина-диктор заверещала что-то о глобализации. О, непревзойдённая акустика немецких домов девятнадцатого века! В каждом из них можно петь протестантские гимны или, по меньшей мере, записывать альбомы, – но жить в них...

– Тебе правда так плохо? – спросила Ася с плохо скрытым чувством вины в голосе. – Хорошо, я приду раньше. Не думала, что у вас всё настолько запущено.

– Помнишь, о чём я тебя просила? Хотя можешь не читать. Я уже от безысходности дурака валяю.

Ася вздохнула, будто не зная, смеяться ей или расстраиваться.

– «Дни коротки, заимодавец теснит, глашатай взывает весь день. А жнецов поля мало, да и они на краю виноградуника. Они не ведают точно и не знают, куда им идти».

– Отлично сделано, – редактор ткнул пальцем в газетную иллюстрацию разных оттенков пива. Кажется, это был прибрежный пейзаж – одна из многочисленных, так сказать, кос. – А теперь у меня к вам вопрос, господа. – Редактора окружали Ася, Лиза, Иван Токарев, секретарша, наборщица с похмельным выражением глаз цвета пива, которую Феликсович, наверно, взял только по причине их отдалённого внешнего сходства: печатала сука отвратительно, – полуспящий верстальщик и паук размером с портсигар. На столе стояли чашки с кофе цвета пива (так заваривала кофе секретарша) и лежала пачка писем, которые Лиза пыталась дочитать. «Дорогая редакция! Пишу вам по поводу коммунальных платежей в нашем районе. Когда в нашей квартире был устроен пьяный дебош...»

– Кто хочет заработать? – агрессивно осведомился редактор. За этим вопросом что-то крылось. Что-то не то. Поэтому жадный до денег, но осторожный верстальщик промолчал и даже взялся за кружку, чтобы доказать, что он тут не причём, и ему на всё наплевать; на самом деле ему было наплевать только на вёрстку. Секретарша вскинула было голову, но редактор смерил её полупрезрительным взглядом, молчи, дескать, ты только в постели можешь зарабатывать, отребье с набережной Баграмяна. Паук пополз вниз. Иван Токарев хотел что-то сказать, но тут в кабинет вломилась рослая полячка с концертного вида макияжем.

– Остатний раз сюда хожу! – возопила она. – Цо в вашем посольстве, паньство, не вем, як поведжечь по-росыйску, делается?!

– Пани Беата, – мрачно проронил редактор, – а можно как-нибудь в другой раз?

– Не! – взвизгнула полячка и более решительно повторила: – Нет! Я сюда хожу *остатний* раз.

Редактор выразительно посмотрел на Асю, и она вышла из кабинета вместе с полячкой и Иваном Токаревым. Верстальщик посмотрел на Лизино выражение лица и с холодной усмешкой пояснил:

– Это ж «Местный вестник».

– Пойдёшь ты у меня с работы, – предупредил редактор, начиная потихоньку звереть. – Это, как выразилась пани Беата, остатний раз, когда я от тебя такое слышу и не выгоняю. Хорошо. Статью о специфике посольства придётся напечатать в следующем номере, а не в октябре. Итак. Кто хочет заработать?

– Я, – твёрдо и решительно произнесла Лиза. Секретарша недовольно покосилась на неё. Наборщица прикусила язык.

– Допустим, – с оттенком иронии ответил редактор. – Короче. Надо отредактировать мою книгу о специфике истории Калининграда. Там есть некоторые вещи и про меня. Я сейчас занят, мне надо заключить сделку насчёт спонсорской помощи. Вы у нас на ставке корректора, так что со многим справитесь. Но есть одна проблема. Вы человек не местный. Там надо... пойдёте поговорим в мой кабинет.

Возле кабинета стояли Иван Токарев и очередной дед.

– Мы не занимаемся этим вопросом, – бубнил Иван. – Идите в электросеть.

– Там меня все шлют, – отвечал дед. – А я хочу знать: до каких пор мне терпеть всё это?

– «Тот ответ, которым освещается высшая Мысль, называется Бесконечным, и из него она возникает, и существует, и светит тому, кому светит. И на этом зиждется всё. Блаженна участь праведников в этом мире и в мире грядущем!» Он попросил тебя добавить мыслей в его словесный кисель?

Лиза представила себе исторический Кёнигсберг, со всеми Альштадтскими ратушами, Берлинскими дворами и Кафедральным собором в середине, а на этом фоне – редактора с кружкой немецкого пива, трясущего немойтой бородой и орущего про скандинавскую мифологию. Ей стало тошно.

– Конечно, – продолжала Ася, – никто из нас за такой короткий срок не переписшет за него эту чушь, за которую поляки обещали ему много золотых. Не знаю, какого чёрта. Мы все заняты, а ты не делаешь репортажи. Но если бы у меня было время, он дал бы эту ахинею мне и заплатил бы... ну да ладно.

– Считаешь, что я продешевила? Представь себе, я это знаю. А что делать?

– Я раньше сама его правила, – Ася передёрнула плечами, – когда была на ставке корректора. Года три назад. Кошмар.

Редактор был патологически безграмотен. Скорее всего, только умение заключать сделки со спонсорами сделало его редактором. Или он просто бегал за пивом кому надо?

– Я проглядела эту фигню, – сказала Лиза с лёгким отвращением, – там ещё что-то про символ бога солнца у немецких архитекторов и про синагогу полная чушь. Это перемежается воспоминаниями редактора о рыбалке и первой сволочной жене.

– Да, он нас, чёрненьких, не любит, – равнодушно проговорила Ася. – Но сейчас не он меня имеет, а я его. Ты ведь это давно заметила. И я скоро уеду, а он останется. Тебе какое пиво? «Балтику» третью?

– Её цвет похож на бороду этого козла, – сказала Лиза, – и вообще, давай я сама за себя заплачу.

Ася проигнорировала последнее замечание.

– Я тут нашла в сети стишок одной девицы про скандинавскую мифологию, – сообщила она. – Вполне в духе нашего козла. Можешь поставить эпиграфом к его мемуарам.

у бога Свентовита глаза цвета blyu
он гонит апостола Павла в ночь
Один с древа сошёл, чтобы убить тебя
козлы отпущенья мчатся в пустыню прочь

Свентовит на белом коне едет с огненным, бля, копьём
он осушит реку поганой речи твоей
в стенах Валгаллы кубки звенят, мы пьём
за то, чтобы Свентовит зарыл на помойке картовых блядей

скройся в дырявом своём шатре, пархатый бог-дурodel
лейся с небес цвета blyu, языческая вода
валькирии, готовьте яд для сердец и стрел
мы собрались в долгожданный поход против бога-жида.

– Это она всерьёз? – спросила Лиза, которую уже ничем, казалось, нельзя было удивить. Ася пожалала плечами.

– А Свентовит её знает. По крайней мере, забавно. Извини, что я раньше не пыталась тебе помочь. Ты ведь такая скрытная, по тебе мало что видно.

– Я не имею никакого морального права на повышенное внимание с твоей стороны, – спокойно улыбаясь, сказала Лиза. – Всё нормально.

– У меня есть друзья в этом городе. И всегда были. Я не могу всем, как ты выразилась, каждые пять минут уделять внимание. Но я не такая сволочь, какой ты меня себе представляешь.

Лиза хотела возразить, но Ася махнула рукой.

– Подожди. Меня к тебе потянуло, потому что ты кажешься самодостаточным человеком. Ты не нуждаешься в чьей-то дружбе, не заискиваешь. Если даже ты ищешь какой-то выгоды, то с достоинством, и это врождённое, этому не научишься. У тебя нет ни большого самолюбия, ни истерической потребности в любви, точнее, в садомазохистской пародии на любовь, как у большинства постсоветских баб. То, что ты оказалась в такой ситуации, не означает, что ты идиотка. Надо же было как-то решать чёртовы жилищные проблемы. Всё могло бы быть гораздо хуже.

– Я идиотка, – сказала Лиза. – Иначе всё могло бы быть гораздо лучше.

Офигеть, подумала она. Ей и в голову не приходило, что она производит на Асю подобное впечатление.

– Всё пройдёт, – сказала Ася, видимо, неосознанно подражая царю Соломону. Лизе почему-то вспомнилась интертекстуальная песня панк-группы «Инструкция по выживанию»:

прекрасная ночь, влюблённая пара
цветы и деревья, обычные приметы лета
обычные приметы жизни – отряд омововцев навстречу
и вот она изнасилована, у него порвана печень

всё пройдёт, и печаль, и радость
всё пойдёт, так устроен свет
всё пройдёт, только верить надо
что любовь не проходит, нет!

Это надо слушать, потому что это звучит как оплеуха. Это и есть оплеуха – поспе и не то чтобы общественному вкусу, а общественным предрассудкам и понятиям обо всём на свете.

– Я поговорю с раввином, – сказала Ася, – может быть, он сделает что-нибудь. У нас нет еврейской службы занятости, как в Москве, но бывает, что нашим помогают найти работу или выбить деньги на лекарства. Проблема в том, что твой муж, видимо, не ощущает себя евреем. Наведи справки о его приятелях. Если там что-то не так... ну, понимаешь... Давай я к тебе зайду?

– Нет, – Лизе было заранее мучительно стыдно за сцену, которую Андрей мог закатить при посторонних, и за его враньё в духе комедии дель арте, и вообще за всё, что он делал. Ася это поняла и не стала навязываться.

10.

В квартире никого не было. Кроме, конечно, тёти Веры, спящей в своей комнате при включённом телевизоре. На столе валялось письмо.

«Здравствуйте, Андрей Владимирович!

Ваша квартира в Угличе сгорела по вине ваших соседей (далее число и месяц), один из которых уснул с сигаретой, но всё отрицает. Деньги у нас тоже сгорели, включая часть имущества, поэтому заплатить вам за аренду не сможем. Нам сказали, что жильё застраховано не было, так что приносим свои соболезнования. Справку из ЖЭУ прилагаем.

Оксана и Сергей Хомяковы».

Некоторое время Лиза неподвижно сидела за столом, пытаясь понять, что происходит. Ей

казалось, что она попала в дурдом. Зазвонил домашний телефон, и она взяла трубку.

– Можно Андрея? – осведомилась какая-то баба.

– Вы случайно не Зоя? – спросила Лиза, которой было уже на всё плевать. Если бы она увидела президента – могла бы спросить у него, не шпион ли он случайно Соединённых Штатов. Баба помолчала.

– А как вы догадались? – наконец вскинулась она.

Лиза до этой минуты переоценивала противников. Плебс есть плебс. При всей своей неизбывной вороватости, плутовстве и наглости плебей всегда уступает интеллектуалу. Простонародная хитрость сама по себе примитивна, как игры пятилетних детей. Главное – выбросить из головы предрассудки, вроде: «я творческий человек, далёкий от быта и не желающий с ним соприкасаться, я должен быть беспомощен в практической жизни»; «надо уважать наш народ, он трудится на наше общее благо»; «как интеллигент я не могу опуститься до уровня этих людей и действовать их методами» и т. п. Ибо опуститься до уровня этих людей у вас всё равно не получится, дорогие мои. Вы-то при желании сможете обматерить озверевшее быдло, воспользоваться его тупостью с тем же успехом, с каким оно пользуется вашей деликатностью, вырубить гопника в подъезде. А этот гопник при всём желании не сможет понять Джойса без комментариев, а с комментариями – и тем более. Мы с вами находимся в привилегированном положении. Это только кажется, что большевики все привилегии отменили.

– А вы подумайте, – предложила Лиза. – Вы считаете, что я ничего не знаю?

– Да я ему как раз хотела сказать: не выходи из дома, тебя эти сволочи караулить будут, – зачастила баба с белорусским акцентом. – Колька-то, сволочь, теперь весь в белом и в стороне. А Андрей долги должен платить. Проиграл до фига баксов. Вы в милицию только не ходите, там все куплены. У одной сволочи тётка в юстиции. Ему, типа, всё можно!

– А вы не знаете телефон Коли Рифатова? – окончательно обнаглела Лиза.

– Телефон!! – женщина истерически рассмеялась. – Сволочи этой! А что ему звонить? Что толку? Он у себя в Гданьском заливе по месту прописки отсидится, его всегда отмажут, мол, не было его при событиях! Сволочи!..

– Знаете, у меня есть сведения, что у вас, как бы помягче выразиться, роман с моим мужем, – совсем перестала фильтровать базар Лиза. – Это правда? Только отвечайте честно, иначе я вас найду и задам этот вопрос уже другим тоном, обещаю.

– Мне с вами встречаться на фиг не надо, – твёрдо и решительно ответила Зоя. – Вы, видно, всей правды всё же не знаете, иначе бы не стали задавать таких вопросов. Где Андрей?

– Не знаю, – сказала Лиза.

– Всё, – тихо сказала Зоя. – Мать вашу... Но вы не беспокойтесь. Вам ничего не будет. Долги не ваши, а его. Он никак... отыгрываться поехал.

– Куда, интересно? – процедила сквозь зубы Лиза. Ей захотелось выпить водки и сжечь и эту квартиру. Всё равно она здесь ничего хорошего не видела. – Туда же, куда обычно?

– На Киевской* их люди ждут, – возразила баба. – Они теперь в какое-нибудь другое место поедут. Надоело всё как! Вы, короче, тихо сидите, про всякую фигню, вроде романов, забудьте, это вообще вас не касается. Если кому башку проломают, то ему, а не вам.

– Спасибо, – поблагодарила Лиза и решила идти в милицию.

Конечно, она знала цену ментам. Ещё с того тёмного, будто вечер, дня, когда по замёрзшей Волге, раздалбывая непрочный желтоватый лёд и напрочь игнорируя запретительные красные флажки, промчалась машина вечно пьяного участкового. Тринадцатилетняя Лиза увидела, словно во сне, как рядом с ней образуется приличных размеров полынья, и прыгнула обратно на берег. Жители ближайших деревень около двух недель после этого не могли попасть в райцентр, но

* После упоминания этой улицы коренному калининградцу становится понятно, что за район имеется в виду. Название района автором не озвучивается из этических соображений.

менту было наплевать. Даже если бы кто-то по его вине утонул, менту ничего не было бы. Слушая Маришу, я думала: о да, я рада была бы сказать, мол, дай мне руку, читатель, я поведу тебя туда, где водятся честные менты, не ходячие схемы из писанины Марининой, а обыкновенные порядочные люди, – но я не знаю таких ментов, читатель. Иные по наивности стремятся защищать людей и наводить справедливость, но провидение в лице коллег делает из их подростковых идеалов отбивную. Потому правы те, кто говорит, что посещать ментов нельзя.

Но они не учитывают одного факта: те, кто угрожает в манере «напишешь заявление – тебе голову оторвут», нередко блефуют. Потому иногда посещать ментов можно.

Лиза подготовилась к визиту, прочитав соответствующую статью в серой уголовной книжечке, и даже надела женские джинсы, а не мужские. На собственную безопасность ей было уже плевать, а на джинсы почему-то нет. Тут снова зазвонил телефон.

– Вы когда покроете платёжный счёт, вам пристава сюда прислать, что ли, – без интонации прошельстело печальное сопрано. – Вот проблемный район, с каждым жильцом мучаешься, как с писаной торбой.

– Скоро, – мягко ответила Лиза и повесила трубку. Затем прошла в комнату тётки, отметила, что старая гарпия не спит, и спросила:

– Тётя Вера, вы ведь с голоду не умираете? Так давайте вашу пенсию, я её в РКЦ отнесу и частично покрою долги.

– Так... это... нету денег у меня, – слегка удивлённо ответила бабка, не вставая с кровати.

– То есть, вы их потратили? – так же спокойно продолжала Лиза. – А когда и на что, простите? Из квартиры вы не выходили, во всяком случае, при мне. Вы ели картошку и мясо, купленные на мои деньги. Продукты для супа Андрей покупал на деньги, которые занял у Коли Рифатова. Я не понимаю, тётя Вера.

Может быть, бабка тайком свихнулась и копит деньги на отдельную квартиру, мелькнуло у неё в голове. О, это спокойствие отчаявшихся, эти шутки за час до повешения. Метафизический пепел Люсьена Шардона стучит в наши сердца.

– Так... куда же он дел-то их?! – вдруг вытаращила глаза старуха и привстала на своём нафталиновом ложе. – Я же... Андрюше-то... пеньсею-то отдала, а он ещё занимает чего-то! – Сообразив, что сказала лишнее, бабка стала шарить глазами по стенам, как студент на экзамене, подсознательно желающий обнаружить подсказку на стене или потолке или просто не желающий встречаться взглядом с усмехающимся преподавателем.

Как всё просто в жизни, о Боже, подумала атеистичная Лиза, в семнадцать лет умиравшая со смеху над стихами религиозных поэтов в журналах «Знамя» и «Новый мир».

– Скалирист у меня, – в очередной раз пояснила бабка. – Ничего уж не помню. Куда кто пошёл, чего видел... Этта* Коля-то спрашивает у меня: тётя Вера, кто такой Шекспир? А я чего-то по телевизору-то помню, вот и говорю ему: дак композитор. А он говорит: нет. Как же всё упомянуть, кто чего делал и зачем приходил?

– Вы мне, тётя Вера, зубы не заговаривайте, – с угрозой в голосе посоветовала Лиза.

– Я... не помню, – нагло глядя ей в глаза, повторила старуха.

– Хорошо, а куда вы клали пенсию? Давайте я посмотрю.

– Чего ты привязалась-то ко мне? – завопила тётя Вера благим матом. По телевизору шла реклама пива, и Лизе мгновенно пришёл на ум редактор с его неотредактированным шедевром. Чёрт бы его побрал... писатель, бя.

– Значит, вы отдали ему деньги, не зная, на что он их потратит, – продолжала Лиза терпеливым тоном, достойным психотерапевта со стажем. – Или – зная? Вы не хотите поговорить об этом?

– Отвяжись от меня, сволочь такая! – заорала тётя Вера. Соседи снизу застучали шваброй в пол. – Обокрасть меня хочешь! Ой, за что ж такое наказание-то?! Люди! Люди! Грабят!

* Употребляется в значении «недавно» (диалектизм).

– Заткнитесь, – тихо попросила ошалевшая от такой наглости Лиза, но было поздно: в дверь ломились соседи из хазы напротив.

– Грёбанный кирпич, – сказал муж, сомнительный дядька в рубашке с закатанными рукавами, – я только «Владимирский централ», нах, включил, а ваша бабушка мне всё заглушает, как сирена.

– Может, «скорую»? – спросила жена, грузная крашеная блондинка с красной, как арбуз, физиономией.

– Умираю! – продолжала голосить тётя Вера. – Ой... сердце!!

– А грабят кого? – недоумённо вытаращился сосед.

– Бабушке кошмар приснился, – сказала Лиза, её саму клонило в сон. Она не понимала, что это – затянувшееся недосыпание или реакция психики на стресс.

Телефон больше не звонил. Когда Лиза вышла во двор встречать врачей, то заметила краем глаза незнакомого мужчину в серой куртке, прогуливающегося возле их дома. Увидев её, он затушил сигарету, швырнул окурок мимо урны и пошёл к перекрёстку.

II.

Она бы давно обыскала ящики письменного стола Андрея, но мешала тётка. Полусонный врач нашёл у старухи возрастные изменения сердечно-сосудистой системы, прописал корвалол и уехал. Теперь оклемавшаяся тётя Вера слонялась по квартире, натываясь на бьющиеся предметы и проклиная Лизу.

– Ты чего дверь-то в комнату заперла? – бодро кричала она. – Ищешь чего, деньги, что ли, сволочь поганая?

Лиза, стараясь на ходу не отрубиться, рылась в бумагах. Чёрт знает что: ни одного лишнего клочка бумаги с наводящим номером телефона, ни одного магазинного чека с набросанным на обороте наводящим адресом, ни одной подозрительной фотографии, не говоря уже о любовных письмах. Неплохо было бы исследовать мобильник Андрея, но он исчез вместе с хозяином. Звонить в мусорскую насчёт пропажи без вести было нельзя: трое суток ещё не прошло. Она решила позвонить насчёт карточных долгов, но неизвестный абонент опередил её.

– Ты только попробуй ментам чё сказать, – произнёс недовольный мужской голос, когда Лиза взяла трубку. – У одного человека родня в юстиции. Тебя не убьют, если особо нарываться не будешь. Но разбираться бесполезно. Его тётка тут липовых справок квартировладельцам навывдала, что у них долгов по коммуналке нет, они квартиры продали, а долги остались, и новые жильцы их будут платить. И хрен кто чего докажет. И тут то же самое. Только бумажек нет никаких, типа, платёжек. – Мужик хрипло засмеялся. – Тем более никто не докажет. Так что всё нормально. Только ты на учёте. Вечером лучше никуда не ходить, к квартире человек приставлен. Есть чем платить?

– А сколько он должен? – машинально спросила Лиза.

– Эт смотря кому.

– Мне всё равно, кому.

– Ну, одному человеку, например, двенадцать тысяч. Андрей своей тётки пенсию просадил. Отыграться хотел.

– Я тут не причём. Оставьте меня в покое. Я этих долгов не делала.

– Меня не волнует, – невозмутимо ответил мужик. – Мы его ещё поищем, если чё, опять тебе позвоню. За базар надо отвечать. А этот фраер пургу гонит и думает, бля, что ему всё можно. – Он повесил трубку.

Лиза понимала, что надо поставить определитель номера, но на него не было денег, и придти к ментам с солидной взяткой, но на неё не было денег. Она достала с антресолей шпатель и старую малярную кисть, взяла приготовленную со вчерашнего вечера банку краски и пошла в подъезд. Туда и без всяких маньяков и шантажистов было страшно зайти. Лиза хотела заставить соседей

скинуться на краску, но это было бесполезно. Соседи не желали скидываться даже на водку. Лиза стирала пыль с почтовых ящиков и думала: это не глупость, это стихийный экзистенциализм. И вообще, нельзя жить в грязи. Умирать – тем более. Мимо прошёл сосед из хазы напротив и дико посмотрел на шпатель, лежащий на нижней ступеньке.

– Эй... соседка... это, как тебя там? Коньяка не хочешь?

– А у вас есть? – спросила Лиза, прикидывая, что эти люмпены тоже кого-то ограбили: по логике вещей, денег на коньяк у них быть абсолютно не должно.

– Есть, – ухмыльнулся сосед, – собственного производства.

– Спасибо, самогон не пью.

– А зря. Ты бы хоть раз к нам зашла. Хоть за сраной тряпкой. Чё ты такая необщительная?

Из ближайшей к выходу квартиры доносился пронзительный голос Тома Йорка: «Fa-a-ade out aga-a-a-ain... Fa-a-ade out again...» Лиза не могла объяснить этому типу, что давно уже хочет отдохнуть от общения, что одиночество – её хлеб и вода, что в далёком от его представлений царстве другого мира существует понятие своей комнаты и пятисот (сумма условна) денежных единиц в год, а сать в подъезде вовсе не обязательно. Сосед выплюнул бычок и щёлчком отправил его за порог, в сырую полутьму.

– Ты смотри, это... Если тебе кто скажет, что я сидел, пойми правильно: я за «Баунти» сидел.

– Что?..

– Ну, палатку с «Баунти» погаными обчистил. А в кассе – хрен с полтиной. Тут мусора и повязали, суки, бля, с гербом. Спокойной ночи.

Мужик в серой куртке не пожелал ей доброго утра, он лишь прошёл с хозяйским видом по брусчатке напротив дома и бросил на Лизу выразительный взгляд. Если бы она задала ему идиотский вопрос, типа: «Вы сюда переехали?» или: «Не подскажете, где я вас видела?», он бы молча усмехнулся и, не торопясь, пофигачил прочь. Всё и так было ясно.

Несколько часов подряд она искала повод отпроситься с работы пораньше: наверняка эти ублюдки знают, во сколько заканчивается её рабочий день. Наконец придумала: похмелье. Если бы она соврала, что у неё СПИД, блюститель прусских традиций послал бы её к чёрту, но похмелье принадлежало к числу тех немногих вещей, которые вызывали у него понимание и сочувствие.

– Вы скоро закончите правку? – сурово спросил он, когда Лиза уже была в дверях. – Сроки поджимают.

– Скоро, – кивнула она. – Более чем.

Лиза шла к общежитию на улице Z, прекрасно осознавая, что её могут обматерить, спустить с лестницы или просто не пустить в сей приют пролетариата (перемежаемого люмпен-интеллигенцией в лице Коли Рифатова и, кажется, кого-то ещё, чуть ли не бывшего преподавателя кантовского университета, уволенного за пьянство), ну так что же? Возле пролетарского приюта пили пиво кавказцы. Внутри было пыльно и пахло раствором для гипсоплиты.

Они наверняка не знали, что Лиза случайно запомнила номер комнаты Коли Рифатова, точнее, комнаты его бабы. Так получилось.

– А Зои нет, – сказал пожилой охранник, перебирая, как чётки, ключи от подсобных помещений.

– Не знаете, когда она будет?

Он пожал плечами.

– Может, будет, может, нет.

Лиза в очередной раз поняла, что она никакой не экзистенциалист, а так, дурака валяет. Истинные, до мозга костей, экзистенциалисты попадают только среди простонародья. Плебс безнадёжно пассивен, равнодушен ко всему, кроме двух-трёх навязанных извне «ценностей», способен делать хоть что-то лишь тогда, когда «жареный петух в жопу клонет», и мыслит совершенно извращенческим способом. Когда система вбитых плебею в подкорку шаблонов даёт сбой, представитель низшего сословия начинает пороть восхитительную, достойную пера Ионеско чушь. Возможно, это

и есть настоящая *свобода мышления*. Ведь у каждого из нас есть система, пусть не столь упрощённая и смехотворная, нежели та, которую принято навязывать недоумкам, но всё-таки система. А осво-бождённое от предубеждений и правил мышление экс-пэтэушника ни за что не цепляется и пусть ненадолго, но приобретает непостижимую, почти космическую лёгкость. Ну да ладно.

– А телефона её или Коли Рифатова у вас случайно нет? – спросила Лиза. – Очень надо. Я сим-карту поменяла, а его номер у меня на бумажку не был переписан. Но, говорят, его давно здесь не видели.

– Почему давно? – пожал плечами охранник. – Вчера тут с бутылкой пива ходил. Весёлый такой. Говорит, кодироваться раздумал. Мы телефоны жильцов специально не собираем, но кое-что у нас остаётся, на случай, если что случится с кем. – Он снял с пыльной полки пыльную, советского производства, тетрадь и агрессивно пролистал. – Пишите. 8962-262-62-62.

На вахтёрском лбу было написано следующее: опять бабы Колю донимают, скандал скоро будет, ревность, мыльный сериал, ох, посмотрю, поспеюсь в своё удовольствие! Кто сказал вам, что пожилые дядьки охочи до скандалов и сплетен меньше, чем пожилые тётки? Этот человек был клинически ненаблюдателен.

Лиза поблагодарила дядьку, сунула ему десятку на пиво (авось язык придержит) и пошла прочь. В тихом дворе, не выходящем на детскую площадку, она набрала номер. Ответа долго не было. Потом чей-то голос, заглушаемый уличным шумом и телефонными помехами, буркнул:

– Алло.

– Это Коля? – спросила Лиза.

– Это... Коли здесь нет.

– Но ведь это его номер?

– А он мне телефон продал, а себе новый купил, – вякнул мужик. Теперь Лиза поняла: это и правда не Коля. В голосе мужика была какая-то лажа. Странная, подозрительная неуверенность.

– Передайте ему, что у него будут проблемы, – посоветовала Лиза. – Тут милиция интересуется у его знакомых, где он.

(Как позже выяснилось, Лиза была недалеко от истины.)

– А я-то здесь причём? – заорал мужик. – Вы ему это и говорите!

– Я пока не знаю, где он. А вы? – осведомилась Лиза с оттенком издёвки. На том конце провода послышались гудки.

Лиза выдержала паузу и подключила услугу «конфиденциальный вызов». Надо было проверить: вдруг Коля Рифатов, узнавший от Андрея её номер, испугался разборки и передал трубку своему собутыльнику. За то время, что она дожидалась ответа, с собутыльником вполне можно было договориться. Сразу перезванивать было нельзя. Она побрела домой. В подъезде поддатый сосед курил «Родопи» и плевал за порог.

– Эй, а на фиг ты стены тут красила? – спросил он. – Это ЖЭУ должны делать текущий ремонт. Мы им за это как бы платим.

– А вам не противно заходить в этот подъезд?

– Противно, хотя, вообще-то, по фиг. У нас в камере грязнее было.

– Вы мне сами как-то предлагали скинуться на краску для подъезда, потому что ремонт здесь ведётся чисто теоретически, – Лиза говорила соседу «вы», хотя он был старше неё дай Бог лет на одиннадцать. Это помогало создать между ними непрошибаемую стену. Сосед иногда хамил, но в интеллигентские дела не лез и замок взломать не пытался.

– Чего-о? – изумился бывший зэк и чуть не уронил сигарету.

– Забыли?

– А чего забывать, я не говорил такого.

– Говорили.

– Значит, пьяный был. – О, это неизбежное неумение русского человека отвечать за свои слова, это вечное железобетонное алиби – «пьяный был». Пьяному и сумасшедшему в России всё можно. Вменяемому и трезвому в России если что-то и можно, то лишь изредка.

– Дайте сигарету, – вдруг попросила Лиза. Она не курила уже три года, но сейчас пришёл пиздец. Ей нужна была сигарета, как соломинка утопающему. Она осторожно взяла эту дешёвую болгарскую гадость и пошла наверх. Сосед смотрел ей вслед и периодически плевал себе под ноги.

Было уже поздно. Форточка была открыта, в комнате – полно мошкар. «Наш район наиболее близок к природе», – говорил местный чиновник в недавно откорректированном Лизой интервью. Она устало набрала всё тот же номер.

– Алло, – ответил Коля Рифатов. – Алло, – повторил он нервно, – я слушаю.

Лиза молча торжествовала: это и требовалось доказать.

– Привет, Коля, – мягко сказала она.

– Грёбанный брод, – сказал Ник Валерий, – тебе чего всё время надо, а?

– Это я у тебя должна спрашивать: что за детские выдумки? Он, типа, телефон продал! Если бы ты сейчас мог определить номер, история повторилась бы, или ты успел придумать новый сценарий? Стыдно, Коля.

– Я тут вообще не причём, – мрачно ответил Ник Валерий Галл.

– А кто причём? Спустя сутки я имею право обратиться в милицию в связи с исчезновением человека. Про ваш преферанс я уже молчу.

– И молчи, – посоветовал Коля, – там все повязаны, я сам не знал, что будет такая фигня. Всё будет нормально, он скоро вернётся.

– Меня второй день караулит в подъезде какой-то тип. Домой звонят с угрозами. Передай моему мужу: если он по-прежнему не хочет разводиться, но я его таки не устраиваю, всё может решиться более радикально – меня убьют, и он останется счастливым вдовцом.

– Я ему скажу, – неуверенно пообещал наследник Бодлера.

– А ещё ты велел своей бабе врать, что уехал в область, хотя ты в Калининграде, и тебя недавно здесь видели. Просто театр юного зрителя. Не надо считать людей глупее, чем они есть.

– И тебе того же, – злобно порекомендовал Коля.

– Дай ему трубку, если не трудно.

– Как я ему дам трубку?! – заорал Коля. – Его здесь нет!

– Не знаю, не знаю. От вас обоих любого вранья можно ожидать.

Послышались гудки. Лиза решила доконать его и снова набрала номер, но Рифатов уже отключил телефон.

В половине первого ночи дверь с мерзким скрежетом открылась, и в комнату вошёл Андрей. На нём был свитер – то ли новый, то ли чужой. Он достал из кармана бумажник, отсчитал несколько купюр и положил на тумбочку.

– Это компенсация мне за моральный ущерб? – сдержанно поинтересовалась разбуженная Лиза.

– Это для расчётно-кассового центра. На тебя страшно смотреть. Ты как будто сейчас мне по роже заедешь.

– Было бы неплохо, – сказала Лиза.

Несколько секунд они пристально глядели друг на друга.

– Ты полный мудака, – сказала она, – тебе это известно?

– Спасибо за мнение, я его учту.

– Постарайся. Как твоё здоровье – или ты всё это время ломал комедию, пытаешься меня разжалобить?

– Я ушёл из дома чёрт знает в каком состоянии, – с ненавистью в голосе начал Андрей, то и дело косясь на перегородку, за которой спала старуха, – чтобы не подвергать тебя опасности: меня бы стали здесь искать, выяснять, ты бы вмешалась, и добром бы это не закончилось. Мне уже лучше, но иногда кажется, что я подыхаю. Мне тебя очень не хватало. Я понял, как мне с тобой повезло. Господи, какие у всех жёны – то вульгарные курвы, требующие склады шуб и вороха

цветов в целлофане, то истерички, бьющие посуду по любому поводу... Я тебя люблю, – признался он со сдерживаемой ненавистью в голосе.

– Да, я в этом уже убедилась, спасибо.

– Я старался держаться. В Угличе я почти не играл, ты же помнишь. Я понимаю, что это болезнь. Я книжки про это читал, но уже лет шесть не могу от этого избавиться. Меня же в Питере с работы на самом деле из-за игры выгнали, один подонок на меня начальству стукнул. А дочь начальника и в самом деле писала фигну, это я тогда правду сказал.

– Меня от тебя тошнит, – сказала Лиза. – Это тоже правда.

– И что, мне повеситься теперь, что ли?

– Ага, вперёд и с песней. Как хорошо – ты отойдёшь в мир иной, а долги платить буду я. А письмо из Углича ты видел? – Накануне Лиза положила его на холодильник.

– К сожалению. Что ж, – вздохнул Андрей, стягивая свитер, – значит, не судьба нам было зарабатывать сдачей квартиры.

– Замечательно. Нет... это уже ни в какие рамки не лезет. Ты полностью и окончательно офигел. Я не могу с тобой больше жить. Кто знает, что ты выкинешь завтра, послезавтра, через полгода?

– Бог.

– Уматывай отсюда. А потом уйду я. Лучше комнату в общежитии снять, чем прозябать здесь, возле угольного котла, – там хоть центральное отопление.

– Что толку так жить? – спросил Андрей у мошкеры на потолке и, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты. Лиза в тихом бешенстве выключила лампу и заперла дверь. Она хотела уснуть, но не могла. Время текло, как вода из балтийских кранов после полуночи – издевательски медленно. В голове у Лизы вертелся перифраз Маяковского:

Неужели нельзя, чтобы было без мук –
убивать, убивать, убивать*?

Наконец она встала, накинула халат и пошла посмотреть – покинул этот мерзавец квартиру или ещё нет. В ванной горел свет. Дверь была заперта.

– Если не откроешь, я вызову милицию, – предупредила Лиза. Ответом были молчание и слабый шум воды. – Ты вены решил порезать, не иначе? Вот будет сюрприз для тётки Веры. Кому же она будет дарить свою ветеранскую пенсию?

Дверь со скрипом распахнулась. Андрей сказал:

– Горячей воды нет. Я даже сдохнуть не могу по-человечески.

12.

Что, ты думаешь, произошло затем?

Лиза сказала мне: «Я вела себя, как Эдварда из дурацкого романа Гамсуна. А он вёл себя прос-то как дурак».

Он сказал:

– Я же не настолько испортил отношения с тобой, чтобы мои шансы снизились до нуля. Я ведь всё понимаю и люблю тебя такой, какая ты есть.

Сейчас я тебе всё объясню. Ещё в школе одноклассники из неблагополучных семей научили меня играть в карты. Я не выносил математику, и игра в «пьяницу» стала почти единственным средством скрасить омерзевшие до потери пульса уроки. Я бы мог читать на алгебре книги, но негласной моралью класса это не возбранялось только девочкам, хотя и некоторых из них травил. Собственно, таких было всего три или четыре. Не травил только чемпионку школы по лыжам,

* В оригинале: «целовать».

у которой, кроме лыж, были ещё и мозги. А парням и вовсе читать всякую художку было нельзя. Надо было писать девчонкам непотребные записки, разглядывать фотографии непотребных баб, перешёптываться, угрожать, рисовать рожи на партах. Пожалуй, всё. «Ботаникам» устраивали «тёмную». Если такой мальчик был из обеспеченной семьи, бить его боялись, поэтому просто игнорировали.

О чём я? А, да, о «пьянице». Умение молниеносно перетасовывать подержанную колоду с изображениями голых баб ценилось в моём тогдашнем кругу невероятно высоко. Я научился этому. Семь лет спустя, в универе, одна пожилая преподавательница, Дора Иосифовна, сказала, что у меня руки пианиста. Перетасовывать карты – такое же искусство. А игре на пианино меня никто не учил. Моего прадеда-комиссара в-угадай-каком-году записали во враги народа. Он, говорит дед, не возражал. Он и был врагом народа. Сначала русского, потому что хотел отомстить за увиденные им в детстве пять погромов в разных городах черты оседлости. Потом советского, потому что сразу понял, какая это идиотская идея – создать Совдепию. Его расстреляли, а детям запретили проживание в Москве. Поэтому я родился в ненавистном мне Угличе, где все ненавидели жидов. Мать всячески пыталась забыть о своём жидовстве, но у неё не получалось: она была тоньше, интеллигентнее, просто красивее, чем её соседки, неряшливые, оплывшие тупомордые хамки. Можно утверждать обратное, типа, что это еврейки – плохие, а простые русские бабы – наоборот, но это будет чисто субъективное мнение в духе «гей, славяне, мойтесь в бане». Я тебе точно говорю.

Я стал играть на копейки, которые тратил на пиво и жвачку. В общем, ничего интересного. Перед поступлением в универ у меня проснулось религиозное чувство, конечно, под воздействием стресса, и я попытался бросить играть и курить. Мне стало на всё плевать, жизнь казалась скучной, учёба – тоже. Меня отчислили, отправили в армию, – лучше бы меня сразу отравили. Потом я был комиссован из-за вегетативно-сосудистой дистонии и вернулся в универ, где опять стал играть. Мне часто везло, и я врал матери, что подрабатываю, хотя работать во время учёбы не хотел из принципа. Я терпеть не могу наше ублюдочное, блевотное государство, ещё худшее, нежели «совок». Я не хотел кормить на свои налоги чиновную шушеру: слишком хорошо знал, что это за люди, но если я буду рассказывать ещё и об этом, то не закончу до завтрашнего утра.

Так как воровать по-крупному я не решался, то приходилось посещать общежитские комнаты, которые в кругу искущённых студентов именовались: «гадюшник», «притон», «Васина помойка». Неискущённые учащиеся и не представляли, что там творилось. Там даже торговали героином. Это не редкость для питерского или московского вуза с древними педагогическими традициями.

Почему я редко играл на автоматах у метро? Мне не хотелось созерцать прыщавых тупых подростков из рабочей среды или грязных полубомжей, в изобилии тусующихся там. А вечером можно было получить кирпичом или кастетом по башке: иногда быдло зорко следит за чужими выигрышами, хотя чаще у себя под носом ничего не видит. Ведь наблюдать за окружающим миром сложнее, чем пялиться в телевизор с передачей на тему «С кем спит дочь олигарха?»

В казино тоже были свои особенности. Туда то пускали чуть ли не всех, кто не похож на бомжа, то устраивали дресс-код, как в попсовом клубе. Кстати, это забавно, насчёт входной цены и дресс-кода: многие в эти поп-клубы не пошли бы ни за какие бабки. Не говоря уже о том, чтобы самим раскошелиться. Смешно наблюдать, как людям снижают самооценку и эстетический вкус за их собственные деньги. Это – едва ли не худшее заимствование у Запада. В древней иудейской традиции ничего подобного не было. Раввины заставляли соблюдать запреты, но они ни над кем не измывались. Люди платили деньги за еду и книги, а не за то, чтобы прослушивать дурацкую музыку на фоне оскорблений, которые надо считать тусовочным хорошим тоном. Но меня что-то не туда занесло. Я же, в принципе, не считаю себя иудеем. Меня даже крестили, чтоб я был как все.

Так вот, в казино заглаживали жирные господа с ещё более жирными телохранителями и невообразимо тощими девицами под два метра ростом. Они смотрелись ужасно. Просто жалко. Я имею в виду и тех, и других. Это были жертвы моды и денег. Они не умели грамотно тратить деньги, презирали таких, как я, за то, что я не родился в богатой семье, а я их – за идиотизм. Но

их выраженные в смокинги охранники меня не презирали. Они просто имели право остановить меня на входе и забрать всю выручку. И ничего бы им за это не было. Впрочем, почему – «бы»? Однажды такое случилось, и ничего им не было.

А в комнате типа «Васина помойка» можно было поговорить о семиотике, гонзо-журналистике и новой модели компьютера. Если кого-то обвиняли в нечестности, завязывалась настоящая словесная дуэль. Если происходила драка, через неделю все мирились и шли обратно. В холодильнике почти всегда было пиво, даже если у хозяев почти не оставалось бабла. Это был мой потерянный рай. Кто-то живёт там сейчас? Не иначе, кубанские толстозадые девственницы с постными рожами и мечтой о несуществующем принце, соседствующей с неумением вымыть пол и заправить кровать. Какая мерзость... Я говорил тебе, что в женщинах ценю «золотую середину». Я и в игре ценил то же самое. Я не проигрывался в доску, но и не мечтал о миллиардах. Мой дед сказал бы: «Идише коф»*.

Но однажды началась чёрная полоса, и она тянется по сей день, начинаясь на Васильевском острове, на Третьей его раздолбанной – сейчас, наверно, Путин дал денег на асфальт, – вечно залитой дождём линии. Я почему-то стал проигрывать. Я решил, что это знак судьбы, и решил завязать. Иногда у меня получалось... завязывать. На пару месяцев. Когда меня уволили, я хотел занять денег у Васи, который работал в рекламной газете, чтобы заплатить квартирохозяину. Потом я хотел искать новую работу. Но Вася не дал мне ни рубля. Он очень изменился, жил у какой-то рекламной наглой шлюхи. Это она его туда устроила. Вася сказал, что каждый получает от Бога столько, сколько заслуживает, и что я достоин большего, нежели подобная милостыня, и что он теперь русский патриот и прихожанин церкви Успения Божьей Матери, или как там называется эта шарашка по выколачиванию долларов в пользу попов.

Я всё понял. Я был евреем, жидом. Пусть и на одну треть. Это никого не волновало. Молодёжная организация «Шаммай»**, набитая сионистами, которые почему-то не ехали в Израиль, была для меня так же чужда, как русский народ. Я собрал вещи и в мрачном настроении поехал на кладбище царевича Дмитрия с кладбища моих проклятых надежд. Ожидая поезда, просадил мелкие деньги в автомате из категории «однорукий бандит» и возненавидел себя, как хасид из Брацлава должен был ненавидеть грех.

Дождь сползал с неба, как нестиранная мятая простыня – с кровати. Я хотел сдохнуть. Я однажды пытался порезать вены из-за несчастной любви, но распространяться на эту тему не буду: тема та ещё... Да и с кем в восемнадцать лет такого не бывало? Так вот, мне казалось, что тогда, в восемнадцать, я был намного счастливее, я остро ощущал боль, хотя и был пьян в ушат, а сейчас я был издевательски трезв и безразличен ко всему, включая себя и карты. Я хотел сдохнуть, но мысль о самоубийстве вытесняла из головы тупая серая пустота. Скажи, тебе плевать на меня?

– Знаешь, – с тихим остервенением проговорила Лиза, – мне за последние семь лет столько народа плакалось в жилетку, что я начала понимать: сочувствовать можно не всегда и не всем. У большинства жалоба становится блядской самоцелью. Почему я обязана слушать подобное, как откровения афонских монахов? Ты был бы рад, если бы я сказала, что мне плевать. Ты этого и ждёшь, потому что ты мазохист. А я не хочу ни жалеть, ни ругать тебя матом.

Сначала у Андрея стало такое лицо, будто он собирается её ударить, но потом он передумал и закурил сигарету «Родопи».

– Я чувствовал, что моя жизнь лужей растекается по василеостровскому асфальту, – сказал он. – Я ненавидел Углич, его убожество и липовые музеи с поддельными, за редким исключением, экспонатами, его холод и грязь. Уже тогда мне хотелось уехать в Калининград. Летом дядя Валя снова пригласил меня, и у форта Лёндорф я встретил Колю Рифатова, которого сто лет не видел.

Я посмотрел на него и понял, что жить можно легко, не заостряя взгляд на посторонних предметах, мало волнуясь и потому чаще притягивая удачу. Чисто житейскую, а не карточную... увы.

* Еврейская голова (идиш).

** Название организации изменено. Мнение героя может не совпадать с мнением автора :)

В картах Коле в том году тоже слабо везло. Матерясь и цитируя книгу Экклезиаста, он рассказал, что в помутнении рассудка связался с профессионалами высокого класса, которые научили его ряду интересных вещей, а в отместку попросили делиться выигрышем. Если бы он отказался, его труп через пару дней нашли бы в Гданьском заливе.

«Есть время играть и время проигрывать», – мрачно сказал мне Коля.

Однажды к нему зашёл Штацкий, известный в узких кругах шулер. Он за моей спиной намекал Коле, что тот должен раскрутить меня на деньги, которые они потом поделят. Коля оказался в сложном положении: спорить со Штацким небезопасно, только он и меня не хотел подставлять. Мы сели играть. Я понял, с кем имею дело, и разглядел его аккуратные краплённые карты. Он поймал мой взгляд и хмуро сказал:

«Бля, если ты мне не веришь, а я честный человек, давай играть вашими».

Я понял, что имею дело с профессионалом ещё более высокого класса, чем подозревал. Я хотел отказаться, но знал, что у Коли будут серьёзные неприятности...

– Такое сокровище этот Коля, что ты ради него готов на всё! – сардонически усмехнулась Лиза.

– Тебе знакомо понятие мужской дружбы?

– О да! Ты уже весьма подробно ознакомил меня с этим... понятием.

Андрей долго молчал, разминая очередную сигарету. Сквозь жалюзи пробивался рассвет, холодный и тусклый.

– Лиза, ты в курсе, в чём твоя самая серьёзная проблема? Ты возводишь стену между собой и людьми, а потом утверждаешь, что её нет, а у тех, кто её видит, – обман зрения. Мы похожи тем, что окружены людьми, но при этом нас никто не понимает – возможно, потому, что мы сами этого не хотим. Правда, Коля понимал меня. Но речь сейчас не о нём.

– Да-а? А я-то, дура, думала: моя главная проблема в том, что у меня нет денег. Потому что большинство из них потратил ты!

– Это предел, – сухо отозвался Андрей. – Ты хочешь послать меня к чёрту окончательно. Я знаю.

На самом деле ей хотелось другого. Как в тюремной исповеди Уайлда – «занять в твоей жизни место, на которое не имею права». Ей хотелось взять его жизнь, разломать на кусочки и выбросить на помойку. «Там ей самое место. Это тоже любовь. Впрочем, пусть понимает, как хочет».

– Да, я во всё виноват, – продолжал Андрей, – но это не повод со мной так обращаться. – Все мы здесь во всё виноваты. Все, кроме тех, кто не выделяет денег на ремонт подъезда, чтобы сделать нашу жизнь чуть менее идиотской. Да, я расслабился, позволил себе плыть по течению. Как Коля сказал: «Меня все имеют, а я получаю удовольствие. Это единственное, что можно сделать в подобной ситуации».

– А я всегда считала, что надо бороться, пока не сдохнешь.

– А мне даже нравилось в нём это неумение бороться. Он сказал: «Я знаю много людей, у которых была масса проблем из-за того, что у них сильный характер».

– Пожалуйста, – разрешила Лиза. – Катись к своему Коле. Он поступил, как настоящий друг. Честь ему и хвала.

– Он отказался брать эти деньги, понимаешь? Он потом сказал Штацкому и его приятелю, чтобы они перестали требовать с меня долг. Так они через левых людей и его начали доставать.

– А сейчас – сейчас ты расплатился?

– Да.

– Правда, что ли?

– Ты мне не веришь?

– А я не знаю, кому я верю, – рассмеялась Лиза. – Наверно, никому. С какого возраста? Лет с пяти... И не надо.

Андрей хотел что-то сказать, но зазвонил телефон. Ему пришлось взять трубку и ответить парой односложных междометий.

– Пойду я в душ, мать его, – устало произнёс он, отложив мобильник. – Плевать, что воды нет. А ты – как хочешь.

Лиза поняла, что наступил долгожданный час. Андрей на этот раз не поставил автоматическую блокировку и не отключил телефон. Правда, в подобной ситуации это выглядело бы ещё более подозрительно. Лиза заглянула в папку «Сообщения». Человек, не спавший двое суток, имел моральное право забыть, что подобные сообщения необходимо сразу же удалять.

«Люблю, скучаю. Пишу с чужого телефона. Приезжай».

«Я на ул. З. Зоя», – послано с того же номера.

Исходящие сообщения были стёрты. Входящие звонки были с самых разных номеров. Последний вызов был конфиденциальным. Когда Андрей вышел из ванной, Лиза, язвительно улыбаясь, полюбопытствовала:

– Имея такого замечательного супруга, я имею полное моральное право заглядывать в его телефон, не так ли? Вдруг шулерский номер обнаружу или ещё что новенькое. Вот это чей номер, например?

Андрей побледнел, как будто ему пригрозили расстрелом.

– Я просил тебя, и неоднократно, не скандалить с этими людьми. Ты только сделаешь хуже. Я и сам с ними ничего не выяснял, тем более при тёте Вере, из чувства приличия...

– Чувство приличия не позволяет тебе скандалить с этими людьми при тёте Вере. Зато оно позволяет тебе орать на меня при тёте Вере. А если это не шулер, значит, какая-нибудь баба, типа этой вашей пэгэушной Зои? Я видела sms. Что за фигня?

– Прекрати ревновать и вспоминать про то, как я ору на тебя при ком-то! Ты сама много делаешь для того, чтобы я на тебя орал.

– Может, и так. Но как насчёт твоего ора по поводу моего ухода? Если ты пропадаешь где-то ночами – это ничего, да? Если тебе бабы пишут с признаниями в идиотской любви – это в порядке вещей? А если я ненадолго ушла по делам, надо меня материть! Это тебе позволяет твоё чувство приличия.

– Я, между прочим, ждал и волновался, не зная, когда ты придёшь, а ты даже не объяснила как следует, на сколько ты уходишь! – заорал Андрей.

– Это всё левые отмазки. А ревновать я перестану, как только исчезнет повод. А пока всё только нагнетается, и чувствую, что мне придётся принять меры. Нечего мне голову морочить. Скажи мне, кто тебе сейчас звонил, а то это добром не закончится.

– Сколько можно твердить одно и то же?!

– Я тебе сказала: дай номер этого человека, а то мои подозрения увеличиваются.

– Хорошо, – с недоброй улыбкой кивнул Андрей и стал писать номер на обороте газеты «Дворник».

– Если я узнаю, что это Зойкин, не дай Бог ты ей хоть ещё одно сообщение пришлешь или позвонишь.

– У тебя ещё есть какие-то вопросы, претензии, пожелания, предложения? – сдержанно поинтересовался Шейнин, отбрасывая газету.

– Да, – тихо сказала Лиза, выпрямляясь. Она понимала, что это уже слишком, но понимала также, что терпеть и молчать дальше – это тоже, в принципе, слишком, так что гори всё пламенем всех цветов радуги. – Мне надоело, что посторонние люди нагло роются в моих вещах, что они смеют нести обо мне какой-то бред, а я не могу даже подать на них в суд. После визитов твоих драгоценных приятелей я недосчиталась денег в ящике стола. В девятнадцатом веке за такое вызывали на дуэль. Сейчас у нас ни на что нет права. Права есть только у богатых воров. Я хочу жить в Центральном районе, и чтобы все от меня отвязались. Чтобы было центральное отопление вместо проклятой печи, и не набрасывались по выходе из дома неизвестно чьи собаки. Чтобы можно было спать ночью, а в магазине были трезвые продавцы, и чтобы ко мне на улице не лезли жирные хачи или твои знакомые, которым ты должен деньги. Я могу заработать артрит, потому что вынуждена стирать вручную в холодной воде, или астму, потому что вечерами в доме хоть то-

пор вешай. Твой Рифатов курит пачками «Беломор» и только «Беломор». Опостылело общаться с тупыми, ограниченными людьми: мне с ними не о чем даже пить.

– Кто – Коля ограниченный человек? – пожал плечами Андрей. – Он артистическая натура. Он бывает утомителен, но у него есть свои плюсы, он не хочет мириться с окружающим бардаком, и...

– Артистические натуры ни с чем не хотят мириться. Зато окружающие зачастую вынуждены мириться с артистическими натурами. Мне это надоело. Мне всё надоело. И твоя шизанутая тётка – особенно!

– У неё не шиза, – хмуро проронил Андрей и после небольшой паузы добавил: – Лучше бы у неё была шиза.

Лиза затянулась сигаретой. Отвратительные болгарские «Родопи» казались деликатесом после «Беломора». Она подумала: я курю, как Тереза Дескейру у Мориака. Осталось только отравить кого-нибудь. Рифатова или домоуправа, к примеру. Цианистый калий продаётся без рецепта, для травли птиц, только это не разглашается. To be or not to be?

– Я пойду спать, – сказал Андрей.

Лиза не могла лечь спать просто так, сигареты хотя бы немного успокаивали. Было скотски холодно. От бабкиного храпа тряслись стены, из телевизика неслась несусветная чушь. Выключить его было нельзя: бабка заперла дверь изнутри.

– Ты вспомни золотое детство, – снова заговорил Андрей. – Ведь зимой у вас дома было ещё холоднее. Как ты тогда спала?

– Я от таких условий давно отвыкла. Я не Павел Корчагин и не страдаю революционным мажоризмом. У меня нет на данный момент высшей цели, ради которой я должна здесь мучиться.

Может, уйти с работы, подумала Лиза. Попили моей крови, твари. А жрать вообще нечего, кроме хлеба и макарон. Одна из худших пыток – лишение сна. Об этом знали и узники фашистских лагерей, и жертвы инквизиции. Об этом знаю и я.

– Она так и будет храпеть, – вслух сказала Лиза, – пока не содохнет.

– Она всех достала, – ответил Андрей нехорошим тоном, – но не забывай, что она моя родственница.

– Я буду сдувать с неё пылинки, – тихо и яростно проговорила Лиза.

– Если тебе плохо, выпей валидол.

– Но он почему-то не действует на меня. На меня некоторые лекарства совсем не действуют. По-прежнему не могу спать под аккомпанемент всего вышеперечисленного.

Лизе хотелось переломать все вещи вокруг, но не было денег, чтобы купить новые. К тому же, некоторые вещи были бабкиными. Потом пришлось бы платить этой старой рухляди за ущерб. Чего она зря небо коптит, думала Лиза, она же ничего хорошего в своей жизни не сделала, работала кладовщицей, скорее всего – воровала, по её пакостной улыбочке видно бывшую воровку, привыкшую прикидываться душой, чтоб не заподозрили. Старая кляча.

– Спи, – сказал Андрей и свалил в ванную. Когда он вернулся, Лиза лежала в постели с закрытыми глазами и пробовала считать – нет, не овец, а мерзких старух, которых она мысленно убивала из винтовки с оптическим прицелом.

13.

Утром Лиза ушла, когда он ещё спал. От недосыпания её шатало, пришлось долго искать спрятанную старухой банку кофе. Бабка тоже всё ещё спала, и телевизор всё ещё орал.

Ася ждала её на Московском проспекте. Она сочувственно взглянула на Лизу:

– Да, ну и видок у тебя. Пошли, ребе уже на работе.

Лизе не понравилось, как Ася отзывается об её внешности, но она промолчала.

– Краше в гроб кладут, – продолжала тактичная журналистка, – ты прямо призрак из средневековой еврейской демонологии.

Лизе было трудно разжать губы, чтобы сказать: «Заткнись». Прямо за серой новостройкой был проход на улицу, дома на которой располагались в весьма прихотливом, точнее – в несколько, не побоимся этого слова, абсурдном порядке. Еврейская дверь была никак не отмечена. Это было место для своих, для посвящённых. Они в любое время года и суток находили еврейскую дверь.

Ася позвонила. Им открыла приветливая женщина средних лет, похожая на ортодоксальную хабадницу, как папа Римский похож на адвентиста Седьмого дня. Ася завела с ней беседу о новых переводах Германа Вука (так себе переводы), о том, что оригинал ещё хуже (а я не читала и не буду), об интернет-подписке Jewish News и погоде, от которой не хочется работать. Лиза медленно прошла в комнату, где стояли подарочные издания Торы на двух языках и сидел раввин.

Он был одет, как и полагается, в чёрное. Его лицо носило следы той спокойной ашкеназийской красоты, которая всё реже встречается в Израиле. (Это уже замечания не Лизы, а знающих людей.) Выющаяся полуседая борода наполовину прикрывала галстук. Раввин оторвался от газеты «Бедэрэх» и спросил:

– Добрый день, что вас интересует?

Он говорил по-русски с лёгким акцентом, как и большинство главных русских раввинов: они, за редким исключением, родом из Америки или Израиля.

Лиза стала вымотанно объяснять про тяжёлое материальное положение, национальное происхождение и сомнительный район. Раввин всё понял, потому что она говорила медленно.

– Ваш муж – еврей только на треть, – сказал он. – И это не даёт ему полного права быть евреем. Похоже, он проявляет безразличие к деятельности общины. Сам он не идёт. А вы приходите сюда.

– Он посещал собрания организации «Шаммай», когда жил в Петербурге, – сказала Лиза. – А сейчас он не может придти, он болен.

– «Шаммай»? Мне не встречались там религиозные люди. Туда кто только не ходит. Мне не близки взгляды большинства из них. Часть этих людей – не евреи, потому что их отцы – евреи, а матери – русские. И они не проходили гиюра. А это очень долгая процедура, надо много учиться.

– А сколько? – спросила Лиза.

– От года до пяти. Понимаете, евреем делает не принадлежность к абстрактному еврейскому народу, а принадлежность к конкретной общине. Гиюр можно пройти только в нашей общине. У других нет разрешения.

– А вы – ортодоксы? – спросила Лиза.

– Мы фундаменталисты, – строго поправил раввин. Затем он поправил очки и сказал:

– Я посоветую насчёт вашего мужа, но ему недостаточно справки. Даже для того, чтобы пройти брит-мила, ему надо сначала пройти через раввинский совет. С работой я вам ничего не могу посоветовать. В городе сложно найти хорошую работу.

Лиза не стала уточнять, что такое брит-мила, попрощалась и отправилась искать выход. Этого и следовало было ожидать, мысленно сказала она себе. Ася ждала её у входа.

– Пошли напьемся, – сказала она, – пошло всё к чёрту.

Они пили сначала в кафе, потом на площади, в упор не видя пристающих мужиков. Потом спустились на Верхнее озеро. Берег был заставлен скамейками и бутылками. Уже темнело. Мимо них прошли две пары, то ли девушки, то ли мальчики-подростки.

Лиза, как пишут в романах, неожиданно для себя рассказала почти всё. Завтра утром Ася должна была улететь в Германию. Они могли больше никогда не встретиться, так почему бы не рассказать всё?

– Рифатов? – переспросила Ася. – О, эта наша местная... богема! – Она сухо рассмеялась. – Эти его стишки про смерть и бесов всех мастей. Пару раз он действительно пытался повеситься – прилюдно. Все знают, что он играет в карты, но мало кто знает, как далеко всё зашло; для меня это тоже, в принципе, новость. Я от местных пиитов вообще стараюсь держаться на расстоянии: достали.

– И что мне делать? – вымотанно спросила Лиза. По дорожке между скамьями и берегом брели трое подвыпивших дедушек в картузах, распевавших: «Вот уж осень, под окнами август, и я знаю, что я тебе нравлюсь, как когда-то ты нравился мне».

– Сейчас скажу, – задумчиво пообещала Ася. – Насколько далеко зашли его отношения с твоим мужем?

Суть вопроса дошла до Лизы только через пару секунд. Старики поравнялись с ними, смерили отнюдь не стариковскими взглядами и потащились дальше. Старший из них пел надтреснутым баритоном, в такт помахивая бутылкой из-под пива «Кёнигсберг»:

Я не верю, я не верю, я не верю,
Что глаза твои – обман, а губы – яд!

– Счастливое поколение, – сказала Лиза. – Несмотря ни на что.

– Кто, эти прожигатели пенсий? Один из них – дядя моей приятельницы Карины Мандельштерн. Хоть бы поздоровался, талмудило!

– Ася! Извини, но у нас в Ярославле, как ты однажды выразилась, такие зажатые люди, что мне эта фигня и в голову не приходила. Голубой цвет много кто в шутку вспоминает. Но чтобы...

– Ничего удивительного. К Рифатову часто клеились бабы, уж не знаю, что они там находили, усы типа «зубная щётка» или сатанинские стихи, но, короче, по этой причине многие решили, что он – правильный мусульманин. А этого и близко нет. С парнями у него отношения всегда лучше ладилась, чем с девушками.

– Я это могу понять, – произнесла Лиза после паузы. – Лучше это, чем девки, которые потом детей рожают и пытаются таким манером переманить чужого мужика вместе со всеми его деньгами. Но зачем врать и устраивать этот картёжный дурдом?

– Видимо, он просто не хотел тебя расстраивать.

– Ему плевать, расстроюсь я или нет. Он просто не хотел новых неприятностей. Мало того, что проиграл все деньги...

– Хочешь, расскажу, как всё было? У Рифатова закончились деньги на телефоне, и он пишет сообщение с Зоиною; скорее всего, это второй Зоин телефон, номер для «своих», фигурально выражаясь. Либо он подозревал, что ты можешь залезть в sms-папку, и нарочно написал с чужого номера. Зоя всё знает, но терпит, потому что ей нужен «мужик по хозяйству» для её идиотского обывательского антифеминистского статуса. Видимо, её идиотскому самолюбию льстит иметь образованного мужика, или у неё просто заниженная самооценка, и она боится искать другого. Рифатов и твой муж однажды поссорились на тему «или я, или твоя жена». Андрей отказался от тебя уходить: ему нужна кружка чая по утрам и выглаженные джинсы. Слово за слово, вспомнились все старые обиды, и Коля, осознанно или нет, подставил твоего придурка, а потом сочинил душещипательную чушь про безвыходную ситуацию, которую создал для него мерзавец Штацкий. Мой совет, без которого ты можешь обойтись, потому что уже сама пришла к этому выводу: немедленно разводись.

– Ты уверена, что всё было именно так? – холодно спросила Лиза.

– Позавчера я встретила Серёжку Виткина. Мы с ним вместе учились. Он поведал, что Рифатов встречается с новым парнем, то есть, не с новым, они давно знакомы. Но жена парня стала камнем преткновения. И что-то ещё. Не иначе, высокий нравственный уровень Николая Валерьевича Гунна... или как он подписывает свой псевдоготический бред?

Лиза пристально посмотрела на Асю.

– Слушай, а ты что, давно его знаешь?

– Колю? – Ася пожала не слишком хрупкими плечами. – Ну... лет десять. Мы на одном факультете учились. Только он то и дело брал академки и пропадал из вида. Я почти забыла о его существовании.

Она швырнула пустую бутылку в урну.

– Я о существовании многих людей хотела бы забыть. Но они всё время появляются ниоткуда, да и память у меня хорошая. Вчера опять звонил псих, типа, вы, жида, меньшинство, выдохнете, а славяне будут размножаться. А неделю назад мне пригрозили, что «пристрелят, как мразь Старовойтову». Я писала правду о националистах, и в газетах, и в сети. А если про них кто-то пишет правду, они мгновенно зачислят этого человека в «жидо-фашисты». Уроды. Думают, если муж уехал, то я буду дрожать, как осиновый лист.

– Ты мне ничего об этом не говорила, – ошеломлённо констатировала Лиза.

– Я так похожа на человека, у которого всегда всё в порядке? – улыбнулась Ася. – Это национальное. Либо роль вечной жертвы Холокоста, либо непрозрачная маска удачи. Знаешь, я устала. Я люблю ездить, а не переезжать. Но Миша меня убьёт, если завтра я не буду в Берлине. А, главное, меня постепенно убьёт нехватка денег. Жаль, что Марка нельзя взять с собой. Ты не думай, я им предлагала жить втроём. Но они оба против!

– Заткнись, – тихо попросила Лиза. Не было сил слушать это дальше. Этот светский трёп напоминал средневековую *dance macabre**. Ветер, словно дисциплинированный дворник, сметал листья со скамеек. – Ты такая красивая, когда молчишь. Можно, ты помолчишь, и я постараюсь тебя запомнить, это как отпечаток на фотокамере?

– Я тоже буду тебя вспоминать, – сказала Ася, – честное слово.

Она отставила бутылку в сторону и положила руку Лизе на плечо; в полутемноте она была похожа на девушек с картин прерафаэлитов.

– Ты столько всего в себе губишь, мне страшно было на тебя смотреть. Всего – во всех отношениях. Я бы хотела побыть с тобой немного... но это сейчас не имеет значения. Возьми эти деньги, пожалуйста. Но от своего придурка держи их подальше.

– Ты что?..

– Я ж не ребе. Я могу себе позволить дать тебе деньги. Знаешь анекдот? Бедняк приходит к ребе и просит о помощи: последняя коза сдохла, нет денег даже на молоко. Ребе отвечает: «Иди с миром, сын мой, всё будет в порядке». Через некоторое время этот человек снова приходит: «Ребе, у меня выросла женская грудь, и в ней даже есть молоко, но денег по-прежнему нет». А раввин говорит ему: «Что поделаешь, сын мой, мы такой народ, что нам проще сотворить чудо, чем дать денег».

– Я уже смеяться не могу, – сказала Лиза, – я уже не могу даже утопиться.

Ася расстегнула её сумку, быстро убрала пачку долларов во внутренний карман.

– Вот, если ты не можешь не только утопиться, но и взять деньги, я положу их сама.

Лиза тихо сказала:

– Спасибо. Увидимся ещё раз – верну. Если не сдохну до этого времени.

Ася обняла её.

– Не сдохнешь.

– А почему бы и нет? Я же не еврейка, у меня нет врождённого иммунитета к попыткам бытия уничтожить меня как данность.

– Ты нас идеализируешь.

– Нет. Иначе бы вас уже не было. Некому было бы одолжить мне триста долларов.

Они долго смеялись, и Лиза понимала, что это от безнадёжности. Но также понимала: если бы Ася ещё долго не уезжала, было бы тяжелее. Она, конечно, знала, кто такие бисексуалки, но на сто процентов не была уверена, что принадлежит к ним, настолько была задолбана совковым воспитанием; а разбираться в своих чувствах к другой женщине на фоне убийственного безденежья и шулерских визитов в любое время суток – занятие не просто неблагодарное, а совершенно идиотское, более того – почти невозможное.

– Пойдём, – наконец сказала Ася.

Они стали медленно подниматься по тропинке. В темноте тускло горели фонари; с высоты

* Пляска смерти (франц.).

насыпи было трудно разглядеть, кто пьёт внизу на скамейках. «Жидовка», – вдруг явственно слышала Лиза.

Похоже, скинам города Кёнигсберга остопиздело просиживать на лавочках свои экстремальные штаны, и они решили перейти к более экстремальным действиям. Они тоже поднимались по тропинке, человек пять-шесть; Ася и Лиза были уже наверху.

– Не волнуйся, – шёпотом сказала Ася.

Под тяжёлыми патриотическими «мартенсами» хрустел гравий и осколки стекла. Лиза подумала: что ж, если она сейчас умрёт, будет даже к лучшему. Но ей было обидно за Асю. У неё даже мелькнула мысль: лучше бы она, а не Ася, была еврейкой. Хотя, будь она еврейкой, разве впуталась бы в такую дурацкую историю? Они шли сзади, молча; тишина была невыносимой. Вдруг Ася остановилась и обернулась.

Они смотрели на неё, пять тупых пьяных физиономий. Я бы рада проявить беспристрастность по отношению к врагам народа (любого народа, в особенности – того, который якобы охраняют, потому что на самом деле они позорят свой народ), но мне не приходилось видеть среди них умных людей. И красивых тоже. Ася не отводила взгляд и слегка улыбалась. Первый из них, наголо бритый, со шрамом на лбу, на секунду опустил глаза, потом повернулся к собутыльникам и махнул рукой. Вся кодла осталась стоять.

– Пошли, – сказала Ася и взяла Лизу за руку. Больше они не оборачивались. Издали донёсся сдавленный шёпот:

– Бля... Эт не она. Это что, итальянская фашистка?

Идти надо было не слишком быстро: подобные люди, как собаки, бросаются на бегущих. У них рефлекс. Простейшие рефлексy заменяют им рефлексию. Уже на проспекте Лиза спросила:

– Что случилось?

– Чёрные джинсы и чёрные ботинки с белыми шнурками носят особо опасные фаши, – усмехнулась Ася. – Я это так, дурака валяю. А для их пьяных мозгов это непосильная задача. Вот уроды... Я одного знаю, Ваня Токарев про него материал делал. А он не знает меня, слава Богу. Он наполовину финн, на четверть литовец, на четверть хохол.

Возле итальянского кафе пили другие отморозки. По виду они ничем не отличались от идейных дураков. Дурак – всегда дурак, независимо от того, идейный он или нет.

– Всё, мне пора, – грустно сказала Ася. – Дать тебе ещё денег, на такси?

– Не надо, город маленький, дойду пешком. Или ты ещё не самоутвердилась в качестве благодетеля?

– Тебя угробит гордость, а меня – щедрость, – засмеялась Ася.

Они несколько секунд постояли, обнявшись, под мостом, а после пошёл дождь. Был двенадцатый час. Было такое чувство, что мост вот-вот рухнет, или что кого-то, типа Христа, распяли.

14.

Придя домой, Лиза умылась холодной водой, прошла в комнату и заметила отсутствие трёх вещей: своего компьютера, свитера Андрея на спинке стула и Андрея. Вскоре обнаружилось отсутствие ряда других Андреевых вещей, в частности, бритвы и рюкзака. Из-за перегородки доносился ненавистный храп старухи. Когда Лиза уже рылась в ящике стола, пытаясь определить, пропали некоторые её вещи вместе с андреевскими или таки нет, тётя Вера, перестав храпеть, завопила:

– Умираю! Умираю!!

Когда же чёрт возьмёт тебя, мысленно машинально процитировала Лиза. Он его отнёс на рынок, а деньги проиграл. Или выиграл что-то и свалил. Испугался, что должники будут доставать с новой силой. Загранпаспорт и медкнижка Лизы были на месте. Лиза вытащила из кармана джинсов мятый листок с секретным номером. Так, на всякий случай, наберу, подумала она.

– Алло, – ответил хриплый мужской голос, принадлежавший, скорее всего, Штацкому.

– У вас Андрея случайно нет? – спросила Лиза, в глубине души осознавая, что горючит чушь. Но собеседник всерьёз расчихался.

– Вы откуда взяли этот номер?!

– Это неважно. Вы можете ответить на мой вопрос?

– Это кто?!

– Это его жена.

– Знаете, что?! Я сам ищу этого козла, к вашему сведению! – похоже, Штацкий тоже был пьян.

– Он знает сколько мне проиграл? Я-вам-давайте-не-буду-называть-цифру!!

– Почему же? – тихо спросила Лиза, чувствуя, как холодеют руки. – Назовите. Я не боюсь.

– Я не от хорошей жизни занимаюсь таким делом! У меня семья. А он начинает угрожать моей семье, говорит, если я не перестану требовать, чтоб он заплатил, то эта история попадёт в газеты. Я за свою семью кого угодно порву!

– Почему вы мне это говорите? Если вы такой крутой, идите в Чечню мочить шахидов. Хватит на меня орать. Я денег никому не проигрывала.

– Меня это не волнует! Мне кто-то должен заплатить, по фиг, вы или он. Иначе...

– Что – иначе? Мой труп найдут на дне Преголи?

– Ну, типа того, – буркнул шулер и отключился.

– Умираю! – снова заверещала тётя Вера.

Лиза медленно прошла в её комнату и включила свет.

– Ой, ой, – завопила старуха, – что так быстро включаешь-то?! По глазам бьёт!

– Иначе не получается, – процедила сквозь зубы Лиза.

– Встать, встать не могу, сердце ломит! «Скорую» скорее вызывай!

Старуха съёжилась на краю кровати и выглядела довольно жалкой: волосы торчат в разные стороны, советская ночная рубашка открывает сморщенные плечи. Из открытого шифоньера несло нафталином.

– Вы корвалол пили? – спросила Лиза.

– Дак а что его пить-то? – изумлённо вытаращилась тётя Вера. – Что пьёшь, что не пьёшь.

– Она схватилась за сердце. – Совсем я плохая стала. Если врача не вызовешь, к утру уж не будет меня. А где Андрей-то?

– Уехал по делам, – ответила Лиза, набирая 03.

– Что же он уехал, меня не предупредивши?! – гневно заорала бабка. – И куда же он в такое время уехал-то? Вы с ним живёте, как кошка с собакой, вот и уходит он! Ты его довела. Андрей всю-то жизнь был такой положительный!..

– «Скорая», – буркнула девица на том конце провода.

– Вам лишь бы как кошка с собакой вместе жить, – продолжала вопить старуха, – а я хоть умри, хоть что, вы и не посмотрите!

– Сколько лет, семьдесят шесть? – переспросила дежурная. – Понятно. Только у нас все машины заняты, некому выезжать. До утра подождёте?

– Она говорит, что до утра умрёт.

– Женщина, это ваши проблемы! – вякнула дежурная. – У нас в отделении не пятьдесят машин! Мы постареемся чтоб к шести утра кто-то подошёл, но я ничего не гарантирую.

– Вы, суки, там конкретно опизденели, – ласково проговорила Лиза и опустила трубку на рычаг.

– Ты ради квартиры за него и замуж-то вышла, – проявила бабка неджентельную догадливость, – тебе на меня наплевать, я тебя зову-зову, а ты по телефону треплешься. И телевизор, когда я засыпаю, не выключаешь за мной, а ведь я Андрея вынянчила. Я с ним с трёх лет сидела!

У Лизы мелькнула мысль насчёт дурного влияния, которое Андрей испытывал с детских лет, но она промолчала. Вдруг старуха и правда отбросит коньки? Не так-то легко отличить капризы пожилого человека от настоящего пиздеца.

– Как я могу выключить телевизор, если вы дверь изнутри запираете? – машинально спросила она.

– Как же это я запираю?! – душераздирающе заголосила тётя Вера. – Как это я запираю? У меня телевизор выключить-встать сил нет! А ты врешь, что я дверь запираю!

– Вы запираете её почти каждую ночь, – тихо и отчётливо произнесла Лиза.

– Ой, она смерти моей хочет!! Не доводи меня! Не знаю ничего!

– Выпейте валидол, – сказала Лиза, роясь в тумбочке с лекарствами. Полки были залиты йодом и зелёной; у большинства лекарственных банок давно вышел срок годности. На нижней полке валялись заплесневелые напальчники и продранные резиновые перчатки.

– Дак а я не помню, где он, валидол-то! – поделилась информацией тётя Вера. – У меня ж скалирост.

– Как вы не можете выключить телевизор, когда рядом с кроватью лежит пульт управления? – сухо спросила Лиза. Ей было уже на всё плевать. Она понимала, что дошла до точки.

– Дак а что я, знаю, на чего нажимать-то? – любопытствовала старуха.

– Но вы же его включаете?

– Вот привязалась-то! Чтобы тётка Вера сдохла, хочет! Ничего, Бог тебя накажет! А меня наградит – за мою доброту и справедливость!

Эта пьеса абсурда продолжалась до семи утра. Лиза успела поспать в кресле минут пятнадцать, но была разбужена старушечьим апокалиптическим ором на тему: «В глазах темнеет, свету конец!» На всякий случай Лиза снова побеспокоила несчастную дежурную, и уже без пятнадцати восемь у подъезда стояла белая машина с соответствующим крестом.

Бабка потребовала носилки, а когда ей отказали, картинно сползла на пол. Когда её с грехом пополам загрузили в машину, Лиза почувствовала себя солдатом, всю ночь охранявшим очень опасного военнопленного.

В кабинет кардиолога бабушку пришлось тащить под руки. Невыспавшаяся врачаха, крупная полуседая еврейка средних лет, сделала кардиограмму и, смерив усталым взором результат, сказала:

– Вера Серафимовна, посидите в коридоре.

– Я там умру! – пробормотала тётя Вера, запахивая рваный нестиранный халат, в котором её доставили в поликлинику.

– Вам медсестра сейчас таблетку даст, посидите в коридоре. Я вашей родственнице подробно напишу, чем вас лечить.

– Ой, плохо-то как, – пожаловалась тётя Вера, заподозрив неладное. Ей явно не хотелось оставлять Лизу наедине с врачом.

– У вас возрастные изменения, – сказала врач. Поняв, что спорить бесполезно, старуха под конвоем медсестры поползла в коридор. Лиза обречённо созерцала отделанную янтарём картину на стене. Река, мост, деревья с янтарными листочками. В целом, очень любительская работа. Перспектива не соблюдена.

– У меня свекровь была такая же, – понизив голос, сообщила врач. – Дотянула до девяноста лет. Эти камнеежки всех нас переживут, поколение такое. У бабушки сердце как у сорокалетней.

– Я не могла понять, – сказала Лиза. – Чёрт их знает, этих стариков, когда им плохо, когда что...

– Это симулянтка со стажем. Я с ней уже общалась как-то. С ней всё ясно. Не могу выписать ей направление на лечение. Да ей это и не надо, она просто хочет всем нервы потрепать. Забирайте её домой, и поскорее, ко мне сейчас очередь придёт.

– Извините, – сказала Лиза, – а вот если мы с мужем по обстоятельствам уедем, мы можем её оставить на социальную службу? Она вполне самостоятельная, просто к ней человек будет приходить время от времени. Нам очень надо уехать.

– Это не ко мне, – равнодушно сказала врач, – уводите её, а то опять хай поднимет. Телефон социальной службы в справочнике «Янтарные страницы». Кстати, вы в медкарту вашей родственницы вообще заглядывали? Там везде заключения, что она здорова.

Лиза всерьёз подумала о самоубийстве. Нет, не из-за того, что в компьютере остался весь материал, который она сегодня должна была предоставить на работе, и отредактированный вариант книги редактора, который она тоже должна была сегодня предоставить (там же). Диссертация тоже осталась там, но на дискете был сохранён хотя бы первый вариант, на сорок страниц меньше. Почему Лиза не озаботилась сохранением текстов заранее? Как-то в голову не приходило, что такая фигня может случиться.

Я в этом плане всегда была перестраховщицей, но не истеричкой, постоянно паникующей в стиле «ах, всё пропадёт», а спокойной хладнокровной перестраховщицей, автоматически сохраняющей почти все копии почти всех документов на дискетах и отдельно на дисках. От современной техники можно ждать всего. А от людей можно ждать вынесения твоей техники из твоего жилища в любое время, и к этому надо относиться по-философски. Лиза была другой. Но не в этом было дело, даже не в том, что Андрей унёс оставшиеся деньги. Дело было даже не в кошмарной старухе и не в телефонных угрозах. Просто Лиза почувствовала, что жить дальше нет смысла. После этого она растянулась на кровати и заснула.

Когда она открыла глаза, на экране сотового телефона было пять часов семь минут. Тётя Вера всё ещё храпела за стеной: врачиха велела медсестре вколоть ей димедрол. Благодаря заботе кардиолога Лиза смогла хотя бы немного выспаться. А что толку? Пойти, что ли, в ванную порезать вены – порадовать милую тётушку? Ох, бя...

Лиза прекрасно понимала, что с тем спутником, которого ей подсунило providение, ей не повернуть старухин сценарий. Но искать мужика с комплексом заботливого папаши было, во-первых, поздно, а во-вторых, противно.

Она медленно вышла на улицу. Возле газона тусовалась белокурая соседка сверху, которую звали распространённым у поляков именем Наталья.

– Бабушку вашу опять к врачу возили? – дружелюбно осведомилась она. В её тоне чувствовался подвох и скрытое злораство. Лизе захотелось выплеснуть ей в лицо воду из рядом стоящей лейки, но она сдержалась.

– А что? – ответила она по-еврейски – вопросом на вопрос.

– Помню, как с ней Ирина возилась, – сказала Наталья. – Это Валентина Федосеевича покойного дочка. От первого брака. Уж как она её достала, слов нет.

– Кого?

– Ирину, конечно. Помню, зайдёшь к ним, а старуха сидит, руки сложив, а Ирина туда-сюда носится, как девочка на побегушках, хотя ей уже за сорок было, и у неё высшее образование и своих детей двое. А старуха ей: вымой посуду, позвони сантехнику, почисти рыбу, да побыстрее. И на всё одна причина: «Я не могу». Больная, как же. А Валентин Федосеевич, прости Господи, такой глупый был дед, всему верил. Она так Ирину умотала, что та с инсультом слегла. А бабке хоть бы что. Вы ей врача больше не зовите, она поорёт и успокоится. Нам с мужем, конечно, её ор мешает, но что делать, не убивать же её.

Старуха проживёт ещё долго, думала Лиза, меряя шагами разноцветную брусчатку. Старуха въездет в свой еретический рай на телеге чужой молитвы. Впрочем, рая нет, как и ада. Есть только жизнь, в которой можно прикидываться не тем, что ты есть. Но какой смысл поступать, как тётя Вера, если тебя потом раскусят и будут презирать ещё больше? И потом, душевно слабому нетрудно сыграть ещё более слабого, ему можно даже сыграть сильного, об этом много чего писали и говорили. Но вот какво сильному человеку играть слабого – об этом у нас не принято говорить.

Ведь, как правило, это одна из наиболее женских жизненных практик, а то, что связано с женщинами, у нас не почётно, не принято и не легитимно.

«Иначе нам всем окончательно перестанут верить, нам и так мало верят в этом мире», – сказала мне в поезде одна неглупая восточная женщина.

Лиза незаметно пересекла проспект и вышла на набережную, посаждённую маргинального вида рыбаками – с хипповскими хайрами и в потрёпанных защитного цвета штанах. Дальше ни-

кого не было. К вечеру Кёнигсберг вымирает, только во дворах убивают людей, да у входа в ночные клубы толпятся тусовщики. Ей хотелось снять обручальное кольцо и бросить в воду. Это был бы очень кинематографичный жест. Но швырять золото в воду, когда тебе не на что есть, будет только дурак или самоубийца. Я не самоубийца, отчётливо поняла она в эту минуту и свернула в переулок, где в аварийном немецком доме располагался ломбард. Золотые цепи девятнадцатого века с витиеватыми зубчиками и серебряные ложки с вензелями за пыльным стеклом; медали за взятие Кёнигсберга и Берлина; очередь к весам. «Очередь за солнцем на холодном углу, ты сядешь на «колёса», я сяду на иглу».*

Игромания немногим лучше иглы. Одна и та же трата здоровья, времени и денег. Или они, ненормальные, которых никто не любит, просто хотят исчерпать этот запас здоровья, денег и не любви как можно раньше, не продлевать эту ублюдочную тяготию, к которой нам громогласно велят относиться с глобальным оптимизмом? Ведь если мы все содохнем, кто будет пахать на них, велящих, кому они будут вельте?

Лиза пересчитала купюры с отсутствующим лицом и покинула заведение. Там остались сомнительные парни в татуировках, которые шёпотом переругивались: не успели поделить добычу, что ли?

Шёл дождь, ветер вырывал зонты и сумки из рук прохожих, как заправский вор; он играл с ними, как с картами, и вскоре на проспекте никого не осталось, кроме крепко сложенной блондинки в кожаной куртке. Она смотрела в сторону ближайшей пивной, но идти ей мешал поток машин и невыносимый ветер.

И вот чёрный автомобиль с мелкой, над стеклом, белой надписью «Рајего» остановился перед ней с двусмысленной целью. Очень коротко стриженный молодой мужик распахнул дверцу и спросил:

– Девушка, вас подвезти?

– Нет денег, – ответила экономная Лиза, – а вообще-то я хотела перейти улицу.

– А вам далеко идти? – не унимался тип. – А то давайте ко мне в гости поедом. У меня выпивка крутая есть. Скучно одному.

Лиза присмотрелась. Да, в этом случае надо было именно присматриваться: ничего особенного в мужике не было, заурядный славянский типаж. Спортивная фигура, никакие шмотки. Как говорят циничные бабы вроде нас тобой, трахнуть можно. А на машины Лиза никогда не обращала внимания: спят не с машинами.

Ей нужно было поставить крест на браке. Окончательный. А что, почему нельзя говорить «окончательный крест»?

Мужик не въехал, в каком плане его хотят использовать, и с кем он имеет дело, решил, видимо, снять податливую тёлку, «а дальше видно будет», тривиальные, понятные, как таблица умножения, мужские планы. Машина тронулась. Перед ней другая машина чуть не въехала в седого дядьку с рюкзаком. Дядька что-то неразборчиво завопил. Навстречу ему, размахивая палкой, помчался грузный инспектор ДПС.

– В тюрьму, в натуре, захотел, чмо на «Жигулях», – сказал мужик и сплюнул за окно. Лиза предпочитала мужчин, которые не плюют в окна автомобилей, но каяться было поздно. И вообще, ебать можно, в чём проблема, нах? – А ты чего такая неразговорчивая? – Как известно, мужиков бесят в женщинах два качества: разговорчивость и неразговорчивость. Также бабы не должны часто ходить по магазинам, но у них должен быть крутой прикид, чтобы обладателю бабы все завидовали. Видимо, прикид должен падать на бабу с неба.

– Когда-то в общежитии некоторые из нас мечтали о камере-одиночке, – задумчиво сказала Лиза, не утруждая себя фильтровкой базара. – Особенно звукоизолированной. Никаких шизофреников-соседей, которых селят тебе на голову, никаких пьяных воплей из коридора, никакой попсы-на-всю-катушку из соседних комнат.

* Цитата из песни Егора Летова «Система».

– Да ну, на хрен, – не согласился мужик. – У меня знакомый сидел, говорит, в звукоизолированной камере даже свой голос плохо слышен.

– А я после этого общежития и кучи проблемных квартир иногда вообще человеческого голоса слышать не хочу. Ни своего, ни чужого. К тому же, в тюрьме кормят и убирают. Никакой стирки. Никакой уборки. Никакой готовки.

– Так ведь кормят чёрт-те чем.

– Топ-модели ещё меньше жрут, и ничего. Совершить, что ли, какой-нибудь террористический акт?

– Весёлая ты, – одобрил мужик, – люблю таких. Только при мне ничё такого совершать не надо, усекала? Я ж, в натуре, мент. Я, правда, официально как бы на работу только послезавтра выхожу. Но вообще корочки есть. Хочешь, покажу?

Зашибись, бля, устало подумала Лиза. Только ментов ей сегодня не хватало.

– А ты кем работаешь? – спросил мент. – По языку вроде образованная, в натуре.

– Была журналистом, – честно сказала Лиза, – а сейчас нигде.

– Это ничего, – сказал мужик, – главное, штамп о стаже есть в трудовой книжке.

Мужик обретался в рабочем общежитии отстойного вида, резко контрастирующим с понтовой тачкой. Это временно, пояснил он, ему на работе дадут квартиру. Корочки у него действительно были. Может быть, фальшивые. Но выправка и привычка напряжённо следить за реакцией собеседника выдавала в нём военного, причём одного из худших представителей касты. Лиза терпеть не могла таких: в своё время насмотрелась на вечно бухих солдафонов из военного училища, расположенного напротив их общаги.

К более позднему вечеру выяснилось, что у мужика наличествует, как выразился бы всё тот же верховный культуртрегер, стимул убить. Кого угодно. Лиза уже оделась (в душ идти не хотелось: он был ужасен), как вдруг мужик окликнул её:

– У меня тут картошка с мясом в холодильнике, пожарь, а? Я сам готовить задолбался.

– Я не повариха, – спокойно ответила Лиза, собираясь уходить.

– Ну, понимаешь, я не могу готовить, когда в квартире женщина!

– Я достаточно на мужа готовила, тоже хочу от этого отдохнуть.

– Ты мне понравилась. Почему бы для хорошего человека не приготовить? Может, твой бывший был козлом, не знаю, мне по фиг на это, но это не значит, что ты вообще про кухню должна забывать. Я, понимаешь, не могу готовить, когда в квартире есть женщина.

– Её сейчас здесь не будет, – сказала Лиза и взялась за дверную ручку. Когда мужик трахался молча, он нравился ей значительно больше. Таким после пяти минут знакомства нужно заклеивать рот скотчем и снимать ленту непосредственно перед уходом.

– Никуда ты не пойдёшь! – заорал мент и во мгновение, как принято писать, ока возник перед дверью. – Ты мне что, телефон свой не хочешь оставлять? Может, у тебя сифак или СПИД? Меня ж с работы могут из-за тебя уволить!

Трус, брезгливо подумала Лиза. Ну и шваль нас якобы охраняет.

– У меня ничего нет, – ответила она, – а вот насчёт тебя не знаю.

– Я недавно проверялся, у нас же куча медосмотров грёбаная. Если бы что было, я бы сказал. Если бы что сказал, я бы ещё два часа назад сбежала через окно, подумала Лиза.

– Короче, давай телефон, чтоб я потом знал, кому шею свернуть.

– Диктую, – презрительно проговорила она, – записывай. Восемь, девять, один...

– Погоди, я тебе позвоню, вдруг ты мне липовый телефон даёшь, чтобы избежать ответственности.

Теперь Лиза поняла, что это действительно мент. Только у них бывают подобные невроты, выражающиеся в подобной форме.

– У меня телефон отключен. Чтобы муж не звонил.

– Включи, я проверю!

– Слушай, – сказала Лиза, снова берясь за дверную ручку, – мне это надоело. Езжай в Чечню,

если тебе так по кайфу всем чинить разборки. Я тут не причём. Я тебе не девочка из ПТУ, чтоб передо мной понты дешёвые кидать, понял?

Так студентки нашего университета разговаривали с солдафонами и воровскими шестёрками, вечно болтавшимися на территории чужой общаги.

– Сука, – озверело прохрипел мужик, смыкая пальцы на её шее, – а кто тебе сказал, что я в Чечне не был, бля? Кто тебе это сказал?

Если я сейчас сдохну, это хорошо, потому что сдохну без соплей, мелькнуло в её голове. Перед глазами темнело. Она почти не чувствовала боли.

– Тварь, – произнесла она с усилием, – вот где из тебя такого урода сделали.

Хватка ослабла.

– Ну, убей, – ласково проговорила Лиза, – тебе ж всё равно делать сегодня больше не хуй. Тебе же что я, что чеченец, – валяй, убей, герой, бля, хуев.

Мужик внезапно посмотрел на неё с тем же душераздирающим выражением, что и Андрей перед тем, как проиграть её деньги.

– Я чеченку, снайпершу, убил, – забормотал он, потирая руки. – Она типа тебя была. Сколько ни бей... Ты бы себя сейчас со стороны видела.

– Я не чеченка, – раздельно произнесла Лиза, – и пугать меня не надо. Я пуганая.

– Ты бы знала, что я в жизни видел, – сказал мужик. – Я себя, бля, без автомата не видел уже. Я задолбался ходить с автоматом. Там страшно, на хуй. Я думал, вот сдохну из-за этого контракта грёбаного, из-за сраных денег. Там пиздец как страшно. Я смерти больше всего боюсь. Я ни хрена вообще не боюсь, только смерти.

Смерти бояться – всё равно что жизни, подумала Лиза. Она бросила взгляд в окно. Над деревьями нависла, как паутина, лиловая темнота.

– Когда меня хотели убить, у меня не было автомата, – сказала она, и это прозвучало неправдоподобно буднично. – Когда по нашей общаге и по всем ярославским улицам чеченцы шастали и двери везде вышибали, мне никто не дал автомат. А я была бы рада, если бы дали. Тебе повезло. Тебе вручили оружие, научили им пользоваться и рассказали, в кого стрелять. У меня ничего этого не было.

– Вот поэтому я и пошёл туда, – сказал мужик прочувствованным тоном. – Чтобы защищать таких, как ты. И я должен защищать тебя. Мою девушку, – он неловко обнял её.

А вроде бы почти не пил, про себя отметила Лиза, освобождаясь. А какова логика, бля...

– Да, наше государство доводит самых лучших людей страны вот до такого, – она обвела взглядом убогую комнату и пристально посмотрела мужику в глаза. Он тоже смотрел ей в глаза. Вид у него был такой, будто он готов разрыдаться.

Ну, это известно какая порода. Переломав с компанией сочувствующих рёбра «не так» одетому неформалу, они мирно возвращаются на хату, где cedят водку и утирают слёзы под аккомпанемент радио «Шансон», чего-нибудь типа «В нашу роту черножопые стреляли» или «Я Христа распятого на груди ношу и мента проклятого, суку, задущу». Даже если слушающий – давно уже не бандит, а самый что ни на есть мент. Ностальгия, нах. Или сказывается неприязнь к коллегам с более чистой биографией.

– Я вижу, что по характеру мы друг другу подходим, – сказал мент, выдержав паузу. – Давно искал такую женщину. Я тебе позвоню.

И ведь позвонит, сука, тоскливо подумала Лиза. Обязательно позвонит. По нему видно.

– До свидания, – сказала она.

Автобус уже ушёл, и следующего до шести утра не предвиделось. Она пошла пешком, легко и быстро. Кёнигсберг – маленький город, созданный для пеших прогулок. Фонари уничтожали темноту мягко и ненавязчиво. Когда улица мента была далеко, Лиза на ходу вскрыла телефон, вытащила карту и швырнула в реку. У неё в сумке была тщательно спрятанная запасная, на которой дублировались все нужные номера. Так, на всякий случай. Вот, он окончательно настал, этот случай, навсегда.

Я помню, что Лизе из-за прогулов долго не хотели ставить зачёт по риторике. Тогда она сказала мне с улыбкой: «С тех пор, с того вечера я плюю на мнение профессоров. Моя риторика – это слёзы на глазах мента».

Дальше всё было очень просто. Она решила не забирать с работы трудовую книжку. Не являться туда и не умолять ни о чём. Участь её была решена: её бы всё равно уволили. Пусть Феликсович сам правит свою профашистскую брехню. Судьба преподнесла ему урок. Пусть так и думает.

В квартире по-прежнему храпела бабка. Кухню загромождала грязная посуда: бабка, оставшись одна, вполне успешно сходила в магазин, сварила суп и съела всю кастрюлю. О'кей, бабка не пропадёт. Андрея не было. Вещи Лизы лежали на тех же местах, что и днём. Она быстро, по-военному, собрала их, заказала по телефону такси и попыталась сформулировать текст прощальной записки. Света она не включала: чёрт их знает, этих карточных кредиторов, может, они снова припёрлись её караулить. Лиза подошла к письменному столу Андрея, выдвинула ящик и посветила фонариком в поисках чистого листа бумаги. Он там был – чистый только с одной стороны. Другую занимало гениальное стихотворение Ника Валерия Галла:

Каземат не учил меня воле*, а чёрт – колдовству,
обрывались верёвки у края халявной кончины,
и теперь я тебя не жалею, а просто зову
проиграть со мной в карты кусок надоевшей отчизны.

Я дешёвке-судьбе заглянуть не желаю в глаза,
я не знаю, зачем этот день мне нелепо отмерен.
Только Бог может махом покрыть козырного туза.
Мы лишь можем стоять возле пылью покрытых скамеек.

Я зарыл за разрушенным домом заветы отцов.
Ты забыл обо мне, как о долге, и некогда злиться.
Мы плевали на святость, но Бог нам не плюнет в лицо,
потому что мы вряд ли найдём в этой тьме наши лица.

«Я уезжаю в Россию. Ничьих долгов платить не буду. Будем ли мы официально разведены, мне безразлично. Делай, что хочешь. Можешь выписать меня из квартиры, мне всё равно».

Вместо подписи на листе А4 стоял невидимый миру метафизический крест. Ночь была прекрасна. Подсвеченный шпиль чудом уцелевшей кирпичи пронизывал темноту. В соседнем районе в своей могиле мирно спал Кант, и т. д. Вода и ветер были спокойны, как ни в какой другой области. А чем всё это закончилось, – зачем тебе знать?

15.

– Это всё-таки была она, – сказала я Марише. – Меня сбили с толку её приличные, в смысле, очень недешёвые шмотки. Она была одета, как Дебрянская**. Я подумала: Лиза – и здесь, и в таком виде... И выражение лица – совершенно другое.

– У тебя тоже не то выражение лица, что десять лет назад, – сказала Мариша.

– Не философствуй. Так где ты её видела и когда?

– Здесь. По её словам, Ася оставила ей телефоны своих московских знакомых, чтоб было кому на первых порах вписаться. Или сначала она поехала к деду Андрея, тому, который записал

* Аллюзия на строки Егора Летова из «Философской песни о пуле»: «Каземат, научи меня воле».

** Евгения Дебрянская – художница, литератор, правозащитник.

колодец, и он, как ни странно, встал на её сторону... не помню. И, знаешь, ей стало везти, и потом она даже купила в кредит полдома в ближнем Подмоскowie. Правда, её научная карьера по-прежнему откладывается на неопределённый срок.

Я спросила про её мужа. Но тут ей позвонили, и она сказала, что должна ехать в Москву. Знаешь, она пишет что-то. Но не под фамилией Авдеева, а фамилию мужа она не брала. Кажется, она сменила паспорт, взяла девичью фамилию матери. Да, она же тебя вспоминала, сказала, что захотела сделать, как ты, чтобы не носить фамилию мужчины.

– Я это сделала потому, что фамилия матери звучит лучше, – пожала я плечами. – Кстати, мне тоже пора.

– Без разницы. Подожди, она же мне называла свой узаконенный псевдоним... Хотя убей, не помню. Я ж не слишком трезвая уже была. Но помню, что у меня было чувство, будто она заглушила в себе какую-то мелодию, устаревшую и надоевшую, – сказала поэтичная Мариша, по второму высшему образованию – музыкант.

Считают, что наиболее женственная профессия – проституция, стриптиз. Когда медленными ласкающими движениями стягивают с себя одежду, показывая всё, кроме себя самой.

На самом деле наша жизнь – антистриптиз, когда год за годом мы должны натягивать на себя всё больше дешёвого истлевающего шмотья предрассудков. В обуви, которую нам предписали носить, невозможно ходить по-человечески (гораздо удобнее кирзовые сапоги), в ней можно только танцевать под абсурдную, выматывающую мелодию, ни одна нота в которой не принадлежит нам самим.

Посмотри, это ангельская риза, говорят тебе и набрасывают тебе на плечи залепленную грязью рвань с чужого плеча.

Если ты не умеешь думать и никогда не училась видеть, ты можешь поверить, что белые ризы и должны выглядеть именно так.

Но я не сказала обо всём этом Марише. Во-первых, она, как и я, давно уже всё поняла, и с ней тоже давно уже всё в порядке. Во-вторых, Мариша – это архетип. Это такая еврейско-буддистская Шахерезада, которая может часами трепаться. Нет, это, конечно, не способ сохранить жизнь. Это всего лишь способ поддержать её на том уровне, который Марише нравится. А я не люблю часами трепаться или часами слушать, да мне и некогда. Если я долго слушаю Маришу, то с целью украсть сюжет. Ведь если сюжет не снится мне, я его ворую. Но такое воровство не предусматривает стати, это не плагиат, это называется просто «брать».

2006 – 2007 г.

Письма

* * *

Что не сказал –
Не получилось –
Не то, что я не захотел.
Хотел, но не получилось –
Не то что б я не захотел.
Старался, но не получилось –
Ты просто слушать не хотел.
Мне быть непонятым
Случилось.
Тебе понять сам Бог велел.
Но вот никак не получилось
Сказать, что так тебе хотел.
В конце концов всё изменилось.
Что не сказал – перехотел.

* * *

Я так люблю всё
Живое,
Что даже зимой
В моём доме
Летают комары.

Керамогранитный эллипсоид

Посв. лучшему из лучших

Стою с Валерианом
Возле искромсанного куска
Гипсокартона, приткнувшегося к стене.
Валериан рисует.
На этом задрюпанном куске появляется
Мир.
– Это будет так.

– Впечатляет.
– Здесь радиус, и здесь.
Понимаешь?
– Да. Хорошо.
– А здесь продолжение.
Вот.
– Здорово.
– Это ты нормально воспринимаешь,
Понимая меня.
А окружающие?
Они ничего не знают.
Думают, это просто
Рисунок.
Что мы ничего не сделали.
У нас конь не валялся.
Но мы-то знаем,
Что,
Рассчитав
И сделав этот рисунок-чертёж –
Уже всё готово.
Они не знают об
Этом.
– Да. Вероятно.
– Мы ещё не начинали
Делать, а он уже
Готов –
Керамогранитный эллипсоид.
– Готов. Здорово!

* * *

Первый чуть-снег,
Первые немного-холода,
Первые «жаль», «плохо» и «нет»,
Последнее «Ура!».

Алексей МАСЛОВ родился в 1981 году в г. Джанкой (республика Крым), переехал в Саратов, закончил Саратовский педагогический колледж, в 2005 году завершил обучение в Российском государственном социальном институте (филиал в г. Саратове), факультет «Социальная работа». Публиковался в журнале «Волга – XXI век» (№ 9–10, 2007), альманахе «Василиск».

* * *

Возвращаюсь
Домой
Порванный, разбитый, выпитый
До капли.
Ниточка,
Гонимая ветром:
Душа, ползущая по
Земле.
Колени сгибаются и
Бьются ноги о
Дорогу.
Мой путь.
Тяжелее идти вверх,
По мосту.
Но трудно – не значит
Плохо.
Справа – цепочка
Надвигающихся
Железных коробков –
Неживые существа:
Жёлтые глаза.
Справа – овраг за кустами.
Предпочитаю смотреть влево.
Вижу двоих людей:
Один курит, другой – с собакой, –
Стоящие в нерешительности,
Переглядывающиеся.
Перед ними – человек
На корточках,
Подпирающий забор,
С опущенной головой.
Упавший.
Прыгаю через кусты,
Спускаюсь:
Что случилось?
Не знаем, говорит, устал.
Пьяный?
Говорит: идёт домой.
Кровь, да?
Да, из носа.
Они посмотрели друг
На друга,
Развернулись и
Молча ушли;
Собака сердито поковыляла
Рядышком.
Холодно.
Листвы налетело мятый ворох.

Сырость в дыхании.
Прошло, наверное, около
Часа.
Смотрю:
Никого нет;
Лохматая обезьяна тоже
Ушла.
Встал,
Вытер лицо рукавом,
Нашарил в кармане
Своё сердце,
Крепко сжал его
И пошёл
Домой.

* * *

Ты ведь знаешь
Меня.
Я не терплю фальши,
И к этому обладаю
Абсолютной чувствительностью:
Я вижу и в целом и в
Мелочах.
Поэтому, отвечая себе:
Когда же я полюбил
Тебя, какой момент,
Какое событие,
Что стало решающим,
Когда?
Я вспоминаю...
Пошлость закурила,
Завертела,
Вошла в нашу жизнь
Так обыденно,
Привычно,
Что стала незаметной,
Естественной.
Но ведь ты же знаешь
Меня:
Я не терплю фальши.
А ложь – это всё
Плохое.
Пошлость – это лицемерие
Сегодняшнего дня
(по отношению к природе человека).
Любовь, нет, не
Такая.
Она не может проявляться
Пошло.

Там эти: томные взгляды,
Ахи-вздохи, облизывание губ,
Потирания и шевеления
И т.д.
Поэтому, отвечая
Себе:
Когда же я полюбил
Тебя,
Что стало
Решающим?
Я вспоминаю
Твой мимолётный воздушный
Поцелуй.

* * *

Некоторые реагируют
На опасность
Удивлением.
Некоторые страхом.
Есть такие,
Которые
Несутся ей на встречу.
Большинство же
На угрозу отвечают
Угрозой.
Я, почему-то, сопереживаю
Опасности,
Говоря при этом:
Знаю, как тебе больно.
Даже если
Эта опасность исходит от
Меня.

* * *

Сажу на бамбуковом
Стуле,
Сложив руки на бамбуковый
Стол.
Пью вино – российские
Вина,
По две капли:
Вчера и сейчас.

Собеседник: красивые
Лица,
Слова: искушение
Мечтами:
Мы вместе закрутим
Дела,
Есть знакомый с
Большими деньгами;
Возьмём от сюда –
Сюда,
Переиначим,
Развернём и
Спустим,
И загребём – считай, ты в
Шоколаде.
Смотрю через плечо,
Мне грустно,
Темнеет за окном и
В нём,
По потолку гуляют чёрны
Волки,
Пугливый тост:
За единенье пьём.
В стакане плачут стрептококки.

* * *

Дисциплина строки:
Шаг влево, шаг вправо – без-образье:
Стишки печали, балс-трюки –
Неисповеданные страсти.

* * *

Припорошенный снегом человек
Гораздо симпатичнее – верно?
Чем им же раздавленный снег
Ожесточённо и мгновенно.
Я эту тяжесть из снежинок
Готов носить, благодаря
За то, что их смешной ботинок
Не раздавил меня.

Александр КОРАМЫСЛОВ

* * *

Историки закатывают истерики.
В стеклянные банки данных.
Заливая их маринадом
прокисших (бывших горьких) слёз.
С добавлением сухих
крови, спермы, цифр, воды.

И гвоздику кладут в маринад...

Историки закатывают истерики.
Будет чем полакомиться потомкам
долгой бесстрастной зимой...

* * *

вот так живёшь-живёшь в местном содоме
пытаешься быть праведником
иногда выходишь за город
в райский сад №7
где твой участок 666
зарастает змеевидными яблонями

добываешь там любовь насущную
в поте лица и промежности своих
*не успеешь оглянуться
а ты уже соляной столп*

и тебя лижут
языки агнцев
и языки козлиц
огня небесного
и подземного пламени
злые
докиевадоводящие
прикушенные

Александр КОРАМЫСЛОВ родился в 1969 году в Воткинске. Сотрудник Музея истории и культуры г. Воткинска, администратор его официального сайта, организатор литературных вечеров в музее. Лауреат конкурсов в области культурной журналистики проекта «Культурная столица Поволжья» (2004, 2005). Публикации в журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Соло», «Футурум АРТ», «День и ночь», «Крещатик», альманахах «Дирижабль» (Нижний Новгород), «Молодой Гений» (Костомукша), «Перелом ангела», «Тритон», «Черновик» и др. изданиях.

* * *

Дали не знал ничего вкуснее морских ежей.

Маресьев не знал ничего вкуснее земных ежей.

Я же не знаю ничего вкуснее небесных ежей.

Ей-же-ей! Ежей небесных,
холодных колючих *снежей*...

И на что мне ваша иглобрюхая фугу?

* * *

моя пожилая мама поступает точно так,
как воротилы жёлтых СМИ –
раскручивает грязное бельё
(в старенькой «Каме», непосредственно перед стиркой).

Говорит, *чтобы машине было легче*.

А в вашу поганую машину
сколько ариэлей ни засыпай,
сколько ни заливай ванишей –
легче и чище не будет...

Эй, не видали носки Корамыслова?

* * *

Сладкие обольщения
наслаиваются друг на друга,
образуя пышный торт «Иллюзия».

Ах, розочки-завитушки!
Масляная форма существования белковых тел.

Жаль, срок годности весьма ограничен.
А дальше – либо **всё Истины жерлом пожрётся**, –
как *не написал* Державин,
поперхнувшись последним кусочком текста –
либо **общей не уйдёт судьбы** –
сиречь, мусорного ведра...

А пока мне, пожалуйста, вот этот, с марципаном...

Танкетки

ни дня
без двух строчек

ругаюсь
филфак ю

Ё моё
а Я нет

пень сияй
пенсия

двадцать шесть
бакинских

привет брат
краткости

*пора
паразитов*

близок
локоть укус

щёлкнула
плоть слепня

гнус тоже
окрылён

Тот Кого
за тридцать

О Год
ты вечно нов

в девках
залежался

смерть с косой
до попы

на лоне
природы

обритом
на зиму

первые
волоски

упруг
воздух в мячах

товар
деньги ветер

горе
лукавое

пейзаж
с танкетками

наконец
началось

монолог
в тряпочку

разведка
мальчиком

из А. Тарковского

день промыт
как стекло

факт ли
температуры

палево
блакитно

перхоть
против шерсти

девочку
на горшок

а бабу
на чайник

лето

краткое
словно И

счастье вдруг
стук-стук-стук

ананас
мы её

Сизиф
эскалатор

Бог есть
любовь была

с Олей
в солярии

мусор
невыносим

А. Слаповскому

дуро
государство

Инна ДОМРАЧЕВА

* * *

Что было сказано некстати
Забудь до будущей строки
В глаза мне лезущие пряди
Я не умею остриги

Некстати пташечка запела
Неловко сделалось самой
Некстати нас накрыло белым
Стихом как улицы зимой

Некстати зренье застит алый
Лоскут испластанных надежд
Некстати музыка играла
Тобой творительный падеж

Но ты солги что все не ради
Привычки бег тебя сподобь
Большого светлого некстати
Ловить рассыпанную дробь

2002

* * *

Не любой, кто учил целоваться Иуду,
Видел Киев в четыре часа.
Логовенко достиг состояния Будды,
Но остался внутри колеса.

Голова Иоанна не падает с блюда,
Удивленно глядит в небеса:
Логовенко достиг состояния Будды,
Но остался внутри колеса.

У строителей и устроителей чуда
Под кирзой захрустели леса.
Логовенко достиг состояния Будды,
Но остался внутри колеса.

На траву и любую другую посуду
По утрам выпадает роса.
Логовенко достиг состояния Будды,
Вышел за.

2007

* * *

Если ударишься нервным узлом – излом,
Вспышка – и на две секунды – тугая тьма;
Так за фатальную глупость и поделом.
Пятое свойство времени – кутерьма.

Верю – не верю, шахматы и война –
Игры, в которые можно играть вдвоем.

Первое свойство – тюрьма, и как раз она
Утром: раз-два на месте, потом – подъем;

Кажется, Моцарт. Одна из его сонат.
Где-то на той неделе – это когда?
Ах, ты же ваших планов не можешь знать,
Ты их не строишь, прости, я забыла, да...

2003

* * *

Возле кровати –
Мятая суперобложка,
Хрустящая обертка от бестселлера.
Слопала нынче ночью.
«Обжора, – говорю я себе. – Сладстена».
На губах – следы типографской краски.

2005

Инна ДОМРАЧЕВА родилась в 1977 году, живет в Екатеринбурге. Занимается журналистикой и рекламой.
Публикации в журналах «Урал», «Уральский следопыт», альманахах «Крушение барьера», «Шахматы», «Мегаполис».

* * *

Все острые углы, все вещие олеги
Известны наперед с азов, от до-диез.
Прикручены басы, и саб танцует регги,
А звук толкает кровь, и бьет о волнорез.

Обыденностью мир в три круга опоясан, –
Заемные слова, движения – крадем;

Но души отлетят как пуговицы – с мясом,
И далее пойдут совсем другим путем.

Когда я улечу, поймай меня на слове,
Я – змея в облаках четвертая глава.
Жизнь обжигает рот почти как айриш кофе
Затем, чтобы потом распасться на слова.

2008

* * *

Учи меня легкости слога,
словами играй в домино.
Мне, – пусть, вероятно, немного, –
но все-таки тоже дано!

По скользким фонемам опять – со
мной только и можно – назло,

чтоб я разучилась бояться
внезапно оборванных сло...

Но, если придется, – беззлобно,
как долю в зевок полыньи,
шестую в строке пятистопной,
как пепел остывший, страхни.

2008

ЦВЕТ – ЗВУК; СВЕТ, ТЬМА

От редакции

Книгу, фрагменты которой мы представляем, саратовский художник Вячеслав Лопатин писал много лет, продолжает работать над ней и по сей день. Выбирать было трудно: в целом повествование, густо насыщенное информацией и размышлениями, весьма непростое, даже прихотливое по построению, касается и теоретических проблем, например, соотношения и взаимовлияния звука и цвета в живописи. Лопатин напоминает имена ушедших талантливых саратовских художников, а также и их гонителей и погромщиков. Увы, формат журнальной публикации не позволяет представить эту объёмистую работу в полном виде (автор работает над ее книжным вариантом, с иллюстрациями – набросками с натуры того времени и тех людей). Но и выбранные отрывки и главы, как нам кажется, дадут представление и о книге (и о сложной нелинейной ее композиции), и о том времени, которому она посвящена. Мы сохранили все стилистические, пунктуационные, орфографические особенности повествования, особенности библиографической подачи информации и др.

Из предисловия к книге С. А. Чеботарёвой, старшего научного сотрудника СГХМ имени А.Н.Радищева

(...) Настоящее эссе, представленное на суд читателя его автором, Вячеславом Владимировичем Лопатиным, является попыткой отразить атмосферу, в которой существовали художники Саратова, да и всей нашей страны в период 1930–60-х годов XX века. В основу его легли архивные документы, газетные и журнальные статьи, вступительные статьи к каталогам выставок, проходивших в этот период в нашем городе, воспоминания автора и его окружения.

(...) Современному поколению, рожденному уже после «хрущёвской оттепели», неведомы даже слова, эпитеты, термины, которыми они были названы и за которые на многие годы были упрятаны в лагеря Юстицкий и Щеглов, (полгода провели под следствием и были оправданы братья Леонтьевы) др. представители интеллигенции, художники, писатели.

Сейчас кажется нелепым, что человек, обвиненный в газетной статье в «формализме», абстракционизме, примитивизме, становился изгоем. Работы его изгонялись из музеев, уничтожались, просто исчезали, человек терял не только работу и возможность, но и желание творить, а порой и свободу.

(...) Побудительным мотивом является личная причастность автора к происходившим событиям. «Я и сам был формалистом», – говорит Лопатин, и он близко к сердцу принял гонения, которым подвергались старшие товарищи, которых он считал и продолжает считать талантливейшими и интеллигентными людьми своего времени.

Стать профессиональным художником не позволило ему клеймо «формалиста», которое раз и навсегда лишило возможности иметь мастерскую, участвовать в выставках, продавать свои работы. Возможность писать была только в свободное от службы время. И это отразилось на всей его жизни. И сейчас Лопатин считает себя не художником, а музейным работником, рисующим лишь иногда, в свободное время. Чувство долга перед ровесниками, которых уже не осталось в живых, заставляет его рассказывать о тех событиях, свидетелем которых он был (...)

Посвящается

Гущину Н. М. (1888–1965),
Юстицкому В. М. (1892–1951),
Соколову М. К. (1885–1947),
Щеглову И. Н. (1882–1962),
Леонтьеву А. В. (1893–1962),
Леонтьеву В. В. (1898–1965),
Завьяловой В. Ф. (1908–1963),
Ярыгину В. А. (1920–1970),
Григорьеву Н. А. (1920–1989),
Аржанову М. Н. (1924–1981),
Суворовой-Алферовой Л. И. (1901–1982),
Пятницыной И. Н. (1945–2004).

Живопись ошибочно считают
изобразительным искусством.

Н. М. Гущин

«СЛОВО», «КРАСКА»

Лирический поэт идет страшным путем. У поэта такой трудный материал: слово. Помните, об этом еще Баратынский писал? Слово – материал гораздо более трудный, чем, например, краска. Подумайте, в самом деле: ведь поэт работает теми же словами, какими люди зовут друг друга чай пить...

(А. Ахматова: Л. Чуковская. «Записки об Анне Ахматовой». Журнал «Нева», 1989, №7. С. 100.)

БОРИСОВ- МУСАТОВ УЧИТ СМОТРЕТЬ

Женщина в качалке в Русском музее – Агриппина Эльпидифоровна.

Писалась в полдень в 12 часов на солнце. Агр. Эльп. утомилась, было жарко, протестовала против позирования. В. Э. просил потерпеть и продолжал писать. Агр. Эльп. удивилась синим оттенкам на своем лице в этюде. В. Э. говорил что он так видит и добился, что и она увидела фиолетовые тени в зелени, в цветах...

(СГХРМ. Архив: А. и В. Леонтьевы. ед. хр. 22. «Записи В. Леонтьева дневникового характера (на отдельных листах)». Том 1. 1933. май 3 – 1937 ноября 20. на 233 листах. «Запись беседы А. и В. Леонтьевых с А. Э. Немировой (сестрой Борисова Мусатова)» лист 1. оборот. Здесь и далее орфография документов сохранена)

* * *

ВСЕХ ВОСПРИЯТИЙ УЗЕЛ – ХУДОЖНИК

Гущин

О ДУХОВНЫХ СУЩНОСТЯХ –

Гущину говорить не с кем: нет собеседника, достаточно подготовленного, чтобы вести беседу, даже просто слушать некому.

В письме Аркадию Солонищину советует: «читайте следующее: Лосский «Обоснование интуитивизма». Штейнер «Истина и наука», его же «Сущность искусства». Рикхарт «Ценности жизни и ценности культуры». Пуанкаре «Наука и гипотеза». Несмелов «Наука и человек». Йог Рамачарака «Основы мировоззрения индусских йогов». Вячеслав Иванов «Ко звездам». Его статья

«Две стихии в современном символизме». Ладыженский «Сверхсознание». Отто Вейнинггер «Пол и характер», главы: 1 «Дарование и гениальность», 2 «Дарование и память», 3 «Проблема Я и гениальность». Ряд статей в философских сборниках «Логос», посвященных проблеме творчества. Элементарно написанная книга Энгельмейера «Теория творчества» с предисловием Овсяннико-Куликовского и Эрнста Маха. Оскар Вальцель «Проблема формы». Лотце «Микрокосм». Бергсон – только не знаю, что именно есть в русском переводе. Экхарт Мейст «Духовные (?) проповеди и рассуждения» перевод Сабатниковой. Фёдоров «Философия общего дела». Шеллинг, Я. Бёме, Фр. Баадер. Сакулин – «Из истории русского идеализма». Князь Одоевский – мыслитель, писатель».

Авторы – книг не достать – в словарях о них слова доброго не сыщешь: все мистики, не материалисты. Советская власть, словами поэта Ярыгина:

... спиритуа-
листов, мистиков
под копчик. Совершив
весь нужный ритуал.

УРОВЕНЬ ИСКУССТВА

Гущин Николай Михайлович – крестьянского происхождения – село Богородское, Номинского уезда, Вятской губернии. Серебряный век формировал его личность. Советский официоз приписывает чужеродность последнему «паладину» Серебряного века, с чем он не хочет соглашаться. Свою живопись не повседневного потребления – «с чем согласен» объясняет примером хлебного магазина: на полках не только черный хлеб, но и белый, булочки, пирожные. Искусство также разнообразно, но потакать вкусам не должно.

Несчастье художников Запада – засилье посредников между художником и зрителем – «маршаны». В качестве «вознесенных» рынком – имя Модильяни.

1963 год. Играя в шахматы с Подъяпольским, Гущин задумался – выиграть ему хочется, огорчается как ребенок, но «поддавки» не терпит. Пауза. Владимиру Александровичу на глаза попадает газетная продукция – Пикассо, изображение женщины кубистического периода: разоблачающий текст и наглядный пример. С доброжелательной интонацией Подъяпольский удивляется «безобразию» картинки, на возражение – аргумент: «Сами-то вы людей красиво рисуете». Тут Гущин и взбеленился: «Да в угоду таким, как вы...» – и взрыв эмоций.

Болезненно воспринимает упреки в «салонной красивости».

Сокрушается, что ему самому на Западе приходилось, в угоду заказчикам, снижать уровень своего искусства до предмета роскоши.

Чудин, вернувшись от Гущина, удивляется – считают Гущина отщепенцем, а он советует делать «приемлемые» вещи, чтобы выставляться.

Аржанов Михаил внял увещаниям Гущина, и его «Зимка» Радищевским музеем закуплена. «Щеглов – молчун, а на обсуждении Областной выставки 1960 года всех удивил – полчаса мою «Зимку» нахваливал» (Аржанов).

Поведение Аржанова нестандартное: тиражируй «Зимку» и житейское благополучие обеспечено. У него представление, что не лучшая среди его работ «Зимка», что не теми средствами успех достигнут. («Даже раму золотую подобрал!» – возмущается, восхищаясь, Чудин.)

Уже и советы Гущина оспаривает: «Принять и отринуть!» – лозунг Михаила Аржанова. Он сознательно ушел из профессионального искусства, работает реставратором в музее вместе с Гущиным: музей – храм искусства, сотрудники музея – жрецы святого искусства. Сердце и душа Радищевского музея – главный хранитель Наталия Ивановна Оболенская: «Лучше всех разбирается в живописи – но! – трусиха» (Щеглов).

Аржанов дорожит возможностью рисовать, но не хочет, чтобы рисование было источником средств к существованию: не к ремеслу – презрение к руководящим установкам, культивирующим лакейские качества работы художника.

«Музейный уровень» искусства – картины!- счастье художника держать их в руках, на них учиться.

По слухам, самого Гущина картина «Мы с тобой, Лумумба» уже висит в московском Университете Дружбы народов, впоследствии получившем имя Патриса Лумумбы (на самом деле подарена МГУ: газета «Советская Россия», 3 августа 1962 г.)

ГУЩИН И МУЗЫКА

Рассказывает Козача Виталий Фёдорович, староста Саратовского художественного училища времени преподавания Гущиным технологии материалов:

«От Гущина у меня работа, «Птицы» называется – их сразу не видно... вот – появилось!... потом исчезает – опять смотришь. Скуп был на объяснения: – Что тут? – А вы что тут видите? – Мой интерес... он видит, что не наигранно, и это искренне, поэтому мне и досталось, а то бы я ее и не увидел. Он эту долго писал. Я все время – приду, восторгаюсь, а когда закончил, я говорю Николаю Михайловичу: – Не хочу упустить... знаю, работа ценная... деньгами не располагаю. Триста рублей дал, он мне их возвратил, я опять отдал.

Щеглов, как у меня увидел... – Я, за то, что ее приобрел, готов тебя расцеловать, такая прекрасная живопись. –

Все в плоскости, как ковер. Он её называл мудрено – словом, дело с музыкой связывается. Он был виолончелистом, играл в оркестре в Парижском театре после Харбина, сначала в Париже художником не мог прокормиться. Виолончель и в Саратов с собой привез. Редкий инструмент настолько, что не может потеряться – продал в Театр оперы и балета. Смычок остался висеть в комнате, где жил.

Гущин говорил, что должно тренироваться, упражняться. Как музыкант гаммы гоняет, так и художнику надо делать этюды – это, переводя на музыку... клавиши фортепиано дают разные звуки; живопись – та же музыка, те же ритмы, пассажи, лессировки. Двойника музыки живописью не сделаешь, а можно сделать только эквивалент, а не подобие».

Десятиметровая комната Гущина, за дверью – общая кухня. У Гущина проигрыватель «Рекорд», набор долгоиграющих пластинок. В уголке, на маленьком столике цветы – торчит обычно репейник, зимой и летом. И бутылка хорошего вина. Всё это весьма необычно и изысканно для тогдашней советской действительности.

Тщательно готовится к приему гостей, которым собирается показать свою живопись, обязательно под стеклом. Специальным освещением выделяет работу, к которой хочет привлечь внимание. Звучит музыка, к которой Гущин относится избирательно: «Грустный вальс» Сибелиуса – гостям, пришедшим первый раз; знакомым – Шопен; почитает Баха, «в родстве» с Шуманом, с пиететом – к Скрябину.

«Шопен мягкий, а Скрябин огонь извлекал. Таких людей природа не очень любит – с огнем» – Людмила Перерезова.

– «Николай Михайлович, – спрашивает Людмила, – почему у вас нет Бетховена?» –
– «Бетховена у меня не может быть!» –

«Интонация Гущина обращена к каждому конкретно, не ко всем сразу» – Людмила Перерезова.

ИЗ 1993 ГОДА

РАБОТЫ ГУЩИНА НАПОЛНЕННЫ ТОНОМ

Гущин *забирал* великолепно. Его не увидели, хотя и показали, хоть и выставка была. Работы его надо осветить... все они делались при электрическом свете, при лампе... Им надо свет большой, они очень так сказать, наполнены тоном.

Темные... но они *цветные* темные. Дать им свет хороший, он должен быть повыше картин... музей у нас несветлое помещение, кроме того, оно же зашторенное постоянно... а у него действительно *матерьяльность*. Как мы говорили, как нас учили? – это стекло, бумага, целлофан, у него же матерьяльность – это *сущности*, как он их называл.

Виктор Чудин

1927 ГОД

В узких парижских кругах благосклонно принят теоретический трактат Гущина «Постижение действительности музыкой Шумана тремя состояниями на шести уровнях».

В Саратове Гушин – одинокий мистик.

Гушин любит Шумана, особенно поздние произведения: «Концерт для виолончели с оркестром», и конечно «Фортепианную фантазию До-мажор, Опус 17», имеющую (относимое Гущиным себе) программное посвящение из Фридриха Шлегеля:

Во сне земного бытия
Звучит, скрываясь в каждом шуме,
Таинственный и тихий звук,
Лишь чуткому доступный слуху.

И Гоголь. О! «Струна звенит в тумане» – эта строка встречается в дарственных надписях на оборотах картин Гущина, произносится часто, но не всуе – из «Записок сумасшедшего».

МОНТИЧЕЛЛИ

Впервые назначив нам, студентам, встречу в Радищевском музее, в «Французском зале» – прежде всего заинтересовался нашим отношением к Монтичелли. Как на беду, только что в училище прошел урок по истории искусства. Упоминалось имя этого художника. Гушин от возмущения чуть до потолка не подпрыгнул, услышав от меня, что Монтичелли сумасшедший – ну и тут же, к видимому облегчению, получил разъяснение, что это не относится к живописи художника.

Успокоившийся Гушин считает необходимым рассказать о себе: всю жизнь увлечен психологией, и о сумасшествии может судить профессионально, так как учился в 1909–1910 годах в Психоневрологическом институте в Петербурге. Монтичелли сошел с ума не потому, что рисовал. В процентном отношении сумасшедших среди художников не больше, чем в других слоях населения. Не без ехидства уточнил, что сходят с ума и советские рабочие и колхозники.

Картина Монтичелли «Окрестности Парижа»: неизученный, лучший период творчества художника, само открытие которого еще впереди. Одно присутствие этой картины ставит Радищевский музей в ряд крупнейших музеев мира. Монтичелли одновременно и предтеча импрессионизма, и представитель постимпрессионизма, находит свой путь в изобразительном искусстве – опередив свое время! – «Его картина – это даже не живопись» (Гушин).

ГУЩИН – РАДИЩЕВСКИЙ МУЗЕЙ: ХУДОЖНИКИ

1995 ГОД

... заболел невероятным недугом.
Не выдерживаю жгучего одиночества.

Гушин

ИЗ 2000 ГОДА

Невостребованность вызывала чувство горечи, будила гордыню. Гушин был один.

(Серебровский В. Г.: И. Н. Пятницына, 2000 г.)

Ему не хватает аудитории, которой он лишен. В 1948 году вынужден оставить преподавание в Саратовском художественном училище из-за коллективного доноса преподавателей, суть которого заключалась в том, что приезжий из Франции не может учить советскую молодежь.

В художественном училище о Гушине ходят легенды: его картина висит в Лувре, во Франции выставлялся с Пикассо, а в Саратове художники его на свои выставки не пускают – «формалист».

Студенты СХУ робеют пойти к Гушину.
Хочется, но негде посмотреть его работы.

1958 ГОД: ОСЕНЬ

РИСУНКИ ГУЩИНА

Однажды приходим в Радищевский музей и неожиданно видим в коридоре первого этажа работу Гущина.

«Партизаны», большого размера рисунок: уголь оставляет след – линии не то чтобы прихотливые, какие-то «скульптурные» линии текут куда им хочется, но без своеволия: «анатомию знает» (отзывы), «рисовать умеет» (общее мнение).

Рисунок... неравнодушная рука художника Гущина. Активное участие бумаги – протерт уголь резинкой... «пустое» место «держит» композицию.

«Царапает» психологическая характеристика. В партизанах люди, которым «припекло», у них «накипело», не «победители»...

Мы, студенты, в сюжетах военных рисунгов героев.

ИНФОРМАЦИЯ «СПУСТЯ ВРЕМЯ»

Друзья Гущина предложили «Партизан» не Саратовскому выставочному – сразу в Москву, где эта работа и была выставлена в 1957 году. Участвующую на Всероссийской выставке работу Радищевский музей имеет формальную возможность экспонировать и закупать.

«Партизаны» Радищевским музеем экспонировались.

Закупка не состоялась: при обсуждении «Партизан» усомнился Миловидов Борис Васильевич – «за» или «против» Советской власти изображенные персонажи, что именно они защищают? – по ним не видно.

«Партизаны» поступили в музей имени Радищева через двадцать лет.

Иная версия. Миловидов или Гуров высказывался по поводу другого рисунка из той же серии «Партизаны» – «Кричащий»: «Мы же не знаем, что он кричит. Может, он кричит не «Да здравствует коммунизм!», а «Долой коммунизм! А мы народу покажем...»

ГУЩИН ВОСХИЩАЕТСЯ ТОСКАНИНИ

«Кричащий» – портрет Тосканини, с фотографии в момент дирижирования. Гушин восхищается личностью, независимым поведением Тосканини в фашистской Италии, сопоставляет с ним собственное существование в Советском Союзе: создавая рисунок – созидает памятник нестигаемому человеческому духу.

(Экстраполяция Владимира Калинина)

1958–1959 ГОДЫ: ЗИМА

ПОВОД ДЛЯ ВСТРЕЧИ С ГУЩИНЫМ

Уважительная причина пойти к Гушину.

Преподаватель черчения СХУ Синицын Александр Михайлович рассказал: в детстве Врубель жил в Саратове, студентом второго или третьего курса художественного института летними каникулами расписывал стены Саратовской семинарии.

Гушин взволновался. Знаем ли мы, что каждая вновь найденная работа Врубеля – национальное достояние? А известно ли нам, что роспись со стены можно перенести на холст?

Получаем задание: искать эти стены, расписанные Врубелем. Гушин покажет, как настенную роспись превратить в станковую картину – мы ему будем помогать.

«МЫ»

САННИКОВ АЛЕКСАНДР – «затюканный» директором Просянкиным «троечник»; хотел его Просянкин отчислить из училища, но смилостивился, оставил второгодником на третьем курсе.

ЛОПАТИН ВЯЧЕСЛАВ – хотел и меня Просянкин отчислить из училища. За весеннюю практику 1958 года её руководитель Успенский на предварительном просмотре ставит мне «пятёрку». Через два дня Просянкин за те же этюды «двойку»: «формалист».

На глазах студентов «осрамил» Успенского – на том лица нет: осталось у меня чувство вины перед Валентином Сергеевичем.

Перенес директор мне практику на лето, осенью – опять «двойка»: «Лопатин – натуралист – формалист, хотя такого быть не может» – Просянкин сказал и засмеялся. За неуспеваемость оставлен и Лопатин второгодником на третьем курсе.

ПЕРЕРЕЗОВА ЛЮДМИЛА – директор ей не утвердил практику 1958 года за подражание Борисову-Мусатову. Осенью всё же практику засчитал – новые этюды писала не на берегу Волги, как на весенней практике, а в Лесном поселке города Энгельса. В этюдах стало меньше синего, зеленого больше: Людмила переведена на следующий курс: – И чтобы никакого Мусатова! –

«РОСПИСЬ ВРУБЕЛЯ... ЭТО НЕДОРАЗУМЕНИЕ»

3 апреля 1956 г.

У преподавателей Семинарии

Спросить о росписи Врубеля в Саратовской семинарии.

Это недоразумение

там были иконы работы Игорева.

(СГХРМ. Архив: А. и В. Леонтьевы. №43. «Блокноты с выписками В. В. Леонтьева...». IV. Лист 132 – оборот)

«Гущин? Океан колористических исканий! Недолго и утонуть...» «Врубель для вас может быть хоть богом, но пусть на работах ваших этоникам не сказывается.

(Преподаватель училища В. С. Успенский. Летняя практика 1958 года студентов 3 курса СХУ)

ИЗ 1948 ГОДА

ЗАОЧНАЯ ПОЛЕМИКА ЮСТИЦКОГО С МИЛОВИДОВЫМ И УСПЕНСКИМ

– Вранье! Не может художник проповедать то, что не исповедует! – реакция Юстицкого на рассказ Аржанова: Миловидов привел студентов художественного училища в Радищевский музей и возле французов говорил – От Добины идите, от Монтичелли не идите –

(Сообщил Солянов)

Стены, расписанные в Саратове Врубелем, не отыскались – не с чем идти к Гущину: как к нему пойдешь? – Гущин диверсантом оказался.

БУДНИ «САРАТОВСКОГО ИСКУССТВА»

В 1961 году, за три дня до защиты Диплома, директор художественного училища Просянкин отстраняет меня и Санникова от защиты.

У Санникова тема «Продавцы цветов»: с утра до вечера иступленно переписывает холст – оставшиеся три дня. «Я хотел сделать жизне-ра-а-достную композицию» – жалобное слово на защите: получил «тройку».

У меня диплом «В ночное».

Виктор Кириллович Данилов ведет группу дипломников, но с утра садится писать мой диплом. Начинает сверху, переписывает небо, забор, лошадей, телегу со стариком и мальчишку. Сидит с моим дипломом до вечера.

На второй день за моим дипломом Миловидов Борис Васильевич. «Укладывает землю», пишет лошадей, вечером говорит, чтобы я ничего не трогал, только поправил лошадям ноги, копыта (рисунок мне «доверяют»).

На защиту приехал с практики Гуров – Ну что это? Как можно такую фуксиновую рубашку на старике написать? А у Данилова над головой дымок папиросный вьётся – (рассказ Санникова).

Получил и я «тройку»: диплом – учитель рисования и черчения в средней школе.

В трудоустройстве не нуждаюсь: решение Приемной комиссии.

Работаю почти год художником-оформителем: Завод «Почтовый ящик» № 68, цех 13, слесарь-ремонтник по трудовой книжке.

Через сорок лет в архиве Радищевского музея разыскал возможную причину заступничества за меня Данилова и Миловидова: из солидарности – может быть?

Данилов, среди «голуборозовцев» и «формалистов», подвергся гонениям 1948 года. Миловидова, голуборозовца, ученика Уткина, шпыняли ещё больше, чем Данилова – ещё раньше, в 1936 году арестовали. Обвинение – «контрреволюционная агитация». Держали под следствием три месяца, но оправдали: рассказывает Леонтьев Виктор Владимирович, находя в аресте причину «двурушничества» Бориса Васильевича – «напугался, сломался».

Одновременно с Миловидовым арестованы братья Леонтьевы – следствие длится полгода.

Братья – фотографы, в момент ареста всюду были разложены фотографии, насторожившие сотрудников НКВД (фотоаппарат, пишущая машинка – «множительная техника»). Очень внимательное отношение к обстоятельствам ареста, делается подробная опись фотографий. Эта опись на следствии документально свидетельствует, что Леонтьевы по заказу краеведческого музея работают по теме «Революционные места Саратовской губернии».

Помогает на суде документ – чем бы для них суд обернулся?

Виктор Владимирович говорит, что в отличие от Миловидова, братья не были сломлены следствием.

Юстицкий с друзьями (Егоров, Сапожников) не любил Миловидова.
(Анна Валентиновна Юстицкая: Пятницына, 1995 г.)

Щеглов о Миловидове: – Хвост лисий, а зубы волчьи! –

Дочь Миловидова Инна Борисовна вспоминает, как братья Леонтьевы приходили к отцу, разговаривали о Борисове-Мусатове «шепотом».

Миловидов много лет преподаёт в Саратовском художественном училище: рисунок, живопись, композицию – на старших курсах. Спокойный, седой, тактичный.

На нашем курсе проводит политзанятия – каждую неделю.

Зимой 1960 -1961 годов Борис Васильевич ведет разбор рисунков учебной постановки – обнаженная мужская фигура. На пятом курсе длительная постановка – сорок пять часов. После пятнадцатого часа рисования Борис Васильевич уведомляет – Укомпоновали, построили в листе фигуру натуралика. С завтрашнего дня начинаем тушевать. –

Подведение результатов рисования – на мольбертах учебные рисунки, на табуретках студенты. Уселся Борис Васильевич. Большой зал второго этажа разгорожен фанерными стенами, занимаются разные группы студентов – проходной двор.

Появляется Просянкин и, проходя мимо, не останавливаясь, угрожающе – Все учишь? А сам голуборозовский, в музее висишь! –

Присутствующим понятно: «Голубая роза» – это нехорошо. Плохие Павел Кузнецов, Уткин, Петров-Водкин, Борисов-Мусатов.

И Миловидов тоже?

Михаила Иваныча след простыл. Сидит Борис Васильевич. Молчит. Помолчал.

Разбор рисунков продолжается.

Миловидов – единственный преподаватель СХУ (кроме Щеглова, но тот на пенсии), чья картина «Волга» висит в постоянной экспозиции «советского отдела» Радищевского музея.

ПРОСЯНКИН ИСТРЕБЛЯЕТ КРАМОЛУ

Пьяный Просянкин говорил нам, студентам: послали его в Саратов с заданием вывести на чистую воду... все вокруг – весь Саратов ему отдали.

Макарова Елизавета Ивановна ведет третий курс: сложный предмет – «голова человека». Тихая и незаметная – при том, что ростом выше любого студента. Ее «поправки» головы в рисунке, живописи – неоспоримы. Никакой назидательности. «Заставлять» – это «не ее».

Зима 1957–1958 годов. Привела свой третий курс в Радищевский музей. Пытается задержать студентов у стены с работами Борисова-Мусатова. Куда там – нам «до лампочки»!

А Елизавете Ивановне – разве не санкции? – сорок рублей зарплаты: так составлено расписание уроков.

Она одинокая, 1913 год рождения. Живет в художественном училище, ее квартира – комната на втором этаже. Война застала ее в Ленинграде – блокадница. Худая, болеет – не выздороветь с ее нищенской зарплатой, концы с концами не сведешь.

Несколько лет прозябания в училище – забирает больную Елизавету Ивановну сестра к себе, в Ртищево.

Доживает свою жизнь Елизавета Ивановна в Доме престарелых

(«Село Малиновка, Ртищевский район. Недалеко от села Сапожки – Яблочков хозяин, родовой село». *Сообщил Куклев Владимир Александрович, самодеятельный художник города Балаково: приезжал к родственникам, навещал Макарову – больше никто у нее не бывал*).

Степан Гаврилович завуч СХУ. Со студентами строго: озабоченное, угрожающее лицо – тут же и смягчит выражение. Через несколько лет померещусь я ему «начальником»: «в любой момент» заходить в училище не приглашает, умоляет. И предупредительный – старушку через дорогу переводить! – под машину кинулся на моих глазах. Что же он – рабская натура? – так с Макаровой поступил: подневольно расписание уроков составлял?

Просянкин вспоминает, нахваливая, Богдеско (график, получивший неожиданно-негаданно известность не только в Молдавии, но и по всему СССР).

Илья Трофимович Богдеско однокурсник преподавателя Успенского. После окончания художественного института в 1951 году оба приехали по распределению в Саратов, преподавателями художественного училища. – С чертом могу ужиться, а с собственной женой – нет! – якобы с такими словами Богдеско уехал из Саратова: версия Просянкина.

Дмитрий Антонович Поляков (у него квартировал Богдеско) говорит – уехал из-за Просянкина: не захотел иметь ничего общего с «держимордой».

Дмитрий Антонович и его жена работали в СХУ с тридцатых годов. Он библиотекарь. Она умерла, приемный сын вырос и уехал. У Дмитрия Антоновича один интерес в жизни – книги.

Коллекционер – книги по искусству журналы, репродукции, открытки – страстный! Пример на моих глазах: несколько редких открыток раздобыл – одну себе, остальные на обмен и продажу. Покупатель эмоционален – и продавец «заводится»: разделяет интерес покупателя, естественно, «в свою пользу». Открытка – лишняя, у него такая есть! – остается у Дмитрия Антоновича. Продавец?

Дмитрий Антонович неприхотлив, пенсии бы хватало. Но репродукция, открытка, книга!

Зиму 1969–1970 годов я с Люсей прожил у него: Будочная, угол Малой Горной, дом № 23 (затопило чудицкий подвал).

Просянкин обвинил Полякова в том, что тот якобы комплектует собственную коллекцию из училищной библиотеки, с позором уволил и завел судебное дело. Когда в 1957 году я приехал доучиваться в Саратов, Точилкина Валентина Федоровна (преподаватель истории искусства) послала студентов заниматься в библиотеке Радищевского музея (училищная библиотека запечатана – идет следствие по делу Дмитрия Антоновича Полякова).

К 1960 году библиотека училища открылась.

Сменивший Дмитрия Антоновича библиотекарь при первой возможности уехал в город Орел. Случайно я с ним там встретился. Он меня узнал: Просянкина не вспоминал, но работа в Саратове была тягостна. А город Орел нахваливал. Из этих мест Тургенев – над излучиной речки Орлика «Дворянское гнездо», видно от дома на Третьей Посадской, где я живу. А подальше от Орла Спасское – Лутовиново. А вот дом Лескова, а в окрестностях здешних усадьбы Фета, Тютчева, Пришвина. Приятно слушать – Орел мой родной город, за углом на Второй Пушкарной улице дом Леонида Андреева, а в нем мой школьный товарищ живет. В детстве на чердаке играем, остаются там старые вещи, книги дореволюционные, своей величиной балки, стропила чердачные поражают – когда залезешь! – с улицы громадности не ощущаешь.

Следствие вины Полякова не обнаруживает – специалист Просянкину не нужен.

Просянкин списывает из библиотеки училища книги.

Новой, молодой библиотекарше книг жалко. Она с утра, время от времени, понемногу, незаметно, выкладывает списанные книги на уголок стола читального зала – студенты книги могут брать себе. Рискует, нарушает правила списания, книги должны сдаваться в макулатуру.

Много лет хранится у меня большеформатный студенческий журнал художественного училища за 1930 год. Была в журнале статья о детском творчестве с вклеенными рисунками детей. Статьи, печатанные на машинке, иллюстрированы рисунками, этюдами студентов. Обложка – острые углы, цветные плоскости, шрифт соответствующий.

Журнал у меня не сохранился. Я уже работал в Радищевском музее и, когда в очередной раз «захламил» реставрационную мастерскую, еще раз лопнуло терпение Симоновой Альбины Трофимовны – главного хранителя музея. Солянов Владимир Алексеевич проявил интерес к этюдам маслом студенческого журнала – взял их себе. Журнал растерзали, а выкинуть – «рука не подымается». Несу в библиотеку Радищевского музея, показываю. Оставляю...

Альбина оставила себе журнал «Искусство в массы» за 1930 год – полный комплект. Эти журналы были у меня двумя комплектами – второй, неполный комплект журнала за тот же год.

Оставил себе «Социологическое искусствоведение. Предмет и границы»: автор Шмит. Издание 1928 года – установочное, к планировавшемуся в Москве в том году Всемирному съезду искусствоведов.

Шмит еще в 1916 году предлагает программу искусствоведения: изучается профессиональное изобразительное искусство, рисование любителей, детей, сумасшедших, зверей, первобытное и «дикарское» искусство.

Активно, «по революционному», молодые тогда Федоров – Давыдов и Алпатов приняли участие в осуждении идей Шмита («сам себя вывел за пределы искусства»).

Через пятьдесят лет Прокофьев опубликовал о Шмите две статьи в сборниках «Советское искусствознание».

Злободневность Шмита.

По расчетам Шмита – Прокофьева изобразительное искусство сужает витки своего развития до точки, приходящейся на 1985–2015 годы («эстетический конец света?»).

ПРОСЯНКИН НАГОНЯЕТ СТРАХ

Но! Оглядываясь – чтобы чужой не подошел? – показывает студентам фотографии прекрасного качества, контактная печать, с рисунков Фешина. Такого не знаем. – Вот как надо голову рисовать! – А на стенку не повесишь: Александр Герасимов, Президент Академии художеств, «не любит».

1960–1961 ГОДЫ: ЗИМА

«РАСКРЕПОСТИЛИ ИМПРЕССИОНИСТОВ»

По истории искусства в экзаменационные вопросы включили импрессионистов. Занятия ведет Точилкина Валентина Федоровна, вокруг разложены репродукции. Заглядывает Просянкин:

– А! Раскрепостили! –

Кроме Вентури – «Художники нового времени», «От Моне до Лотрека», вышла книга Ревалда «История импрессионизма» – ожидается продолжение («Постимпрессионизм» в двух томах).

В киоске «Союзпечати» покупаю «Жажду жизни», Ирвинг Стоун – книга о Ван Гого: глазам не верю.

В СГХМ открыта выставка произведений А.П.и С.П. Ткачевых (Москва). Представлено 110 работ.

«Коммунист». 1978, 19 апр., 20 мая; «Заря Молодежи». 1978, 9 мая.

Братья Ткачевы не принимают приглашение директора художественного училища Просянкина встретиться со студентами – будущими художниками. Приватный разговор: братья Ткачевы учились в художественном институте в одно время с Просянкиным – не хотят иметь с ним ничего общего.

1987 ГОД

Столетие Саратовского художественного училища – СХУ, бывшего Боголюбовского рисовального училища – БРУ.

Неохотное рукопожатие Просянкина – Ты зачем сказал, что Успенский из-за меня спился? – В память Валентина Сергеевича Успенского радиопередачу готовила Абрамова Наташа. – Так и сказали? – Да не сказали! Ты сказал! –

Глас.

И не в пустыне?

ИЗ 2008 ГОДА

После расформирования в 1957 году Елецкого художественного училища группа студентов – и я в их числе – доучивается в Саратовском художественном училище. На всех курсах «чужие» студенты. Считается – привнесли «живописное начало»: в Саратов, на родину Борисова-Мусатова, Уткина, Павла Кузнецова?

1961 ГОД:

РЕАЛИЗМ НЕ ПРЕДПИСЫВЕТСЯ «СВЕРХУ»

У нас реализм не предписывается «сверху», а просто советский народ не приемлет антихудожественную галиматью и вышвыривает вон всякие уродства и извращения.

(Е.Вучетич «Собака лает, а караван идет вперед!». Журнал «Нева», 1961, №1. С 177)

1959–1960 ГОДЫ: ЗИМА

ГУЩИН – ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИВЕРСАНТ

Общеучилищное – все пять курсов – собрание СХУ.

Просянкин предоставляет слово сотруднику КГБ.

Выходит человек. Советские разведчики раздобыли планы войны Америки против Советского Союза. Саратов на восьмом месте в списке городов, предназначенных к атомной бомбардировке – А те из вас, кто живет в Энгельсе, знают почему... – Принимаются соответствующие меры. Саратов объявляется городом, закрытым для посещения иностранных туристов.

Выступает Гуров Владимир Федорович. В наше мирное время борьба социализма с капитализмом идет на идеологическом фронте. На переднем крае – абстракционизм, буги-вуги, узкие штаны, длинные волосы. По Саратову ходит якобы художник, приехавший из Франции эмигрант Гушин. Реставратором прикидывается, а сам идеологический диверсант.

Просянкин подтверждает, остерегает. К нам проникает буржуазная мода. «Кафе» появились, к ним тут же очередь. В городе мало столовых? Девушки в штанах! Стиляги! У нашего студента

Коли Горохова брюки узкие, волосы до плеч – подстричь не согласен. Приходил исповедаться – не принимает Михаил Иванович тона дружеской доверительности: нельзя поощрять антисоветское поведение!

Колю Горохова, будущего московского поэта, Просянкин отчисляет из училища в этот же год.

1959-1961 ГОДЫ

ДОНОС В ОБКОМ КПСС НА МУЗЕЙ ИМЕНИ А. Н. РАДИЩЕВА

Саратовский союз художников пишет в Обком КПСС: директор Радищевского музея Завьялова Валентина Фёдоровна идеологического диверсанта Гущина держит на работе под видом реставратора, а тот разлагает молодежь в художественном воспитании, вокруг себя группирует формалистов. Безнадёжно испорчен Михаил Аржанов – тут уж ничего не поделать, а вот за молодого художника Виктора Чудина ещё можно побороться.

«ЗАКРЫТАЯ» ВЫСТАВКА

По письму Союза художников Обком КПСС обязал Завьялову сделать отчетную закрытую выставку Гущина, Аржанова, Чудина.

Разбираться будет обкомовская комиссия.

Завьялова организовала в Обком встречное письмо от интеллигенции города Саратова.

И попросила меня отнести это письмо на подпись больному Щеглову – мы его навещаем.

На дом Щеглову приносим долгоиграющие пластинки и проигрыватель.

Людмила Перезезова в школе поет, «покровительствует», начинающей петь Лиле Логиновой, будущей жене Анатолия Катца. После третьего курса Люся организует в училище по четвергам вечернее прослушивание долгоиграющих пластинок.

В те времена любителей слушать музыку было много – в Консерватории мест сидячих не хватало, стояли у стен, в проходах между кресел.

Щеглов ходил на все концерты. Очень ему приглянулась небольшая книга «Русские народные песни» – увидел у нас с Люсей в руках, попросил возобновить в памяти слова: когда-то пел в хоре.

Магазинам с отделом музыкальных товаров позволено расширить репертуар.

Чайковский: «Первая симфония (Зимние грезы)» дирижер Голованов, всегда пользовалась известностью; также «Концерт № 1 для ф-но с оркестром» – исполнение Св. Рихтер. Но вот «Симфония № 5 Ми минор», дирижер Мравинский. Впервые издана, звучит по радио с уведомлением: трудный период жизни Чайковского объясняет причину упадочнического характера музыки, несвойственного советскому оптимизму.

Святослав Рихтер исполняет Рахманинова – «Первый концерт для ф-но с оркестром», Лев Оборин – «Третий концерт для ф-но с оркестром» – долгоиграющие диски. И о Рахманинове – по радио: композитор, замечательный исполнитель, эмигрант, но Россию любил. Издан «Второй концерт для ф-но с оркестром» в авторском исполнении. Другая пластинка – этот же концерт: Филадельфийский оркестр, дирижер Стоковский.

Гайдн: «Лондонская симфония № 2 Ре-мажор», дирижер Гинзбург – порадовался Иван Никитович и прослезился.

На квартиру Щеглову приносим, по его просьбе, и картины Гущина. Он отмечает «Камыши»: – Вот на чём учиться! Да никто из саратовских художников так небо не напишет. – Дурак я, дурак – сказал Щеглов, – со всеми вместе подписал в училище письмо против Гущина –

Письмо от Завьяловой приходится нести Щеглову в больницу.

Иван Никитович просит вслух прочитать письмо, подписывает.

Рассказывает Щеглов, что его самого по доносу осудили на десять лет за «антисоветскую агитацию». Ему уже было шестьдесят девять лет. Срок отбывал с 20 февраля 1951 года по 20 сентября 1954 года и «актирован» по состоянию здоровья. Опять пишет и гордится

– новые пейзажи экспонируются Радищевским музеем в постоянной экспозиции Советского отдела.

Жалуется на своих товарищей – художников.

«Огороды. Деревня Крутец» 1957 года – на Областную выставку не взяли: Гуров на Выставке сказал, что дерево Щеглов изобразил в виде доллара.

«Натюрморт. Цветы и фрукты» – на обсуждении выставки упреки: – Рюмку с вином зачем изобразил? – Это вода подкрашенная! Нужно цветное пятно. – Именно в рюмке! Пропагандируешь? –

Среди подписавших письмо в защиту Радищевского музея артисты, музыканты. Из художников Гущин, Аржанов, Данилов Виктор Кириллович – преподаватель СХУ.

ЧУДИН ВИКТОР ФЁДОРОВИЧ

*Глаза просят цвета. То ли дело радуга – кого
она не остановит, не охватит восторгом.*

Чудин

Родился в 1936 году, село Донгуз, Балтайского района Саратовской области. После четвертого класса Виктор дома не живет. Школа-семилетка с общежитием состоялась в Балтае: домой на выходные.

Родители поддержали намерение единственного ребенка зарабатывать на жизнь рисованием – в роду отродясь художника не было. После седьмого класса сдал вступительные экзамены в Саратовское художественное училище. Трудно начиналось учение – упадок духа. Помогло участие преподавателя Белоновича: на первом курсе вставал вопрос об отчислении.

Чудин окончил СХУ в 1957 году с отличием. Единственный в своей группе – начиная со второго курса – всегда пятерка по живописи.

В методическом фонде училища нам, студентам младших курсов, показывает директор Просянкин образцовые учебные работы прошлых лет.

«Натурщица» Чудина – поясная постановка: старательно исполнена, недостатком отмечается «плосковатость»; напряженное, точное отношение красной кофты к зеленому фону – цветовой интервал запоминается.

После окончания училища Чудина-призывника забирают в армию. «Портить руку» не хочет, отказывается быть «художником» – наглядной агитации в армии не впрокорот. Настоял на своём, невзирая на наказания – из нарядов не вылезал. Но стрелял хорошо. Ира Софьина – его жена, собрала справки (родилась дочь, родители старые) – «забрала» Виктора из армии.

В 1958 году Санников познакомил меня с Чудиным.

На следующий год семьи Чудина и Лопатина начинают жить вместе – «низовские»: полуподвальныйчик принадлежит отчиму Иры. Две комнаты – одна проходная, кухня. Четыре окна – окошки в прямых – частично над землей. Света дневного мало, но бывает и солнышко. Потолок – руку поднять и ладонь лежит на нем. Чудины у родни живут бесплатно, с условием пускать квартирантов в проходную комнату – пусть «те» платят хозяину. Лопатин и Перерезова как раз ищут квартиру – условия льготные.

Чудин стосковался в армии по живописи: утро – свет под дверью – уже пишет, вечер – ещё пишет.

В работу идет любой кусочек картона – дефицит материалов. Небольшого размера этюды Чудина можно смотреть подолгу – особенно хорошо на деревянном некрашеном полу подвала: впритык друг к другу, с места на место, один поверх Красок, которыми Чудин пишет, в тубиках не бывает.

Живопись – магия, говорит Чудин.

БОРИСОВ-МУСАТОВ

Чернышов Алеша, свойский парень – научный сотрудник Радищевского музея.

Спрашивает у Чудина: – Чего ты стоишь у «Осеннего мотива»? Скучный художник! – Виктор удивился, посмеялся, обещал в свободное время вместе с Алешей постоять у Мусатова.

Чернышов, не дождавшись Чудина, один «постоял у Мусатова». Потом говорит – остановиться и смотреть – ничего больше не нужно.

Чудин мечтает жить живописью, пока же с женой Ирой живут на её зарплату – медсестра Санэпидемстанции. Дочь Наташа в Донгузе, родном селе Виктора – у дедушки с бабушкой.

Терпеть немного – надо показаться удачно на следующей выставке. Участник Областной выставки 1957 года, но – забрали в армию.

Прямая дорога художника Чудина. Сначала Художественный фонд при Союзе художников – «производственная» работа – придется делать «наглядную агитацию». Творчески работающему художнику полагается и творческая мастерская. Вот Виктор и кандидат в члены Союза художников, а там и член Союза.

От книг – радости сколько.

Как много уместилось в тоненькую книжку: «А. Матисс. Нужно смотреть на мир глазами ребенка. Сборник статей о творчестве». Под редакцией и с предисловием А. Владимировского. Москва. 1958 г.

«Пикассо»: И. Голомшток, А. Синяевский. Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Москва. 1960 г. «В брошюре... Авторы стремятся раскрыть сложность и противоречивость творчества художника, защищающего передовые политические взгляды, но выражающего их во многих своих произведениях в чуждой нам формалистической форме».

Роулэнд – «Искусство Запада и Востока»: незнакомая древность – какая древность? – сегодняшний день.

Магазин «Книги издательства стран народной демократии».

Альбомы китайской классики, каталог коллекции картин индонезийского президента Сукарно – дорогие книги: библиотека Радищевского музея не может купить. Обнаружился покупатель – какие деньжищи! – и – ура! – Научная библиотека Саратовского университета тоже купила: там посмотрим.

Виктор – вечером. – Безобразного художника сегодня видел в книжном магазине. Книга толстая, издание ГДР. Живопись еще ничего! Но там же линогравюры! Черно – белые! Зачем такие книги издают? – Следующим днем усомнился в безобразии – опять смотрит. Никак не успокоится ... удостовериться надо. Третий день – приносит книгу «Франц Мазерель» – разглядел Чудин!

Ревалд – «История импрессионизма». Простой, понятный текст – мы между собой так разговариваем. Будто про нас написано. И нас этими художниками учителя пугают? Продолжение будет – «Постимпрессионизм».

Лионелло Вентури: «Художники нового времени», «От Моне до Лотрека». Текст трудный, «искусствоведческий» – от этого у нас с художниками дистанция: художники те же, что у Ревалда, но они уже и не живые люди, а «небожители».

Читаем вечерами по очереди вслух. Один читает, остальные рисуют, наброски делают, Виктор пишет – конечно.

Жизнь училища разнообразит Гуров Владимир Федорович. Высокого роста. Простецкий. Умеренное высокомерие. Скошенный подбородок его не уродует: да боком стать – на фотографии

и вовсе не видно... Контактный. Непосредственная реакция. Что думает, то и говорит. – Маленькие, а какие эмоциональные! – громко всем объявляет: кошки на соседней крыше – долго в окно смотрел. Наташе Чеченовой – Вам все чудесного хочется, но вы хоть проснитесь! – Умеет сказать! Не только Наташе в укор.

Ведет живопись. Из всех преподавателей только Гуров пишет вместе со студентами учебные постановки. Наглядный урок. Свободно пишет, с удовольствием. Первые сеансы у него лучше всех. Потом убирает холст с глаз долой – никогда не доводит постановку до конца.

Ставит натуру – цветные драпировки, натурщицы ярко смотрятся. Миловидов ведет рисунок – постановки серенькие, будто песочком присыпанные, всегда «грамотные».

Гуров среди художников популярная личность. Частые выставки, всегда многолюдно обсуждаются. Художники неинтересно говорят, но не Гуров – его выступления ждут: обычно он и председательствует на собраниях. И не скучно выступает – охотно, неоднократно. На выставках его картин нет – странно, писать ему же нет ничто.

Просянкин заходит – у студента на палитре кисточкой маленькой краски цепляет, к одной другую. Черненькой добавит, беленькой, долго размешивает: желтенькую, синенькую, красную, сажу, белила.

Рядом у товарища композиция с птицами: пасмурная погода и голуби на земле будто слеплены комочками мокрой грязи – реализм. Нет замечаний.

Просянкин демонстрирует «наглядность». – Ты считаешь, взял драпировку? Смотри! – несет холст к «натуре», ставит рядом. – Видишь? – Всем видно: настоящая и написанная драпировки совсем непохожи.

Любимое выражение Просянкина – За тебя кто делать будет? Матмей Матмеевич Пушкин? –

ПОДПОЛЬЕ

Виктор делать наброски не хочет (палец большой на правой руке в детстве вывихнул – отговорка), настолько ощущает себя живописцем – только писать. Ему «подхрюкивает» Санников неразлучный – Настоящий живописец рисовать не будет! – Краски кончились, весь перемазался. Умывается Саня. – Глаза закрою – мотив перед глазами. – Ага! А я у тебя на палитру сел. –

Мой набросок. Ногу в валенке под себя, сидит на полу Чудин – любимая поза: этюдник на полу. За Виктором кровать: лежит Ира – болеет, сидит дочка Наташа – играет. С ними Софья Петровна, мать Иры. Отец и мать Виктора на стульях – навестили, дочку показать привезли. Как уместились в чудинской комнате – только кровать в нее и поставить.

Как тесно не было?

В оконных приемах осенью мусор и листья выгребаю: через десять лет удивлюсь – как там помещался.

Свет: кнопками к потолку завешивается листком бумаги электрическая лампочка – глазам не мешает, «натуру» лучше видно. В нашей комнате свет белый, у Виктора желтый абажур.

Виктор на свою Иру удивляется – до чего похожа на Изабеллу, жену Врубеля, даже родинка на том же месте. Пишет Виктор Иру много раз – натура всегда под рукой.

Ира – в профиль под желтым абажуром. Ну, Чудин! Раскаленный волосок электрической лампочки – цветом взял.

Колорист! И белое, и черное у него есть, но это не белила и не черная краска.

Женские лица – цветы Виктору. Приукрашивает, мне кажется. Но вот и меня нарисовал красивым – «так видит».

Лошади у конюшни – мой этюд – Дай дорисую! – Получились из моего этюда лошади на водопое: не стена конюшни – вода с лунной дорожкой.

Сумерки – березовая роща, месяц молодой.

Опять сумерки – пастушок на свирели играет, я позирую. (И меня красивым нарисовал, «так видит»). Белая рубашка, березки, месяц.

Хороводы девичьи – эскизы, к ним этюды – бесчисленные.

Автопортреты.

На одном Муза (Ира) – увенчивает Чудина венком ромашек.

С другим автопортретом – против света, в тени желтого абажура, приключилась позже целая история: разочаровал Чудин Гущина.

У Гущина похожий по цвету автопортрет. Портрет? Картина! Николай Михайлович приревновал. – Лиловое лицо! Как добивались? – Не знаю. Сидел, писал. –

Чудин собирает открытки: тиражи огромные, а сюжетов мало – новая открытка сразу видна на прилавке. Продавцам каково: ему открытку, а он просит целую стопку. Просматривает, выбирает. Чтобы печать была не сдвинута. И поярче почему-то открытка в его руках.

Обаяние Чудина: на базаре ему лишнюю картошку кладет продавщица. Мелкий молодой картофель варится с кожурой – соль, масло постное: суп овощной!

Все Чудин умеет.

Отапливаемся дровами – пилим, колем. Чудин колдует, занозы вытаскивает.

Каким ребенком был – недавно совсем – вспоминает.

Переслали родители со знакомыми картошку. Квартировали вдвоем. Несут студенты мешок картошки. Дорогой застеснялись – тут ведь город, не деревня – с мешком идут. – Неси ты! – Нет, сам неси! – характер показывают: ушли от мешка.

Хватился Виктор и назад – мешка нет.

Другой раз напугался Чудин. Ему пальто зимнее сшили – осилили всей родней.

Толпа в кино. За билетами – очередь. Нахваливают обновку Виктору – Хорошее пальто, дорого стоит. Пошли продавать! Пропьем! – Свои студенты рядом, смешно им, стоят, заливаются. Чудину в другое ухо – Пошли пальто продавать. Забеспокоился. – Художники! – Не слышат? Смешно. Уже тревога одолевает, но тут очередь подошла – билет взял. В зрительном зале успокоился – отвязался! Опоздавшие смотреть мешают – ищут свободное место. По рядам ходят – и увидел Виктор профиль острый, худой. Это шептун пальто ищет!

Чудин исхитрился незаметно уйти из зрительного зала.

Какое кино? И смотреть не хочется!

У САНИ САННИКОВА ДОМА

Удивительно. Спит под картиной – большой, под потолок не поместилась: подрамник сзади подпилили, картина снизу подвернули, кровать придвинули. Изображена женщина в рост – как здорово кисть руки написана! – дальняя родственница.

Мама Сани училась в Пензенском художественном училище. Кандидат психологических наук, работает в Пединституте. Не рисует. Любит Борисова-Мусатова. Пожилой человек – отчим Сани: директор игрушечной фабрики – свой дом на улице Вольской, выше улицы Кирпичной. Сад при доме, а в саду – души не чаёт Федор Петрович в Елене Пантелеймоновне – беседка для нее. Такая беседка у Мусатова в картине «Осенний мотив».

Елена Пантелеймоновна сюжету подыгрывает: не любит Федора Петровича. Саня тоже – маму копирует, получается у него по-свински.

Елена Пантелеймоновна из семьи Стасовых. Каждому студенту художественного училища известен прогрессивный художественный критик Стасов. Его предок еще знаменитее – Стасов-архитектор: автор построенного в 1824 году в Саратове собора во имя Александра Невского, в память Саратовских ополченцев 1812 года. Собор разрушили перед войной 1941–1945 годов.

У Сани смотрим журналы «Мир искусства», «Золотое руно», «Аполлон». Большая книга – графика художников «Мира искусства».

Санникову своих книг мало – у нас с Виктором открытку или книгу увидит – и ему надо. Мы с Чудиным книги покупаем в единственном экземпляре – иначе не позволяют финансы.

У Чудина книга Белютина и Молевой о Чистякове, учителе самых знаменитых русских художников. Вдруг новая книга этих авторов – «Школа Ашбе». – Смотри, тут Кандинского учебные

рисунки напечатали! – И Кандинского разрешили напечатать? – Давай все книги купим, Саня не оставим! – В магазине десять книг оказалось...

Саня дворянин. Сожалеет – живет не в восемнадцатом веке. Утешаю его – Ты что? Да сейчас ты бы уже умер! –

Дворянский анекдот рассказывает.

Шумят сельские мужики. К усадьбе пришли. С вилами! Барин выходит на балкон с чашкой кофе. Кофе ложечкой мешает – Мужички, вы чего! – Стоят. Молча разошлись. Вечером мужик щи хлебает, деревянной ложкой об стол. – Чаво, чаво! Да ничаво! –

Не нравится мне анекдот. Не из дворян, мужик я, говорю злорадно – Сожгут барина ночью, так ему и надо! –

Огорчаю Саню.

С детства рисует. Восьми лет вундеркинд. Его детские рисунки маме пригодились при работе над ученой степенью.

Увлечение Наполеоном – у Сани куча картинок, вещичек всяких – неужели никому не надо?

Наследство висит на стене – посмертная маска Пушкина: подлинная, не копия, первый экземпляр.

Пушкина Саня любит.

«Пиковая дама»: себя отождествляет с Германом – к несчастью, сбылось прозрение в конечном счете. К Пушкину делает множество иллюстраций: бумага не терпит – в лохмотьях, дырках от карандаша. Видя перед глазами иллюстрации к Пушкину других художников, Саня умудряется делать свое – непохожее. Рисует и сюжеты сегодняшнего дня: композиции многофигурные, большие листы бумаги – уголь, мел. Чего Просянкин придирается?

Живо пишет: вечно какая-нибудь у Сани краска кончается. Чаще всего стронцианку, белила просит – дописать надо...

В саду и во дворе Санникова этюды пишутся спокойно.

Виктору, Люсе, мне вспоминается иногда.

В свою беседку Елена Пантелеймоновна приносит тарелку с собственной вишней – ставит на стол перед нами. Саня тарелку к себе подгребает, ест вишню. Виктор говорит тихонько – Неужели гостям не предложит? Давай посмотрим. – Не догадался Саня угостить – всю вишню сам съел.

С Луны свалился! Чем мама Саню кормит? В нашем подвале жарю свежемороженую рыбу. Саня пытается съесть кусок мятая – героически! – смотреть страшно! Кончать жизнь самоубийством – наглядный способ.

Чай пьем – Саня от нас не отличается.

Саня и Люся стихи пишут – непринужденно, не в рифму. У Виктора «ушки на макушке»... – Вот Есенин! –

Живопись Санникова «графична» – сказывается идеал: «Мир искусства». Добавляется чуждинский период. Небезучастен, пристрастен Чудин – Откуда у меня «немецкие» этюды? А этот и вовсе Санников писал! Уж не знаю, каким будет Саня живописцем, а график из него уже состоялся. –

Саня между тем, как и я, влачит в художественном училище жалкое существование. Не «двойку», а «тройку» получить за учебную постановку...

Мне поделом – формалист. Стараюсь, хочу исправиться. Только не исключайте!

Санникова Просянкин искореняет – дворянский класс ликвидирует.

Санников боится – до умопомрачения.

На прощальном выпускном вечере к нашему столику – мириться! – директор подошел. Водку налил, чокнулся с Люсей, со мной, с Саней – За ваше здоровье, ребята! –

Училище кончили, все страхи давно позади – на Сазанку навестились с этюдниками: я, Люся, Саня. Сазанка – напротив Саратова, на Волге. Добираться на барже: регулярное расписание, тьма народу. На том берегу можно лодку весельную взять напрокат (под залог паспорта) – протоки, зелень, песок, люди загорают. Пни грандиозные – осокоря росли только по

берегам старой Волги: спилили при постройке балаковской плотины. Просчет проектантов – можно было не пилить. Погибла порода деревьев – великанов. Дуб, береза... А кто знает осокорь?

Плывем на барже. Теснота. Откуда взялся? Оказался рядом Просянкин, Саня оглядывается – куда деваться? Некуда – глаза белые! Бортовое ограждение – шагнул бы в Волгу.

ПОДАРКИ САННИКОВА РАДИЩЕВСКОМУ МУЗЕЮ

В 1966 году Санников хотел дарить, но деньги понадобились (возмечтал учиться в Академии художеств) – небольшого размера картины Радищевскому музею. Самая маленькая – мы ее называли «Ночной город» – вольная копия с Ван-Гога художника Малевича.

Малевич К.С. «Городок». 10-е годы. Г-6042. КП-2822. Бумага на картоне, гуашь. 17,6х18. Приобретен в постоянное пользование от художника Санникова 21 января 1966 года: 40 рублей.

Бенуа. ? Алекс. ? Ник. «В комнате». Г – 2824. Гуашь. 36,8х47. ... 30 рублей.

Судейкин. Эскиз дерев. бутафорской скульптуры. Б. акв. 31,7х21,8 ... 20 рублей.

Саня в Академию художеств экзамены не сдал: духом упал. Подарил в 1969 году Радищевскому музею большую картину, под которой спал.

Савинов. «Портрет неизвестной арфистки». Ж-1535. КП-3257. Х. м. 207х185.

Дарственная от 5 сентября 1969 года Санникова Александра Захаровича.

1970 год. Радищевский музей (в благодарность за «Арфистку») настоял оплатить Санникову новое дарение:

Розанова. «Натюрморт». Ж-15 64.КП-3315. Х.м. 71х61.Протокол закупочной комиссии № 22 от 13 марта 1970 года. ...Цена 150 рублей.

Школьник. «Осенний букет». Ж-1556.КП-3309 /а. Х.м. 48,3х58.... Цена 150 рублей.

Школьник. «Пейзаж с дорогой». Ж-1603.Х.м. 50... Цена 150 рублей.

Школьник. «Замок Алавердин». Ж-1627. Картон м. 38,5х49. ...Цена 50 рублей.

Школьник. «Пейзаж с клумбой». Ж- 2494.Школьник. «Пейзаж с валунами». Г- 6311. Б. гуашь. 36,6х50. ... 70 рублей.

Школьник. «Терраса». Г – 6313. Б. гуашь. 48,9х32,6.... 40 рублей.

Школьник. «Натюрморт». К. гуашь. 50,4х36,9. ... 20 рублей.

Школьник. «Мужской портрет». Б. кар. 49х29,2. ... 20 рублей.

Школьник. «Зима». К. гуашь. 46х61,8. ... 100 рублей.

1970 ГОД

Радищевский музей Савинова взял, а на Розановой и Школьнике поперхнулся.

Была у Радищевского музея возможность иметь все саратовское собрание «Союза Молодежи», а не только поступившие от Санникова картины Малевича, Розановой, Школьника.

Нельзя было.

Теперь можно: как не взять Школьника и Розанову? Они Маяковскому первую постановку

оформляли (умолчим – вместе с Филоновым, тоже членом «Союза Молодежи»).

Берут Розанову и Школьника.

А показывать нельзя!

Одна Розанова чего стоит.

ИЗ 1992 ГОДА

ОЛЬГА РОЗАНОВА

Для ... натюрморта – с белым кувшином и грушами из Саратова – Розанова ... выбирает холодную, глубокую гамму: голубой, изумрудно – зеленый, черный, серый с вкраплениями желтого и красного. Это произведение можно назвать одним из самых тонких и совершенных по цвету в русской живописи. В этом натюрморте она создает цветовую гамму, «звучащую» подобно музыкальному этюду, исполненному внутреннему аристократизма и духовности.

(Н. Гурьянова. «Живопись Ольги Розановой». «Ольга Розанова. 1886–1918». Хельсинки. 1992. С. 89.)

1927–1966 ГОДЫ:

РОЗАНОВА НА ВЫСТАВКАХ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ НЕ ЭКСПОНИРОВАЛАСЬ

ИЗ 2006 ГОДА

«СОЮЗ МОЛОДЕЖИ»

И РАИСА МИХАЙЛОВНА МИХАЙЛОВА (МЕЛЬГУНОВА)

В САРАТОВЕ: Г.В. КОНДРАТЬЕВА

Михайлов Николай Александрович – профессор, заведующий кафедрой лесоводства Саратовского института сельского хозяйства. В 1925–1926 годах приехал в Саратов из Воронежа. В Каменной степи проводил опыты в лесоводческом опытном хозяйстве. Звание профессора присвоили в Саратове по совокупности трудов. «Бонитетные таблицы», по которым определяют ценность древесины – ими пользуются до сего дня и даже за границей: автор Михайлов Н.А.

Мельгунова Раиса Михайловна – жена профессора Михайлова.

Ее сестра, Лидия Михайловна, до Революции окончила в Петербурге университет – два факультета: философский и естествознание с химией.

Меня воспитывала бабушка Лидя. Третья сестра – Сима, Серафима Михайловна, умерла за два месяца до моего рождения в 1945 году. Раиса Михайловна, старшая сестра, по словам бабушки Лиды, самая обеспеченная, взбалмошная, ничего не делала, мнила из себя художницу. Николай Александрович сносил покорно все. Раиса Михайловна от безделья занялась живописью, свела знакомство с массой художников – самостийно рисовала.

Петроград – «Союз молодежи»: голодные художники кормились у Михайловых.

И в Каменную степь к ним приезжали художники.

Школьник делал эскизы мебели. Гарнитур. Гостиная, кабинет. Большой стол. Буфет. Книжный шкаф. Платяной. Тумбочки. Два сундука были. Зеркало. Диван, кровати, стулья.

В Саратове Михайловых подсадили к профессору Линтвареву – знаменитый патологоанатом, приехал из Киева до революции: улица Шевченко, дом 17, две комнаты по 25 метров, высота три восемьдесят. Соседний дом – 19, там были лабораторные помещения.

Николай Александрович умер в 1952 году. С этого времени я с матерью живу в Саратове на Шевченко. С Шевченко на Дзержинскую переехали за год до смерти Раисы Михайловны. Одевалась она – желтая атласная рубаша и какие-то немыслимые штаны. Умерла девяноста лет в 1967 году. Глубокий склероз. Детей не было.

Мои детские впечатления – кошмарные: к праздникам стирать пыль с картин. Когда переезжали – мы все вынесли, на мусорку сложили. Оставили гравюры Богаевского – «Коктебель», двадцать штук. Из рам вытащили, из-под стекла».

(Галина Васильевна Кондратьева. 19 марта 2006 года)

1927–1953 ГОДЫ

«СОЮЗ МОЛОДЕЖИ» И РАИСА МИХАЙЛОВНА МИХАЙЛОВА (МЕЛЬГУНОВА)

В САРАТОВЕ: А. В. и В. В. ЛЕОНТЬЕВЫ

1927 ГОД: 13 ИЮНЯ

Отпечатать для жены профессора Михайлова 9 фото Зубриловки.

(СГХРМ. Архив: А. и В. Леонтьевы. Том 2. ед. хр. 20.)

1944 ГОД

Попросить у жены проф. Михайлова почитать имеющийся у нее комплект ж-ла. Золотое Руно за 1907 г. (?) Весной (44 г.?) посмотреть у нее же (архивные?) материалы и собрание Мир. Иск. К Мусатову.

(СГХРМ. Архив: А. и В. Леонтьевы. Том 2. ед. хр. 42. июль – август 1944 г. январь 1945 г. лист 68 – оборот)

1953 ГОД

27 июля 1953 г. был у Раисы Михайловны Михайловой (живущей по ул. Т. Шевченко, д.19) и смотрел ее «галерею». Две большие (сравнительно) комнаты в одноэтажном доме со сравнительно большими окнами, стены от потолка до столов и простенки заполняют вещи в рамках, под стеклом и без них, и без рам.

(СГХРМ. Архив: А. и В. Леонтьевы. ед. хр. 23. на 144-х листах...)

ИЗ 2008 ГОДА:

«СОЮЗ МОЛОДЕЖИ» – МУЗЕЙ ГОРОДА САРАТОВА

Около 1960 года Санников приводит меня в дом Раисы Михайловны Михайловой (один раз приводил). Настоящими формалистами все стены увешены. Какой я формалист, если родства не чувствую – опасуюсь. Воспоминание: дореволюционный гостевой альбом – большой, толстый. Проза и стихи: шутливо, заковыристо, формалистично. Исполненные в гостях, принесенные с собой и вклеенные в альбом рисунки акварели, гуаши, небольшие этюды маслом – формализм.

Из этого альбома «Ночной город» Малевича.

Из этого альбома Гуцин попросил лично себе листок акварели из серии «Моряки» 1916 года художника Татлина – в память былого знакомства.

1972 ГОД

«НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ» – РАДИЩЕВСКИЙ МУЗЕЙ

Радищевский музей готовит выставку «Новые поступления».

Сотрудники музея исполнены ощущения мессианского (край знаем: не будем показывать Малевича, Розанову...). Способствуем восстанавливать поправную справедливость. Репрессированные художники реабилитированы – пятнадцать лет назад. Вместе с авторами уничтожались их картины. Уцелевшие картины тоже нуждаются в реабилитации. Музейные хранилища – тюрьма: картины никто не видит, общественность художников не знает (эти картины музейным сотрудникам в диковинку).

Экспозицию выставки делает Солянов Владимир Алексеевич. Судьбу художников разделяет – причастен. Учился на театральном отделении Саратовского художественного училища у театрального художника Кисимова. (Занавес отодвигают – постановки на ура! – Солянов.) В 1947 году Кисимова уволили с работы (из театра и из училища) – «за формализм». Солянов два года работает художником в театре оперы и балета им. Н.Г. Чернышевского – приглашение главного художника Севастьянова. (Выжил Севастьянова – формалиста из театра «реалист» Шуйский.)

Солянов окончил художественный институт города Тарту в Эстонии. В Радищевском музее реставратором – рекомендация Гуцина. И работает творчески – рисует, пишет. Саратовские ху-

дожники «оберегают реализм» – Гущина и Солянова на свои выставки не пускают.

Всех музейных сотрудников интересует предстоящая выставка. Всем хочется делать экспозицию.

Солянову преимущество. Солянов делает стенку, учитывая, что будет справа находиться, что слева, что сзади: театральное понимание зрелища. Комплекс понятий: зрительный зал сценическая коробка; зрители – актеры; автор – режиссер.

Принцип художника: сочетание цветовых пятен на холсте – соседство картин экспозиции.

Первому впечатлению – приоритет.

Солянов организует восприятие зрителя.

Я с Соляновым. Принести. Поставить. Убрать – заменить. Положить – повесить. Работа над экспозицией – труд мой тяжкий.

Солянову экспозиция – в радость. Видит мое томление, хочет и мне доставить удовольствие.

– Делай пока эту стену, а я другую. –

Шесть картин на моей стене. Потасовал: сделал.

Подходит, не критикует.

– Попробую иначе положить. Запомни, как картины лежат, потом по-своему переложить. –

Перекладывает. Стою рядом. Мне скучно. Чего он возится? И так хороши картины. Разглядывать Солянов не дает – перекладывает с места на место. Одну все-таки разглядел – начинает особенно привлекать внимание. И соседняя смотрится. Вся стена спокойная.

Угомонился Солянов.

– На всякий случай запиши мою экспозицию. И перекладывай картины по – своему. –

Переложил: моя экспозиция – картины погасли. Ушло из них – что-то существенное будто вынули. Радуюсь, что записана экспозиция Солянова: шесть картин, а по памяти не положишь.

Солянов ночью просыпается, не спится ему – решает две картины местами поменять. Стало лучше. Для меня лучше – Солянов опять решение ищет. Я давно иссяк. Все же помощник – картины тяжелые, да и просто «нагнись – выпрямись» не один день.

Невеликое мое самолюбие не мешает Солянову творить чудеса.

Одно перечисление имен художников – музыка.

Соколов. Тышлер. Юстицкий. Уткин. Зефирова. Романович. Школьник. Кузнецов. Гущин... Лентулов. Субботина. Нестеров. Крымов. Поленов... Малютин. Истомин. Петровичев... Луппов. Русаков. Егоров. Фальк. Перуцкий. Бебутова. Аринин... Козлов. Дрючин. Белоусов. Стожаров. Цыплаков. Мостова – Матвеева... Матвеев. Ивановский. Лебедева. Цаплин.

Выставка Радищевского музея «Новые поступления» занимает весь «Советский отдел» (130 живописных и скульптурных работ). 46 участников. Шесть икон. Коридор первого этажа – графика.

6 ОКТЯБРЯ 1972 ГОДА

ВЫСТАВКА РАДИЩЕВСКОГО МУЗЕЯ «НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ»

НЕ ПРИНЯТА ОБКОМОМ КПСС

Учли замечания. Ушли из экспозиции: Юстицкий, Романович, Гущин, Русаков, Бебутова, Козлов.

Убавили количество экспонатов. Соколов: из 10 работ оставили 4. Уткин: из 23 – оставили 14. Зефирова: из 3 – оставили 2. Кузнецов: из 8 – оставили 6. Нестеров – добавили: было 10, стало 12. Истомин: из 2 – оставили 1. Фальк: из 3 – оставили 1. Белоусов: из 6 – оставили 2.

10 ОКТЯБРЯ 1972 ГОДА

ДРУГОЙ ВАРИАНТ ЭКСПОЗИЦИИ ВЫСТАВКИ «НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ»

НЕ ПРИНЯТ ОБКОМОМ КПСС

«ТАКАЯ ВЫСТАВКА НАРОДУ НЕ НУЖНА»

Выставка «Новые поступления» – плановая, Москвой утвержденная. Выставка «не принята»: негласная обязательная процедура, без которой не может быть открыта для посещения ни одна выставка.

Дважды не принята – принимать уже не будут.

Напуган Владимир (ВИЛен) Григорьевич Пугаев: куда смотрит директор? Как допустил? Кто разрешил? Формалистов, давно разоблаченных, набрал. Покрываешь? Пропагандировать собрался?

Радищевский музей – он что? – на антисоветских позициях?

...несколько лет назад присутствовавший на бурном музейном собрании партийный представитель грозил расформировать музейный коллектив – Если сами не наведете порядок! –

Шефствующий Русский музей обещал помочь Радищевскому музею – едет оттуда в Саратов полномочный представитель.

Пока едет...

Загорелось Солянову посмотреть на пустующих музейных стенах свои творческие работы. Выставочные залы Союза художников недоступны: где, когда так посмотреть придется?

Нигде! Никогда!

Выставку Солянова Пугаев разрешает (никаких посетителей, только «музейщики»). Музейными сотрудниками работы Солянова на стенах музея принимаются доброжелательно – на «Новых поступлениях» присмотрелись, привыкли к «формалистам»: Солянов «продолжение».

Тут собака и зарыта!

Отец у Пугаева репрессирован – одна сторона. С другой стороны в Обкоме работает Поцелуева – дальняя, но родственница. (В «хорошие времена» Аржанова изводили «дружески» – обаяя Поцелуеву, кончатся твои беды формалистические).

Двумя крылышками машет Пугаев.

Демобилизовался из армии в чине капитана, с должности начальника одного из пропускных пунктов в советском секторе ГДР. В Радищевском музее рядовой сотрудник, заочно учится в СГУ на историческом факультете. Простодушен. Смущается – краснеет. Переживает. Сознает – не хватает соответствующей подготовки. Древняя музейная смотрительница рассказывает, как Пугаев проводил свою первую экскурсию – такого неловкого экскурсовода в своей жизни не видела.

Я постоянный посетитель (еще не работаю в музее). В реставрационной мастерской, в дальнем углу музейного подвала взгляд всегда натывается на Солянова с Пугаевым – мало им одной бутылки: кефиром уставлен столик.

Позднее – директором, Пугаев в своем кабинете засиживался допоздна – с женой нелады... другие уважительные причины. Пил в одиночестве – уборщицы выносили из кабинета уже не молочную посуду. С нами, реставраторами, совестливая дистанция. – Они меня мудаком считают – жалуется общему знакомому Давиду Михайловичу Ибрагимову, знаменитому саратовскому «киношнику». Пугаеву в музее одиноко – Давид Михайлович (в войну кинооператор) скрашивает компанию.

К всеобщему изумлению, Пугаев – романтик. Бросает директорство, неожиданно влюбившись, уезжает из Саратова: директор Ленинградского Выставочного зала, директор Музея Репина (на бывшей территории Финляндии).

В 1972 году Пугаев формалистов чужих покрывает и под большим секретом своих выращивает... (ключ закрытой выставки у Солянова в кармане, разрешения посмотреть надо просить у директора).

Пока делали выставку «Новые поступления» ее экспонаты видели музейные работники, знакомые, художники, просто прослышавшие глазели.

Я работаю в музее четыре года. Моя жена Людмила Перерезова – музейный завсегдатай, художник. Чтобы посмотреть выставку Солянова (картины видит, знает), пишет заявление директору Пугаеву, просит разрешения посмотреть. Не разрешает!

Через много лет сомневаемся – неужели...? Отыскивается у Солянова листок бумаги: заявление Перерезовой, запрет Пугаева.

...внутримузейное (посторонних никого) обсуждение картин Солянова. Восторженно принимает творчество Солянова Главный хранитель Радищевского музея Симонова Альбина Трофимовна. Волнуется. Обдумывает. Пишет выступление, зачитывает по бумажке. Отрицательных отзывов и критики нет. Нет и Пугаева (конспирация).

Полномочный представитель Русского музея – женщина.

Приехала в последний день «работы» выставки Солянова: уговорили «посмотреть Саратов», провели обсуждение картин Солянова; сняли их, унесли.

Представитель Русского музея (чуть не из отдела скульптуры – к собственному удивлению послали в Саратов) нашла решение – гениальное. Картины висят одним рядом – дополненный «Советский отдел». Задним числом узнала: в день приезда висела выставка картин сотрудника Радищевского музея. Удивилась – ей выставку не показали. Все картины у Солянова под рукой, в реставрационной мастерской – ничего ей не показал.

А формалисты где? В запасниках – хранятся! – списывать в 1972 году неприлично.

ИЗ 2008 ГОДА

Сегодня, сейчас 2008 год, экспонировать реконструкцию выставки «Новые поступления» 1972 года – что мешает?

1959 ГОД

ПОДВАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ – ПРОДОЛЖЕНИЕ

Ира – жена Чудина, из семьи известного поволжского кинооператора Софьина: два знаменитых саратовских друга – Софьин и Ибрагимов. Тетка Иры Муся окончила СХУ вместе с Кибальниковым (Лауреат Сталинских и последующих премий, приезжая в Саратов, обязательно с ней встречался). Тетя Муся здешнего двора достопримечательность.

Дом (по улице Вольской, напротив дома Санникова) одноэтажный, с полуподвалами. До революции у хозяина водопровод был, туалет в комнате – когда уплотняли, сделали туалет квартирой. Но следы прежнего буржуйского быта в комнате – вторая коммунальная достопримечательность: домочадцы своих гостей в эту квартиру водят – Во жили! –

Ребятишек тьма в доме. Летом – дневная жизнь на крыше, ночью – во дворе: кровати стоят, зелено. Туалет общественный – все вокруг «мое». Тетя Муся – «пулей» в туалет, «пулей» обратно. Удивляла. Десять дней свою дверь красит! Выносит во двор. Обдирает. Промывает – сушит. Скоблит. Грунтует – сушит. Шкурит. Красит – сушит. Шлифует. В училище художественном не зря училась. Ребятишкам – развлечение, но вот не рисует тетя Муся. Ее муж – дядя Витя, массовик-затейник Кабинета культпросветработы Облсовпрофа трудящихся. Общительный, добрый. И грустный. Как он в Домах культуры – курортах – санаториях людей развлекает.

Тетя Муся все больше замыкается, общается уже только с Еленой Пантелеймоновной. Дичает, в туалет выходить перестает. Гавнюшку завернет в бумажку, бантиком перевяжет – и в форточку, на тротуар. Первый раз дворничиха подняла – время бедное, нищее, а тут под ногами красота валяется – развернула...

Ребятишкам развлечение – Тетя Муся кидает! – Кто подымет? –

У Софьиной Ирины сестра Тата, постарше. Мать, Софья Петровна не живет с детьми – второй муж не велит. Детей воспитывают сестры – тетя Муся и тетя Нина.

Чудин Виктор – Ира «забирает» его из армии – обитает в комнатухе жены. Санников меня туда, к Виктору и приводит, знакомит. Вдали светлеет окно. Висит занавеска, отгораживает кровать, столик с настольной лампой, рисовальные принадлежности Виктора – один стул.

Ира способная к рисованию. Карандашом нарисовала по памяти однокурсников Виктора – всех на одном листе. Я их не застал, приехал в Саратов сразу на третий курс и она мне их «показывала». Чудин всех узнал. Думал, мой рисунок. – Да я же их не видел! По памяти похоже – я и нарисовать не умею. –

Масляными красками тоже у Иры получилось: Виктор усомнился в авторстве. – Ну-ка, напиши! – а она ему еще... Заревновал Чудин, перестал жене давать краски – Все равно из женщин нет художников. Вот твоя тетка – хоть к ней сам Кибальников приезжает! Вот Елена Пантелеймоновна! Зачем на художников учились? Они даже рисовать не хотят! –

Строг Виктор – глаза буравчиком – к себе тоже.

1960 ГОД

ВЫХОДИМ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

А зачем художнику помогать? Художник должен пробиться, как трава сквозь асфальт!

(Новосельцев Иван Михайлович)

Предстоит выставка – на Выставком помогаю нести работы Чудина, в руках чемоданчик с этюдами – неоформленными. Выставком «принимает» работы. Просянкин восторженно «голосует» за своего лучшего ученика, всё ему хочется, чтобы больше работ отобрали на выставку – Чудин в чемодане остался! – с огорчением восклицает.

Областная выставка 1960 года проходит в большом зале Радищевского музея – второй этаж. Постоянную экспозицию не снимают. Ставят временные щиты, затянутые холстом. Сохранилась фотография – рядом с пейзажами Щеглова, «Зимкой» Аржанова, работой Жукова этюды Чудина: «живописцы».

Председатель Саратовского отделения Союза художников Бородин Алексей Иванович спрашивает Чудина – выведывает, как удаётся писать небо.

Вещь размером больше этюда в чудинском подвале невозможно осветить равномерно. Узнав, что Чудину негде писать, приглашает его поработать в своей мастерской друг Бородина Новосельцев: ориентирует писать картину – хватит писать этюды. К нему Чудин и несет начатую картину: цветущие сады, старичок на переднем плане, силуэты влюблённых на фоне низкой полной луны – родная деревенская тема. От натуры никуда: даже живёт Чудин в своём селе Донгуз на этой нарисованной им Заячьей горе.

Не без влияния: только купил в букинистическом магазине кнебелевскую монографию о Врубеле. Не разлюбил Нестерова – добавился Врубель. – А знаете? В переводе с польского врубель – всего-навсего воробей! – чему радуется?

Светлое будущее Чудина: занимайся любимой живописью – ему да не быть художником!

Во время учебы Чудин видит работы Гущина на квартире у Серебровских – тогдашних впечатлений не сохранилось.

Серебровский Владимир Глебович, студент ХУ – его отец заслуженный артист РСФСР Серебровский Г.В., тенор Саратовского Театра оперы и балета, восхищается живописью Гущина.

1959–1960 ГОДЫ: ЗИМА

ЕЩЁ НЕ НАЗВАН ГУЩИН ДИВЕРСАНТОМ

Наконец-то! Санников видел живопись Гущина!

Встретил на улице – словно в Париже побывал. Человек несет в себе кусочек Парижа: идет по улице, под мышкой картина – из руки в руку перекладывает. А Саня перебегает с одной стороны улицы на другую – рассматривает. По описанию – это была картина «На целинных просторах».

«На целинных просторах» Конец 1950-х – начало 1960-х. К., м. 56,5x71,5

Источник: фотография – собств. Лопатина В. В. (Саратов). № 162. Каталог «Гушин...» Саратов.

Собирает Чудин этюды в свой чемоданчик, идет их показывать Гушину в музей. Гушину нравятся живопись Чудина. Приглашает домой – покажет свои работы. Договорились встретиться через неделю. Почему не завтра? Очень долго тянется неделя.

Как выглядит сам Гушин, какая у него живопись – я не знаю. И снится мне картина Гушина: удлинённый формат, высокий горизонт, слева и справа дорога асфальтовая, легковой автомобиль – нравились мне довоенные акварели Дейнеки.

Чудин засмеялся. Нет, не работа Гушина мне приснилась: сюжеты не те, а живопись – будто камешками драгоценными выложено.

Гушин приходит в наш подвал смотреть работы Чудина.

Я и Люся студенты – как бы чего не было в училище: Гушин беспокоится. Заранее договариваемся – дома никого не будет, кроме самого Чудина.

Но болеет Люся, и становимся мы невольными свидетелями того посещения.

Гушин над работами Чудина – рыбак над удочками. Сидит перед стопой этюдов, раскладывая на две части – Здесь у Вас живописное начало. Здесь у Вас поэтическое начало. –

Появились репродукции с работ Фернана Леже. На «живопись» непохоже, красоты углядеть тоже не можем, как относиться к Леже – не знаем. Одну черно-белую репродукцию, женскую фигуру в круге, показываем Гушину. Он её долго рассматривает, держится настороженно, нас разглядывает. – По-моему, это от лукавого. – Но обращает внимание на интересный приём – пятно не совпадает с контуром.

А что такое абстракционизм?

Может быть полезен, как учебное занятие. Интересно посмотреть, какими станут реалистические работы после абстракционистских.

А что такое сюрреализм?

Обычная мебель: представьте себе, что стоит эта мебель не в комнате, а на улице.

Теперь я узнаю Гушина, при случайных встречах исподтишка разглядываю. Несколько раз встаю из-за него в очередь в столовую – на проспекте Ленина напротив Военторга. Ест он какую-нибудь кашу, что-то молочное, овощное.

ВЛАДИМИР СОЛЯНОВ:

У Николая Михайловича в доме только чай – во Франции едят в кафе, дома не питаются. Однажды решил – надоела столовая, будет сам обед варить. Просит спросить у моей матери, какую советует кастрюлю купить. Ходит по магазинам, ищет, сравнивает. Опять советуется. Месяц прошел.

Не будет покупать кастрюлю. Передумал.

ЛЮДМИЛА ПЕРЕРЕЗОВА:

Детское впечатление сладостной жизни. И чувство сытости не присутствует.

Мы без горчицы не обходились. Помнишь, в институте, в подвале...

– Куда Вы есть ходите? –

Пришел Гушин посмотреть столовую Сельхозинститута, напротив художественного училища. Беру себе сырники: белые на тарелке.

– Что это такое? ...мало я мяса ел, и сил мало. Надо было больше мяса есть! –

Диетическая столовая на Астраханской. Банку кильки – прошу буфетчицу вскрыть: Гушин из-за плеча, как птица, приглядывается.

И он тоже ходил как большая цапля.

Перестань ехидничать. Лучше шоколадную конфетку найди, которой Гушин любил нас угощать... трюфельное, шоколадное.

Он любил закусывать хорошее вино хорошими конфетами.
Но я ему в руки не далась.

ВИКТОР ЧУДИН:

Характер Николая Михайловича вспыльчивый был, доверчивый, улыбка очень приятная, очаровательная.

Гущин был отдаленным. Но очень внимателен.

Обязателен и пунктуален – и несправедлив?

У Чудина уважительная причина не придти в оговоренный срок – Гущин слышать оправдания не хочет: умеет быть неприятен.

На моей памяти еще один человек, других не знаю, не терпел нарушения договоренности – опоздал на десять минут, встреча отменяется – Дмитрий Евгеньевич Хмелевский (архиепископ Пимен).

Гущин сухощав, широкой кости тонкие руки. Куртка с короткими рукавами, берет. Особые дни – лунные, солнечные? – означены браслетами на обеих руках: в несколько витков, свободно висят на кистях рук редкостные драгоценности. Позже мы узнаём – браслеты магнитные, самодельные.

С незнакомыми, «на людях» – Гущин сдержан. Даже детей называет на «Вы». Знакомит Николай Михайлович Чудина с Михаилом Николаевичем Аржановым. Едут на трамвае долго – тогда так казалось – и далеко: Аржанов живет на Первой дачной.

«ЗАЧЕМ К ГУЩИНУ ХОДИШЬ?»

Не верит Чудин, что Гущин диверсант.

Бородин волком смотрит.

Новосельцев Виктора из своей мастерской изгоняет.

Гущин советует Чудину работать упорнее, делать «приемлемые» вещи.

Есть надежда получить работу в Приволжском книжном издательстве: главный художник Коркин Юрий. Сидит с ним Чудин рядом. А тот делает очередную иллюстрацию, просвещает: Врубель, «Мир искусства», Борисов-Мусатов – «Башня из слоновой кости». Такое искусство народу не нужно.

А Чудин от Врубеля в восторге. – Смотри, печать какая качественная! – Хвалит книгу «Врубель» дореволюционного издателя Кнебеля. Как Чудину доверить оформление советской книги? Держит Коркин возле себя Чудина – работы пока не даёт, но перевоспитать не отчаялся (бдительность по наследству – отец Коркина чекист).

Гущин пытается через знакомых достать для Чудина работу.

Гликман Сергей Абрамович, профессор физической химии в Саратовском университете. Делает ему Чудин большие, в размер листа чертежной бумаги диаграммы. Сначала фон – акварелью небо, облака, трубы: чем больше труб и гуще дым, тем лучше. В мире капитализма абстракционизм, генетика – экология появилась. Советскому человеку прибавилась забота – как уберечься от экологии?

Я Чудину помогаю – поверх его небесных пейзажей пишу буквы и цифры черной тушью, «палочным» шрифтом.

Так жалко портить Чудину живопись – и ему жалко: а ещё утешает.

Купить у Чудина картину Сергею Абрамовичу в голову не приходит. Перебирает этюды, какие поменьше – чтобы в конверт поместились – себе берет: будет посылать знакомым – поздравления к праздникам.

Дома у Сергея Абрамовича я увидел впервые живопись Гущина.

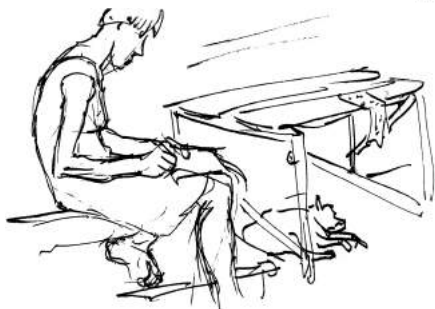
Профессорская квартира: везде дети бегают – их много, не сосчитать; потолок темный, высоко – свет лампочки не достает. А на стене сказочный пейзаж.

Вяч. Лопатин в подвале.
Рис. Л. Перерезовой. 1959 г.

Л. Перерезова.
Рис. Вяч. Лопатина. 1959 г.

Л. Перерезова. Рис. Вяч. Лопатина. 1962 г.

М. Аржанов.

Рис. Вяч. Лопатина. 1962–1963 гг.

В. Ф. Завьялова.

Рис. Вяч. Лопатина. 1963 г.

Э. Н. Арбитман.

Рис. Вяч. Лопатина. 1962 г.

В. Солянов.

Рис. Вяч. Лопатина. 1970 г.

Н. М. Гущин. Рис. Вяч. Лопатина. 1963 г.

Наталья Свищева.
Рис. Вяч. Лопатина. 1965 г.

М. Аржанов с утюжком. Рис. Вяч. Лопатина. 1961–1962 гг.

А. Санников.
Рис. Л. Перерезовой. 1958 г.

Д. К. Севастьянов.
Рис. Л. Перерезовой. 1962 г.

И. Н. Щеглов.
Рис. Л. Перерезовой. 1962 г.

С 1968 года я работаю в Радищевском музее реставратором. В декабре выхожу из музея через боковой вход: перед глазами стволы деревьев музейного скверика, снег, полная луна – вот откуда сюжет «Сказочного леса»!

Понравившиеся этюды Чудина Гушин просит на время – повисеть у него дома. Потом возвращается – «исчерпал» – говорит.

Однажды предлагает Гушин Чудину выбрать что-нибудь на память – из своих работ.

Чудин выбирает – давно присмотрел: у воды ствол дерева, как бы сумерки – на Врубеля похоже, но странность у дерева – да и дерево ли! – существо какое то. А Гушин отдавать не хочет – Вам ещё рано. Эта работа Вам пока будет сложна. – Настоял Чудин: и нравится вещь, и быт не устроен – взять на себя ответственность хранить может из-за небольшого размера.

1961 ГОД

Быть членом Союза Художников? Да это почти что член КПСС!

Чудин

ЧУДИН В ПОЛЬШЕ

Завербовались Ира и Виктор через военкомат на работу «за границу». Она – медсестрой, он – четыре года в Лигнице (Польша) художественный редактор газеты Северной группировки Советских войск. Газета большого формата. Плакаты на всю первую страницу ко всем советским праздникам. Шрифты, иллюстрации. Запросто рисовал «передовиков» – солдат, офицеров с натуры: перо, тушь.

Один раз

Водолаз

В озере позировал.

Заработали Чудины в Польше на трехкомнатную кооперативную квартиру.

КАЖДЫЙ ГОД ЧУДИНУ ОТПУСК

Впечатления! Есть возможность «за границей» смотреть музеи, покупать книги, естественно, не на русском языке.

Подарок Гушину – монография «Жорж Руо» (малая серия издательства «Скира»). С французского языка Гушин нам переводит. Свищева тоже язык знает, но у Гушина личные впечатления – на выставках участвовал вместе с Руо. – Работы небольшие, величиной со страницу – вот эту (книга «Жорж Руо»). Но краска толщиной с палец. –

Теперь, в Саратове, увлечение безоглядно, а больше себе удивляется Гушин – как было не разглядеть: последняя радость, к сожалению, Жорж Руо. Обращает внимание – позднее участие Руо на выставках, в сорок лет первая персональная (утешает: саратовский выставком на выставки нас не пускает).

Другая книга привезена Чудиным – «Moderne malerei» («Современная живопись») – на немецком языке (большая серия издательства «Скира» – целый музей современного искусства в руках держишь). Неровного качества печать, в основном хорошая. Под репродукциями большие деловые аннотации – увлекательный незнакомый текст (Юра Зельман, Валентин Израилевич – переводят).

После окончания службы в Польше пришлось Чудину туго: продал «Moderne malerei» в библиотеку Радищевского музея.

Коротки отпуска: Чудин с Гушиным не расстаются. Устанет Николай Михайлович – извиняется, просит посидеть с ним: он уснет на десять минут. Ровно десять минут спит, просыпается без будильника – удивляет Виктора.

ИЗ 1987 ГОДА

ГУЩИН С КАЖДЫМ ГОВОРIT НА ЕГО ЯЗЫКЕ

Чудин вспоминает, что Гушин говорил с каждым на том языке, который понятен собеседнику.

«О профессиональных секретах» – сообщал только то, что ученик, по его мнению, уже готов понять.

Он иногда говорил: – Для Вас это рано! –

(Пятницына: запись разговора с Чудиным)

В Польше живопись? Урывками. Совмещать работу в газете с творчеством невозможно.

Пытается Чудин жить «как люди» – с офицерами на охоту. В Польше охота! Стрелять любит. Позже объяснял наступившую на одно ухо глухоту тогдашними успехами в стрельбе.

И рыбалка!

Со всеми вместе! – пьянство: пристрастился.

Давно ли удивлялся Виктор; их свадьба с Ириной студенческая, но длилась три дня. – Я тогда не пил. Схожу на этюды – гости сидят, пьют. Пошел опять на этюды. Возвращаюсь – пью! Как им не надоесть? –

Художественное училище сформировало Чудину единение рисунка и живописи. Любит Нестерова, Врубеля. И Есенина.

«Перед Польшей» подарок Гушина – рисунки Гольбейна, альбом, издание ГДР. Назидание – как ни напишет Чудин, будет всё интересно, а рисунку следует уделить внимание.

Виктор и сам удивляется: почему пейзаж писать легче, лицо труднее.

Чудина «польской поры» не миновала «новая художественная реальность».

«После Польши» разлад рисунка с живописью: по пьянке Гушина винит. Новая цельность – единство рисунка и живописи – достигалась трудно: основа «не училищная» – путеводной нитью Борисов-Мусатов.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК:

РИСОВАНИЕ – ИСТОЧНИК СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ

Чудин (талант и ум) – не являясь членом Союза художников, становится профессиональным художником: рисованием зарабатывает на существование.

– Может ли современный художник достойно существовать за счет своего творчества? Вот вы когда продали в первый раз картину?

– Первую картину купил у меня в 1961, кажется, году искусствовед Эмилий Арбитман. Это был небольшой натюрморт с полевыми тюльпанами. А в пору ученичества и в голове такого не было, чтобы продавать свои картины. Сейчас живу исключительно своим трудом.

(Вопросы Чудину задавала Наталья Проскурякова. «Чудный дом на горе». «Саратов», 18 декабря 1991 г.)

1972 ГОД

НЕУТИЛИТАРНОЕ ИСКУССТВО

Идем с Чудиным по Саратову.

Книжный лоток на улице. – Гляди: Гегель, «Эстетика». – В четырех томах. И надо было в руках Виктора раскрыться первому тому на неутилитарности искусства.

– А художники что делают? Где наша совесть? – заводитесь Чудин. Покупает Гегеля. И давай ссылаться на авторитет...

Последствия скорые.

ОПЯТЬ СОБРАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Очередное Постановление толкует на местном материале Заведующий отделом культуры ОБКОМА КПСС Шабанов Николай Иванович:

...Модные и сверхмодные мальчики ТЮЗа...

Космополитизм, нигилизм... чванливая национальная ограниченность. В области художественного творчества не все обстоит благополучно... позиция художника, глубина... расцвет, кругозор.

Идет борьба за души художников...

Анатолий Катц, Юрий Болдырев, Виктор Селезнев, Борис Ямпольский... Клеветнические, антисоветские... Протащить свои взгляды, свое кредо в стихах Бернса у Юрия Болдырева... две правды... правда Болдыревых и Селезневых.

... Катц в концертной деятельности... руководство Филармонии согласилось поставить «Вестсайдскую историю» Леонарда Бернстайна ...девушка и трое мужчин... теряя смысл и цель, приобретают опыт. Быт американских кабаков...

Мы должны бороться с Катцами за самих Катцев. Не поймут – пусть делают выводы сами... Еще раз подумать и пересмотреть свое поведение.

Тактика пролезания во все щели...

Безуспешны попытки врагов опрокинуть основы социалистического реализма...

Художники несут вздор. Идти от Гегеля призывает Виктор Чудин. Под определенным влиянием сформировался...

Зинаида Давыдова в газете «Заря молодежи» протаскивает... явно идеалистическое и формалистическое... и вздор-то не их...

Давыдова о них в «Заре молодежи» пишет... ее муж Борис Давыдов...к какому лагерю принадлежит? Коллектив музея Радищева... никак не может спуститься с высот классического искусства на саратовскую землю...

РЕЗУЛЬТАТ

В 1972 году опять рухнули планы Чудина встроиться в Союз художников – его лишили творческой мастерской, перестали давать работу.

Анатолий Катц – лишен права сольной концертной деятельности.

Борис Яковлевич Ямпольский уволен с работы (художник кинотеатра «Победа»).

Виктор Селезнев – уволен из Приволжского книжного издательства.

Юрий Леонардович Болдырев – уволен с должности директора букинистического магазина.

«После Польши» Чудин давал работы на Выставкомы всех местных выставок, по словам Э.Арбитмана «легко преодолевая планку своих гонителей». Дальше Саратова Чудина не пускали.

Председатель Саратовского отделения Союза художников СССР Юрий Коркин – «по старому знакомству» за творческую активность поощрил Виктора творческой мастерской (Проспект Ленина, шестой этаж, вместе с Пановым и Гусевым) и получил сверху инструкцию – не загонять в подполье, на глазах держать...

Чудин работает в Художественном фонде при Союзе художников. В Союз не принимают, исполняет производственную работу. Несколько лет Чудин в выездной бригаде художников оформляет Дома культуры Саратовской области и за ее пределами. – Хотя бы раз дали творческий заказ на пейзаж, натюрморт. –

Постепенно Худсовет перестает давать Чудину и производственную работу.

Последняя работа в 1972 году – гипсовые барельефы шестнадцати республик СССР. – Да я же не скульптор! – А член Союза художников должен уметь все делать. Ты, Чудин, не хочешь быть

художником? – Расценки за барельефы мизерные, скульпторы эту работу брать не хотят. Фактически получил деньги Чудин только за эскизы, а пришлось освоить технику отливки в гипсе.

Юрий Коркин из – за болезни «отошел от дел».

Телефон общий, в коридоре творческих мастерских на Проспекте Ленина – всем слышно: недоволен Юрий работой КГБ, дает «им» указания.

Ходит Коркин улицей – смотреть больно: высокого роста человек с походкой «циркулем» – не сгибая в коленях ноги, широким осторожным шагом, туловище палкой «позади» ног.

Больной человеку. Какая семья? Живет – ночует в мастерской.

Юрий Коркин идейный. Бескорыстный. В бытность Председателем Союза художников получил на Шестом квартале трехкомнатную квартиру и отдал ее бесквартирному художнику Валере Осипову (двое детей, жена – художник Тамара Белозерова).

«Власть» в Союзе художников циничная.

По пословице – «Ему плюнь в глаза, а он – божья роса».

У Шапошникова, неоднократного Председателя Союза, мастерская на Проспекте Ленина. В соседях – Юра Колчин (не Коркин). За подлость, наглость бьет Колчин Шапошникова тут же, в коридоре, возле телефона. Колчин художником стал поздно – «правдоискатель», фронтовик, слесарь шестого разряда, боксер со спортивным разрядом. – Палец вывихнул, не могу ударить, а он мне потом хвалится: – Ты быешь, а мне не больно! –

1965 ГОД

«ВЫ МНЕ СКАЖИТЕ, ЭТО РЕАЛИЗМ?»

Выставком не допускает картины художника-любителя Подъяпольского на Областную выставку: «идейно-художественные недостатки» – в протоколе.

Благодаря позиции директора Областного дома народного творчества (ОДНТ) Скорлупки-на Александра Николаевича и научного сотрудника Радищевского музея Тамары Викторовны Петровой (Гродсковой) картины Подъяпольского экспонировались на Областной выставке 1965 года в Радищевском музее. Повесили пять работ – оставлено две.

Подъяпольский Владимир Александрович – фактура живописи заимствована у Гущина, а тому в Саратове давно перекрыты все возможности выставаться.

Перед «принятием» выставки диалог у меня, методиста по изобразительному искусству ОДНТ с директором Радищевского музея Пугаевым. Он сторонник «не дразнить гусей», настоятельно советует снять три картины Подъяпольского, оставить две. Нашел меня в реставрационной мастерской музея (готовить выставку помогали Аржанов и Солянов). – Снял Подъяпольского? – Я снимать не буду! – Схватил ножницы, сам срезал, унес три работы.

«Принимают» выставку у меня начальник Областного управления культуры Курганов Евгений Никитич и двое его заместителей – Владыкин Владимир Павлович и Кузнецов Евгений Анатольевич.

Предупредил Курганов – уполномочен снять с выставки любую работу.

Пошли по экспозиции. Что-то привлечет внимание, чаще мимо проходим. У «неграмотных», «на злобу дня» работ Суворовой-Алферовой недоумение Курганова развеял Владыкин. Помог отстоять перед Выставкомом ее работы и теперь сумел быть убедительным.

Встали – хочет Курганов убрать с выставки оставшиеся две работы Подъяпольского, но не сам – моими руками. Пошли по выставке вторым кругом. Опять стоим – у Подъяпольского. Как от мухи отмахивается, не слушает меня Курганов. Третий обход. Опять стоим. Курганов своим заместителям – Вы мне скажите, это реализм? – Владыкину первому отвечать – он из актеров,

внешность сценическая, человек осанистый, как сам Курганов, – вот здесь стоял! Только что тут был! Нет его! Куда делся?

Вопрос Кузнецову. Не торопится с ответом. – Я считаю, что это реализм. –

У Курганова челюсть отвисла.

Кузнецов перешел в Управление культуры из КГБ, был ответственным по работе с иностранными туристами. Когда Саратов сделали закрытым городом, работать стало не с кем. Перешел в культуру.

А Владыкин – артист!

Отбор работы с Областной на Всероссийскую выставку самодеятельных художников Выставкомом Союза художников. На отбор приехали из Москвы двое командированных художников. Идем по экспозиции. Председатель саратовского отделения Союза художников СССР Шапошников – Вопрос с Подъяпольским решаем на закрытом Выставкоме. –

Уединяемся в кабинете директора музея.

Василий Фомичев: – Мы повесим картины Подъяпольского, а нас покупать перестанут! –

Вася преувеличил – Подъяпольского покупать не кинулись. Один Владимиров из Министерства культуры захотел купить его «Мокрые ветки». В ответном письме Владимир Александрович объяснил, что до выхода на пенсию у него была высокооплачиваемая работа. «Мокрые ветки» писал два месяца, оценивает картину в триста рублей. Владимирову оказалось дорого.

ВЫСКАЗЫВАНИЕ ПЕТРА САВВИЧА УТКИНА

(из «Огонька» № 34, авг. 1953):

К Мусатову – слова Бастьен-Лепажа: писать можно только то, «что любишь и понимаешь». То же говорил Петр Савич Уткин.

(СГХРМ. Архив: А. и В. Леонтьевы. № 43. «Блокноты с выписками В.В.Леонтьева...». 111. Лист 96.)

Уткин ценил и берег свои этюды, не разрознил, увез с собой в Ленинград, когда его вынудили покинуть Саратов. Радищевскому музею повезло – этюды возвратились в Саратов: не утеряно одно из центральных звеньев преемственной последовательности развития русской живописи рубежа XIX–XX веков.

Рубеж – переход русской живописи XIX века к современному этапу изобразительного искусства – «искусствоведческой наукой» определен датой Великой октябрьской социалистической революции: именно так долгие годы начиналась экспозиция отдела «Современное искусство» Радищевского музея.

УРОВЕНЬ КРАСОЧНОГО СЛОЯ –

– не допуская субъективизма, однозначно ведет отсчет начала современного искусства с Врубеля, Серова, Борисова-Мусатова, Петра Уткина, Павла Кузнецова, Петрова-Водкина. Это живопись – но невозможно обойтись и без саратовца Александра Матвеева, скульптора.

«Наглядный материал» – работы этих художников, хранящиеся Радищевским музеем, позволяют уточнить значение (хронологическое, в том числе) художников Саратова в изобразительном искусстве России.

Работы именно хранятся: выставляются и изучаются разрозненно, не в комплексе. Подготовленная целевая совместная выставка этих художников – за пределами провинциального значения. Эта выставка, дополненная работами других музеев, показанная Москвой и Ленинградом, будет интересна свежим взглядом на, казалось бы, привычные вещи.

ИСКУССТВО СОСТОЯЛОСЬ НЕ В СТОЛИЦАХ

Пример Борисова-Мусатова: все известные, «знаменитые» его картины созданы в Саратове.

При жизни Виктора Эльпидифоровича Саратовский художественный музей и местная общественность «по-домашнему», «не видят» творчества Виктора Эльпидифоровича. Единственная его большая работа «Осенний мотив», оказавшаяся в Радищевском музее, поступила спустя пять лет после смерти художника «даром» – в дар.

По словам Е. Водоноса, в 1912 году предлагались музею три этюда Мусатова – остались в музее, но брать не хотели.

Леонтьев Виктор Владимирович утверждал: если бы вышла подготовленная к печати издательством Кнебеля монография о Борисове-Мусатове с текстом Тугендхольда – вся русская живопись пошла бы другим путем. В связи с началом Первой мировой войны прошли «немецкие» погромы – типография Кнебеля была разгромлена.

У НАС ЕСТЬ ТОЛЬКО ДВА ЖИВОПИСЦА: НЕСТЕРОВ

28 июня 1943 г.

Художник А.В.? Шиганов говорил нам, чтоему передавали сказанные кому-то в беседе слова М.В. Нестерова, что у нас есть только два живописца, это Мусатов и Врубель.

(СГХРМ. Архив: А. и В. Леонтьевы. №42. 111. Лист 95.)

До 1903 года Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов находил возможным Саратову стать одним из центров современного искусства.

Павел Кузнецов с товарищами в 1904 году вынуждены были согласиться с мнением Борисова-Мусатова.

Понятие «саратовской школы» определяется на глазах, формируется нами, подвергается корректировке, в ходе которой значение «саратовской школы» возрастает. И далека однозначная оценка.

Среди художников «саратовской школы» – Чудин! А он свои ранние работы дарит «впридачу» купленным большого размера поздним вещам.

Сочетание анализа и интуиции позволило Чудину найти решение «ФОРМУЛЫ ЦВЕТА». Двумя словами в 1965 году Николай Андреевич Григорьев сформулировал манифест, отличающийся «долголетием» и «злободневностью».

КРАТКО О «ФОРМУЛЕ ЦВЕТА ЧУДИНА»

Противоречива ситуация рубежа XX–XXI веков.

По расчетам Шмита – Прокофьева витки развития изобразительного искусства конусом сходятся в точку – эстетический «конец света» наступает в промежутке 1985–2015 годов.

В живописи носитель цвета уже не пигмент – длина электромагнитной волны.

Компьютерный век дает техническую возможность живописи реанимироваться на основе электромагнитной волны: инструмент реализации – «Формула цвета» Чудина, о чем разговор особый.

ВЗАИМОВЛИЯНИЯ; МЕТАМОРФОЗЫ

Неоконченный «Автопортрет» (1961–1962) Гущин показывал Солянову в качестве примера

начальной стадии работы над картиной – поэтому на посмертной персональной выставке Аржанова, экспонировавшей эту работу, удалось уточнить ее авторство.

В качестве «гушинской» работа Аржанова хранится в коллекции Ларисы Сулковской. Лариса – человек «не посторонний» – прообраз одной из картин Гушина:

«Летящая» (недатированное произведение). Х., м. 52х63 (Саратов)
№ (живопись) Каталог: «Гушин...» Саратов, 1991.

Зора Абрамова – одаренный художник – с третьего курса директор ХУ Просянкин «с подачи» преподавателя Конягина исключил ее из училища за знакомство с Гушиным. У меня сохраняется ее натурная «Голова девушки» с поправками Гушина. Несмотря на плохую сохранность – осыпи красочного слоя с масляного грунта – работа производит впечатление не заурядной студенческой «штудии», ощущение «гушинского восторга» явственно.

Солянов и Гушин: «В начале 1960-х годов они много писали вместе и подчас можно ошибиться, определяя авторство того или иного этюда.

(Пятницына И. Н. «Художники круга Н. М. Гушина». СГХМР. Материалы и сообщения. Выпуск 7. Саратов, 1995. С. 148.)

Солянов с Гушиным пишут на Казачьем острове – опять «правлены» этюды Солянова. А вот не Соляновым ли исполнен «Этюд леса» Гушина?

«Этюд леса. Казачий остров». 1957. К., м. 32,5х41,7. Ж-2703. На обороте: ...8 марта 1957 г. Н. Г. СГХМ. Приобр. в 1984 у Калугина А. И. (Саратов).

Выставки: Волга в творчестве русских и советских художников. Из собраний музеев СССР. Саратов, 1985. № 107 (живопись). Каталог «Гушин...». Саратов, 1991.

ГУШИН – «САМОДЕЯТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК»: ЧУВСТВО ДИСТАНЦИИ

Замечательный художник – любитель (не самодеятельный художник) из семьи потомственных русских интеллигентов (его предок известный дореволюционный психиатр) Подъяпольский Владимир Александрович. Картограф – четверть века с ранней весны до поздней осени – экспедиции по всему СССР. Любит степь, на его глазах ее оскудение от рук человека. Дрофа – самая крупная местная птица. Непременная деталь степного пейзажа – прежде так было: где бы ни оказался в степи, обязательно в пределах видимости бродит дрофа. И какая степь без кургана! Курган и изображен на первой картине Подъяпольского: удачная композиция (сюжет трудный для исполнения), прекрасные живописные данные, «гладкое» письмо, типичное начинающему художнику, сменившееся после знакомства с Гушиным на фактурную живопись: куда там? – Да Николай Михайлович сам спрашивал у меня, как я добиваюсь такой фактуры! Так какой же Гушин мне учитель? – Вот, вот! Нашли учителя! Да я лучше Гушина рисую! – это уже другой художник, самодеятельный. Головачев Сергей Иванович, учитель Гагарина по радиodelу, ученик преподавателя СХУ Конягина, который вел занятия с самодеятельными художниками. «Гушин рисовать не умеет. У него на портрете нет затылка, ухо не на месте» – слова Конягина, официальное мнение СХУ доводит для сведения Пашковой Головачев – в качестве своего собственного.

Подъяпольский с Головачевым играют в шахматы, когда к Владимиру Александровичу за дополнительной информацией приходит Пашкова Людмила, научный сотрудник Радищевского музея, готовившая выставку Гушина 1987 года – уходит в слезах. Распался Головачев – не тех художников пропагандируют искусствоведы по своей некомпетентности. До оскорблений Пашковой дошел, а Подъяпольский сидит, помалкивает, не заступает ни за музейных искусство-

ведов, ни за своего друга Гущина. Пашкову провожать не вышел – ее, рыдавшую на лестнице, утешал Шараев Владимир Никитич, приведший к Подъяпольскому.

Неосознаваема дистанция: общение «домами», игра в шахматы с Николаем Михайловичем Гущиным – совершенно иной уровень сознания.

Чистосердечно «улучшил» Владимир Александрович подаренные Николаем Михайловичем картины (портрет Наташи – дочь Подъяпольского, ночной пейзаж с луной и водой). «Ночь на озере». 1965 г.

Чудин недоволен состоявшейся, давно ожидаемой выставкой Гущина: не осветили, не так показали, – ...Даже какая-то самодеятельность... –

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НЕПОНИМАНИЕ ГУЩИНА

«Уроки» Гущина использовал на своей картине Козача Виталий Федорович – «Дед с внучкой на фоне новогодней елки»: елка, разряженная игрушками, изображена «средствами» гущинской живописи, а люди и фон «коровинской» манерой.

«РУКА ГУЩИНА»

Со слов Гущина, Сезанн советовал копировать старых мастеров – «но так, как пишете с натуры». Гущину для заработка пришлось копировать во Франции известных художников: делал и подделки – какой то провинциальный французский музей имеет «раннего Марке» работы Гущина.

Уж не Гушин ли «сделал» портрет неизвестного мужчины «работы Гойи», привезенный им в Саратов из Монте-Карло? Теперь эта работа в Радищевском музее – психологичность высокой экспрессии, свойственная этому портрету – «почерк» Гущина.

Советская экспертиза не признает подлинность этой картины.

ГУЩИН – РЕАЛИСТ: ОДНА ИЗ ИПОСТАСЕЙ

«ОТКРЫВАЕТСЯ» Гушин разнообразно. Мое удивление-непонимание его работой случайным образом сменилось полным «принятием».

«Освещенное деревце». Конец 1950-х – начало 1960-х. К., м., 52,5х47. Ж-2929. СГХРМ. Приобр. в 1987 у Никитина А. В. (Саратов). Ранее – собств. Чудина В. Ф., Свищевой Н. И. (Саратов). (Каталог... Живопись. № 155. Воспроизведение.)

Сюжет «не читался». Красочный слой самостоятелен, в разных условиях освещения – иная неповторимость. Что изображено?

– Разве я, художник, не имею право нарисовать носик чайника таким, каким мне хочется? – слова Гущина, путеводные к понятию «материальных сущностей». – Игра материальных сущностей может быть содержанием произведения искусства. –

Объяснение достаточное для логического принятия картины.

Уровень ощущения – что изображено?

Изображено конкретное дерево с характерным ростом ствола... С тех пор, когда рисовали деревце, подросло оно выше крыши – кстати, этот треугольник – крыша. На том же месте фонарный столб. Не изменилось освещение – фронтальное сверху. Скользит свет по листве – аналогично фактурное решение красочного слоя.

Момент идентификации – мгновенный! Жили мы с Чудиным в полутора метрах от этого дерева: Второй рабочий проезд по улице Красной, дом 12, квартира № 3. И совершенно случайно оказался Лопатин...

...десять лет назад возвращался Гушин вечером от Ольги Федоровны Корпаковой – вот ее дом,

на углу, рядом. Может быть, провожал ее. Был такой обычай у Николая Михайловича Гущина – неукоснительно, обязательно провожать свою гостью в вечернее время до ее дома

ЧУДИНСКИЙ ПЕРИОД В ТВОРЧЕСТВЕ ГУЩИНА

В 1987 году, когда разрешат сделать выставку Гущина, станет возможным выделить краткий «чудинский» период в творчестве Николая Михайловича.

Живопись Чудина – его автопортрет. Куски картона ярко окрашены, как сам художник: зеленые глаза, красное лицо, оранжевые волосы – рыжий.

О «чудинском» периоде 1959–62 годов даёт представление натюрморт с цветами, хранящийся в музее имени А. Н. Радищева. Натюрморт исполнен Гущиным в характерной Чудину той поры цветовой гамме: оранжевое на зеленом также выделяется среди гущинских работ, как рыжеволосый Чудин в городе среди толпы.

Работа Чудина, послужившая «образцом» Гущину, также поступила в Радищевский музей: много стеклянных банок с полевыми цветами на деревянном полу в подвальчике – только жить туда переехал.

Перед открытием выставки Гущина идем с Чудиным по экспозиции – работы уже висят. Говорит Чудин – Кажется, это моя работа! – Молчи, говорю, – и рядом ещё твоя: ты их писал с Аржановым на Марфутке. Пусть висят, хотя бы до открытия, а то я твой «Стожок» опознал заранее (принадлежит Сапожниковой из Омска) и его на выставку Гущина не поместили – напрасно. Пусть бы висел «Стожок» – соответствующая этикетка. –

После открытия выставки Чудин признаётся «не Гущина, мои работы», а ему уже и не верят. Так этюд и вошел в каталог, как работа Гущина.

«Проток» не опознан хронологически. К., м. 39х51 Собств. Микояна С. А. (Москва). № 254. Каталог «Гущин...». Саратов, 1991.

1962 ГОД

Чудин участвует в «закрытой» выставке (для комиссии из Обкома КПСС) вместе с Гущиным и Аржановым. Художники обязаны присутствовать: Завьялова строго предупреждает Чудина, чтобы он рта не раскрывал. На следующий день Николай Михайлович «врезал» Виктору за то, что тот молчал: говорили Гушин, Аржанов, Завьялова.

Итога просмотра Чудин не дождался: наступил срок ехать в Польшу. И по результату Гушин пишет ему письмо: дошло письмо и сохранилось – реликвия.

1961–1962 ГОДЫ: ЗИМА

КАРТИНА ГУЩИНА «ГАНДИ» ПОДАРЕНА ДЖАВАХАРЛАЛУ НЕРУ

Гушин с удовольствием, неоднократно рассказывает об одновременном получении им двух сообщений: Министерство культуры СССР уведомляет о невозможности передать его картину «Ганди» в Индию; Министерство иностранных дел СССР – о предстоящем вручении Джавахарлалу Неру в дар от Советского правительства картины «Ганди».

«Лицо Ганди – затаенно-страстное и внешне спокойное, нервное и мягкое, озаренное мудростью тысячелетий. Глубокие морщины и тени раздумий пробегают по его лицу. Напряженные складки исчертили лоб... освещен в полную силу фон. Густой зеленовато-золотой цвет, как расплавленный металл, стекает по полотну, испещренному горячими красными искрами. И в каждом движении цветовых волн, в каждой складке фона – та же напряженная мятежность, которая озаряет лицо Ганди».

«Советская культура». 1962, № 16, 6 февраля

Сообщение ТАСС («Правда» 28 января 1962 г.): портрет Ганди, национального героя Индии, работы Гущина, от имени Советского правительства подарен премьер-министру Джавахарлалу Неру. Из Сообщения узнаём (сам Гущин не рассказывал), что в войну в Монте-Карло (Княжество Монако) основал близко примыкавший к движению французского Сопротивления «Союз советских патриотов», который поддерживал своими средствами.

1962 ГОД

Переизбран Алексей Иванович Бородин, инициатор гонения Гущина, – председателем Саратовского отделения Союза художников стал Бобров Борис Павлович.

Бородин – в Волгоград: получает квартиру, творческую мастерскую, звание – все заслуженное?

24 августа 1962 года: 24 АВГУСТА

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ САРАТОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ СССР

Присутствуют: Черных – Обком КПСС, Родионова – секретарь Фрунзенского райкома КПСС, Карташев – приезжий художник-«генерал», секретарь Правления Союза художников РСФСР.

Мнение Карташова, информирующего о Радищевском музее, основано на суждениях поспешных и необоснованных (Бобров).

О саратовском формализме – Секретариат Союза художников введен в заблуждение (Палимпсестов).

Друзья, братья и товарищи! Предыдущее Правление – состояние растрепанности, раздрызганности. Атмосфера друг с другом разделаться. Дискредитирование искусствоведов. Научили художников – «как делать». А «что делать?» – этому не учили. Художники должны видеть жизнь, а это даётся опытом, зрелостью. Нам нужно учиться говорить о вещах, у вещей на выставке (Завьялова).

В отношении абстрактного искусства – его нет в Саратове. Есть отдельные фанатики – Аржанов... не умея рисовать, писать... мы в корне его пресекли (Гуров).

Аржанов, который работает в музее, – не художник, у него нет произведений, а то, что есть – мыло (Русецкий).

Прения внутри вызваны нашими же товарищами. Коллектив оказался выше их дрызг (Архангельский).

Фамилия Гущин на собрании – «не употребляется».

Общее собрание Союза художников принимает резолюцию, что в Саратове нет формализма.

Секретарь Союза художников Прокопенко предлагает Гущину вступить в Союз художников: «Сплощенное осиное гнездо» (Гущин), «Волки сбиваются в стаю» (Аржанов Михаил).

На предложение Обкома о творческой встрече с художниками Гущин отвечает отказом: *«Горечь же свою, что мною потеряны последние четырнадцать лет, что я лишен был возможности заняться педагогической деятельностью, по настоящему не мог войти в интенсивную творческую работу, а вынужден был ограничиться реставрационной работой в музее – всё это пусть остаётся на их совести».*

(1962 год, приложение к письму Чудину в Польшу с припиской: «Прилагаемое письмо в Обком прошу сохранить. Н.Г.»)

ГУЩИН «ОПЯТЬ УЧИТ»

В самом гущинском характере было заложено учительство. Он охотно делился знаниями со всеми, кто готов был его слушать. В реставрационной мастерской собиралась группа сотрудников – Огарева, Пугаев, Петрова (Гродскова), Чернышев, приходили Свищева, Абрамова. Все хотели учиться рисовать. Гушин ставил натюрморты, давал советы и указания. У Пугаева были заметные успехи в рисовании.

(Ирина Пятницкая. 6 июня 1993 г. Обсуждение каталога выставки «Формула цвета»)

Гушин играет в шахматы с Эмилем Арбитманом, научным сотрудником Радищевского музея. Николай Михайлович переполнен летними впечатлениями, с воодушевлением рассказывает о посещении Саратова студией Белютина, арендовавшей теплоход по маршруту Москва – Астрахань и обратно. Гушин студийцами приглашен посмотреть их работы, оказавшиеся «абстрактными».

Гушин говорит, что на Западе художники предоставлены сами себе, общественное внимание к проблемам искусства на уровне Советского правительства – это хорошо, выступление Хрущёва – это только начало. Арбитман откликается: «А, по-моему, конец будет самый неинтересный».

Проницательность Арбитмана меня поразила позже, а тогда удивила – потому и запомнилась: сам я в числе гостей Гушина побывал на Белютинском теплоходе – никакого сомнения в светлом будущем.

Э. Белютина знаем по книгам: популярное пособие для самодеятельных художников «Начальные сведения по живописи», Искусство. Москва, 1955 г. Тираж 150 000 экз. Вместе с Н. Молевой автор двух книг о Чистякове – учителе русских художников от Репина до Борисова-Мусатова.

Н. Молева, Э. Белютин. «П. П. Чистяков. Теоретик и педагог». Изд. Акад. худ. СССР. Москва, 1953 год. Тираж 10 000.

«П. П. Чистяков. Письма, записные книжки, воспоминания. 1832–1919». Материалы подготовлены к печати и примечания к ним составлены Э. Белютиным и Н. Молевой. Гос. изд. «Искусство». Москва, 1953 г. Тираж 10 000.

«Педагогическая система Академии художеств ХУШ века», Искусство, 1956 г. Ещё двух книжечек о педагогической системе Академии художеств ХУШ–ХІХ веков; книги «Школа Ашбе» – о связях русского искусства с мировым. В последней были помещены репродукции учебных работ – кого бы думали? – Кандинского!

Готовится к выходу третий том – «Русская художественная школа второй половины ХІХ – начала ХХ века», логическим завершением которого были впервые после 1920–х годов воспроизведенные произведения Кандинского, Малевича, Гончаровой, Ларионова, Рериха, Петрова – Водкина.

(Нина Молева. «Баланс столетия». Москва, Молодая гвардия, 2004. С. 450.)

Студии Белютина – двести пятьдесят человек! – позволено арендовать теплоход, руководитель студии Белютин такие толковые книги пишет, студийцы – абстракционисты: **«разрешают»?**

ИЗ 2006 ГОДА

«Пусть теперь остановят!» – Гушин: *вспоминает Солянов* – «Остановили!».

ПАВЕЛ КУЗНЕЦОВ – 1962 ГОД –
о работах студийцев Белютина

Такое искусство или не такое! Факт, что оно есть, – вон кругом. Хотите смотрите, хотите нет – ему этим не мешаете. И слава богу. Искусство, по моему разумению, объяснять надо, если уж кто решил искусствоведением заниматься, еще лучше – просто переживать. А судить, приговоры выносить... это дело палачей всякого рода. В том числе и от искусства. Грязное занятие. И глупое.

(Нина Молева. «Баланс столетия»... С. 389.)

После посещения Хрущёвым Манежа – небывалый интерес к искусству. Мой московский товарищ пишет, что в Манеж повалили толпы, с порога очередной посетитель спрашивает: «Где тут обнаженная Валька?» – (трансформация фамилии художника Фалька и названия его картины).

Слово «абстракционизм» стало общеупотребительным.

Обижается самостоятельный художник из Пугачёва (Саратов – «деревня, тётка, глушь», а город Пугачёв дальше Саратова на триста километров): – «Проходу нет, сажусь этюд писать, всегда подходят посмотреть, что делаю, так теперь ещё кто-нибудь непременно скажет: – «А, абстракт!»

1962 ГОД: ДЕКАБРЬ

«ТВОРИТЬ ДЛЯ НАРОДА»

...нельзя не признать, что «новаторство» в какой – то мере проникло и в среду саратовских художников. Такие художники, как Чудин, например, своими поисками тоже хотели бы «сдвинуть» искусство, но не вперед, а в сторону от столбовой дороги. Не этим ли объясняется и то, что в советском отделе музея имени А.Н. Радищева показываются слабые, чисто формальные опыты художника Аржанова и других.

(И. Новосельцев, член Союза художников СССР. «Жизнь – источник вдохновения». Газета «Коммунист», 6 декабря 1962)

1963 ГОД: ЯНВАРЬ

«СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО СОЗДАЕТСЯ ДЛЯ НАРОДА»

Кое-кто из этой братии хотел прикрыться поисками новых форм в искусстве, способных выразить новое содержание, но их быстро разоблачили. Именно они отрицают форму, как таковую, отрицают сюжет, композицию, натуру, свет, все художественное наследие предыдущих поколений.

(А. Кибальников. «Встреча Кибальникова А.П. с молодыми скульпторами». Газета «Коммунист», 13 января 1963)

1963 ГОД

ИЗ ЭКСПОЗИЦИИ РАДИЩЕВСКОГО МУЗЕЯ УБИРАЮТ «ГОЛУБОРОЗОВЦЕВ»
(кроме Миловидова) и «формалистов»

Предсказания Арбитмана начинают сбываться.

В Радищевском музее новая комиссия во главе с Миловидовым – Союз художников изымает из постоянной экспозиции Советского отдела Павла Кузнецова, Юстицкого (Вид Радищевского музея со стороны театра, из скверика), парного ему размером Загоскина, Михаила Аржанова. (Солянов себя сам снял по совету Завьяловой).

(«Пример мрака – руками художников вынесли» (Солянов)). Гушину так понравился свеженарисанный пейзаж Солянова, что он своими руками повесил его в экспозиции. «Пейзаж» Солянова тогда еще не был закуплен Радищевским музеем, однако некоторое время экспонировался.

Солянов: «Душанбе. Осень». 1963. Х., м. 50х69. Пост.

Свою картину «Волга» Миловидов оставляет в экспозиции.

ИЗ 1986 ГОДА:

Завьялова у нас в училище преподавала, она меня приглашала в музей работать фотографом. А Гушин читал в училище технологию материалов, я у него старостой был.

У меня уже сын был, в сорок седьмом родился, а тут дали комнату в общежитии.

Я ушел на преподавательскую работу, но летом все время в Пристанном рисовал. Гушин на Казачьем писал. В сорок девятом году ездил с ним – сначала он был спокойный, а потом комок нервов. Мне нравилось только то, что он писал с натуры – я хотел приобрести... но я не мог. У меня один этюд украли – он его поправлял: три мазка положил и все по другому стало.

А с натуры он писал исключительные этюды. Они все в Москве. Начало было – это сплошные мазки в разных направлениях. Подготовка – картон грунтовал желатином. Он был живописец – к рисунку шел. Рисунка не было никакого – мастихином и так, и так, и так. Писал очень быстро, не больше трех часов. Я много раз видел, как он рисовал на Казачьем острове. И «Ганди» видел, как он начинал. Мастер сильный, что говорить. Помню портрет «Ганди» перед тем, как он отправлял в Индию. Где-то у меня газеты были, поздравление Неру было. У меня была вырезка из «Вечерней Москвы» – негр воспроизводился.

Завьялова меня хорошо знала. Если в музей приходил, Гушин вел меня в мастерскую, пойдим... Завьялова его ценила: как выставка, берет его, и он разбор картин дает и уж она после...

(Козача Виталий Федорович: рассказ о Гушине).

1963 ГОД:

ВСПОМИНАЕТ СОЛЯНОВ

Приходит в реставрационную мастерскую Завьялова –

– Не знаю, что делать...надо готовить доклад Обкому ...в свете последних постановлений. –

Аржанов говорит – Валентина Федоровна! Надо внимательнее читать партийные документы... не только борьба с формализмом, но и против серости в искусстве. –

Та себя по лбу хлопает – Все! Я пошла писать...–

Собрались: в первых рядах Правление Союза художников – сидят, «конфетку» ждут...

А их за серость!..

1963 ГОД: 26 февраля

СОБРАНИЕ АКТИВА ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ГОРОДА САРАТОВА

ТОКАРЕВ (*директивное выступление*):

...проблема партийности, народности в искусстве.17 декабря 1962 года, встреча руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства... ЦК в общем удовлетворен положением дел в области искусства... В семье не без урода. Одиночки – отщепенцы оторвались от народа... поддались, на все самые антихудожественные лады кривлялись. Кто желает быть костоломом – смотрите «Обнаженную» Фалька... Неизвестный – груды костей...

...Разрушенная классика... Поиски новых форм? Что и во имя чего ищете? Что утверждает? Нет, и не может быть свободы для извращения. «Обуздать сумасшедших от искусства... даже при

коммунизме!»: Хрущев. Формализм – попытка уйти из-под влияния Союза художников.

Положение в Саратове... охотно говорим о многообразии стилей, а разобраться... пятьдесят творческих командировок. Результат: серые и непродуманные произведения. Нет большого творческого накала, мысли, души, широты полета.

БОБРОВ, Председатель Саратовского отделения Союза художников СССР:

В Саратове музей, училище, консерватория. Культурные традиции – их продолжение... сейчас эта задача падает на наши плечи.

...положительное... увеличивается количество любителей искусства. «30 лет МОСХА»... и посещение руководителями... доклад Ильичева, поставили ряд насущных проблем. Как и на любой выставке, есть хорошие, средние и слабые... Группа Белютина: абстрактное искусство не прогрессивное. Вспоминаю свою молодость... даже тогда никто за этим искусством не пошел... «Пространственное построение» – Юстицкого, «Черный квадрат» Малевича. Сегодня поддались моде художники, потому что они не видели...

Очень плохо, что у нас в художественном училище молодежь оберегают, не знакомят... целый промежуток времени выпадал: Корин, Нестеров – одна ветвь; Юон, С. Герасимов – другая. Различные индивидуальности...

ИЗ ПРЕЗИДИУМА: «О ДЕЛЕ, ПОЖАЛУЙСТА!»

ДУБИНСКИЙ, директор цирка:

...портреты и покосившиеся сельские хаты на наших выставках. Потому и не ходят...

ОЛЬХОВСКИЙ, главный режиссер театра имени К. Маркса:

Реализм не значит серость, традиции иногда не очень хорошие. Мы должны быть очень мудрыми и очень горячими, иначе искусство умирает и превращается в службу.

ВЯЗОВАВА, актриса ТЮЗа:

Куль у нас уничтожен, но служители его остались... Единство и борьба противоположностей – источник движения нашего искусства. Реализм... и абстракционизм – недоступное... Если мне не с кем бороться, откуда появится гражданский пафос?

...мозги абстракционистов не повернем. Надо допустить абстракционизм в музеи.

О принципиальности в споре... не надо заниматься избиением. Как будет наше искусство развиваться, исходя из этого антиправдивого и античеловеческого принципа?

ИСАЙ ТОБОЛЬСКИЙ, поэт:

...противоположности получились, но единства нет... один процент абстракционизма в искусстве – один процент халтуры.

ПРОСЯНКИН, директор СХУ:

Вопрос Вязовой важный... требует свободы и того, и другого. Демократизм стал широк. Недоцениваем школу – показать правильный путь... Буржуазная мода – появились кафе – столовых мало? Очередь в кафе – на полквартила! – наши студенты штоль? Был Горохов, так мы его исключили! Чудин попал под влияние...

Для чего был выставлен в Радищевском музее Аржанов, Павел Кузнецов?

ДИРЕКТОР КУКОЛЬНОГО ТЕАТРА

Абстракционизм – какая же это противоположность? Это болезненный вывих! Зачем бороться, надо лечить!

Очень грустно выступление Вязовой.

Борис МАНЖОРА, музыковед

«Путаница в наших собственных мыслях – выдается за объективное положение дел» – о Вязовой.

«Если все время слушать эту музыку (западную), то начинают понимать, что ничего другого нет» – о молодежи.

ЗАВЬЯЛОВА, директор музея им. А.Н. Радищева:

Исключительное значение... события. Преодолеи однообразие живописного языка художника... Сражения творческого порядка. Удивительное разъединение отряда творческой интеллигенции в городе Саратове. Жизнь обывателя, а не интеллигента.

И. ДЕМИДОВ, секретарь Обкома КПСС, заключительное слово:

Фомичев – «У мельницы». Кому нужна эта тема? Зачем тащить ее на выставку?

«Волга у Балаково» – отстал от жизни. «Цементник» – грустное настроение рабочего. За ним стоит не гигант современной металлургии, а старый заводик.

«Во дворе» – Новосельцев: спрячьте подальше.

«Семь кур» – Бобров; «Хмурый день» – зачем?..

Вывод: общественность обеспокоена за Союз художников.

Проблема: больше внимания молодым кадрам.

1963 ГОД, ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ
ВЫСТУПЛЕНИЕ В. Ф. ЗАВЬЯЛОВОЙ
НА ОДНОМ ИЗ СОБРАНИЙ КОЛЛЕКТИВА РАДИЩЕВСКОГО МУЗЕЯ

Для чего эта литература издается?.. Что такое выставка Леже? Нужна ли она?.. Что такое абстракционизм? Против чего выступают в Москве?.. Зигзагообразный опыт Машкова... «Что крамольного в этом портрете? Почему он несостоятелен, Михаил Поликарпович?».

«Реализм одряхлел?» – вопрос не имеет право на свою постановку.

Академическая сторона – античное искусство ценится: многие стороны не отражены.

Литература об искусстве на недостаточном научном уровне... набор слов (Рублев, Перов, Врубель), штампованный характер реализма... известная ограниченность в развитии реалистического искусства заставляет обратить внимание на формальные стороны.

Экстер, для сцены: многообразие комбинации цвета... известный лабораторный интерес.

не в плоскости абстракционизма... При помощи цвета... объем – Сезанн... Задача рабочего порядка: не в конструктивных решениях, а в тематических.

...относиться квалифицированно, поправлять умело... «Куда пошел художник? Как пошел?» За последнее время советская живопись очень посерела (палитра)... «А почему советские художники пишут хуже старых?» В одной гамме глухих – коричневая, черно-синяя... помпезный зал «Советская Россия»: публика слепа.

Ткачевы: «Белье полощут» идут от Коровина, Серова. Глаза поставлены не как у мальчиков 17-ти лет... эпигонство.

Живописное выражение степей – эту традицию не продолжают... «не выбросить с водой ребенка»... Эскизно намечен П. Кузнецовым... к этим вещам надо присматриваться. Была традиция, мы не поддержали.

Стоит проблема: нет современного городского пейзажа... Алексеев... эти попытки не нашли своего продолжения.

Нисский – очень много нашего времени. Наряду с недостатками... непространственно, необъемно, непластично... Не хватает живописных силенок, легче под Левитана, Шишкина.

... «бурный разговор» только начался в искусстве...

Надо рассмотреть, поднять и продолжить Павла Кузнецова.

...орнамент – прикладное искусство что такое? Не абстракция?

Несколько лет назад тупик – нет современного орнамента. Новые мотивы, формы, принципы раскраски. Абстрактные произведения... от этих вещей, хотя и не в таком чистом виде...

Функциональные методы раскраски стен – принцип биологического подхода. 27 – 31 годы... расцветка зданий идет отчасти и по этому пути. Станки, стены цехов... «Жизнь должна быть красиво раскрашена». «Интересно, просто приятно»... Нельзя кувшин сделать так, чтобы из него нельзя было налить воду или пить... не к формотворчеству – моральная перестройка: нужно психологически переродиться... не терпят рухляди – чтобы жить: о стиле новых квартир. «Моральная реконструкция человеческого общества»... Курбе призывал художников...

«В чем наибольшая слабость местных художников?» Отсутствие настоящей культуры – живописной и всякой.

Не всегда умеем понять, что у нас находка или что потеря...

Вальков, Чечнев – за пределами искусства, отрицание искусства как такового... Рыбаков – стародавний, консервативный... Сапунов, Кустодиев, Юон – подозрительное отношение...

«О многообразии» – явления требуют своего языка...

1963 ГОД

ОБСУЖДЕНИЕ ВЫСТАВКИ («ПОЧИЩЕННОЙ») В РАДИЩЕВСКОМ МУЗЕЕ

ГУРОВ:

...абстракционисты – агентура врагов коммунизма... но народу такое новаторство не нужно... боевое революционное искусство, повышение его роли в коммунистическом воспитании трудящихся масс...

...требование к бойцам идеологического фронта – быть идейно теоретически грамотным и бдительным. У нас недооценка значения марксистско-ленинской теории... повышение уровня всей идейно-политической работы... неперенный успех... ориентирует в обстановке и увидит перспективы.

ЧЕЧНЕВ:

Абстракционизм – искусство, которое не нравится народу.

ЕРЕМИН (Обком):

...новое торжество коммунистической идеологии, сокрушительный удар по буржуазной идеологии... подъем работы по коммунистическому строительству в нашей стране.

Наша организация художников Саратова... зрелость, сплоченность – у нас не было проникновения буржуазной идеологии. Но есть недостатки... Фомичев – талантливый художник, рисует... Базарный Карабулак. Зададим вопрос «200 лет назад можно было написать этот пейзаж?» Вот пример отставания от жизни... технический прогресс... духовный мир советского человека, воспитываемого нашей партией. В борьбе за подъем сельского хозяйства работа художника значительно ослабла.

...воздействие на умы людей. Абстракционизм у нас почвы не имеет, но он будет пытаться к нам проникнуть... ориентироваться на молодежь... о религии – надо подтянуть... как следует воспитывать народ в духе преодоления трудностей. А Фомичев – пейзаж это или натюрморт, я не знаю, но как надо рисовать сейчас скажу...

«А ТЫ КТО ТАКОЙ, ЧТОБЫ НАМ УКАЗЫВАТЬ, КАК НАДО ПИСАТЬ?» –

– в противоположном углу зала встал фронтовик без руки, художник из города Энгельса (у Еремина тоже нет руки) ...в тишине не дождался ответа. Вышел...

ПАУЗА.

ЕРЕМИН (продолжает):

...травка, лужайка – все это можно, но не это составляет главного в нашем искусстве... дважды увеличено производство, одного корда на пять миллионов покрышек, а что мы видим на картине «Волга у Балакова»: берег, водичка, а что дальше?... баржи... Пройденный этап!

«Цементник» Фомичева. Портрет слабоват – никуда не зовет... художники искажают... человеческие черты плохо скопированы – фон даже копируют не так, как надо. Облагораживать, а не обезображивать... повысить активность...

БОБРОВ – участник Второго Всесоюзного съезда художников:

...группа Белютина – не видеть успехи страны. Главное – острота политическая притупилась.

...16 договоров Зональный выставком заключил... в Волгограде делают портреты передовиков по заказам предприятий и заводов... по существу наше искусство новаторское.

10 апреля состоится съезд художников, апрель 64 года – зональная выставка «Советская Россия»... перед величием цели должны меркнуть личные неурядицы...

...натурализм не в выписанности деталей, а в равнодушии, пассивности...

ГУРОВ – повторно выступает:

...«измы» – это капля в море советского искусства... не надо замалчивать наши достижения...

Пластов: «парашютисты» появились и началось брожение среди молодежи.

Искусствоведы в формализме повинны, искусствоведы: не остановили ищущую молодежь... «искусство вне политики» – в головах теоретиков очень много путаницы. Пикассо, Матисс – крайне левые, а их не разоблачают... абстрактное искусство – что хочу, то и делаю... если рисовать то, что захочется нам, оставляя нашу прекрасную жизнь...

Вот Фомичев – лучший живописец, а его «Цементник»?

Глаза грустные – это рабочий не сегодняшнего дня, такими были люди до Советской власти... период дореволюционный. Натурализм не только в почерке, а в отношении художника к действительности.

...но ведь Левитан когда жил? Передовой художник должен показывать... надо прекращать эти вещи писать. Главное – это механизация... через искусство показать главное, нарождающееся. А Фомичев – лошадки...

МИЛОВИДОВ:

...1918 год – учился... Все становление советского искусства прошло на наших глазах... двери были широко открыты для всех, только работай, учись.

...перекрашенные гипсы: «Венера» красная, «Аполлон» синий – мастерская футуриста Константинова. Савинов – горшок, вобла, кусок черного хлеба, спички... те же предметы, прикрепленные проволокой – кубисты, то есть все превращали в кубистическую форму.

Степашкин, Кравченко, Уткин, Белоусов – но многие творили так, как они хотели творить – в результате была потеряна школа. Появились произведения страшно уродливые, слабые по рисунку, по форме... достижения в советском искусстве очень большие, сравнительно с тем, что было после революции.

Недостаточно понимаем значение своей школы... Ван-Гог и Маковский – «На свидание к сыну» или «Неравный брак» Пукирева... приелась, надоела, а ведь это сильнейшая вещь по психологии. Идейная направленность... хоть они нам надоели, но ведь мы их любим, весь народ их любит. У нас глубокое понимание, а там наслаждение жизни – Мане и сам аристократ... они не ценили народ, жизнь его, интересы... Дерен фашистам взялся прислуживать...

У нас тоже... вот Соколов-Скаля видит войну – та же тема у саратовца: Неменский «Высота взята» – неправда о войне. И его же картина «Дыхание весны»...

...заставляет думать. Картина должна быть понятна всему человечеству.
Солдаты нашей партии – художники!

И. П. ДЕМИДОВ, секретарь Саратовского обкома:

...рост, рост молодых... и более зрелых... Ткаченко:

«Чабан», Жуков: «Девушка с цветами... плоты на Волге... Бородин: «Мы еще вернемся», Гришин: «На полевом стане», Фомичев: «Меловой берег»... Давыдов, Кучма, Романов – под единым псевдонимом, как Кукрыниксы – удачно работают... строительство моста Саратов – Энгельс... Вальков, Осипов, Медведкин...

Серость... скука и безразличие... журнал «Художник» – унылое впечатление. Главная беда не в увлечении абстракционизмом и формализмом – не отражаем злободневные темы, несовершенство мастерства, ремесленничество. Однообразие и мелкотемье – изображаем жизнь на задворках... «Пройденный этап?» – тогда не выставляйте их на выставку... герои труда, замечательное время... борьба за подъем сельского хозяйства.

...пропагандировать свое искусство: выставки почаще – поближе к народу... а то только в музее репродукции делать.

МИЛОВИДОВ – зачитывает Проект резолюции... голосование единогласное: «Замечательно».

1963 ГОД

18 декабря совершенно неожиданно умерла Валентина Федоровна Завьялова от быстротекущего рака и от огорчений – начальникам перестала угождать.

Директором назначают Владимира Григорьевича Пугаева – заместителя директора по научной работе.

Исполняет обязанности заместителя директора по научной работе Эмилий Николаевич Арбитман – научный сотрудник, утвержденный на этой должности только в 1965 году, после похода в ОБКОМ КПСС делегации от коллектива музея: Оболенской Наталии Ивановны, Огаревой Нонны Валерьевны, Гродсковой Тамары Викторовны.

1965 ГОД

Умер Гущин Николай Михайлович – долго болел. Лежал на обследовании в железнодорожной больнице. Уточнил диагноз в Областной психиатрической больнице – «На Алтынке». (Попросил меня познакомить с Григорьевым Николаем Андреевичем – врач, вместе с женой Руфиной Николаевной работают «На Алтынке».) Полмесяца пребывания – согласился на лечение: после химиотерапии у Николая Михайловича выпали бело-снежные кудри и стали на голове расти черные волосы, отпустил бороду.

Николай Андреевич Григорьев – незаурядная личность: автор «Формулы цвета». В обстановке непонимания, решение «Формулы цвета» нашел Чудин Виктор Федорович. Отец Григорьева Серебряков Андрей – мастер по стеклу: его «Портрет Ленина» 1924 года висел на стене Саратовского Водоканала – место ему в музее, хотя бы краеведческом. Семья Григорьевых – муж, жена, двое детей – все рисовали: выставка их работ может оказаться сенсацией. Дочь Лена в девятом классе написала маслом на картоне «Голову рыбы»: вернее всего «Гущинского круга» приняла идеи Николая Михайловича – игру материальных сущностей.

1963 ГОД

Аржанов в письме размышляет – не уехать ли из Саратова, пока не выслали: «семейное» – отца Михаила, зажиточного крестьянина (держал конюшню, были скаковые лошади) Советская власть искала, чтобы расстрелять, а он упасся, перебегая из одного населенного пункта в другой.

Аржанов отпускает бороду – для работы над образом Фиделя Кастро Гущину нужен подходящий типаж.

Гущин – рисует и приговаривает: «Что красота в искусстве? Жизнь надо претворять в красоту!».

О себе говорит, что по западным меркам не был богатым человеком. Жил в Монте-Карло (Княжество Монако), имел мастерскую, неплохую коллекцию живописи, из которой в Саратов привез: портрет работы Гойи, картину Ван Тройена, икону Равеннской школы, скульптуру Менье. Имел яхту с мотористом. Когда плохое настроение – разыгрывалась буря: Гущин брал с собой любимого кота, уходил на яхте в бушующее море.

Да зачем же вы вернулись? Живёте в коммуналке, недоброжелательное окружение, опасность ареста за свои неординарные взгляды. На мой вопрос, а затем при мне его ещё дважды так спрашивали – один ответ: «Вы ещё не понимаете, молодой человек, что такое тоска по родине».

1913 ГОД

Верю. Будет пора, и воистину свет
Всех возрадует славой цветущей
Это будет художник – поэт
Николай Изумительный Гущин.

Василий Каменский

1914 ГОД

...очень подружились с товарищем по школе художником Гу- щинным. Красивый, веселый, талантливый, он был постоянным соперником... и в городки, и в лапту, и в горелки.

(В. Н. Яковлев. «Мое призвание». Москва, 1963. С. 289)

ИЗ 2000 ГОДА: О ЧЕСТНОСТИ, СВОБОДЕ

В Саратове... было и несколько честных художников, не пятнающих себя конъюнктурой – график Александр Скворцов, живописец Иван Щеглов. Но они жили разрозненно, каждый сам по себе: советский человек был выучен, что там, где собирается больше двух, власти непременно мерещится заговор, и рекомендация Щедрина «не высовываться» была взята на вооружение. У Гущина перед ними было то преимущество, что он при советской власти не жил, от ночного стука в дверь не вздрагивал, к черным воронкам не прислушивался, постановлений партии и правительства по вопросам искусства не изучал и не посещал вечерней партийной школы. Он приехал в сталинскую Россию внутренне абсолютно свободным человеком. И хотя очень скоро понял, что приехал в страну тоталитарного режима, уже ничего не могло изменить в его внутреннем строе. Он остался и всю жизнь оставался человеком, с гневом воспринимающим даже легчайший признак насилия над собой.

(Наталья Свищева. «Противостояние». «Богатей». 2000, №1 (65))

1949 ГОД

Гущин в школе № 8 преподавал черчение и рисование. Узнал об этом после выхода на пенсию в 1978 году – был с инспекцией по школе: приказ 1949 года о принятии на работу подписан За- врайоно Ермаченко. Жил под лестницей в школе Гущин. *(Козача)*

И еще что видел – как он (Гущин) бегал на коньках. В короткой куртке, так гонял на стадионе возле Липок: как-то с училища иду в сорок девятом году – еще учился (Гущину 61 год). *(Козача)*

1950–1955 ГОДЫ

Мы с ним катались на коньках.

ИЗ 2000 ГОДА

...вилла «Марфутка» на Сазанке... Перебывали все его знакомые, вся интеллигенция города... можно было видеть всех милых молодых женщин, входивших в круг его общения.

(Свищева. Обсуждение выставки «Гущин – Аржанов»)

1959–1961 ГОДЫ

...Зимой на Марфутку ходил с нами на лыжах *(Богадельщикова)*

1956–1962 ГОДЫ

Другом Николая Михайловича была балерина Дубровина. Когда он шутил, говоря: для чего нужны мужчины женщинам, она говорила – для удобства.

В то время наши дети малые рисовали и Николай Михайлович, наблюдая, им что то указывал или поправлял, а то и проводил кисточкой штрих.

Лодка у него была три лошадиные силы, огромная – тихход. Так мы часто катались. А однажды заплыли далеко, потом сели на мель, выбрались и вернулись только поздно вечером, добирались в темноте. Но в этом тоже была какая то незабываемая красота.

Жизнь Николая Михайловича довольно сложная, но он никогда не унывал. Был большой оптимист. Все ему было хорошо. Был доволен, что опять в России.

(Милица Федоровна Гликман-Смирнская. «О Гущине». Архив СГХРМ)

Гущин любил артистическую среду.

(Анна Валентиновна Юстицкая)

...появившись в Саратове в 1947 году, оказался в центре всеобщего внимания – словно в свете прожекторов. ...приобрел здесь друзей – круг общения Гущина в Саратове был довольно широким: музыканты, врачи, преподаватели вузов, художники, искусствоведы, артисты, вдохновляющие его модели и восторженные почитатели таланта. Его загадочная биография, его трагическая судьба, его искрящаяся сверкающая живопись. В творчестве Гущина они находили то новое, что представлялось им прорывом к искусству будущего: ослепительная мощь колорита, живописная маэстрия, энергетическая сила произведения. Магнетизм его личности притягивал самых разных людей, он же умел разговаривать с каждым на понятном собеседнику языке: с бакенщиком на Волге, профессором Университета и курирующим его чиновником от искусства.

(Пятницына. «Памяти Николая Гущина и Валентина Юстицкого». Около 2000 г. Рукопись.)

На Волге у Гущина в лодке студенты... физики – лирики, художники – редкое исключение. Свищева привыкла видеть Мишу Аржанова среди рыбаков, вечно он лодку ремонтирует, в моторе возится, пилит, строгаёт – «вдруг Гущин откомендовал Аржанова художником, да так лестно».

Всех поражала удивительная художническая память Николая Михайловича. Он рассматривал свежие, только написанные этюды и сразу их запоминал. Замечал даже незначительную поправку, если автор через несколько дней к этюду возвращался. Чудин вспоминает, как маэстро,

долго разглядывая его этюд, слегка поправил его, поставив одну красную точку. Крепко подумав над этой поправкой, Чудин понял – Она конструкцию дает! –

(Пятница)

1963 ГОД

Матко Виктор, живописец, исключен Просянкиным из училища за строптивость. Лето: жалуются Матко, Гущину – все понятно, за исключением пункта «ночевать негде». – «Как? Под любой лодкой на берегу!» – Матко сухопутный бродяга, с Украины, откуда знать ему? Ночевал ли Николай Михайлович в княжестве Монако, на Лазурном берегу, под лодкой, неизвестно, а уж на Волге точно – пока сарай не купил...

«Старая Волга» – одни легенды остались.

1964 ГОД

ХУДОЖНИКУ

Не знаю, может, вы и гений,
Творец видений голубых,
И никаких иных видений
В подлунной мгле не полюбив.
Вскипает мысль, как пена в чаше,
И чем грозней, тем не правей,
Из – под нахохлившихся ваших
Лишь чуть не зевсовых бровей.
Но там, под ней, не тот напиток.
И ваша ярость – не гроза
Для переплывших море пыток,
Смотревших ужасу в глаза.
Вы все палитры перебрали,
Но мы в удушливой пыли
Вне ваших шелковых спиралей
Окровавленные цвели.
И потому немного тужим,
Что, столь приятны для очей,
Вы ни людским сердцам, ни душам
Не приготовили речей.

Валентин Ярыгин

В небольшой комнате Гущина стены впритык завешаны его картинами: меняются местами, уходят, появляются новые. Всегда на своем месте – над дверью до потолка – картина Валентина Михайловича Юстицкого «Весенние радости».

1958 ГОД

СТАРАЯ ВОЛГА

В Саратове у Гущина не яхта – лодка, и нет моториста, сам дергает ремень – мотор старый, но заводится. И Николай Михайлович – семидесяти лет, голый по пояс, сухощавый радостно изображает кровожадность: «Сарынь на кичку!», а то и прочтёт всё стихотворение своего друга юности, земляка, авиатора, поэта («футурист жизни») Василия Каменского по просьбе восхищенных присутствующих. И другие стихи – все начала XX века.

И грустно: «А вот Иннокентий Анненский никогда не получит широкую известность». Синтез искусств, разве к нему не эпиграф – связующий живопись, музыку, поэзию, балет – цитата:

Люби раздельность и лучи
В рожденном ими аромате.
Ты чаши яркие точки
Для целокупных восприятий.
Анненский

«Старая Волга»: лодки стоят на улицах у домов, как теперь автомобили. Летишь в командировку, выглядываешь из самолёта – мешок пустой потрясти над тазом с водой – столько лодок от Саратова до Маркса на Волге.

У саратовцев огороды. Дача не в обычае.

Живут Волгой: рыба, огороды на островах, тогда не затопленных, отдых на воде. «Гулянка», так называется лодка – на остров перевезет, а там «райские кущи», ручьи текут.

Проехать и пройти посуху на Зеленый остров можно только при низкой воде, по обнажившейся дамбе.

Аржанов Михаил едет на велосипеде при низкой воде на Зеленый остров – на дамбе в солнечный день темно под осокорями. Вековых этих осокорей не осталось после поднятия Волги.

У Гущина «дача» напротив Саратова – на «Сазанке» сарай. Но прима-балерина Дубровина так успешно занимается хозяйством, что восклицает Гушин: – «Ну, настоящая Марфутка!». Появляется на двери сарая надпись «Вилла Марфутка», по западному обычаю давать загородным усадьбам имена служанок (*сообщила Маргарита Богдельщикова*).

ГОЛУБЫЕ ВИДЕНИЯ

«Вилла Марфутка. Приют моих голубых видений» – надпись на сарае. Молодые девушки льнут к Гущину, они и есть его «голубые видения». У деликатного, даже к детям на «Вы», Николая Михайловича отношение к женщине – из Серебряного века: «Незнакомка» (Прекрасная) – «София» (Премудрость Божия).

Пишет письма. Огарёва Нонна Валерьевна в Радищевском музее с 1948 года. Утром приходит на работу, на её столе в уголке письмо лежит. Через несколько дней – другое. Собралась стопка. Перевязывает веревочкой: – «Николай Михайлович. Такие мысли – это общественное достояние. Не могу взять ответственность держать у себя».

Бурное объяснение – очередной разрыв отношений. Но чистая правда на двери «Виллы» написана – не одно голубое видение у Николая Михайловича.

Свищева и через сорок лет переживала: «Иду по проспекту Кирова – Гушин навстречу, уже с Зорой Абрамовой. И меня «не увидел», и от меня отвернулся – ах ты, трах – тарарах».

...женственность я утверждаю в аспекте девственности, а не материнства.

(Гушин. Из письма к Ненашевой. 1955 г.)

Был (у Гущина на Западе) и такой эпизод. Писал он портрет одной кинозвезды. Пришел за гонораром, она его встречает в обнаженном виде, он страшно рассердился и убежал, так и не получив денег. Он был нравственно чистым.

(Воспоминания Милицы Фёдоровны Гликман-Смиренской о Н.М. Гущине. Без даты. Архив СГХРМ).

О! ЖЕНЩИНЫ!

...дарит Гушин свою работу Дубровиной. Однажды приходит в гости – вечером: за дверью – семейный скандал. Подарок – живопись стоит перед дверью, на полу, в общественном коридоре.

доре. Берет Николай Михайлович свою собственность, тихонько уходит – и никаких разговоров потом: ни он, ни она.

(Со слов Гушина: Солянов)

Зрелые женщины настороженно и неоднозначно относятся к Гушину.

«Дамский угодник» – вспоминая 1948 год в 1995 году. «Такие люди были всегда, есть сейчас и будут. Мы должны быть счастливы, что нам на пути встретился... я знала хорошо Гушина... и сейчас на выставке прошлое вернулось – жизнь прекрасна»: Серебровская Любовь Александровна, танцовщица, балетмейстер – 2000 год, обсуждение совместной выставки «Гушин -Аржанов».

Нила Константиновна Шилова, если б не дочь Танечка, вспоминать не хотела – (на стенах картины Гушина, весь «иноземный» имидж Гушина её рук дело).

Повзрослев, «голубые видения» переписки с Гушиным стеснялись, его письма не сохраняли.

Лариса Сулковская (с нее картина Гушина «Летающая» – не решилась принять в подарок) дневник той поры хранила до 2007 года – информацией не поделилась.

ИЗ СОХРАНИВШЕГОСЯ

Мы все охвачены стремлением к вечной Женственности. Это источник нашего рабства и любви...

(1955 год. Гушин – Из письма к Ненашевой)

И Я ТАМ БЫЛ – «НА МАРФУТКЕ»

Плыли без Гушина – на его лодке: мотор, как принято, заглух – Михаил Аржанов преемник. Гулянка нами набита – погружаться стала оттого, что щелястая, не просмолена. Течение старой Волги быстрое – стало сносить мимо Сазанки. Миша мотор чинит, воду отчерпываем. В темноте догребали досками – на мелководье людей на горбу перетаскивали, лодку подтащили.

Костер, еда. Спать на полу «виллы», на ветках, сене, бывалые – на улице.

«Да тогда на Волге и комаров не было» – Наташа Свищева. Ей ли не знать. Всё детство – Волга, лодка; отец – Иннокентий Михайлович, мать Оболенская Наталия Ивановна, хранитель Радищевского музея: Гушин – друг семьи.

Света электрического нет, глаза привыкли, под ногами стало видно – берег рядом.

Тишина и контраст: горизонт в огнях, за спиной первобытный мир.

Прошло тридцать лет – захотелось «Марфуткины» места посмотреть. Баржи – на Сазанку людей возить – ещё ходили. Лодку весельную напрокат давать перестали. Пошел я берегом: этюдник, в узелок одежду – протоки переходить.

Берег – неузнаваем: участками перегорожен, обходить надо, к воде не выйдешь. Заборы, проволока колючая. И мусор. Не дошел, идти стало неприятно: не Лазурный берег.

РАЗРЕШЕНА ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА ЮСТИЦКОГО, ПРИУРОЧЕННАЯ К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ОДИН ГОД ПОСЛЕ СМЕРТИ ХУДОЖНИКА

ИЗ 2008 ГОДА

ОТКРЫВАЕМ ВЫСТАВКУ ЮСТИЦКОГО

Подготовленную к экспонированию выставку должны принять доверенные Обкомом КПСС лица. Эти «лица» уполномочены выставку «принять», а могут «не принять» – тогда она не откроется. Принимать не идут.

Который день трясется от страха Альбина Симонова.

Персональная Выставка Юстицкого 1982 года ее личная заслуга и гражданский подвиг Радищевского музея – реабилитация художника. Человека, отсидевшего десять лет, реабилитировали,

но человек-то этот художник («формалисты во главе с подвизавшимся Юстицким, проживающим ныне в Саратове»: характеристика Завьяловой 1949 года из «Докладной записки» в ОБКОМ ВКПб).

Наконец, назначен день «принятия», в три часа состоится – как бы не сорвалось. А в два часа приходит Синицын, торопится, запыхался. Злобой исходит, упоминая своего учителя – прошел по саратовскому телевидению цикл передач Синицына о саратовских художниках – чем Юстицкий досадил? Я случайно вышел Синицыну навстречу, вместо приветствия – Где тут у вас Юстицкий? – Стоим как раз у входа на выставку: дверь в «Советский отдел» из коридора первого этажа.

– Вы очень кстати, Александр Михайлович! На вас последняя надежда. – Идем по коридору, мимо двери, по рабочей лестнице на второй этаж. – Привезли из Петровска древнерусскую скульптуру, уже выставили, а с документацией зашли в тупик – не хватает информации. Сама скульптура сохранилась, хотя директор Петровского музея измучилась, списывая ее. Район документы на списание подготовил – область не разрешает. Уговаривали Саратовский краеведческий музей взять – свои не знают куда девать. Уговорили областное начальство – Москва не разрешает списывать. В 1975 году экспедиции Радищевского музея на глаза попала скульптура – уже в сарае («стоит толпа согбенных людей», потом писала газета). Крыша сарая дырявая, дерево растрескивается, краска от дождей облезла, на некоторых вместе с левкасом. Директор Петровского музея радуется – Радищевский музей забирает скульптуру. Откуда скульптура, как в Петровск попала – неизвестно. Краеведы саратовские помогли – последняя ниточка к вам. У краеведов альбом экспедиционный за 1922–1925 годы с вашими акварельными рисунками: скульптура в целости, даже в одеждах (в церковные праздники скульптуру переодевали).

– Это не я, – говорит Синицын. – Там был другой художник. –

– Да знаем мы, у вас была тогда другая фамилия, Бабановский.

Василий Иванович Трофимов сказал, что потом вы взяли фамилию жены, стали Синицыным. –

Оказалось, к моей информации Александру Михайловичу добавить нечего. Он слушает, как мы возьмем скульптуру из Петровска в Саратов, каких трудов стоит уговорить Москву взять скульптуру на реставрацию. Стоим в экспозиции древнерусского искусства – на кольце второго этажа, спускаемся по главной лестнице, выходим на солнышко.

И прощаемся.

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛА ЭТНОГРАФИИ НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО ОБЛАСТНОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДЕНИЯ ЗА 1922–1925 ГОДЫ

...Пункт 3: Экспедиция заведующего «Музея Волгара» Ф.Н. Родина с художником А.М. Бабановским в 1924 году по Волге от Саратова до Рыбинска с целью изучения быта и истории волжского бурлачества и других волжских рабочих.

(Труды Нижне-Волжского Областного Научного Общества Краеведения. Этнографический сборник. Саратов, 1926)

ТЕНДЕНЦИЯ К «МУЗЫКАЛЬНОСТИ» ЖИВОПИСНОГО ВИДЕНИЯ

1986 ГОД.

Издан каталог (составитель А. Симонова).

«Живя на севере, Юстицкий, как никогда внимательно всматривается в природу, «прислушивается» к музыке его красок».

Из письма Юстицкого, без даты:

«Я должен много написать вещей. У меня скопилось столько мыслей. Я представляю себе вещи совершенно иными, чем я писал. Я думаю о каких-то органических вещах со сложной оркестровкой и очень-очень проработанными, сложными по фактуре и цвету».

Новый творческий подъём Юстицкий переживает в конце 1940-х – начале 1950 годов. Этот

последний период творчества художника характеризуется дальнейшим развитием романтического типа образности, но с более явной тенденцией к «музыкальности» живописного видения. Наиболее интересными работами являются «Гобелен», «Весенние радости», «Арлекин», и «Въезд Дон Кихота в Саламанку».

(А. Симонова. Из вступительной статьи к каталогу)

1989 ГОД

«ПРАВДУ... СОБИРАЕМ ПО КРУПИЦАМ»

Но всё, что сделано для возрождения художника, будет недостаточным, полуправдой, если из нашей исторической памяти вычеркнуть целое десятилетие его жизни – жизни, которая состояла из двух во всём противоположных периодов. Первый – бурный, насыщенный событиями, когда, по словам самого художника, он «не жевал, а глотал жизнь», и второй – трагически томительный, когда он задыхался от невозможности реализовать свои творческие замыслы. И как эпилог – пять послелагерных лет. Затем долгие годы забвения.

В. Юстицкий был освобожден осенью 1947 года. В Саратов приехал тяжело больным. Он обратился к литературным и мифологическим сюжетам.

К вечным темам добра и зла, гармонии человека и природы.

...сумел и успел воплотить часть тех замыслов, которые являлись его воображению в тяжелые лагерные годы – жизнерадостных, ясных и каких-то счастливых, свободных по живописи, с небом, деревьями, людьми, животными. Он написал целый ряд картин, объединенных названием «Весенние радости». В них все словно соткано из одного и того же материала, светящегося, движущегося, неустанно струящегося.

Актуален документ, чтобы восстановить... правду, которую сегодня мы собираем по крупицам.

(А. Симонова: «Выйти из неживой жизни». Журнал «Волга», № 7, 1989 г.)

«ИСКУССТВУ УЧАТСЯ В МУЗЕЯХ»

ИЗ ЛАГЕРНЫХ ПИСЕМ ЮСТИЦКОГО. 1937–1947 ГОДЫ.

...Цвет был как бы иллюстрацией музыки. Вибрация цвета была поразительно тонкая, еле уловимая, а при музыкальных подъемах все преображалось в какие-то ясные тона, почти торжественные...

«ИСКУССТВО – НЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ»

20 марта 1938 г.

...ты знаешь или догадывалась когда-либо, что искусство не специальность, это что-то совсем иное...

3 июля 1938 г.

Моя специальность и вообще мои знания и опыт в условиях лагеря ничего не значат. Здесь не место искусству, изящной литературе, философии и пр. Даже стыдно внутренне самому за этот никому не нужный балласт».

В. Юстицкий

РАЗРЕШЕНА – 1987 ГОД – ПЕРСОНАЛЬНАЯ ВЫСТАВКА Н.М. ГУЩИНА,
ПЕРВАЯ В СССР,
СОСТОЯЛАСЬ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ДВА ГОДА ПОСЛЕ СМЕРТИ ХУДОЖНИКА

ОТКРЫВАЕМ ВЫСТАВКУ ГУЩИНА

1955 год. Выставка работ саратовских художников.

Экспонируется «Автопортрет» Гущина: – «Психологический этюд... непостижимым образом появившийся в то подцензурное время на Областной художественной выставке 1955 года. Судя по воспоминаниям и книге отзывов, на фоне «производственных» картин и спокойных пейзажей он произвел впечатление «неразорвавшейся бомбы»».

(Л. Пашкова. «Моя симфония»)

Гущину нельзя отказать ни в точности рисунка, ни в мастерстве живописи. Автопортрет, так сказать, приковывает к себе внимание зрителей. Вызывает возражение другое – сущность созданного образа, его какая – то трагическая замкнутость в самом себе, а также некоторая условность цветового решения темы.

(В. Завьялова. «Этюды и эскизы (к итогам выставки работ саратовских художников)». «Коммунист», 3 июля 1955 г.)

«Мы тут строим, а он – что он позволяет себе? Чем недоволен? Почему хмурый, угрюмый? Это он на меня так мрачно смотрит? Как смеет эмигрант так смотреть на советского человека?» – за свою прозорливость Курганов Евгений Никитич назначен Начальником областного управления культуры бессрочно. Доверие оправдал – в 1987 году «не принял» выставку Гущина, персональную, первую в СССР, посмертную.

1987 год. Выставка Гущина плановая (утверждена Москвой), экспонаты собраны по пятидесяти адресам. Экспозиция заняла весь «Советский отдел» Радищевского музея.

Подходит срок открытия – не хотят начальники выставку Гущина «принимать»: процедура келейная, «доверенные», директор. Такова музейная практика. «Непринятую» выставку демонстрируют. Никакой огласки.

Переживают музейные сотрудники – и все причастные, и все сочувствующие.

Из кабинета директора выходит Альбина – лицо пылает, взъерошенная. – Там Саликов (член Правления Союза художников) по телефону Курганову кричит: – Что же нам, всему Правлению перед вами на колени становиться, упрашивать? –

«Молчат начальники», не хотят «принимать» Гущина – не бывать его выставке.

Утром дня назначенного Московское телевидение в новостях сообщает о предстоящем «сегодня» в Саратове открытии выставки Гущина. И час открытия известен.

Утечка информации, ОБКОМ виноватого ищет, разыскали – как раз к обеду! – старичок, корреспондент ТАСС по Саратову.

Днем Москва повторила утреннее сообщение.

«Шито-крыто» не получилось: пришлось «открыть» выставку Гущина. Начальников не было – радость была.

Год 1987 – «Перестройка»: театрам разрешили самим репертуар утверждать, а музеям...

...после Гущина, на том же месте – Чудин: как ни в чем ни бывало Курганов принимает выставку Чудина. Ходит по экспозиции с директором – за закрытой дверью: сотрудники ждут решения в коридоре.

Сигнал – можно дверь открыть. Навстречу вошедшим Курганов руки воздымает – Что же вы Чудина от народа тридцать лет скрываете? –

Шутить изволит.

Из «Каталога» Пашковой:

...небольшой обзор выставки Н.Гущина в Томске в 1919 году: «...Самостоятельно живописно прочувствованы «Цветозвон», «Сад лазоревых встреч» и «У неждесь»... Особенно часто названия картин художника перекликаются со стихотворными строками В.Каменского – «Поэт увидет Вас

в страну у нездесь берегов...» Или – «О, вы – расцветающая принцесса» – первые строки сборника «Звучаль веснеянки» (1918).

... пребывание во Франции... произведения Гущина экспонируются на выставках в Париже, Лондоне, Ницце, Монте-Карло... Луи Каппатти пишет небольшую книжечку «Николай Гушин и мистика его портретов»... Более сорока картин и рисунков включено в каталог персональной выставки Н. Гущина, состоявшейся в Монте-Карло. Среди них – «Гармония в голубом», «Дева лесов», «Клоун – музыкант», «Грустный вальс Сибелиуса», «Анемоны».

Н. Гушин... свой нерастрченный творческий потенциал реализует в Саратове.

«Раутенделяйн – лесная фея»... прихотливая сільфа, символ творческой мечты художника. А вот целый хоровод вечно юных женских образов, «леснянок», по словам В. Каменского, в которых человеческое и природно-стихийное слиты воедино – «Рябинка», «Росинка», «Веточка», «Жемчужинка». По-девичьи тонкая, чуть угловатая фигурка «Березаньки» является нам в ореоле нежности и застенчивости... Но иногда в его героинях угадывается демоническое, губительное начало («Гадалка», «Чайка»).

САРАТОВСКИЕ ХУДОЖНИКИ

1945 ГОД: ЯНВАРЬ

«ТВОРЧЕСКАЯ УДАЧА»

«КИСИМОВ»: Н. САДКОВОЙ

(«Кот в сапогах» Т. Владычиной в Городском театре кукол).

...Художник В. Кисимов преобразил сценическую площадку, сделал ее просторной, дав возможность водить куклы на разных уровнях; написал немало ярких живописных декораций, радующих глаз, со вкусом подобрал стильные костюмы...

(СГХРМ. Архив: А.В. и В.В. Леонтьевы. Опись № 1. ед.хр. 23.)

1945 ГОД: АПРЕЛЬ.

«ЩЕГЛОВ, СЕВАСТЬЯНОВ»: ЗАВЬЯЛОВА

Осенью откроется в Москве в ГТГ Всесоюзная художественная выставка. Художники Щеглов и Калачев избрали сюжетом своих будущих произведений великую русскую реку Волгу. Художник театра им. Чернышевского И. В. Севастьянов рисует пейзаж, в котором хочет показать богатство и красоту русской природы.

(В. Завьялова. «У Саратовских художников». «Коммунист», 10 апреля 1945г.)

1945 ГОД: МАЙ

«КИСИМОВ»: Н. САДКОВОЙ

«Коммунист» 13 мая 1945 г. № 94 (3336).

Конёк-Горбунок». Премьера в театре оперы и балета им. Н.Г. Чернышевского. Н. Садковой.

...Но спектакль этот стал творческой удачей театра не только благодаря наличию в нем верных режиссерских решений. Жанровой определенности спектакля, его гармоничности способствовал художник В. Кисимов, остро чувствующий стихию русской народной сказки. В декорациях, костюмах Кисимова – красочных, праздничных, в какой-то мере условных, есть также юмор и ирония, которые отличают режиссерский замысел, и это единство решений режиссера и художника и приводит к удаче – спектакль воспринимается зрителем как цельное, законченное произведение театрального искусства...

(Архив СГХМ. Фонд А.В. и В.В. Леонтьевых. Опись 1, ед. хр. 42, 4)

1945 ГОД: ИЗ 1947 ГОДА

...на Всесоюзной выставке 1945 г. (в филиале периферийных художников) Саратовское «Товарищество» было представлено работами Гурова, Бадаквы, Миловидова, Щеглова, Палимсестова, Заборовского, Морозова, Эккерт, Кибальникова, Кулагина, Жукова.

(Завьялова: «Саратовские художники за годы Советской власти». 1947 г. Машинопись. Архив СГХМ. № описи 4. ед. хр. 22)

«ЩЕГЛОВ, СЕВАСТЬЯНОВ»: ГУРОВ

Последние работы Щеглова импрессионистичны, в них много света и воздуха. «Окраины Саратова» (приобретен Третьяковской галереей).

Севастьянов – остро чувствует цвет, празднично изображает природу. Но излишняя декоративность, наблюдающаяся в большинстве его этюдов, снижает психологическую выразительность и лишает их реалистической основы.

В этюдах «Окрестности Саратова» особенно чувствуется это увлечение формализмом.

(Гуров: «Наши пейзажисты». «Коммунист», 28 апреля 1946 г.)

1946 ГОД. АПРЕЛЬ

Саратовские участники Всесоюзной выставки художников в Москве

«КИСИМОВ, СЕВАСТЬЯНОВ»: В.ЗАВЬЯЛОВА, Г. КОЖЕВНИКОВ

Весьма своеобразна и интересна работа художников декораторов В.В. Кисимова и И.В.Севастьянова... Великолепные декорации спектакля «Конёк – Горбунок» создал Кисимов. Прекрасно его панно для детского сада на темы из русских сказок.

...женский портрет – В.В. Кисимова, весьма удавшийся художнику.

(В.Завьялова, Г.Кожевников: «Художники Саратова». «Коммунист», 28 апреля 1946 г.)

1946 ГОД: МАРТ

«КИСИМОВ»: Л. ЖАК

«Коммунист», 10 марта 1946 г. № 50 (3549)

«Обыкновенный человек» (Премьера в Государственном театре имени Карла Маркса) Л. Жак.

«...очень удачны декорации, сделанные художником В. Кисимовым...»

1946 ГОД: АПРЕЛЬ

«КИСИМОВ»: А. КОТИЛКО

(«Ромео и Джульетта»). «Талантливый художник В.В. Кисимов дал интересное и оригинальное декоративное оформление спектакля, свидетельствующее о большом вкусе, его своеобразной фантазии и знании эпохи.

(Аркадий Котилко. «Коммунист», 28 апреля 1946 г.)

1946 ГОД: ИЮНЬ

«КИСИМОВ»: Н.САДКОВОЙ

«Коммунист» 9 июня 1946 г. №114 (3613)

«Дон Кихот». Премьера в театре оперы и балета им. Н.Г. Чернышевского. Н. Садковой.

«В этом старом балете всё сделано заново. Балетмейстер театра Ю.Рейнеке и художник В. Кисимов написали либретто. ...Особенно хорош второй акт. Художнику Кисимову удалось передать колорит Испании. Его декорации, изображающие выжженные солнцем поля и сожженные красные холмы, старые ветряные мельницы, на фоне желтых полей впечатляют, будят воображение зрителя».

1946 ГОД: ИЮЛЬ

В СХУ открыта выставка по итогам учебного года. Этюды В.А. Солянова и В. Серебрякова отобраны для Всесоюзной выставки работ учащихся художественных училищ в Москве.

(«Коммунист», 1946 г. 7 июля. «Хроника художественной жизни Саратова. 1874–1980»)

СТАЛИНСКАЯ ЗАБОТА О СОЗДАНИИ ИЗОБИЛИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

1946 ГОД: АВГУСТ

14 и 16 августа: постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О кинофильме «Большая жизнь»: «...являющиеся выражением сталинской заботы о создании изобилия духовной культуры в нашей стране...».

(Редакционная статья «На пути к советской классике». Журнал «Искусство», сентябрь – октябрь 1951 г.)

1947 ГОД: ФЕВРАЛЬ

ВЫСТАВКА САРАТОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ

В СГХМ открыта выставка произведений Саратовских художников. Представлено 182 произведения 37 художников.

Издан каталог: «Каталог выставки работ саратовских художников». Саратов, 1948 г.

(«Хроника художественной жизни Саратова 1874–1980». По материалам местной периодической печати. Изд. СГУ, 1988)

ИЗ ОТЗЫВОВ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ВЫСТАВКИ

Современные художники являются борцами за наше искусство. От глубины души благодарю их за правдивость в труде. Но некоторым из них надо поработать над собой и отшлифовать кисть в наложении красок (т.к. на них много оседает слишком пыли).

16 февраля 1947 г. Студент СЗВШ (подпись)

1947 ГОД: 17 ФЕВРАЛЯ

– собрание саратовских художников, посвященное обсуждению выставки в свете решений ЦК ВКП (б) от 14 и 26 августа 1946 г.

На собрании 39 художников, присутствуют Начальник городского отдела по делам искусств – Садковой Н. П. и Заместитель Нач. горотдела – искусствовед Завьялова В. Ф.

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД. МИЛОВИДОВ Б. В. Председатель Областного Союза Советских художников:

...определяющие ту линию в советском искусстве, которая нужна нашей партии, нашему правительству, нашему народу.

...Манизер... разбор состояния современного изобразительного искусства... 4 сентября 1946 года на основе Всесоюзной художественной выставки 1946 года. Наш пейзаж «большею частью случаен, этюднен, примитивно отражателен, а не поднят до звучания большого волнующего чувства» (Манизер).

...Театрально-декоративные работы представлены в значительной мере и хорошего качества (Кисимов, Севастьянов).

У Маневича есть труд, но труд этот не закончен: «Еврейское ИЗО – искусство».

БОБРОВ Б. П. Председатель Правления товарищества «Художник»:

О Щеглове – «Большим недостатком в его работах, даже пейзажного характера, является натюрмортный подход к явлениям. Он смотрит на небо, на воду и на всё остальное, как на натюрморт, просто как на цветное явление, как на предлог для решения своих лабораторных проблем цвета. Для него всё равно, что писать, главное для него музыка цвета».

ГУРОВ В. Ф. Преподаватель СХУ. Художник:

...наша задача не только писать ради удовольствия, ради какого-то эстетического чувства.

О Миловидове – «Или не видит, или не хочет видеть новое в нашей жизни».

О Щеглове – «Хороший, тонкий живописец, но на декоративной почве, у него есть некоторая безразличность к выбору темы. Надо... забывать уже гнилое прошлое. У нас должна быть элегия, лирика, но на полезной основе, не на такой, как в голубой розе «Мира искусства», как было у рафинированных художников, которые сидели и мечтали».

ЩЕГЛОВ И. Н. Преподаватель СХУ. Художник:

Все ли вещи у нас являются качественными?

...наличие сыроватости.

«Волга» – мне говорят, у этой вещи нет величия реки Волги.

Когда я писал, у нас не было в наличии разрешения писать, я сел, меня берут под ручку и ведут куда надо... Я пишу то, что можно писать.

КУЛАГИН Л. М. Художник:

Но в нашей выставке есть одно хорошее – это то, что на ней нет формалистов...

МОЩЕНКО В. Ф. Художник:

Формалистических произведений здесь у нас нет, но формалистический подход у нас есть, товарищи.

Такие порочные вещи, как этот натюрморт (Миловидова), как раз и осуждает ЦК ВКП(б).

О Щеглове – «...не поёт новых песен. Он живет старыми песнями. Он поёт всё ещё про покоившиеся хатки, кривые заборы, захолустные местечки».

ДАНИЛОВ В. К. Преподаватель СХУ. Художник:

...выставка эта очень красноречиво и убедительно доказывает нашу беспомощность. Почему же дело обстоит плохо? Сами художники объясняют это тем, что во время войны позволительно было несколько снизить качество работы... Попробуйте вы, ссылаясь на военное время, снизить качество на каком-нибудь производстве, попробуйте выпустить плохой миномет, плохой пулемет. Если вы директор такого завода, вас повесят за это и правильно сделают...

Пытаются обвинить Миловидова чуть не в голубой крови... хотя там просто изображены красивые вещи... Тов. Гуров! Вы пытались на работе Миловидова доказать здесь чуждую идеологию и голубую кровь.

САЛТЫКОВ К. М. Художник:

...большинство саратовских художников – это люди, с которыми считаются, которых контрактуют, которые едят пайки, а в результате получается, что корм на них зря затрачивается.

МАНЕВИЧ И. А. Секретарь Областного Союза советских художников. Искусствовед:

...находятся среди нас товарищи, которые говорят: – «Зачем трудится, талант, мол, вывезет». Это неверно... Труд является верным, преданным помощником таланту. Пора осознать, что «чем больше талант, тем больше знанием и умением должен он обладать» (П.Чистяков).

Наше советское искусство – искусство высоких идей. Но большие идеи можно решать только при наличии высокого профессионального умения, большого художественного мастерства. Мы

должны запомнить, что значительные идеи, облеченные в несоответствующие формы не мобилизуют зрителя, а оставляют его холодным, равнодушным.

ЗАВЬЯЛОВА В. Ф. Зам. Начальника городского отдела по делам искусств. Искусствовед:

...Саратов сейчас встает на путь создания тематической картины.

...недостатком пейзажей Щеглова, Миловидова и многих других является отсутствие тех образов, которые имеются в нашей саратовской действительности.

Мы бесконечно пишем задворки и излюбленный Глебучев овраг. Почему мы не можем написать чудесную Радищевскую улицу, великолепный кусок Ленинской улицы. И, наконец, мы совершенно не решили до сих пор образ Волги.

Борис Васильевич, я считаю, что оценка вашего натюрморта дана правильно. Я не думаю, конечно, чтобы кто-нибудь из нас считал, что пролетариат не имеет права на красивые вещи. ЦК ВКП (б) ставит перед нами задачу повышения идейного уровня... Чрезвычайная взыскательность к форме иногда может говорить о равнодушии к содержанию. Вот о чем идет вопрос, поэтому я бы и хотела видеть тренировку формы для какой-то определенной цели. А вот этой цели я и не вижу у Бориса Васильевича.

ШИХАНОВ И. В. Директор СХУ:

Я не согласен с т. Гуровым, что во время войны можно было кое-как работать. Можно ли вообще в области изобразительного искусства работать кое-как.

МИЛОВИДОВ Б. В. Заключительное слово.

Из резолюции:

Пункт 4. Быть бдительным и решительно пресекать попытки низкопоклонства перед современным буржуазным искусством Запада, проповеди аполитичных теорий «искусства для искусства», проявлений пошлости, пессимизма, упадочничества.

«...вы, товарищ Гуров... А ваше заявление, что я не помогал вам с квартирным вопросом из-за боязни профессиональной конкуренции, считаю нечестным».

(Стенографический отчет: обсуждение выставки. Ответственный за выпуск В. Ф. Мощенко. Архив СГХМ. Опись 4, ед. хр. 19.)

1947 ГОД: 19 ФЕВРАЛЯ

ЗА ВЫСОКУЮ ИДЕЙНОСТЬ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

В Саратовском отделении Союза есть художники, в творчестве которых явно выражено пренебрежение перед формалистическими приемами западного буржуазного искусства. Так, в станковой живописи художника Кисимова все еще не изжиты элементы формализма. Для талантливого художника-декоратора это тем более непροстительно... «Бесприданница», «Конёк- Горбун» и др. говорят о том, что тов. Кисимов может создавать подлинно-реалистические произведения. Непонятно, почему тов. Кисимов пренебрегает советской тематикой.

Севастьянов – «Спортивный праздник на Волге» – идёт ...от формалистических буржуазных живописных течений.

Миловидов – «Не нашел темы, над которой он мог бы серьёзно работать. Вот уже более семи лет он экспериментирует в технике, работая над случайными по содержанию пейзажами и натюрмортами.

Работники искусств должны понять – указывал ЦК ВКП(б) в своём постановлении «О кинофильме «Большая жизнь» – что те из них, кто и впредь будет безответственно и легкомысленно относиться к своему делу, легко могут оказаться за бортом передового советского искусства и выйти в тираж...

(Завьялова: «За высокую идейность изобразительного искусства». «Коммунист», 19 февраля 1947 г.)

1947 ГОД: МАРТ

«КИСИМОВ»: М. ЛЕЙТЕС

«Хождение по мукам». Новая постановка Саратовского государственного драматического театра имени Карла Маркса.

К сожалению, этого нельзя сказать о художественном оформлении спектакля. (Худ. В.В. Кисимов). Оно чрезвычайно примитивно как по замыслу, так и по воплощению. Действие во всех почти картинах проходит в узком просцениуме, в кусках мягкого серого холста. В стремлении к портативности и мобильности художник и постановщик пошли по линии наименьшего сопротивления и све-ли декорации буквально к минимуму. На общем сером фоне теряются редкие удачи оформления.

(СГХРМ. Архив: А. В. и В. В. Леонтьевы. Опись № 1. ед. хр. 23.)

1947 ГОД: МАЙ

«СЕВАСТЬЯНОВ»: Л. ЖАК

«Русский вопрос». Премьера в Саратовском драматическом театре имени Карла Маркса.

...Спектакль оформлен худ. Севастьяновым. Задуманное хорошо, это оформление, к сожалению, выполнено довольно небрежно.

(СГХРМ. Архив: А. В. и В. В. Леонтьевы. Опись № 1. ед. хр. 23.)

КИСИМОВ

Кисимов Владимир Владимирович (1903–1948), живописец, график, театральный декоратор. Работал главным художником Саратовского театра оперы и балета имени Н.Г.Чернышевского с 1941 по 1947 гг. Преподавал в СХУ в 1946–1947 гг.

(Пятницына «Художники круга Гуцина» СГХРМ 1995. Материалы и сообщения. Выпуск 7).

«Постановки «на ура!»: Солянов.

Кисимов уволен из Театра оперы и балета имени Н.Г.Чернышевского. Аржанов Михаил и Солянов Владимир (театральное отделение художественного училища) начинали дипломы под руководством Кисимова. Защита дипломов – другой руководитель: Кисимов уволен из училища.

Оставшись без работы, Кисимов возвращается в Ленинград (с 1941 года работал в Саратове), опять успешно работает театральным декоратором: утонул через год.

НЕ СДАЛ ЭКЗАМЕН

Приехал Солянов в Харьков – поступать в художественный институт. Сдаёт документы Приёмной комиссии: – «Да ты же не поступишь!». – «Почему?» – «У вас в Саратове одни формалисты!» – «Я, – рассказывает Солянов, – тогда был настырным. А вот посмотрим!» – подумал». Вступительные экзамены – обнаженная женская натура: – «Красиво написано, но формалистично».

Солянов два года работает в Театре (второй год с Шуйским, «выжившим» Севастьянова), поступает учиться в художественный институт в г. Тарту (Эстонская ССР).

СЕВАСТЬЯНОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

После окончания СХУ в 1947 году Солянов и Серебряков по приглашению Севастьянова поступили работать художниками Театра оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского. Из-за слабого здоровья Серебряков вскоре умер. Севастьянов в ожидании санкций – уезжает из Саратова, возвращается: уехал.

1947 ГОД: ДЕКАБРЬ

Театр оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского. Опера «Кармен».

Постановку осуществил заслуженный артист республики, Лауреат Сталинской премии Г. В. Серебровский. Художник И. В. Севастьянов.

(«Коммунист», 19 декабря 1947 года: СГХРМ. Архив. А. В. и В. В. Леонтьевы. Опись № 1. ед. хр. 148.)

1951 ГОД: ИЮНЬ

«ПОВЫШАТЬ МАСТЕРСТВО...»

И.В. Севастьянов воспитанник Саратовского художественного училища. Его творчество привлекает и радует. В работе над спектаклем он всегда стремится средствами живописи как можно ярче раскрыть идейный замысел музыкального произведения...Его живопись поэтична, жизнерадостна, для нее характерно обилие светлых и сочных красок... К сожалению, иногда он чрезмерно увлекается цветистостью красок.

(В. Завьялова. «Повышать мастерство театральных художников». «Коммунист, 1 июня 1951 г. СГХРМ. Архив: 361 (1). № описи 4. ед. хр. 25.)

1963 ГОД

«И. Севастьянов – 10 лет был главным художником Новосибирского театра оперы и балета (ныне главный художник театра оперы и балета имени С.М. Кирова в Ленинграде)». (Журнал «Искусство». 1963. № 10. С. 25.)

1948 ГОД

«ПЕЙЗАЖ – УБЕЖИЩЕ ДЛЯ ФОРМАЛИСТОВ»: СИТНИК

В пейзаже ещё нередко под флагом решения профессиональных проблем, совершенства формы скрываются эстеты и формалисты, носители теории «искусства для искусства», сторонники безыдейного искусства.

(К. Ситник. «Советский пейзаж». Журнал «Искусство», № 3, 1948)

1951 ГОД

«БЕЗРОДНЫЕ КОСМОПОЛИТЫ, ЭСТЕТСТВУЮЩИЕ НИЗКОПОКЛОННИКИ»: СИТНИК

А. Герасимов... Его многочисленные доклады и печатные выступления... являются образцами непримиримой борьбы с отступлениями с последовательно реалистических позиций, со всеми теми, кто стремится свернуть наше искусство на путь формализма и безыдейности...он беспощадно разоблачает и громит упадочное и антинародное современное буржуазное искусство и его проводников – безродных космополитов и эстетствующих низкопоклонников.

(К. Ситник. «Искусство, служащее народу» (к 70-летию со дня рождения А.М.Герасимова). Журнал «Искусство», сентябрь-октябрь 1951 г.)

1962 ГОД

ЩЕГЛОВ РАССКАЗЫВАЕТ

Художественному училищу после войны из Москвы запрос – требуют характеристику Щеглова. Поддерживает ли коллектив училища его кандидатуру на государственный «пансион», чтобы ему полностью отдался творчеству. Событие чрезвычайное – всполошился коллектив, даёт лестную характеристику. Завуч Никитин Владимир Ильич (потерял руку на войне) отвечает на запрос: умелый, тактичный, за тридцать лет выучил всех молодых художников Саратова – без Щеглова пострадает учебный процесс.

Разочарование Ивана Никитича – горестно ему, спустя много лет: рассказывает в 1962 году.

Источник средств к существованию – всю жизнь преподаёт в Художественном училище. Стаж – 40 лет. На выставках Саратова участвует с 1914 года. Рисует для себя. Живет один.

С возрастом качество живописи Щеглова улучшается – этим обязан Сезанну, искреннему, правдивому художнику: – «у него можно научиться».

Не получив «пансион», Щеглов продолжает работать, в свободное время пишет. Пейзажи Щеглова всё лучше: – «поэтому посадили в тюрьму».

После войны плохо с репродукциями. Иван Никитич приносит в училище свои (качество печати лучше в дореволюционных изданиях) – учит студентов на импрессионистах: – «свет в окошке». В перерывах раскладывает репродукции на полу – проводит занятия. Дверь открыта, прохо-

дит мимо Никитин, завуч. И зовет Владимир Ильич Ивана Никитича в свой кабинет: – «Чтоб с сегодняшнего дня ни слова об импрессионистах!».

О СЕЗАННЕ: И. ЩЕГЛОВ – А. ГЕРАСИМОВ

«Не впервой гонения на импрессионистов и их последователей» (Щеглов).

Пейзажи Щеглова привлекают внимание в Москве на 8-й и 9-й выставках АХРР. Картину приобретает Третьяковка. Щеглова собираются поощрить – вызывают в Москву. Собрание московских художников – в Президиуме впервые Александр Герасимов. На все вопросы отвечает Щеглов – напоследок Герасимов: – «Какое у вас отношение к Сезанну?» Щеглов сразу подвох почуял, «проверяют», ему ли, провинциалу, знать современное искусство. Как бы лицом в грязь не ударить. Щеглов думает – Президиум ждет. «Я считаю Сезанна большим художником», – Герасимов демонстративно встаёт, молча выходит.

В 1982 году, к 100-летию Щеглова Радищевский музей запросил из ГТГ его картину на персональную выставку. Картины в Третьяковке не оказалось, передали в «Фонд А» (или в «Фонд Б») в Загорск (Троице-Сергиева Лавра) – след не отыскался («сезанниста» списали).

ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ: АДОЛЬФ МОНТИЧЕЛЛИ

«...долго стоит он (студент) как загипнотизированный перед мерцающей перламутром живописью Монтичелли».

(Г.Н. Кожевников, 1946–1947 гг. «Из истории Саратовского художественного училища» (к 50-летию основания), стр. 37).

ЩЕГЛОВ И МОНТИЧЕЛЛИ

Свое осмысленное отношение к живописи Щеглов связывает со временем, когда в Радищевском музее были обе картины Монтичелли (вторую работу из Саратовского музея можно увидеть в экспозиции Музея изобразительных искусств в Москве).

С целью поучиться («Только пример, иначе станете подражателем». Щеглов) в манере Монтичелли исполнены: «Крестьянский дворик» 1926 года, «Лошадка» (в том же дворике) 1929 года (теперь – 2006 год – обе в Радищевском музее).

Щеглов называет фамилии двух саратовских художников. Втроём они дружат, у них программа совместных согласованных увлечений: после Монтичелли – Ван-Гог, Гоген, Сезанн. «Поглядеть бы теперь на те работы» – собственные эксперименты: работы сгорели вместе с домом Щеглова в большом, тридцатых годах, пожаре «на горах».

ПОСЛЕ ПОЖАРА

После пожара Щеглову выделили квартиру – Советская улица, дом № 43, кв. 3, напротив Обкома ВКП(б). Пространство позволяло дома ставить натюрморт. Пейзаж, написанный из окна – поступил в Радищевский музей.

«Городской пейзаж» 1947. Х., м. 74х90.

Выставки: Выставка работ саратовских художников.

Саратов. 1947. К 50-летию СХУ. Саратов. 1947.

Литература:

Каталог выставки работ саратовских художников. Саратов, 1947, С. 18; Каталог выставки, состоявшейся в дни 50-летия СХУ. С. 12; Каталог: «Иван Никитич Щеглов...» № 118 (живопись).

1954 год: 20 сентября

Щеглов выходит из заключения.

После тюрьмы иду первый раз Крытым рынком. Навстречу – Миловидов. – Борис Васильевич! – как шарахнется... (тут Щеглов засмеялся).

1955 год: 12 февраля

Домашний адрес... размер жилплощади: Саратов, ул. Шевченко. Д. № 13, кв. 2.

(Личная карточка члена (кандидата) Союза Советских Республик.)

ПРОКУРАТУРА ЗАЩИЩАЕТ ЩЕГЛОВА

1956 ГОД: 14 ИЮЛЯ

А. Гришин, зам. прокурора Сар. Обл. – Н. Санычеву, Председателю Октябрьского райисполкома депутатов трудящихся г. Саратова:

«В прокуратуру Саратовской области неоднократно обращается член Союза Художников и преподаватель Саратовского Художественного училища, гр-н. Щеглов И.Н. с жалобой на исполком Октябрьского Райсовета депутатов трудящихся г. Саратова, по вине которого ему не представляет жил. площадь в г. Саратове.

Гр-н. Щеглов был в 1951 г. необоснованно арестован органами государственной безопасности, в связи с чем и лишился своей жилплощади в г. Саратове по адресу Советская, 43 кв. 3.

В 1955 году уголовное дело на гр-на Щеглова по протесту Генерального Прокурора Союза ССР было рассмотрено президиумом Верховного суда РСФСР и прекращено. Гр-н. Щеглов полностью реабилитирован.

Со дня реабилитации гр-н. Щеглов работает в СХУ и вынужден проживать у знакомых и, главным образом, в художественных мастерских училища, что является грубым нарушением постановления Художественного фонда СССР и решения правления Саратовского Союза Сов. Художников».

(Архив СГХРМ. А. В. и В. В. Леонтьевы. Опись № 1, ед. хр. №195)

После тюрьмы квартиру (на ул. Советской) не возвращают. Дают узкую, с одним окном комнату с общей кухней. Но писать можно – Союз художников даёт мастерскую: проспект Кирова, шестой этаж.

Жильцы – общая кухня – судачат: видно и вправду повредился умом Щеглов в заключении – картошку ест недожаренную. Щеглов считает недожаренную картошку полезней для здоровья – сохраняется больше витаминов: память тюрьмы – уж там-то витаминов не хватало. И ещё память – намек на прилаженность Щеглов не выносит: Утесова пугается.

Умер Щеглов – чуть не за месяц, скоротечный рак желудка, 15 августа 1962 года. Похоронен на Воскресенском кладбище: 216 уч. 32.

Александра Петровна Ильина похоронила Щеглова в могилу их сына, умершего от скарлатины в 1910-х годах.

* * *

1967 ГОД

Пора недалняя,
давай ещё

разок оглянемся
через плечо.

Ярыгин

...в третьей декаде месяца (март, 1918 год) нарком по военным делам Николай Подвойский распорядился начать массовую запись добровольцев в красногвардейские отряды.

(Николай Ямской. «День захвата цистерны со спиртом. В память о каком событии мы отмечаем День защитника Отечества?»

«Совершенно секретно». № 2 (13), июль 2007. С. 27.)

ЮСТИЦКИЙ – КРАСНОЙ ГВАРДИИ КОМИССАР –

– свидетельствует Трухачев Андрей Николаевич – (окончил «Боголюбовку» в 1916 году). Саратовский добровольческий отряд Красной гвардии.

1918 год: красноармеец Трухачёв рисует – свободная минута. Проходит мимо комиссар: – Ты что, художник? – Так познакомился Трухачёв с Юстицким. – Твоё рисование устарело – так рисовали при царе. Теперь всё по-новому. Давай покажу! – Исчеркал рисунок Трухачёва по диагонали: «лучизм». Трухачёву не понравилось рисовать «по-новому», но Юстицкий его заметил, при встрече здоровался, подходил разговаривать. Однажды зовет с собой в Саратов.

1917 ГОД – ХУДОЖНИКИ ПОВЕРИЛИ

Мы поверили, что наша борьба за новые формы будет поддержана революцией социальной.

(Юрий Анненков «Дневник моих встреч», 2001 г.)

Нарком просвещения Луначарский приказал демобилизовать всех художников Красной Армии, даже из частей, ведущих боевые действия: нужно строить новую, пролетарскую культуру. У Юстицкого полномочия – организовать в Саратове коллектив художников: государственное обеспечение художественными принадлежностями, обмундированием, питанием. Общежития не обещано – Трухачёв с родней в ссоре и возвращаться в Саратов не хочет – остаётся дослуживать.

1918 ГОД: АВГУСТ

Бывшее Боголюбовское рисовальное училище преобразовано в свободные Государственные художественные мастерские. – «...высшее художественное учебное заведение, в котором каждый учащийся по своему выбору мог обучаться той или иной художественной профессии за счет государства».

(Г.И. Кожевников. «Из истории Саратовского художественного училища (к 50-летию основания)». 1946–1947 гг. СГХРМ. Архив. фонд 369 (1))

Юстицкий: в Саратове женится, художник, организатор, педагог.

Любитель лошадей, доброжелательный, но острый на язык («За язык и посадили» – Леонтьев Виктор Владимирович).

До конца своей жизни не простил Юстицкому колкостей в свой адрес Александр Михайлович Синицын (Бабановский).

Чечнев Александр Никитович вспоминает упреки Юстицкого своим ученикам: в Париже ему приходилось каждый урок оплачивать – тут вам обучение даром, а вы учиться не хотите.

Общительный: «По праздникам впрыскал так плясал на сцене нашего Училища» – 1933 год, вспоминает Иван Евдокимович Шпульников, поступивший учиться «на художника».

ЮСТИЦКИЙ – ДО ТЮРЬМЫ

«Саратовские Известия» № 9. 12 января 1926 г.

«Впечатления о художественной выставке». (Ж/д мастер Н.Б.):

«...работы художника Юстицкого: ни капли искренности. Из одной крайности в другую, от

одного мастера к другому, а своего нет. На выставке представлен девятью работами в реальном направлении. Все эти работы мало чем отличаются одна от другой».

«Саратовские Известия» № 13. 16 января 1926 г.

«Художественная выставка в Радищевском музее». (М. А.):

«Пейзажи Юстицкого далеки от пейзажа, присущего нам, но интересны выдержанностью тона (безотносительно к природе), легкостью и выразительностью мазка».

О ЮСТИЦКОМ: ИЗ 1986 ГОДА

В конце 1920-х – начале 1930-х годов В.М. Юстицкий неоднократно участвовал на зарубежных выставках: в Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Брюсселе. Его имя стояло в одном ряду с именами таких признанных мастеров советского искусства, как Г. Верейский, Н. Купреянов, П. Филонов. Особенно высокую оценку получили в те годы его рисунки с изображением всадников, скачек. Тема скачек варьировалась им много раз.

(Симонова: Каталог «Юстицкий». Саратов, 1986 г.)

1932 ГОД

ЛАГЕРЬ ХУДОЖНИКОВ

Постановлением ЦК ВКП(б) положен конец всем формалистическим извращениям в искусстве и все художественные силы в стране были объединены в единый лагерь союз Советских художников».

«По-прежнему в техникуме доцветал формализм. В 1934 с приходом нового директора Г.А. Кириленко положение резко изменилось... Формализм, расцветавший в училище все эти годы, был окончательно похоронен. Последний и наиболее яркий его представитель В.М.Юстицкий сошел со сцены и как преподаватель, и как художник, наглядно показав беспочвенность и гнилость основ формализма в искусстве».

(Г. И. Кожевников. «Из истории Саратовского художественного училища» (к 50-летию основания). 1946–1947 гг.)

1937 ГОД

Юстицкий приговорён к десяти годам лишения свободы по статье 58-10 – «за контрреволюционную агитацию».

ЛЕОНТЬЕВЫ: САРАТОВСКАЯ ХРОНИКА

1934 ГОД: ФЕВРАЛЬ

1 февраля закрылась живописная выставка.

Снятие с работы в техникуме В.М.Юстицкого.

4 февраля Щеглов начал писать в музее интерьер.

(Архив СГХРМ. Фонд Леонтьевых. Опись №1. ед. хр. 23)

1936 ГОД: ИЮНЬ

27 июня 1936 г. Юстицкий (вернулся) из Москвы работает по иллюстрациям в «Академии»

(ед. хр. 22 лист 150)

Заходил Юстицкий (вернувшийся из поездки с семьёй в деревню)

(ед. хр. 22 лист 159)

1938 ГОД: АВГУСТ

14 августа 1938 г. Доклад Бурмистрова (Директор СХУ).
Полит просвет работа (сектор).
«Голубая роза». У нас выплывает как положительное
а так как самое отрицательное (явление).
К праздникам Революции.
Люди готовятся по настоящему к этим дням.
Музей поставлен на службу Советской власти.
(а мы с таким отделом Советского искусства далеко уедем?)
(ед.хр. 49, лист 309)

1938 ГОД: АВГУСТ

23 августа 1938 г.
Не выставлять (в экспозиции Радищевского музея)
Вебера, Корнеева, Юстицкого.
(ед.хр. 29, лист 165-оборот)

1939 ГОД

Политическая ошибка показать Врубеля, Мусатова.
(ед.хр. 23)

1939 ГОД: МАЙ 23–25

Вещи у вдовы В.М.Юстицкого
(голова Юстицкого – дерево С.Шаховского)
и др. нет ли Уткина?
(Опись №1 ед.хр. 29, лист 519, оборот – дата 9 мая 1939 г.)

1947 ГОД

ОСТАЛСЯ В ЖИВЫХ – ЮСТИЦКИЙ ПОСЛЕ ТЮРЬМЫ

Отсидев в лагерях десять лет, возвратился Юстицкий в Саратов. Теперь ему педагогическую работу доверять нельзя.

Взялся вести детский кружок изобразительного искусства – на краю Саратова: Дворец культуры «Комбайн». Тогдашнему старосте ИЗО-кружка Маркушину в составе проверяющей Комиссии запомнился Бадакв Виктор Павлович – в белой рубашке, «как глиста». По отзыву комиссии преподавать в ИЗО – кружке Юстицкому запретили.

Творческие заказы – не дают.

ЗАВЬЯЛОВА: «...ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

1930 г. Саратовские художники получили инструкцию – организовано товарищество «Художник».

1936 г. ...производственные мастерские, до этого художники работали на дому.

1940 г. Правление Союза художников стремится официальные заказы поднять на уровень творческих работ.

(В.Завьялова «Саратовские художники за годы Советской власти». 1947 г. Архив СГХРМ. Фонд Завьяловой. 361 (1). № описи 4, ед. хран. 22)

Работа – «по специальности» – Юстицкому знакома: Саратовское товарищество «Художник» исполняет копии популярных картин, лозунги, разнообразную наглядную агитацию – «производственную» работу.

РАЗРЕШАЕТСЯ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ

С 1949 года свои картины продавать можно через магазин-салон Товарищества. Допущенные к продаже работы с оборота удостоверяются печатью: «Разрешается к распространению», дата и подпись. Эта печать на обороте фанеры небольшого размера – пейзаж Юстицкого мне посчастливилось купить без всякого разрешения: спустя двадцать лет с рук. Об этом пейзаже разговор особый.

Доставшийся мне пейзаж Юстицкого, как бы вольная копия неизвестного мотива Коро. Копии «в сотый раз с Шишкина» делал Юстицкий в лагере. «На свободе» возможно разнообразить репертуар? Отводил душеньку на «французах».

КОПИЯ – «ЗАПАДНОЕ ПОНИМАНИЕ»

До Первой мировой войны Юстицкий два года жил в Париже – на Западе, в отличие от России, «вольное» понимание копии, не буквальное повторение картины.

Сезанн советовал копировать старых мастеров – писать этюды с картин, «но так, как пишете с натуры».

1947 ГОД: ИЮНЬ

50-лет. Саратовского художественного училища.

Июнь, 29. В СГХМ открылась выставка в честь 50-летия СХУ. Представлено 442 произведения 75 художников.

Издан каталог: Каталог выставки, состоявшейся в дни 50-летия Саратовского художественного училища. Саратов. 1948.

(«Коммунист». 1946. 31 дек.; 1947, 29 июня, 2, 6, 9 июля.

«Хроника художественной жизни Саратова». 1874–1980. По материалам местной периодической печати. Изд. СГУ. 1988).

1947 ГОД: ИЮЛЬ

«ХУДОЖНИК ДОЛЖЕН БЫТЬ ПОДКОВАН ПОЛИТИЧЕСКИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИ»

К 50-летию Саратовского художественного училища.

«Юбилей СХУ – это крупнейшее культурное событие не только в жизни Саратова, но и всего Советского Союза.

С большой радостью отмечаем мы, что училище находится на правильном пути реалистического развития, располагает неплохими кадрами педагогов... Оригинальность и самостоятельность в разработке темы видна в работах студентов декоративного отделения училища. Вопрос поставить о превращении училища в высшее учебное заведение».

«...Нельзя не отметить такого даровитого художника, как студент Бузулуков, работы которого радуют своей выразительностью».

*Перельман Виктор Николаевич,
художник*

«С удовлетворением отмечаю, что работы студентов училища и, в частности, декоративного отделения отличаются продуманностью, известной самостоятельностью, оставляют очень хорошее впечатление. Безусловно – это очень большое достижение коллектива».

*Ахведиани Сергей Николаевич,
художник-декоратор театра имени Вахтангова*

«Я хочу остановиться на одном очень важном вопросе. Это вопрос о повышении политико-воспитательной работы в училище, о постановке политической учёбы. К сожалению, среди сара-

товских художников политическая учеба организована слабо. Для того, чтобы правильно разрешить тему, художник должен быть подкован политически и идеологически».

*Павлов Николай Александрович. Профессор АХ СССР
«За высокую идейность советского искусства». (Газета «Коммунист», 9 июля 1947 год)*

Примечание: Сергей Александрович Бузулуков. Р. 1925 г. Окончил СХУ в 1947 г. В дальнейшем аспирант Академии художеств. Известны картины: «Пугачев в Саратове». Х.м. 147х97. «Степан Разин в Саратове». «Саратов – Сталинграду в 1942 году». «Портрет Ивана Никитича Щеглова» – «Считается моим лучшим учеником, а я с ним не могу поговорить о Борисове-Мусатове» /Щеглов. 1962 г./.. Бузулуков спился, умер в безвестности в Саратовской областной психиатрической больнице, «на Алтынке», ориентировочно в 1960-е годы.

1947 ГОД: ОКТЯБРЬ

ЮСТИЦКИЙ ОСВОБОЖДЕН

В октябре 1947 года Юстицкий освобожден из заключения. В Саратов приехал тяжело больным. (Симонова. 1989 г.)

1947 ГОД: ОКТЯБРЬ

ЮСТИЦКИЙ – УЧАСТНИК ВЫСТАВКИ

Октябрь, 5. В СГХМ вновь открылась выставка в честь 50-летия СХУ, дополненная новыми работами.

(«Коммунист», 1947, 8 окт.; «Хроника...»)

5 художников, 442 произведения.

Участует Юстицкий: 1) «Автопортрет» Х., м. 48х40,5.

2) «Женский портрет» Х., м. 64х49.

1947 ГОД: НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

«ХУДОЖНИК – БОЕЦ ПЕРЕДОВОЙ ЛИНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ФРОНТА»

Журнал «Искусство» 1947 г. № 6, ноябрь-декабрь. «Искусство победившего социализма». Редакционная статья:

«Все эти «Голубые розы», «Бубновые валеты», «Ослиные хвосты» и прочие порождения декадентской и формалистической эстетики несли в себе реакционное содержание, утрачивали национальную независимость в области художественного творчества, одурманивали и духовно растлевали народ».

1948 ГОД: ФЕВРАЛЬ

«ИСКУССТВО НА СЛУЖБУ НАРОДУ»

Устаревшие книги, или работы, освещающие вопрос с декадентских или вульгарно-социологических позиций, дающих ложную, искаженную картину творчества выдающихся русских художников, истории русского искусства в целом... извращенное представление о значении русского искусства в общемировой художественной культуре, об огромном вкладе, внесенном русскими художниками в мировое искусство. Книги «История русской живописи» А. Бенуа, пятитомная история русского искусства под редакцией И. Грабаря (в особенности том, посвященный русской скульптуре, написанный Врангелем), «История русского искусства» В. Никольского, содержат оценки русского искусства не только неверные, ошибочные, но и порою дышащие враждой и ненавистью к русской демократической живописи».

(Редакционная статья в ж. «Искусство» № 2, 1948 г.)

1948 ГОД: ИЮЛЬ-АВГУСТ

СУЩНОСТЬ ФОРМАЛИЗМА ВСКРЫТА ПОСТАНОВЛЕНИЯМИ ЦК ВКП(б).

Формализм является законченной буржуазной реакционной системой взглядов на искусство.... Отрицая познавательное значение искусства, придавая форме, то есть линии, краске, ритму самодовлеющее значение, формализм стал на службу реакционным классам, уводил искусство от действительности, затушевывал значение классовой борьбы, явился законченной реакционной системой. Нужно ли говорить, что он является целиком враждебной системой, сущность которой так вовремя вскрыта постановлениями ЦК ВКП (б).

(Иогансон: «Основные задачи художественного образования». Вторая сессия АХ СССР. Ж. «Искусство» 1948, №4)

Потом понимает – то плохо,
что поздно! – опять не врага,
а ветеринара эпоха –
ох! И подняла на рога!
Валентин Ярыгин

1948 ГОД

УРОК АНАЛИЗА –

братья Леонтьевы: подборка газетных текстов сделана в 1948 году.

«Коммунист», 25 февраля 1948 года. № 40 (4055)

«Партийная жизнь. Лучше руководить хозяйственным и культурным строительством района. С партийной конференции Фрунзенского района».

«...Серьезный упрек райкому за забвение политической работы среди художников сделал делегат конференции тов. Замятин. – В Саратовском обществе «Художник» имеется 12 коммунистов – сказал он. – Но как живут коммунисты-художники, как они влияют на творческую жизнь коллектива, выполняют ли свою авангардную роль среди творческих работников – райком не знает....».

(«Коммунист» 9 марта 1948 г. №49(4064) с.2.)

Доклад секр. горк. ВКП(б) тов. П.Т.Комарова.

Прения по отчетным докладам гор. ком. ВКП(б). Вечернее заседание 6 марта. Делегат тов. Садовой – нач. гор. отдела по делам искусств указал, что ... отдел пропаганды горкома проходил мимо крупнейших недочетов в деятельности Сар. отд. Союза сов. худ-ков, товарищества «Художник»...

ГУЩИН

1946 ГОД

ОБРАЗ СТАЛИНА. СОВЕТСКОЕ ГЕНЕРАЛЬНОЕ КОНСУЛЬСТВО В ПАРИЖЕ.

В 1946 году мною был написан образ Сталина и преподнесен в дар Советскому посольству в Париже, где он и был выставлен. (Гущин: автобиография).

Портрет Сталина в посольстве был назван Гущиным «Символ Новой и Старой веры». Прошел в Россию – ему хотелось жить жизнью своей, а не чужой.

(Со слов Гущина: Невский Вильямс Алексеевич – работа в Радищевском музее 1955–1956 гг. Сообщение 2002 г.)

1947 ГОД: 22 НОЯБРЯ

Гущин Николай Михайлович прибыл в Саратов как французский репатриант из Переселенческого пункта целевым назначением для работы в Радищевском музее реставратором.

Н. М. Гущин. Рис. Вяч. Лопатина. 1961 г.

Выписка из приказа №50 по РМ от 22 ноября 1947 г.

«Гущина Николая Михайловича с 22 ноября с.г. зачислить в качестве художника-реставратора с окладом 500 рублей в месяц, с хлебной надбавкой, с двухмесячным испытательным сроком». (З/директора Н.Оболенская).

6 декабря 1947 г. директор музея И. Д. Бурмистров сообщает в Комитет по делам искусств при Совете Министров РСФСР, что Гущин на работу «принят... как художник-реставратор с испытательным сроком. Обеспечен лимитными и продовольственными карточками и поставлен вопрос перед Горсоветом о предоставлении жилплощади».

(Пятницына: 1995 г.)

1948 ГОД: ЛЕТО

ГУЩИН В САРАТОВЕ

На левой руке носил не браслет – на веревочке ожерелье, в несколько раз обернутое – горный хрусталь просверленный. Черный берет баскский – ткань типа брезента и в берете дырочки, и металлические пистончики. Плащ короткий песочного цвета. И не пуговицы, а пластинки наклепанные. Он, по-моему, и зимой в нем ходил. Сутулый, высокий, волосы с сединой. Хорошо разбирался в фотоаппаратах. На базаре купил у Ивана Гавриловича – мой знакомый: потом таскали в КГБ – зачем продал фотоаппарат Гущину. Николай Петрович Трубкин знал Гущина. *(Снегирев Борис Николаевич: 1993 г.)*

УЧАСТИЕ ЮСТИЦКОГО И ГУЩИНА НА ВЫСТАВКЕ

1948 ГОД: ДЕКАБРЬ

Декабрь, 5. В СГХМ открылась выставка произведений Саратовских художников. Представлено 117 произведений, 30 художников.

Издан каталог: «Каталог выставки работ саратовских художников». Саратов. 1948.

(«Коммунист», 1948. 5 дек.; Справочник. Т.4.С 61; «Хроника...»)

Экспонент Юстицкий:

- 1) «Зимнее утро». Х., м. 63х47;
- 2) «Пейзаж» Х., м. 46х37.

Экспонент Гущин:

- 1) «Голова девушки». Х.,м. 50х40;
- 2) «Голова мужчины». Б., кар.45х34.

1948 ГОД: ДЕКАБРЬ

ГУЩИН – ХУДОЖНИК

Франция в огне...(по каталогу «Голова девушки») сравнительно небольшое полотно вызвало острый интерес у студентов саратовского художественного училища. Её обсуждали, и кто не успел посмотреть работу, срочно отправился на выставку... Всё поражало в этом произведении – романтическое настроение вещи, необычная живопись и манера исполнения.

Картина была написана в технике лессировки, манерой старых мастеров, которой никто не пользовался в нашем окружении. Была необычной и фактура полотна – то гладкая, то резко шероховатая, комочками краски. Общее впечатление от цвета светящихся рубинов.

(Альдона Ненашева «Воспоминания о Н.М. Гущине». Журнал. «Волга», №7, 1988 г.)

1948 год – Гущин взволновал Саратовскую интеллигенцию: «Франция в огне» («Прекрасная Франция»): – «Экстаз, экспрессия, всполохи цвета! Наконец-то! И у нас в Саратове! Появилось!» – заслуженный артист РСФСР, Народный артист СССР, солист Театра оперы и балета им. Н.Г.

Чернышевского Серебровский Глеб Владимирович. (Рассказ его вдовы – балерины и балетмейстера Серебровской Любови Алексеевны: 1995 год.)

ХУДОЖНИКИ ТЯНУТСЯ К ГУЩИНУ:

Севастьянов, Ненашева, Солоницын, Козача, Кондырев, Головницкий, Кабанов, Желнов, Бобров, Успенский...

1948 ГОД: ОСЕНЬ

ГУЩИН – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СХУ

Работает реставратором Радищевского музея.

«Читал курс технологии и художественных материалов в 1948 году». (Ответ Гущина на графу в анкете).

СЕМЕНОВА НИНА ПЕТРОВНА

после седьмого класса поступила в СХУ: «осенью 1948 года Гушин вёл короткое время занятия по технологии – на первом этаже, под методкабинетом».

КОЗАЧА ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВИЧ:

Я был старостой в СХУ, не мог не поддерживать отношения с Гущиным. Кисти, краски, клей выписывали на занятия. А он читал в училище технологию материалов.

Мы все натягивали холсты, делали подрамники. Он диктовал рецепты грунтов и показывал на практике, как надо работать. Особенно хорош «веймарский грунт» – жухлости не даёт и блеску не даёт: всегда открыта кухня, краски принимает, всегда можно продолжать.

У меня рисунок того времени – «Голова натурщицы» (б., соус 44,2х37) работы Гущина. В училище была организована студия для преподавателей, были занятия по рисованию. Постоянно рисовали Гуров, Щеглов, Миловидов. Посадили натурщицу и рисовали. И вот он пришел к ним, вынул соус, бумагу взял и начал.... И вот, пока он рисовал, они подходили посмотреть, а потом собирали свои рисунки и уходили потихоньку – и он один остался.

«Натурщица» 1949–1950. Б. соус 44,2х37

Справа внизу: Н. Г.

Собств. Козачи В. Ф. (Саратов)

№ 29 (графика) Каталог: «Гушин...» Саратов, 1991.

Я был в восторге, он видел, что это не наигранно и это искренне – поэтому мне и досталось. И подарил я ему аппарат трофейный – обменялись. Он фотографирование знал хорошо, в объективах разбирался хорошо – в аппаратах разбирался. Я ни разу не видал, чтобы он фотографировал, как ни придешь, он всё рисует».

(Козача. 1986 год: «Зачем записывать мой рассказ – не надо записывать»)

ИЗ 1993 ГОДА

В САМОМ ГУЩИНСКОМ ХАРАКТЕРЕ БЫЛО ЗАЛОЖЕНО УЧИТЕЛЬСТВО.

(Пятницына)

ОБРЕЛИ УЧИТЕЛЯ ЕВРОПЕЙСКОГО УРОВНЯ. НЕВИДАННОЕ И ОПАСНОЕ ПРОРОЧЕСКОЕ
ВОЛЬНОМЫСЛИЕ. МАГИЯ СВОБОДЫ. РОМАНТИК И МИСТИК УБЕЖДЕННЫЙ.

(Красноперова).

Обсуждение каталога выставки «Формула цвета». 6 июня 1993 г.

Ненашева рассказывает об одном из ярчайших впечатлений своей жизни – портретном сеансе, на который она и соученик Аркадий Солоницын пригласили для консультации Николая

Михайловича, и тот откликнулся на просьбу. «Н.М. пришел, посмотрел наши работы, проанализировал их. Сказал, что рисунок и живопись неотделимы друг от друга, поэтому нужно оставить маленькие кисточки и писать весь холст сразу большими цветовыми отношениями. Предложил показать нам, как это делается.

Взял у меня большую кисть, и где-то через полчаса на моём робком, вялом холсте появилось произведение яростное, захватывающее повышенной напряженностью цветовых отношений... Работал не отрываясь, быстро переводя глаза с модели на холст и обратно, изредка давая нам пояснения. Нервная рука его мгновенно касалась кисточкой то холста, то палитры. Мы смотрели и слушали, затаив дыхание и открыв рты: на наших глазах совершалось чудо. После этого сеанса работать, чувствовать по-прежнему было невозможно. Гушин согласился позаниматься с несколькими студентами».

«Занятия продолжились недолго по независящим от Н.М. и от нас обстоятельствам» – пишет Ненашева в 1987 году и даже по прошествии стольких лет обстоятельства эти не называет».

(Пятницына: «Художники круга Гушина». СГХМ им. А.Н.Радищева. Материалы и сообщения. Выпуск 7. Саратов 1995)

«ЗАКОНЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ...ОТМЕНЕНЫ БЫТЬ НЕ МОГУТ»

«Гушин учил писать непременно сразу всё, чтобы в любое время прерванная работа выглядела во всех частях одинаково законченной. Всё время следить за общим... Общее, общее – вот к чему надо стремиться. Идти не от анализа, а от синтеза».

«Он говорил с огорчением: чем ближе к нашему времени, тем меньше художники знакомы с законами изобразительного искусства, которые в любое время и при любом новаторстве отменены быть не могут».

(Ненашева: ж. «Волга» №7, 1988)

1948 ГОД

ВЫСТАВКА РАБОТ САРАТОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ

«ИЗВРАЩЕНИЯ – В ИСКУССТВЕ, В ХУДОЖЕСТВЕННОМ УЧИЛИЩЕ»

Данилов – «...весьма посредственные, случайные этюды и пейзажи, написанные вяло и примитивно («Вечер. Этюд», «Волга. Серый день»).

Миловидов – «... только два натюрморта и несколько этюдов за пять лет».

«В среде художников города живучи ещё ложные понятия о «свободе» творческого развития личности художника, стремление отгородить искусство от политики. Эти противоречащие марксистско-ленинскому мировоззрению положения насаждались в Саратове на протяжении десятков лет несколькими поколениями формалистов и «голуборозовцев» – представителей реакционных течений в искусстве.

До сих пор ещё такие художники, как Б.В.Миловидов, И.Н. Щеглов, В.К.Данилов только снисходительно признают «некоторые» достижения в творчестве идейно-реалистического направления «передвижников», но преклоняются перед Борисовым-Мусатовым и с большим удовольствием смакуют «живописные достоинства» произведений Сезанна, Матисса, Ван-Гога и других «левых» художников Запада.

Безыдейность, бессодержательность, вялость и малограмотность произведений отдельных саратовских художников – наследие и формализма и других извращений в искусстве, долгие годы существовавших в Саратове и, в частности, в его художественном училище».

(Г.Кожевников: «О саратовских художниках». Газета «Коммунист». 27 ноября 1948 г.)

1948 ГОД: НОЯБРЬ

Редактору Саратовской областной газеты
«Коммунист» тов. А. А. Лебедеву.

Уважаемый товарищ редактор!

В № 235 (4250) от 27 ноября 1948 года редактируемой Вами газеты помещена статья научного сотрудника Саратов. Госуд. Худ. Музея им. А. Н. Радищева Г. Н. Кожевникова «О саратовских художниках».

...о Саратовских художниках он пишет не впервые.

... не было (прежде) тех обидных и несправедливых выпадов, которые есть в последней статье Г.Н.Кожевникова «О саратовских художниках».

Почему Г.И. Кожевников слово «ведущих» художников берет в кавычки?

Разве произведение И. Н. Щеглова не приобретено Государственной Третьяковской Галереей?

Разве произведения Б. В. Миловидова не приобретались Государственным Музейным Фондом?

Сильно, не по-музейному, преувеличено мнение Г. Н. Кожевникова о том, что «противоречащие марксистско-ленинскому мировоззрению положения насаждались в Саратове на протяжении десятков лет несколькими поколениями формалистов и «голуборозовцев».

Наиболее сильны формалисты в Саратове были в годы гражданской войны. Но и тогда им противостояла сильная группа реалистов.

П.С.Уткин никогда не переставал защищать от нападков формалистов картину Айвазовского в Радищевском музее «Вид Трапезунда с моря», а А. И. Савинов никогда не уступал формалистам своих реалистических позиций.

И в годы гражданской войны в Саратовских Высших Свободно-Государственных Художественных Мастерских, наряду с мастерскими левых художников: Ф. К. Константинова, А. Е. Карева, А. С. Кравченко были и мастерские академика И.П.Степашкина, реалиста А. И. Савинова, декоративного реалиста П. С. Уткина и мастерская «независимых» – реалистов, воспитанников дореволюционной Академии Художеств, а окна Саратовского Роста (А. А. Сапожников, Б. А. Зенкевич) не так уж уступали окнам Роста Маяковского.

В статье не было поставлено вопроса о том, в чем причина, что основные мастера «Голубой Розы», как бы мы к ней не относились в настоящее время, течения общерусского (Павел Кузнецов, П. С. Уткин, Петров-Водкин и скульптор Матвеев) – саратовцы? Не задумывается (автор статьи) над вопросом, не отразились ли саратовские впечатления в творчестве В. Э. Борисова-Мусатова...

(А. и В. Леонтьевы. Архив СГХРМ. Фонд Леонтьевых. Опись № 1, ед. хр. 133)

1949 ГОД: НЕ РАНЕЕ 25 ЯНВАРЯ –

В. Ф. Завьялова назначена директором Радищевского музея

В ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ВКП(б).
ОТДЕЛ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ.
Тов. КЛЮЧНИКОВУ.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О СОСТОЯНИИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖНИКОВ г. САРАТОВА.

Состав комиссии: Завьялова В. Ф. Директор Р. М. – председатель.

Селькин В. А., Иванова-Каргополова А. М., Бородин А. И., Миловидов Б.В., Шуйский Е. М., Боровиков Г. Ф., Точилкина В. Ф.

Саратовская действительность... отражается саратовскими художниками совершенно неудовлетворительно.

Вся предшествующая творческая работа Саратовских художников характеризуется исключительным вниманием пейзажу, причём пейзажу случайного характера, лишённого какого бы то ни было идейного содержания, и не представляющего собою конкретного выражения Саратовской области...

Торопливость в работе, увлечение живописностью в ущерб содержанию (Щеглов), декоративная слащавость (Палимпсестов), отсутствие достаточной серьезной проработки натуры и человеческого характера (Кулагин) – все эти качества, отличающие работы саратовских художников, далеки от подлинных принципов социалистического реализма...

...В среде саратовских художников есть пережитки формалистического, буржуазно-эстетствующего отношения к искусству...

...Это путь формальный, путь эстетствующего художника (О Миловидове).

...В творчестве художника Щеглова И.Н., Миловидова Б.В., Севастьянова, Грицкова, Мощенко, Жукова и др. продолжает ещё жить импрессионистическая трактовка цвета, давно уже осужденная советской художественной общественностью и сейчас окончательно разоблаченная как проявление буржуазного эстетства в советском искусстве. Художник-пейзажист Щеглов, написавший в реалистической манере пейзаж под названием «Казанский взвоз», вместо того, что бы закрепить достигнутые результаты, написал следующий пейзаж «Крутец», а затем «Колхозный огород» совершенно в духе импрессионизма. Саратовские художники выразили одобрение двум последним вещам и очень сдержанно отнеслись к первой...

...Молодой художник Жуков М.П. – недостаточность в замысле картины и отсутствие тщательной работы над композицией, рисунком и формой, прикрываемой хлесткой формалистической трактовкой цвета.

В основу критики выступающими художниками ложится не анализ правильности решения замысла, а анализ формы в её формальных качествах...

...На собраниях Союза художников и особенно на собраниях Товарищества отдельные художники часто присутствуют в нетрезвом виде и выступают в таком состоянии, особенно этим отличаются художники Жуков, Русецкий, Салтыков, Грицков, Калачёв и друг. ...

...Как профессиональный уровень многих из них (Калачёв, Бобров, Протоклитов, Асеева, Грицков и друг.) так и, особенно, общеобразовательный, крайне недостаточен...

...подавляющее большинство членов Союза, так же как и членов Товарищества, имеют только среднее специальное образование, причём большинство из них учились в Саратовском училище в те дни, когда там подвизались формалисты во главе с ныне живущим в Саратове художником Юстицким...

(Выписки из «Докладной записки...». Архив СГХРМ. Фонд Завьяловой № 361 (1), № описи 4, ед. хр. 24)

ВЫБРАННЫЕ ФРАГМЕНТЫ

ГУЩИН О ЮСТИЦКОМ

Творчество В. М. крайне разносторонне и выявлено им было в различных течениях. В последний период он много работал в поисках живописной формы, красочной насыщенности, фактурных шумов, ритмического звучания. Содержанием его произведений – было: Литературные мотивы как напр. 1) «Въезд Дон Кихота», мифологические темы: «Триумф Венеры» 2) Романтика: «Бал в Версале», «Бал Поэтов», «Паяцы», «Гимн юности» 3) 18-й век во Франции – век кавалеров и дам: маскарады, встречи в Парках и т. д.

Параллельно работал в области портрета:

Натюрморты...

(Отзыв Гущина (без даты), написанный его рукой, хранится у Пашковой Л. В.: поступление от Анны Валентиновны Юстицкой, 2007 г.)

«ПЕРЕЛИВАЕТСЯ И МЕРЦАЕТ ФАКТУРА»
ИЗ 1992 ГОДА: О ЮСТИЦКОМ

...Юстицкий поразительно не советский художник. Он с великолепным пренебрежением проигнорировал все внешние приметы советского строя и был совершенно чужд его натужному оптимизму. А ведь почти все, начинавшие в искусстве одновременно с Юстицким, со второй половины двадцатых и особенно в тридцатые годы либо подчинились официальному художественному курсу на соцреализм, либо, и таких было меньшинство, растерянно замолчали. И наши знаменитые земляки – П.Кузнецов и Петров-Водкин – тут не исключение...

...Как подлинный художник, Юстицкий чувствовал высокий божественный смысл Игры. В послелагерные годы это чувство не только не исчезает, а напротив, обостряется. Подобно артисту, проживающему, как свою, множество жизней, Юстицкий оказывается «свидетелем» то бала в Версале, то въезда Дон Кихота в Саламанку, то прогулки галантной пары из какого-то ХУШ века... композиция «Арлекина» восходит к Ватто... один из участников бала в Версале – Бодлер...

...ошибка художника. Эта ошибка становится органичной частью Игры, завораживающей, провоцирующей, продлевающей нашу встречу с картиной. Игры, в которую включены герои, сюжеты, эпохи и сама живописная материя. И можно уже не искать разгадок, а просто смотреть, как переливается и мерцает фактура, как рядом с буграми краски образуются впадины и как по ним в последнем легком касании скользит кисть, оставляя прозрачные следы...

(Свищева: «Свободные фантазии Валентина Юстицкого». Газета «Саратов»
23 апреля 1992 г.)

1950 ГОД: 25 МАЯ

Как много художник Щеглов употребляет краски. Почему не получается реальной формы при таком обилии краски?

В. Завьялова

ОБСУЖДЕНИЕ ВЫСТАВКИ РАБОТ САРАТОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ ЗА 1950 ГОД

25 мая 1950 года

В. Ф. Завьялова, директор Радищевского музея:

...В своем анализе я обошла художника Щеглова. Скажу несколько слов. Любопытно, я беседовала неоднократно с зрителями на нашей выставке о работах Щеглова. Не так давно у меня была очень интересная экскурсия студентов пятого курса Саратовской консерватории. И очень любопытная реакция. Сейчас Ивана Никитича на этой выставке не принимают. Отзывы положительные почти отсутствуют.

Любопытная такая вещь. Художник Щеглов некоторым гражданам города Саратова нравится. Что же это за характер людей, которым нравится художник Щеглов? Это преимущественно старые члены – соревнователи саратовских художников. Приходит пожилой человек, знающий саратовских художников, привыкший к Щеглову, искренне расположенный к нему, в основном же на выставке его вещи не принимаются.

Не принимаются с точки зрения идейного плана. Всех удивляет его «Волга в выходной день» в таком дореволюционном антураже. И вот этот забор. Это шокирует. Говорят – у нас набережная появилась, а мы все старое вытаскиваем. На людей обращают внимание. Что же люди так написаны? Это не люди. Это находит жестокую критику. Очень много говорят о технике. Как много художник употребляет краски. Почему не получается реальной формы при таком обилии краски?

Можно, конечно, говорить, что, да, картины Щеглова очень удачны с точки звучания цвета как такового. Конечно, это ярче и Бадаквы, и Осташева и других художников.

Давайте сейчас сравним с любой картиной, висящей здесь, и посмотрим совершенно ясно и отчетливо. Где же богатство и где же живописное оскудение? По моему этот вопрос совершенно ясно решается, в данном случае, не в пользу Щеглова.

Возьмите натюрморты. При всех недостатках, которые мы имеем в области натюрморта у

Бадаквы; натюрморт Бадаквы правдивый с точки зрения правильного восприятия нашей действительности, чем натюрморт, решенный Щегловым в таком условном неприятном живописном неблагодарном фоне. Даже в такой вещи не хватает известной художественности, известной артистичности. Все решается в принципе формального употребления цвета. И поэтому, начиная от того, что само содержание вещи не вызывает интереса, сама форма решения этой вещи вызывает явно отрицательное отношение.

Очень хорошо, что Щеглов берет городской пейзаж. Но правый пейзаж его зрители рассматривали и жестоко критиковали и нашли, что художник улицу в этом случае не подал в ее красивом звучании, а, наоборот, ухудшил. А это одна из красивейших улиц Саратова, это наш проспект имени Кирова. У нас центр очень красивый. Проблема городского пейзажа не нашла своего поэтического и материального выражения в творчестве художника Щеглова.

Художник сообщает сейчас, что он решил браться за новые темы. Я убеждена, что когда он будет мучиться над выражением настоящей новой темы, он весьма серьезные коррективы внесет в свои художественные выразительные средства.

Пейзажи Щеглова весьма общи и космополитичны... Это пейзажи «Над», а не от «конкретной действительности»... Мы требуем конкретного выражения жизни.

Если художник остается пейзажистом и пусть остается им, но мы в пейзаже хотим видеть конкретное выражение данной природы, с внесением в нее поэтического звучания, потому что вы художник и вы обязаны вносить поэзию, обязаны эмоционально на нас действовать.

Последнее замечание заключается в том, что нам нужна живописная культура. Нельзя достигать подлинной художественной выразительности, если не иметь определенной живописной культуры.

Мне кажется, что на натюрмортах Бадаквы можно поговорить о живописной культуре. У художника накопилось определенное формальное художественное умение, мастерство. Но в этом мастерстве не хватает культуры.

Вот очень интересный натюрморт Бадаквы. Он очень нравится публике, но этот натюрморт развит живописно, в нем нет колористического решения.

Что такое живопись во всех ее компонентах? Это хорошо сложенный оркестр, где все звучит в определенном гармоническом построении.

ВОПРОС С МЕСТА: – Почему вы такой метод работы поощряете, а почему метод Щеглова отрицаете?

Тов. Завьялова: – В этом вопросе есть доля правды. Такое безграничное увлечение декоративностью и такая разобщенность в живописном звучании...

Но я сказала, что в этом натюрморте мы и устанавливаем отсутствие культуры. Мы предупреждаем автора, что этот путь неправильный. Это не реалистично в своей потенции. Я на нем, как на отрицательном моменте и останавливаюсь. Я говорю о Бадакве. Хотя в нем есть элементы наращивания мастерства.

...Мы опять встречаем этюды. Сколько можно говорить? Мне кажется, что жюри нашей выставки надо решительно не принимать этюдов. Этюдами типа Жуковских мы несколько портим своего зрителя. Этюд «Девушка с цветами» нравится зрителю. Сама по себе, своими красками, цветами; сам по себе образ девушки приятен. Но, давайте, поставим перед собой очень определенную задачу во всей ее остроте. Что же это такое с точки зрения помощи строительству социализма и коммунизма? В какой степени художник организует сознание трудящихся нашего Союза на борьбу за быстреее построение социализма и коммунизма?

С этой точки зрения художник продолжает топтаться на месте и давать безыдейные этюды. Правда, эти этюды не формалистического толка. В этих этюдах есть какая-то формальная законченность. Эти этюды материальны, реалистичны, приятны в живописном решении. Но это пустой этюд. Он не нужен ни художнику, ни зрителю.

С точки зрения ясной политической целеустремленности, с точки зрения идейной направленности эти этюды не нужны.

...Художник Серов замечательный живописец. У художника Серова есть замечательные вещи: «Девушка, освещенная солнцем» и «Девушка с персиками». Но если мы поставим перед собой вопрос – должны ли мы так высоко ценить эти вещи? Не должны. В этих вещах, при всем своем замечательном мастерстве, художник Серов вставал на путь безыдейного искусства. Это то, после чего легко было уйти в мир искусства. Это то, что позволяло идеологу мира искусства Александру Бенуа драться за Серова.

Горький говорил, что десятилетие перед Революцией 1917 года у русской интеллигенции это самое бездарное десятилетие, опорочивающее русскую интеллигенцию.

Серов писал эти вещи тогда, когда за плечами стояло это бездарное десятилетие. И поэтому надо смотреть здраво на вещи. Нельзя повторять того пройденного этапа, который ставил его по идейной линии на ту сторону политического рубежа, не проедешь на этом и сейчас.

М. П. Жукова мы обязаны призвать к такому творчеству, которое заставило бы его основательно вооружиться идейно и художественно. И если у него есть такое умение писать, то пусть он это умение приложит к настоящему советскому социалистическому произведению.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ.

Тов. Фиников – Почему Кузнецова спрятали? (из экспозиции Радищевского музея вывели картины Павла Кузнецова – Лопатин).

Тов. Завьялова – Здесь происходит одна очень серьезная ошибка в представлении о вещах у ряда товарищей. Товарищи думают, что жизнь переоценивается. Пройдет двадцать пять-тридцать лет и Матисса вытащат. Нет. Переоценка вещей происходит, она происходит на почве все большего и большего утверждения материалистического мировоззрения, все больше и больше на почве утверждения не только материалистического мировоззрения, а и с точки зрения марксистско-ленинского мировоззрения. Произведения искусства, возвращающие действительность не являются произведениями (являются ли они вещами прошлого или настоящего) и никогда они места не получают как достопримечательности искусства.

Идет борьба между материалистическим мировоззрением и идеализмом. Наступит коммунизм во всем мире, получит господствующее и единственное положение в мире мировоззрение марксистско-ленинское, коммунистическое. Конец идеализма и все идеалистическое, человечество выбросит из своего обихода. И в том числе уйдет формализм из мира искусства.

Родятся дети наших детей а внуки наших детей уже не будут знать формалистов. Так же, как наши дети не знают, что такое полицейский.

(В. Завьялова. Архив СГХМ. опись № 4, ед. хр. 31)

ХУДОЖНИКИ ШУТЯТ

1947–1951 ГОДЫ

В Саратовском товариществе художников можно разговаривать об искусстве только с Юстицким. И Юстицкий говорит только об искусстве. (Рассказал Аржанов)

ИЗ 1972 ГОДА

Производственные мастерские товарищества.

– Шурх!... Шурх!... Шурх! – «сухой кистью» делаем портреты. Вдруг голос:

– Уходи отсюда, Женя! Пропадешь! –

Мельников сказал, тихо стало. И опять:

– Шурх!... Шурх!... Шурх! (Рассказал Желнов)

Товарищество переименовано в Художественный фонд.

В Фонде трезвые еще художники маятся в ожидании зарплаты. От скуки, под лестницей – Палимпсестов: выступает...

Между художников Гуров протискивается – Ты о поэзии в искусстве, а сам деревообделочные пейзажи пишешь! –

– Да ты!.. Да я!... Да тебя!.. –

– Не! Не-не! Я зарплату получить! – *(Рассказал Желнов)*

Бородин Алексей Иванович.

Вылитый Геббельс, изображенный Кукрыниксами. Горячий! Очень! После войны нищее, голодное время: преподавателем, на летней практике укорял студента в привычке к буржуазному украшательству, а тот и скажи – «Да вы и сами часы носите!» Алексей Иванович смотрит – и правда: у него у самого часы на руке. Расстегивает ремешок, да как запустит часами...

Студенты долго ищут – трава густая, высокая – приносят, протягивают – «сейчас растопчет!». Нет – ремешок застегивает. Молчит.

В художественном училище студенты любят подшутить над преподавателями (в их отсутствии).

Гурова легко передразнивать – у него скошен подбородок – голос «забубенный», куда то в сторону –

– Ну, ты меня извини! Я тут у тебя напортил... –

Поправлять живопись взялся. У студента на палитре гору красок извел, теперь извиняется!

У Щеглова часто болели зубы, приходил на занятия с перевязанной «по-бабьи» щекой. Студент платочек повяжет и «ахает» – Ах! Что же вы наделали? Просил я вас, оставьте – вот это место – ах! – как было хорошо взято... –

Сам никогда не поправлял.

О рассеянности Щеглова: дождь на трамвайной остановке. Трамвай подходит. Щеглов снимает калоши, заходит в трамвай и уезжает – калоши остаются на улице.

...Демобилизовался, не успел гимнастерку с наградами снять – Данилов Виктор Кириллович. Преподаватель свежеиспеченный.

Энергичный, напористый – Я вот вам постановку сделал! У вас теперь живопись пойдет – не то, что у этого, с перевязанной щекой (о Щеглове)! –

Мы пишем, у нас с каждым днем все хуже и хуже, а Виктор Кириллович все мрачнее и мрачнее...

Пошел к Щеглову советоваться...

Щаблювский – театральный художник и преподаватель СХУ. Пришел внезапно к Щеглову домой выведывать секреты живописи, а Иван Никитич, как узнал причину – испугался... *(Рассказал Солянов)*

...В отпуск преподаватели училища едут в деревню писать этюды. Дней через десять всполошился Щеглов: – Ах ты, батюшки! Забыл в Саратове квартиру запереть! –

Уезжать – собрал вещи. На дорожку пошел в деревню молока попить.

– Давай пошутим! – Наложили ему в рюкзак кирпичей.

Возвращается Иван Никитич, крикнул, но рюкзак поднял.

– Вот замечаю – как поешь в дорогу, груз тяжелеет. –

Пошел на пристань... *(Рассказал Миловидов)*

Безобиден, мне показалось, рассказ Миловидова о Щеглове. Но, услышав мой пересказ, расстроилась, обиделась, рассердилась дурацкому анекдоту о кирпичях Александра Петровна Ильина, бывшая жена Ивана Никитовича...

Рассказала, как другая шутка для Щеглова тюрьмой обернулась. ПОШУТИЛ КТО-ТО: ИЗБЕ-

ГАЕТ ЩЕГЛОВ ДЕЛАТЬ ПОРТРЕТЫ РАБОЧИХ И КОЛХОЗНИКОВ. Разве не шутка, если художник пейзажист? Левитан тоже портреты не делал. Особенность такая в искусстве: одному художнику дано портреты рисовать, другому пейзажи. Репин картины писал, удавались ему и портреты, а за пейзажи и натюрморты не брался.

Шутка про Щеглова дошла до КГБ.

Пришли к нему домой с обыском – а портретов и нет.

Зато отыскался компромат. Дали десять лет тюрьмы.

ПРИГОВОР ЩЕГЛОВУ

Александра Петровна показала ПРИГОВОР и в первую очередь указала в тексте на несправедливость: – «...Ивана Никитовича...судимого в 1933 году за антисоветскую деятельность особым совещанием при коллегии ОГПУ на 3 года лишения свободы, меру наказания отбыл, в преступлении, предусмотренном ст. 58–10 ч. 1 УК РСФСР.».

По словам Александры Петровны, когда человек попадает в тюрьму, полагается его выписывать из домовой книги – Ивана Никитича из домовой книги не выписывали.

Зачем такой подлог – явный! – в официальном документе?

«Судебная коллегия, проверив материал дела, выслушав подсудимого и стороны

у с т а н о в и л а:

ЩЕГЛОВ, будучи враждебно настроенным к ВКП (б) и Советской власти, занимался изготовлением и распространением анонимных документов антисоветского содержания. Проживая в гор. Саратове и работая преподавателем Художественного училища, ЩЕГЛОВ в апреле м-ца 1950 года изготовил и направил в адрес «Детгиза» гор. Москвы антисоветский документ, в котором излагал клевету на существующий в СССР политический строй и Советскую действительность, пытался дискредитировать одного из руководителей ВКП /б/ и Советского правительства. В совершенном преступлении подсудимый ЩЕГЛОВ виновным себя признал полностью. Кроме того, его вина подтверждается вещественным доказательством, приобщенным к делу, анонимным антисоветским документом и актами графических экспертиз (л. д. 56, 62 и отдельный пакет № 1).

Коллегия считает, что преступление, совершенное ЩЕГЛОВЫМ доказано и квалифицировано правильно.

Исходя из изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР

п р и г о в о р и л

ЩЕГЛОВА Ивана Никитовича, на основании ст. 58–10 ст. 1 УК РСФСР подвергнуть лишению свободы сроком на 10 лет с поражением в избирательных правах сроком на 3 года.

Лишить ЩЕГЛОВА медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.». Взыскать за выступление адвоката в пользу Волжской юрисконсультации 250 руб. из денег, находящихся на хранении в Финотделе УМГБ (квитанция № 5640) от 1/III – 1951 года.

Зачесть ЩЕГЛОВУ предварительное заключение в счет отбытия меры наказания с 20 февраля 1951 года. Меру пресечения ЩЕГЛОВУ оставить содержание под стражей.

Вещи, облигации и сберкнижку, находящиеся на хранении в УМГБ возвратить осужденному.

Приговор суда может быть обжалован в Верховный Суд РСФСР в течении..... с момента вручения копии приговора осужденному.

Председательствующий АНЮШИН.

Народные заседатели Антареев и Холина.

ВЕРНО: Председательствующий АНЮШИН.».

ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Прочел Иван Никитич рассказ Тургенева «Муму» и прослезился, так ему рассказ понравился, изданный отдельной книжечкой издательством «Детгиз». На оборотной стороне книжечки предложение – отзывы и пожелания направлять в адрес издательства.

«...в апреле м-ца 1950 года изготовил и направил ...антисоветский документ...»

Написал на почтовой открытке – понравился рассказ Тургенева и спросил, почему советские писатели не пишут так хорошо.

Свой отзыв «направил», но не отослал.

Открытку изъяли при обыске «20 февраля 1951 года».

«...вина подтверждается вещественным доказательством, приобщенным к делу, анонимным антисоветским документом и актами графических экспертиз / л. д. 56, 62 и отдельный пакет № 1».

Открытка с отзывом Щеглова – вещественное доказательство, анонимный антисоветский документ. Отзыв написан его рукой – подтверждается актами графических экспертиз.

«В совершенном преступлении подсудимый ЩЕГЛОВ вину свою признал полностью».

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЩЕГЛОВ НЕ СИДИТ – «АКТИРУЮТ»

ИЗ 1962 ГОДА

Рассказывает Щеглов о пребывании в лагере, где-то в Аткарском районе Саратовской области. Большое пространство огорожено высоким деревянным забором. Внутри под летним солнышком, кучками и в одиночку сидят, ходят люди – минутка такая, когда его вызывают «без вещей»: примета плохая – на расстрел выводят «без вещей».

А никогда не говорят – куда ведут, зачем везут?

Едут долго – машина без окон. Всю дорогу в дырочку смотрит. Узнает саратовский вокзал – в Саратов привезли.

Два конвоира с винтовками – выводят: коридоры, люди гражданские, некоторые в белых халатах.

Комната, очередь. Сажает на стул – один рядом, другой конвоир у двери: люди в его сторону боятся смотреть.

Иван Никитич тоже боится – радоваться: неужели не расстрел? Заводят в комнату. Один конвоир снаружи остался, другой у стола пакет передает.

Медсестра нагнулась, будто что-то поправляет, а сама шепчет – Иван Никитич, не бойтесь, жалуйтесь на здоровье – вас выпустят. –

«Выпустили» не сразу – три года и восемь месяцев «отсидел».

Где были и что видели – забудьте! – такое напутствие.

Этот эпизод рассказал сначала Щеглов, позже та самая медсестра – оказалась женой художника Ткаченко Василия Кузьмича.

У того погибла от советской власти семья в Западной Украине, мальчишкой убежал в Саратов.

Записался добровольцем на фронт. Живой остался – опять в Саратов: художник, женат.

Живут – трясутся: узнают – схватят. Его жена, медсестра, близко к сердцу приняла появление растерянного, с конвоирами Щеглова. Помогла ему сориентироваться в незнакомой обстановке – не побоялась.

«20/X 1954 г. я был освобожден досрочно.» (Личная карточка члена (кандидата) Союза Советских художников. Дата заполнения 12 февраля 1955 г.)

РЕАБИЛИТАЦИЯ
1956 ГОД: 14 ИЮЛЯ

Гр.-н. Щеглов был в 1951 году необоснованно арестован органами государственной безопасности...

В 1955 году уголовное дело на гр-на Щеглова по протесту Генерального Прокурора Союза ССР было рассмотрено президиумом Верховного суда РСФСР и прекращено. Гр.-н. Щеглов полностью реабилитирован.

(А. Гришин, зам. прокурора Саратовской области. СГХРМ. Архив: А.В. и В.В. Леонтьевы. Опись № 1. ед. хр. 195.)

ЛОГИКА НЕИЗБЕЖНОСТИ СЖИВАНИЯ СО СВЕТА НЕ ОДНОГО ЩЕГЛОВА

Мать И.Н. Щеглова, заметив у мальчика большую любовь к рисованию, с самого раннего детства всячески поощряла развитие его способности. Учительница школы, где учился И.Н. Щеглов, обратив внимание на дарование школьника, также советовала ему в дальнейшем серьезно заниматься рисованием. Но тяжелое материальное положение не позволило И. Н. Щеглову отдаться своему призванию в юности и своевременно получить необходимое художественное образование. Только после того как И.Н. Щеглов в 1903 году устроился конторщиком в управлении Рязано-Уральской железной дороги, он смог поступить в саратовское Боголюбовское рисовальное училище, которое окончил в 1913 г.

(Н. Оболенская. «Выставка работ художника Щеглова Ивана Никитовича». Каталог. Саратовское книжное издательство. 1962.)

1961–1962 ГОДЫ: ЗИМА

Кем я мог работать в управлении железной дороги? Младшим конторщиком. При зарплате в шесть рублей носил котелок с тросточкой. Сейчас у меня шестьдесят рублей, но я не могу носить шляпу, пойти с тросточкой (рассказал Щеглов).

...Нелегко было одновременно работать и учиться, но, несмотря на это, Щеглов успешно закончил в 1913 году училище и начал самостоятельный путь в искусстве. Однако высокая требовательность к себе заставила его возобновить «годы ученичества». Ради совершенствования профессионального мастерства он в 1918 году поступил в открывшийся тогда в Саратове Высший Художественный институт, в мастерскую профессора А.И. Савинова, и в 1923 году вышел оттуда со званием художника станковой живописи. Вскоре Щеглов стал преподавателем Саратовского Художественного училища. Он отдал педагогической деятельности более 40 лет, и, пожалуй, ни об одном из учителей бывшие студенты не вспоминают с такой любовью, благодарностью и уважением, как о Щеглове.

(Н.И. Свищева. «Иван Никитич Щеглов» (1882–1962). Саратов. 1972.)

Впервые произведения Щеглова, тогда еще ученика Боголюбовского рисовального училища, экспонировались на выставке 1906 года в Саратове.

(Л. В. Пашкова. «Иван Никитич Щеглов. (1882–1962). Живопись, рисунок». Каталог. Саратов. 1984.)

РЕВОЛЮЦИЯ

Тов. Бассальго: буржуазная культура отвергнута, ряд буржуазных понятий – прилично, неприлично, можно, нельзя – отвергнут.

...Буржуазная литература и искусство одряхлели, ибо по причине «всемогуция, вездесущия и всезнания Бога» человеку не рекомендовалось дерзать к познанию света истины и правды людской.

...Марксизм – развивающее понятие о человеке, как о господине, божестве, творце.

Наши задачи: из искусства прошлого давать народу только то, что ведет народ к освобождению личности, а затем создать свое собственное пролетарское искусство.

(Бассалыго: лекция. «Известия Саратовского военного комиссариата». Газета (дата утрачена). СГХРМ. Архив: А. и В. Леонтьевы. опись № 1. ед.хр. 148. Крайние даты 1918–1949 г. апрель 1. на 63 листах (газетные вырезки).)

В местном журнале «Горнило» (номер первый): «буржуазное общество обезличивало человека и держало его душу в цепях лжи, мракобесия и обмана».

(...опись № 1. ед.хр. 150. (выписка))

1928–1930 ГОДЫ

СЕЗАНН: И. ЩЕГЛОВ – А. ГЕРАСИМОВ

Участвуя в Москве на выставках АХРР в 1928, 1929 и 1930 годах, Щеглов привлекает внимание качеством работ. Вызывают в Москву – хотят поощрить: общее собрание – инцидент с А. Герасимовым.

А. Герасимов – Какое у вас отношение к Сезанну? –

И. Щеглов – Я считаю Сезанна большим художником. –

Герасимов демонстративно встает из-за стола президиума, молча выходит

Щеглов: 1962 г.

1927 ГОД: 19 февраля

К объединению художников города Саратова.

«Секция ИЗО при профсоюзе Рабис ставит себе задачей в нынешнем году объединение всех имеющихся в Саратове художников».

(А. и В. Леонтьевы... ед. хр. 148)

«1930 г. Саратовские художники получили инструкцию – организовано товарищество «Художник».

(В. Завьялова. СГХРМ. Архив... ед. хр. 22.)

1938 ГОД

«29 марта 38 г. собрание художников города Саратова по вопросу об образовании Союза художников».

(А. и В. Леонтьевы... ед. хр. 23.)

1930–1940 ГОДЫ: ИЗ 1947 ГОДА

ТВОРЧЕСКАЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ РАБОТА

...7. ...образовалось как бы два центра художественной жизни города (Саратова) – художественное училище и Товарищество «Художник».

...9. Новый период в развитии Саратовского Товарищества «Художник» относится к 1937–41 гг.

Во главе организации стал тов. СЕЛЬКИН В.А., вдумчивый и деловой товарищ. Его недостатком, наложившим отпечаток на развитие творческой деятельности Товарищества, было отсутствие специальных знаний в области изобразительного искусства, благодаря чему он очень скоро смог разобратся в идейно – творческих интересах художников и в уровне их мастерства.

...12. ...в 1937–38 г.г. непонимание председателем правления тов. СЕЛЬКИНЫМ принципиальной разницы между производственной и творческой продукцией приводят к глубокому разладу между художниками, работающими в Товариществе и художниками – педагогами, работающими в Художественном училище.

...13. ...Производственная продукция была очень низкого качества, не находившего суровой критики со стороны Художественного Совета при Товариществе и порицаемая работниками Художественного училища. Творческие дискуссии долгое время велись на очень низком теоретическом уровне. Так, например, доказывалось, что всякое распределение предметов на полотне есть композиция и, нечего, мол, доказывать, что это хорошая, а это плохая композиция. Крити-

ка членов Товарищества – преподавателей училища, рассматривалась, как критика из другого, враждебного лагеря. Таким образом, вся неудовлетворенность преподавателей училища обосновывалась низким творческим и профессиональным уровнем работы Товарищества «Художник», а членов Товарищества непониманием этого.

(СГХРМ. Архив: фонд Завьяловой. 369 (1). № описи 4. ед. хр. 17. «Документы (доклады и статьи Завьяловой), связанные с художественной жизнью Саратова. 1946–1957 гг.» на 76 листах. «Саратовское Товарищество «Художник».)

1940 ГОД

1940 г. Правление Союза художников стремится официальные заказы поднять на уровень творческих работ.

(В. Завьялова. «Саратовские художники за годы советской власти». 1947 г. СГХРМ. Архив: фонд Завьяловой. 361 (1). № описи 4. ед. хр. 22.)

...17. ...среди художников часто противопоставлялся Союз Советских Художников Товариществу. Большая часть художников города и руководство Союза в лице очень авторитетных художников РАБИНОВИЧ, МИЛОВИДОВА и др. продолжали считать, что Товарищество – это производственная организация, а Союз – это творческая организация и отдельные случайные ошибки Товарищества «Художник» в творческих вопросах рассматривались как принцип в работе. Так, накануне войны 1941 г. не было настоящего творческого содружества между Союзом и Товариществом и такие художники, как ГУРОВ В.Ф. и ЩЕГЛОВ И. Н. не считали нужным бывать в Товариществе «Художник».

...32. В 1946 г... во главе Товарищества впервые за всю его историю, если не считать, что в 1942 – 44 г.г. председателем был искусствовед ЗАВЬЯЛОВА В.Ф., стоит председатель – художник творческого характера – коммунист тов. БОБРОВ Б.П. и его заместителем также художник творческого характера и коммунист МОЩЕНКО В.Ф.

(СГХРМ. Архив: фонд Завьяловой...)

1937 ГОД

Центр. Извест. 5 авг. 1937 г.:

«Идиллическая выставка» – о И.Н. Щеглове.

(СГХРМ. Архив: А. В. и В. В. Леонтьевы. № 21. Блокнот: «В. Леонтьев с записями дневникового характера, черновыми рабоч. записями, выписками из книг и период. изданий. 1928–1938. 151 лист. Лист 69, оборот)

26 декабря 1939 г.

Управление по делам искусств при Сов. Нар. Комис. РСФСР

(Щеглов)...Приглашаем Вас как участника выставки художников старшего поколения посетить выставку в Москве.

Прибыть в Москву к 10 января.

10 состоится обсуждение выставки.

Билет на обратный проезд 16 или 17 января.

(СГХРМ. Архив: А. В. и В. В. Леонтьевы. опись № 1. ед. хр. № 194.)

1940 ГОД

Уведомление правления МТХ «Всекохудожник» о приобретении ГТГ картины Щеглова «Окраина» о передаче картины «Река Хопер» Снабторгу Всекохудожника и пересылке остальных работ в Саратов.

бланк 1940, мая 22.

(СГХРМ. Архив: А. В. и В. В. Леонтьевы. «Черновые рабочие и дневн. записи

А.В.Леонтьева» (на отд. листах, крайние даты 1917–1958 гг.). Блокнот: 49 – 213. без дат, 1940, 51, 52 г. на 320 листах. Лист 4721.)

22 МАЯ 1940 ГОДА

Правление Московского Товарищества художников «ВСЕКОХУДОЖНИК»

Выставочный Отдел Московского Товарищества Художников сообщает Вам, что Ваша картина «Окрайна» приобретена Государственной Третьяковской галереей, картина «Река Хопер» передана Снабторгу Всекохудожника для комиссионной продажи. Остальные Ваши работы высланы в Саратов 19 мая по квитанции № 130318 малой скоростью марка № 5876.

Зав. Выст. Отд. Моск. Т-ва Худ-в. (Розенталь)

(СГХМ. Архив: А. В. и В. В. Леонтьевы. Опись № 1. ед. хр. 195.)

НА КАКИХ ВЫСТАВКАХ УЧАСТВОВАЛ СВОИМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ:

1939 год. В Москве: выставка художников старшего поколения. 1944 год. В Москве: выставка произведений художников союзных республик, автономных республик и областей РСФСР. В Москве. Конкурс пейзажей. Картина «Крутец» приобретена в Государственный фонд.

(Щеглов: Личная карточка члена (кандидата) Союза Советских Художников.

12 февраля 1955 г.)

1946 ГОД

Последние работы Щеглова импрессионистичны, в них много света и воздуха. «Окраины Саратова» (приобретены Третьяковской галереей).

(В. Ф. Гуров: газета «Коммунист»)

ИЗ 1962 ГОДА

В СХУ БЕЗ ЩЕГЛОВА ПОСТРАДАЕТ УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

«После войны... из Москвы запрос в художественное училище: поддерживает ли коллектив училища кандидатуру Щеглова на государственный «пансион», чтобы ему полностью отдаться искусству...».

Не поддержали.

«Завуч Никитин Владимир Ильич... отвечает на запрос: умелый, тактичный, за тридцать лет выучил всех молодых художников Саратова – без Щеглова пострадает учебный процесс» *(рассказал И.Н. Щеглов)*

ИЗ 1962 ГОДА: 1947 ГОД

ЧТОБ С СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ НИ СЛОВА ОБ ИМПРЕССИОНИСТАХ!

Завуч СХУ В.И. Никитин преподавателю И.Н. Щеглову

1947 ГОД

...за последние восемь лет стремится к пейзажу – картине художник Щеглов и он, несомненно, достиг в этом результатов. Но почему-то эти результаты ему не нравятся. Если сравнить его работу «Кузнецкий взвоз» и последнюю работу «Крутец», приходится сказать, что при всей внешней привлекательности этой работы, идущей, главным образом, за счет ее живописности, снова случайность в композиции, снова плоскостность и в значительной мере этюдность. Правда, надо отметить, что Щеглов все больше и больше отказывается от беспредметных этюдов, но вдруг он снова о них вспоминает и обязательно среди трех – четырех вещей дает этюд в чистых принципах импрессионизма или сезанизма, или просто сшибает вас свежей, только что из тюбика взятой краской, как это было у него в картине – этюде «Огородная бригада» или «Утро в колхозе».

(В.Завьялова. «Саратовские художники за годы Советской власти». 1947 г. СГХРМ. Архив: фонд Завьяловой. 369 (1). № описи 4. ед. хр. 22.)

1947 ГОД: 17 ФЕВРАЛЯ

ОБСУЖДЕНИЕ ВЫСТАВКИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ ЦК ВКП(б)

Б.П. Бобров:

Большим недостатком в работах Щеглова, даже пейзажного характера, является натюрмортный подход... Он смотрит на небо, на воду и на все остальное, как на натюрморт, просто как на цветное явление, как на предлог для решения своих лабораторных проблем цвета. Для него все равно что писать, главное для него музыка цвета.

В.Ф. Гуров:

О Щеглове – «Хороший, тонкий живописец, но на декоративной почве, у него есть некоторая безразличность к выбору темы. Надо...забывать уже гнилое прошлое. У нас должна быть элегия, лирика, но на полезной основе, не на такой, как в голубой розе «Мира искусства», как было у рафинированных художников, которые сидели и мечтали.

И.Н. Щеглов:

«Волга»: мне говорят, у этой вещи нет величия реки Волги. Когда я писал, у нас не было в наличии разрешения писать, я сел, меня берут под ручку и ведут куда надо...Я пишу то, что можно писать.

В.Ф. Мощенко:

О Щеглове – «Не поет новых песен. Он живет старыми песнями. Он поет все еще про покосившиеся хатки, кривые заборы, захолустные местечки».

В.Ф. Завьялова:

...недостатком пейзажей Щеглова, Миловидова и многих других является отсутствие тех образов, которые являются в нашей саратовской действительности.

1947 ГОД: 19 ФЕВРАЛЯ

«ЗА ВЫСОКУЮ ИДЕЙНОСТЬ...»

В Саратовском отделении Союза есть художники, в творчестве которых явно выражено преклонение перед формалистическими приемами западного буржуазного искусства. Так в станковой живописи художника Кисимова все еще не изжиты элементы формализма... Непонятно, почему тов. Кисимов пренебрегает советской тематикой.

Севастьянов: «Спортивный праздник на Волге» – идет...от формалистических буржуазных живописных течений».

Миловидов: «Вот уже более семи лет он экспериментирует в технике, работая над случайными по содержанию пейзажами и натюрмортами».

Работники искусств должны понять... что те из них, кто и впредь будет безответственно и легкомысленно относиться к своему делу, легко могут оказаться за бортом передового советского искусства и выйти в тираж...

(В.Ф. Завьялова. Газета «Коммунист»)

КИСИМОВ

УВОЛЕН из Театра оперы и балета имени Н.Г. Чернышевского, где работал главным художником («Постановки на ура!» – Солянов) и из СХУ. «Начинали диплом (театральное отделение СХУ) под руководством Кисимова. Защита дипломов – другой руководитель: Кисимов УВОЛЕН из училища» (рассказал Солянов)

СЕВАСТЬЯНОВ

после Кисимова главный художник Театра, через два года сам уволился «Вынудил, выжил его Шуйский!» – (рассказал Солянов)

1948 ГОД: 25 ФЕВРАЛЯ

ЗАБВЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СРЕДИ ХУДОЖНИКОВ

...Серьезный упрек райкому за забвение политической работы среди художников.

В Саратовском обществе «Художник» имеется 12 коммунистов... Как живут коммунисты – художники, как они влияют на творческую жизнь коллектива, выполняют ли свою авангардную роль среди творческих работников – райком не знает.

(Газета «Коммунист»)

1948 ГОД: 9 МАРТА

КРУПНЕЙШИЕ НЕДОЧЕТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖНИКОВ

...тов. Садковой – начальник городского отдела по делам искусств указал, что... отдел пропаганды горкома проходил мимо крупнейших недочетов в деятельности Саратовского отделения Союза советских художников, товарищества «Художник».

(Газета «Коммунист»)

1948 ГОД. ЖУРНАЛ «ИСКУССТВО». № 3.

«ПЕЙЗАЖ – УБЕЖИЩЕ ДЛЯ ФОРМАЛИСТОВ»

В пейзаже еще нередко... скрываются эстеты и формалисты, носители теории «искусства для искусства», сторонники безыдейного искусства.

К. Ситник

1948 ГОД: 27 НОЯБРЯ

...ПРЕКЛОНЕНИЕ ПЕРЕД БОРИСОВЫМ-МУСАТОВЫМ...

СМАКУЮТ... СЕЗАННА, МАТИССА, ВАН-ГОГА...

...В среде художников города живучи еще ложные понятия о «свободе» творческого развития личности художника, стремление отгородить искусство от политики. Эти противоречащие марксистско-ленинскому мировоззрению положения насаждались в Саратове на протяжении десятков лет несколькими поколениями формалистов и «голуборозовцев» – представителей реакционных течений в искусстве.

До сих пор еще такие художники, как Б.В. Миловидов, И. Н. Щеглов, В.К. Данилов только снисходительно признают «некоторые» достижения в творчестве идейно-реалистического направления «передвижников», но преклоняются перед Борисовым-Мусатовым и с большим удовольствием смакуют «живописные достоинства» произведений Сезанна, Матисса, Ван-Гога и других левых художников Запада.

(Г. Кожевников. Газета «Коммунист»)

1949 ГОД: (НЕ РАНЕЕ 25 ЯНВАРЯ,

КОГДА ЗАВЬЯЛОВА НАЗНАЧЕНА ДИРЕКТОРОМ РАДИЩЕВСКОГО МУЗЕЯ).

«ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ВКП(б)»

(Щеглов) увлечение живописностью в ущерб содержанию...

О Миловидове – «Это путь формальный, путь эстетствующего художника».

В творчестве художника Щеглова И.Н., Миловидова Б.В., Севастьянова, Грицкова, Мощенко, Жукова и др. продолжает еще жить импрессионистическая трактовка цвета, давно уже осужденная советской художественной общественностью и сейчас окончательно разоблаченная как проявление буржуазного эстетства в советском искусстве.

...Молодой художник Жуков М.П. – недостаточность в замысле картины и отсутствие тщательной работы над композицией, рисунком и формой, прикрываемой хлесткой формалистической трактовкой цвета.

...большинство членов Союза художников... и членов Товарищества... учились в Саратовском училище в те дни, когда там подвизались формалисты во главе с ныне живущим в Саратове художником Юстицким...

В. Завьялова

1949 ГОД: 26 ДЕКАБРЯ

«В ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ВКП(б)»

«Все работы художника Щеглова отличаются незаконченностью, сырой манерой письма, этюдным подходом к решению темы; это чувствуется даже в картине «Выходной день на Волге».

(Выписка из письма Председателя правления «Всекохудожник» Суслова Д.С. Председателю правления Саратовского товарищества «Художник» т. Замятину А.К. от 29 ноября 1949 г.)

В. Завьялова. В ОБКОМ ВКП(б). 26 декабря 1949 г. (СГХРМ. Архив. № 361(1).
№ описи 4. ед. хр. 24.)

1950 ГОД: ФЕВРАЛЬ

«ЗАКРЫТАЯ» ВЫСТАВКА ЩЕГЛОВА

Отчет о деятельности музея имени А.Н. Радищева за 1950 год.

Графа: Полное наименование выставки с указанием характера ее:

Персональная выставка И.Н. Щеглова (закрытая).

Открылась 20 февраля. Закрылась 1 марта.

Графа: Количество дней работы.

5 дней.

Графа: Число посетителей.

200.

(СГХРМ. Архив: «Отчет о деятельности...». Фонд № 369. Опись № 2. ед. хр. 225.)

На обсуждении Гуров критиковал картину Щеглова «Уборка урожая» 1931 года (другое название «Перевозка урожая»): «Какой породы дерево? Пятна цвета. Что за деревья? Мы же ими отапливаемся!» (рассказал Солянов)

1950 ГОД: 25 МАЯ

«ОБСУЖДЕНИЕ ВЫСТАВКИ САРАТОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ 1950 ГОДА»:

В. Ф. ЗАВЬЯЛОВА

...Сейчас Ивана Никитича на этой выставке не принимают. Отзывы положительные почти отсутствуют...в основном же на выставке его вещи не принимаются.

Не принимаются с точки зрения идейного плана. Всех удивляет его «Волга в выходной день» в таком дореволюционном антураже. И вот этот забор. Это шокирует. Говорят – у нас набережная появилась, а мы все старое вытаскиваем. На людей обращают внимание. Что же люди так написаны? Это не люди. Это находит жестокую критику. Очень много говорят о технике. Как много художник употребляет краски. Почему не получается реальной формы при таком обилии краски?

...недостаточно художественности.

...недостаточно артистичности.

Все решается в принципе формального употребления цвета.

...Пейзажи Щеглова весьма общи и космополитичны... Это пейзажи «Над», а не от конкретной действительности... Мы требуем конкретного выражения жизни.

...натюрморт Бадаквы правдивый с точки зрения правильного восприятия нашей действительности

...Мы опять встречаем этюды. Сколько можно говорить? Мне кажется, что жюри нашей выставки надо решительно не принимать этюдов. Этюдами типа Жуковских мы несколько портим своего зрителя. Этюд «Девушка с цветами» нравится зрителю... Но, давайте, поставим перед собой очень определенную задачу во всей ее остроте. Что же это такое с точки зрения помощи строительству социализма и коммунизма? В какой степени художник организует сознание трудящихся нашего Союза на борьбу за быстреее построение социализма и коммунизма.

С точки зрения ясной политической целеустремленности, с точки зрения идейной направленности эти этюды не нужны.

...Художник Серов... «Девушка, освещенная солнцем» и

«Девушка с персиками»... – должны ли мы так высоко ценить эти вещи? Не должны. В этих вещах... художник Серов вставал на путь безидейного искусства...

...надо смотреть здраво на вещи. Нельзя повторять того пройденного этапа, который ставил его по идейной линии на ту сторону политического рубежа, не проедешь на этом и сейчас.

М.П. Жукова мы обязаны призвать к такому творчеству, которое заставило бы его основательно вооружиться идейно и художественно...

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Тов. Фиников – Почему Кузнецова спрятали (из экспозиции Радищевского музея вывели картины Павла Кузнецова).

Тов. Завьялова – ...происходит одна очень серьезная ошибка в представлении о вещах у ряда товарищей. Товарищи думают... Пройдет двадцать пять – тридцать лет и Матисса вытащат. Нет... Произведения искусства, извращающие действительность, не являются произведениями (являются ли они вещами прошлого или настоящего) и никогда они места не получают как достопримечательности искусства.

...Наступит коммунизм во всем мире... Конец идеализма и все идеалистическое человечество выбросит из своего обихода. И в том числе уйдет формализм из мира искусства.

(СГХРМ. Архив...)

ДО 20 ФЕВРАЛЯ 1951 ГОДА

НА И.Н. ЩЕГЛОВА ПОСТУПИЛ В КГБ «СИГНАЛ»:

Гуров просит обратить внимание на художника Щеглова, избегающего писать портреты рабочих и колхозников.

1951 ГОД: 20 ФЕВРАЛЯ

Обыск и арест Ивана Никитича Щеглова.

1951 ГОД: 4 МАЯ

«...подвергнуть лишению свободы сроком на 10 лет... Меру пресечения ЩЕГЛОВУ оставить содержание под стражей...»

(Из Приговора)

1953 ГОД: 5 МАРТА

Смерть Иосифа Виссарионовича Сталина.

МАРТ

Я узнаю вас, сгорбленные люди,
ведь не одни герои светлых книг
под это солнце выбрались сквозь лютый
озноб тех лет, прошедших как ледник.

Я узнаю – и сам нередко узнаю,
но пробегаем торопливо мы.
И что один другому скажет узник
той всенародной сталинской тюрьмы.

Ведь если вдруг поговорить по свойски.
Один ответ и на вопрос где был,
и что ты делал – созерцал геройски,
как уводили лучших на распыл.

Но то прошло. Ты прав, веселый щебет,
когда от юных улицы тесны.
А мы особый ощущаем трепет
на пятый день проснувшейся весны.

Ярыгин

РЕАБИЛИТАЦИЯ ЩЕГЛОВА:
МЕЖДУ 12 ФЕВРАЛЯ 1955 ГОДА И 14 ИЮЛЯ 1956 ГОДА
«ГР-Н. ЩЕГЛОВ ПОЛНОСТЬЮ РЕАБИЛИТИРОВАН».
(А.Гришин. 14 июля 1956 г. Зам. прокурора Сар. обл. СГХРМ. Архив...)

1962 ГОД: 15 АВГУСТА

Умер Иван Никитович Щеглов. Похоронен на Воскресенском кладбище: 216, участок 32.

Александра Петровна Ильина похоронила Щеглова в могилу их сына, умершего от скарлатины в 1910-х. годах. Она заставила меня, к моему удивлению, переделать могильную табличку: отчество «НИКИТОВИЧ» пришлось переделать на «НИКИТИЧ» – «чтобы было русским языком – не советским!».

ИЗ 1972 ГОДА О ЩЕГЛОВЕ

Среди художников есть прирожденные пейзажисты. Таким был и Щеглов...

В 1931 году Щеглов сделал попытку решить задачу, до тех пор очень далекую от его творческих устремлений, и написал картину «В кузнице». Замысел, по его собственным словам, был таков: «В кузнечный цех завода из просторных широких окон вливается дневной свет, борющийся со светом пламени раскаленных печей; на этом фоне выделяются темными силуэтами фигуры кузнецов – молотобойцев». Нельзя сказать, что картина не удалась художнику... Обратившись к мотиву, чуждому его творческой индивидуальности, Щеглов лучше осознал последнюю и больше уже не изменял своему внутреннему призванию.

Индивидуальность художника выявляется в сравнении с другими мастерами и в противопоставлении им.

Первый шаг в определении творческого облика Щеглова, естественно, ведет к учителям.

Василий Васильевич Коновалов, принадлежащий поколению поздних передвижников, был живописцем способным и серьезным, но обладал ограниченным пониманием реалистической формы. Пейзажное видение Щеглова, воспринявшего уроки своего первого учителя, формировалось на основе послелевитановской школы со всеми ее достоинствами и недостатками; с ее не всегда достигающим цели стремлением найти красоту в будничном, невзрачном мотиве; с ее простотой композиционных решений, оборачивавшейся иной раз бедностью; с ее приверженностью к правдоподобной передаче пространства, в жертву которой приносилась цветовая насыщенность. Наконец, с ее портретностью, лишенной глубокой и сложной поэзии левитановских образов.

Смысл разнообразных живописных исканий первых десятилетий XX века раскрыл молодому художнику А. И. Савинов. После его уроков понимание Щегловым правды в искусстве стало более широким и тонким.

...Пейзажное искусство Щеглова развивалось в пределах правдоподобного изображения объективно видимого мира. В его образах нет тайны, они обладают достоверностью зримого. Это всем открытый, всем знакомый мир, видимый так, как видит его большинство...

Щеглов не делает природу носительницей своих личных переживаний. Может быть, это кажется ему превышением прав...

Любимым художником Щеглова был великий деформатор Сезанн. Это кажется странным,

ибо саратовский живописец никогда не дерзал преобразовывать видимое – неустанное же наблюдение природы и понимание ее внутренней жизни давало ему на это право.

Пейзажи Щеглова обычно не манят неведомым, не задают вопросов... Но ведь и видимое, так же как неведомое Левитана и вопросы Сезанна, надо уметь увидеть...

Простота щегловских пейзажей таит свою сложность. Природный мотив преобразуется таким образом, чтобы он выступил в картине как бы непреображенным. Щегловские композиции построены с таким расчетом, что живописная творческая организация видимого остается скрытой от зрителя.

Щеглов был художником глубокой искренности, не допускавшим в свое искусство и малейшей фальши. Он мог мучительно искать...

Щеглов прожил 80 лет. За два года до смерти он написал небольшой пейзаж «Родник»... привычное впечатление материальной убедительности и ощущение покоя... рождено сложное настроение минутного, но полного, отрешенного от суеты, самозабвенного покоя...

Этот пейзаж, написанный Щегловым в старости, сопоставим по глубине образа с левитановскими пейзажами.

Может быть, покажется, что Щеглов долго шел к этому взлету и мог достичь его раньше. Но он был художником, ценившим не себя в искусстве, а искусство в себе. Для него казалось невысказанным выражать в живописи себя, а не объективно видимый мир. Терпеливое служение природе освободило его, наконец, от необходимости покорно следовать за ней, и тогда создание субъективно – лирического образа пришло как бы само собой.

(Н. И. Свищева. «Иван Никитич Щеглов». Саратов. 1972.)

ИЗ 2008 ГОДА

ЩЕГЛОВ В БОЛЬНИЦЕ: 1962 ГОД

Щеглов в больнице – привезли из деревни Вязовка, прямо с этюдов.

Разговор о ГУРОВЕ произошел трижды.

Вопрос – кто вас, Иван Никитич, посадил, кого бояться? –

Ответ – Гуров.

Следующее посещение больного Щеглова: на сомнение – возможно ли, вы же с ним работаете? – возмущение Ивана Никитича – Что вы говорите? Мне следователь показал – листок бумаги в ладонь, подпись Гуров: – Обратите внимание на художника Щеглова, он избегает писать рабочих и колхозников.

Третье посещение.

Щеглов боится огласки – его строго предупреждали, подписку взяли о неразглашении. Он проговорился невольно. Иван Никитич просит никому не говорить, что Гуров его посадил. Я и сам напуган. Что делать? И обещать не могу: про себя уже решил при первой возможности «огласить», как несправедливо со Щегловым поступили в 1951 году. Культ личности разоблачили в 1956 году, а теперь идет 1962 год и – опять со слов Гурова – Гушин идеологический диверсант. Наговор в ОБКОМ написал Бородин с художниками: Гушин диверсант, формалист, с ним вместе Аржанов – безнадежно испорчен, и Чудин – за этого еще можно побороться...

У Ивана Никитича по щекам слезы текут, лицо руками закрывает, между раздвинутых пальцев на меня смотрит – не умеет притворяться. Так показушно подсматривает – подсказывает? Обманиваю ли? – обещаю, пока он живой...

У Ивана Никитича кирпич с души падает: умирать не собирается.

Ему восемьдесят лет – на обсуждении последней выставки говорят, что его живопись самая молодая.

Рослый, плотного телосложения, ясного сознания, твердых принципов – от Сезанна не отрекается. Миролюбивый: Солянов учился у него, говорит, что Щеглов мухи не обидит. Но дрался Иван Никитич – один раз в жизни. Грабили его и ограбили бы, но ненароком обидели – он и забьлся. Силой оказался непомерной – одного ударил, другой упал, а третий – маленькая фигурка,

уже на железнодорожной насыпи. Рассказывает с волнением – обошелся с людьми...

Иван Никитич с больничной койки намерен поскорее встать и в деревню: зимой искал решение будущей картины, писать летом начал...

А у него скоротечный рак желудка – на солнышко вывезли на каталке во двор больницы всего два раза. Ему не говорят диагноз и он недоумевает, почему слабеет. Сохранился мой набросок с натуры: Иван Никитич в больничном двореке, на каталке лежит – так и не встает больше. Своего состояния не осознает.

Хочется его подбодрить: навязываюсь в напарники на этюды – «как только встанет». Куда там – в ужас пришел – да чтобы рядом с ним стояли, когда он пишет? Приходится отказаться от намерения – с облегчением переводим разговор «на живопись». Всем временам пример – Сезанн работает только с натуры. Личный опыт Щеглова: начинать писать этюды небольшого размера, постепенно размер увеличивать – по мере того, как начинает получаться. Достижение Ивана Никитича – может выходить «на натуру» с холстом метрового размера. Писать широкой кистью сразу все, большими отношениями, ярким цветом – ни в коем случае серенькими красками: уточните цветовые отношения, продолжая писать, но основа – цветовая – уже заложена.

Себе нужно верить, не чужому опыту доверять. Вот «Родник» у Ивана Никитича: вопреки общепринятому – «как учат» – передний план остался жидкой пропиской, а дальний постепенно нагружался красками и уже небо написано корпусно. Разве не удачная вещь получилась?

Год назад, в 1961 году в Радищевском музее прошла персональная выставка Щеглова. Кроме живописи, были выставлены карандашные рисунки: Иван Никитич считает необходимым работать с рисунком не только при письме, но и отдельно от живописи. Рисунок дисциплина самостоятельная, как и композиция. Достижения свои находит не только в цвете, как принято считать со стороны. Из саратовцев разве только Сапожников рисовальщик лучше Щеглова? Зато живопись – у Ивана Никитича! Из ровесников Белоусов – но к цвету невнимателен. И композиция – все саратовцы, кроме Мусатова, ею пренебрегают. Пример работы над композицией – Сезанн: с натуры то с натуры, да надо и думать. Вот сидел Иван Никитич возле грязелечебницы, писал мостик через Глебычев овраг («Казанский взвоз». 1945 год.) – пришлось перспективу нарушить, чтобы пейзаж уместить в пределах холста. При боковом свете видно, сколько раз переписывались перила моста. Убедительно получилось – никто из зрителей не замечает перспективных искажений.

«С трудом», осмысленно, забываясь в работе, делает свои натюрморты и пейзажи картинами Иван Никитич Щеглов. Увидим, прилагая усилия – «работая», и мы в его картинах, рисунках авторскую артистичность.

«Неказисто» – это поверхностное отношение к искусству Щеглова: щегольство несвойственно ему.

ИЗ 2006 ГОДА: ДОКУМЕНТ

Преклонская Вероника, научный сотрудник Радищевского музея, в одном из саратовских архивов разыскала стенограмму собрания местных художников 24 августа 1962 года.

В резолюции записано, что собрание с негодованием отвергает измышления Лопатина в адрес Щеглова.

1962 ГОД

С собрания идут вместе – Завьялова и Солянов.

– Неужели... Как же так! Гуров и Щеглов – они же вместе работали... –

– Да прекратите! В то время все друг на друга писали! –

1951 ГОД

КИСИМОВ – уволен; утонул.

СЕВАСТЬЯНОВ – уволился. Уезжал, возвращался на родину в Саратов: уехал.

ЩЕГЛОВ – осужден на 10 лет тюрьмы.

ЮСТИЦКИЙ – умер: рак, операция – поздно.

1951–1952 ГОДЫ

«ОБ ОДНОЙ АНТИПАТРИОТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ»: В.ЗАВЬЯЛОВА

Успешно развивается изобразительное искусство. Монументы т.т. Ленина и Сталина на канале Москва – Волга – скульптора С. Меркурова, группа «Рабочий и колхозница» Мухиной, «Ленин на трибуне», «И.В. Сталин на XVII съезде Партии», «Сталин и Ворошилов в Кремле» – народно-го художника А.М. Герасимова, «Допрос коммуниста», «На старом уральском заводе» Иогансона и много других.

...Советский Союз стал оплотом мировой цивилизации. Его культура и искусство – самые передовые и прогрессивные во всем мире.

...Советское искусство росло и развивалось в жестокой борьбе с формализмом, в существовании которого выражается чуждая, враждебная советскому народу буржуазная идеология.

...Пунин преподавал историю искусства в Академии Художеств и Ленинградском университете.

...Эта группа критиков, безродных космополитов, занималась охаиванием лучших произведений советского искусства.

...подлое, циничное низкопоклонство перед Западом...

Вопиющее низкопоклонство...и враждебные нам стремления увести...от современности.

...изо критик Бескин...Эфрос...

Мы будем критиковать свое искусство с позиций борьбы за это искусство, за его рост, за его совершенствование.

(В. Завьялова. СГХРМ. Архив...)

1985 ГОД

К столетию Радищевского музея Гродскова Тамара Викторовна «осилила» ремонт здания. Весь штат едва насчитывал тридцать человек – «архивной» штатной единицы музей не имел. По договору старичок, бухгалтер на пенсии, несколько месяцев разбирал музейные бумаги – какие документы подлежат долговременному хранению, а какие и нет. О результатах доложено коллективу – весь уместился в директорском кабинете. «Проступок, как бы по прошествии срока давности, наказанию не подлежит. По всем правилам – печать, подписи» – старик-бухгалтер зачитывает Акт списания 1953 года – «в вашем музее не должна быть в наличии списанная картина Белоусова «Ударники крекинг-завода» 1936 года. А она у вас в музее висит – выйдете из кабинета по коридору, налево в дверь – справа на стене. Впредь так не поступайте».

В это время проходит выставка «Художники Саратова. 1885–1985 годы», подготовленная Радищевским музеем к своему юбилею. Издать каталог этой выставки удалось в 1991 году.

По каталогу Белоусов Федор Васильевич (1885–1939) представлен на выставке двумя картинами:

«Зимний пейзаж». 1920-е. Ж-2335. Х., м., 97,5х88,5. Пост. в 1979.; «Щербаковка». 1920-е. Ж-2348. Х., м., 83,5х83. Пост. в 1979;

«Ударники крекинг-завода» в каталоге не указаны.

Фамилия Борисова-Мусатова среди имен, названных Актом списания 1953 года.

1953 ГОД

В том же году, рассказывает Огарева Нонна Валерьевна, сотрудники Радищевского музея «прикрепили» ее, «молодую, красивую» к приехавшему из Москвы «начальнику» – «отваживать

от музея», показывать Саратов, водить по театрам, на концерты: художник Голованов Н.И. был в Радищевский музей с инспекционной целью – проследить списание формалистов, «голубо-розовцев» и прочих абстракционистов.

«Нонна, надо спасти вещи!» – и «мы с Натальей Ивановной», Главным хранителем музея, подцепили аккуратно древнюю печать подвальной комнаты – угловая фасада (Радищева, 39; 2007 год – гардероб). Сносили туда картины – печать оставалась нетронутой. Список списываемых картин Нонна Валерьевна печатала на машинке сама – «...одним пальцем. Из головы выдуывала фамилии – надо полнее список, больше списывать. Как нас проверить? Первый каталог Радищевского музея – 1956 год.».

(Н.В. Огарева: 2005 г.)

1952 ГОД: 22 ФЕВРАЛЯ

Другая близкая нам тема Саратовские впечатления В.Э. Борисова-Мусатова. Но и на эту тему пытаться написать сейчас для печати едва ли имеет смысл, поскольку отношение сейчас к Мусатову отрицательное. Напишем, если удастся дожить до изменения отношения к нему.

(СГХРМ. Архив: фонд А.и В.Леонтьевых. опись № 1. ед. хр. 133. Письмо К.А. Федину (вариант)»)

1957 ГОД

За годы Советской власти коллекции музея выросли в шесть раз по своему количеству, а самое главное, они очищены от всякого случайного материала и представляют собой подлинно художественное собрание вещей.

(В.Завьялова. Директор Радищевского музея. СГХРМ. Архив: № фонда 369 (1). опись 4. ед. хр. 17. 1946–1957 гг. на 76 листах. С. 6.)

1970 ГОД САРАТОВ. ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ. «В.И. ЛЕНИН»

Саратов населяется демоническими существами.

Ноченьку не уснешь – водку с восьми утра дают. Ходишь, бродишь, места себе не найдешь – кого ни встретишь... Только сбоку был, уже навстречу выскакивает – юркий какой, даром что высокий! Я увернулся, успел, посторонился. Смотрю: Ленин! Стоит! Куда ему деться – показалось спяну... Площадь Революции, стало быть, вот она. Вот так – так. Встреча... Так с перепугу недолго и кондрашку схватить.

Ярыгин

1982 ГОД

Имя народного художника СССР, лауреата Ленинской и Государственных премий Александра Павловича Кибальникова хорошо известно саратовцам. Автор памятников В.И. Ленину, А. Н. Радищеву, Н.Г. Чернышевскому, украшающих центральную часть города, скульптор заслуженно является почетным гражданином Саратова.

Родился А.П. Кибальников в 1912 году в крестьянской семье в селе Орехово Царицынского уезда (ныне Даниловский район Волгоградской области).

...Одной из первых самостоятельных работ скульптора стал портрет В.И. Ленина.

В 1970 году на центральной площади Саратова был установлен памятник В.И. Ленину работы скульптора. 8-метровая бронзовая статуя вождя на высоком гранитном постаменте является идейным и композиционным центром площади Революции. «По мере удаления в прошлое образ Ленина растет, обобщается, приобретает новые черты величия и мощи» – таков путь развития ленинской темы в советском искусстве...

(Л.П.Красноперова. «Произведения А.П. Кибальникова в Саратове». Саратов, 1982 г.)

МНОГО ЛИ НАДО ЧЕЛОВЕКУ

ТЕЛЕГРАММА

Белому Дому, Красной Москве –
– ПРЫ – ГА – Я, БЛАГО – ДАР – СТВУ- ЕМ. АВЕЛИ. –
Стоит, Каины, что нас к е.. –
к оной матери еще не отправили.

Ярыгин

1952 ГОД

«ФРАНЦИЯ В ОГНЕ»

Переслал её Гушин на свою родину, в Пермь. Тамошний музей ещё в 1906 году приобрел пейзаж гимназиста Гущина. Саратовского формалиста в Перми знают – Г. Кожевников из Саратова переехал жить в Пермь – Гущина отторгли: «Франция в огне» сгинула. Осталась копия с неё, сделанная Альдоной Ненашевой.

ГУЩИН И ЖЕЛНОВ

Евгений Желнов окончил СХУ в 1948 году, друг юности Солянова. Приезжающего из Тарту на летние каникулы Солянова в 1951 году знакомит с Гущиным.

Желнов восторженно рассказывает о живописи Гущина – стоял как-то за спиной Гущина, когда тот писал – руками всплескивает: «Володька! Это революция!».

У Желнова дома висит рисунок «Голова негра» (впоследствии использован Гущиным для картины «С тобой, Лумумба»).

У Желнова хорошие задатки. По мнению Солянова мог стать лучшим портретистом Саратова: «Воспринял несколько внешних живописных приемов, но очень скоро отошел от Гущина, сделав для себя выбор между призванием, нуждой и идеологическим давлением в пользу «выживания».

И Гушин, и Желнов болезненно воспринимают разрыв.

«Свинья под дубом! Он думает – всё взял у меня!» (Гушин)

Желнов «хорохорится»: незадолго до своей смерти рассказывает, как бульдозером снесли сарай с его работами и картинами Гущина.

Картины свои Гушин давно забрал у Желнова. Моему сомнению рассказу Евгений подчеркнуто противопоставляет наличие «в сарае» картин Гущина? (подтекст: «Вот я его куда, вот я с ним как!» – не может успокоиться – пятьдесят лет прошло).

«Наследие Гущина» – виртуозное щегольство «лучших» работ Желнова.

1948 ГОД:

знакомство Огаревой с Юстицким.

Молодая сотрудница Радищевского музея и вот, все меня знают: газета «Коммунист» напечатала мою статью к юбилею Репина.

Вечером гуляем с подругами по старой набережной: под Краеведческим музеем крутой спуск – мостки деревянные – огромные бревна, доски громадные: тогда сплавляли плоты – старая Волга.

И вдруг громогласный голос сверху: – Огарева! Ты же дворянка! Как ты можешь так писать о Репине?

Кто это? – спрашиваю. – Юстицкий!

Ничего не боялся. На собраниях всегда выступал – Вы не художники! –

Сидят, молчат – все его ученики.

Один Гуров препирался – охотно!
Интересно слушать.

(Рассказала Огарева Нонна Валерьевна. 2006 г.)

«ОСОБЕННАЯ» ЖИВОПИСЬ ГУЩИНА

«Световой день» проходит под электрической лампочкой – реставрируемому рабочему полю надлежит быть ярко освещенным. Отныне живопись Гущина не знает дневного света: особенность.

Писать – выходного дня недостаточно: время для живописи – вечером, ночью. Искусственный свет днём – работа, и ночью – живопись. Лампа накаливания сдвигает цветовую шкалу в инфракрасную сторону – не хватает спектральной полноты.

Гущин пытается восполнить недостающую холодную часть спектра интенсивным применением синих красок (завороженность «голубым» отмечают знавшие его). Больше пишешь – больше увязаешь в инфракрасном, отчего «своеобразны» дневные работы выходного дня – этюды с натуры.

Использованные днем «холодные» краски при искусственном свете смотрятся «чернее», красные – ярче самих себя. Утром смотрит Гущин свою «ночную» живопись, и не узнаёт её: стронцианкой писал всю ночь вместо белил – увидел при дневном свете.

Приглядывается к вечерним сумеркам – «Волга. Вечер» (принадлежит Чудину).

Живопись, исполненная при дневном свете – Гущину навсегда недоступное счастье: Юстицкому то хорошо, что солнышко светит.

ГУЩИН И ЮСТИЦКИЙ

1995 ГОД

Предметом самостоятельного исследования могла бы стать тема о взаимовлияниях двух художников в период с 1948 по 1951 годы (*Пятницына*)

ИЗ 2000 ГОДА:

О взаимовлияниях двух художников говорить не просто. Ясно то, что его не могло не быть (*Пятницына*)

Творчество Гущина и Юстицкого – явление, развивающееся в нашем сознании. Но как важно сегодня каждое достоверное слово! Драгоценен документально подтвержденный факт.

(*Пятницына. 2003 г. Обсуждение выставки «Круг жизни, колесо истории (Гущин – Юстицкий)»*).

Муза Юстицкого и Гущина!

Обитают в деревьях – долго живущие, медленно растущие: улица Рахова. Несущий элемент – ствол. Развилки, ветки – силовые узлы, линии. Из почек листья – ладошки поворачиваются к солнцу. Ветки тянутся – за солнцем. Рост – удар молнии: дерево – к небу. Солнце сходit на землю: свет упал – «на свету» и взбирается – «тенью». Светотень – полный тепло-холодный спектральный цикл: радуга. Радость жизни – звонкая, счастливая.

Ритмика стволов, веток – живая конструкция: объёмное симфоническое произведение. Дерево – искусство: условие – соприкосновение сознаний. Не состоялось? «Поспешай Вавилон строить!» – Памва старец, «незловивый анахорет» у Лескова.

Будущее искусство создаётся Юстицким – квартира первого этажа, Гущиным – комната второго: двухэтажный дом – угол улиц Рахова – Гоголя.

«Люди сторонились Гущина, в облике художника читалось: «не наш», «оттуда». Однажды на улице его, «больного и затравленного», встретил Юстицкий, его давний знакомый по московским дореволюционным выставкам. По свидетельству дочери Юстицкого, Анны Валентиновны, он похлопотал за Гущина в получении жилья, и тому дали только что освободившуюся комнату в доме, где Юстицкий жил со своей семьёй.

Так эти два художника оказались вместе.

Это двое равных друг другу людей – по интеллекту, по опыту пережитого, по масштабу творческой личности. Их жизни осветит и скрасит ежедневное общение без страха и опасений. Их встреча была настоящим подарком судьбы».

(Пятницына, 1995 г.)

Было чем дышать! Высокий дух!

(А.В. Юстицкая: Пятницына, 1995 г.)

Демократизм – от дворянских корней, а у Гущина крестьянские корни.

(А. В. Юстицкая: Пятницына, 1995 г.)

«Юстицкий – дворянин. Рыбаки, крестьяне волновали его, словно недостающее начало. Гушин – крестьянского происхождения. Тяга к аристократизму. Заботился о костюме, облике – тщательно. «Делал имидж». Отсюда салонность, изыск – в портретах утонченность моделей» *(Пятницына)*.

Пятницына Ирина Николаевна догадалась смотреть одновременно Гущина и Юстицкого: совместная выставка 2003 года «Круг жизни – колесо истории», тогда же телепередача.

Болезнь помешала Пятницыной разрабатывать тему.

Совместная выставка показала – живопись Гущина и Юстицкого надо рассматривать одинаково оформленными картинками, на ярком свете, совместно.

Увидим разницу – картоны одного, холсты другого, один писал днем, другой – ночью. Одному нужно стекло, другому без надобности. Этот хорош в любом свете, тому – яркий свет, к тому же электрический, да ещё лампы накаливания (ни в коем случае лампы «дневного света»).

Сходство – картины можно долго разглядывать: возвращаясь – видеть заново. Фрагменты способны удерживать внимание – уже сюжет не прочитывается, а на уровне красочного слоя «смотрение» разворачивает «музыкальную ткань» восприятия.

Лоренс ДАРРЕЛЛ (1912–1990)

Перевод Вадима МИХАЙЛИНА

Горькие лимоны

По ночам – лимонная горечь,
Истерики лунного света
На темных округлых плодах,

Сухой травы прах
Тревожит память, заставляет
Привычки течь вспять

О прочем лучше не вспоминать.
Пусть постаревшие няиды
Сами хранят свое горе

И нянчат кудрявое море
Как больных козлят – козы
И штили как непролитые слезы

И штили как непролитые слезы

Фабр

Муравьи, суетливое племя
На тыльной стороне его руки
Кивали ему головами, и шли себе, шли.

Оптимист, наверное, взялся бы изучать
Детей, они куда загадочней чем куколки:
Их разговоры, когда они одни, их голоса,

И взгляд нездешний за обеденным столом и на уроке географии:
Интимный трепет рук когда они за рядом ряд
Похожие на гусениц вползают в храм.

Вадим МИХАЙЛИН родился в 1964 году. Автор более 100 научных публикаций, в том числе монографии «Тропа звериных слов. Мужские пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции» (М.: Новое литературное обозрение, 2005). Переводы: *Лоренс Даррелл*, «Александрийский квартет» («Волга» 1993-97; ИНАПРЕСС, 1996-97; Симпозиум, 2002; 2003; 2007), «Горькие лимоны» (БСГ-Пресс, 2005); *Джон Барт*, «Конец пути» («Иностранная литература», 1999; Терра, 2000; Симпозиум, 2001), «Заблудившись в комнате смеха» (Симпозиум, 2001), *Гертруда Стайн*, «Автобиография Элис Б. Токлас» (БСГ-Пресс, 2001), «Три жизни» (Колонна Пабликейшнз, 2006), «Кровь на полу в столовой» (Колонна Пабликейшнз, 2007), *Грэм Свифт*, «Водоземье» (Perspective publications, 1998; Азбука, 2004 («Земля воды»)), *У.Б. Йейтс*, «Кельтские сумерки» (ИНАПРЕСС, 1998), а также проза и драматургия *У. Тревора*, *Д.Г. Лоренса*, *Саки*, *Ди Би Си Пьера*, *Ч. Паланика*, *У. Бетти*, *Э. Бонда*, *А. фон Арнима*, *Й. МакЮэна*, *К. Ишервуда*, *Р. Карвера*, *Дж.Дж. Балларда* и др.

Он отказался видеть мир иначе
Как через сильное стекло;
Всего лишь пядь земли и суетятся пионеры.

Континентальный дрейф листа под ветром.
Что женщины, что мотыльки – одно и то же.
И ни единой лупы на весь дом.

Но вот однажды он наденет свой
Потертый черный саржевый костюм,
И полетит на луг, заветный луг под Арлем.

Какую дружбу встретишь там под каждой травкой!
Вот если б взять билет бессрочный в пчелы,
И точность наблюдения, и зоркость – и собирать пыльцу!

1946

Finis

Есть вечерний свет и надрыв игры
Закатных бликов и далеких обнаженных
Лучей, которые дрожат, перерождаясь
В прохладный серебристо-синий сумрак...
Также и стихи:

чернила высохли,
Войдя в извечный свой круговорот,
И разбросали сети
Бесплотных мягких микромимикрий.
Здесь отвернись, улыбнись...
и забудь.

(1931)

Логос

Придет царствие твое. И, говорят, пророк
Уже лежит и бредит в чьем-то доме:
Причуды плоти созерцает и они
Его восторг напиваются ядом.

Единственный, сияющий, отец,
Но мы бредем все той же широтою
Полярным Кругом обрезая Слово:
Без компаса, а вместо флага к цели
Несем извечную иронию скелетов.

Он бредит благостью: мы с ним согласны,
Акриды с медом, посох и сума. И тело

По женщине скитаться может так же
Как по пустыне: тут и исход тебе,
И бытие. Серьезная судьба.

На женщину как на распятое лечь,
Упасть на Слово, как на римский меч.

Стихотворение

Время с ветки срежь ножом,
Вся вселенная – твой дом.

Выродок и сумасброд,
Правь кормилом, виршеплет.

Разруби, любовник, узел,
Срежешь разум – будешь весел.

И, босой, в сливовой сини
Ты откроешь двери рая.

1960/1955

Древо лени

Наверное, однажды я умру
Там, где живу, в турецком старом доме:
Растрепанные листья банановых деревьев
Во дворе, и на камине роза в склянке.

«Все любили получать письма от Петрова»

Вниманию читателей предлагаются письма Вячеслава Петрова, адресованные Валерию Белову. Это очень своеобразный эпистолярый – переписка двух диссидентов второго, так скажем, эшелона, давно отсидевших свой срок, живущих как частные лица. Они предпочли – каждый по своим причинам – остановиться в своей диссидентской активности и вести обычное существование. Впрочем, обычным оно уже не могло быть по определению – неизбежное внимание «органов», круг общения, хотя бы с сокамерниками (личный и эпистолярный), от которого они не могли и не хотели отказаться.

О Вячеславе Петрове. Его имя стало известным благодаря политическому процессу – «делу Давыдова и Петрова». Вот некоторые выдержки из 29 номера «Хроники текущих событий» (от 31 июля 1973 года):

«Георгий Валентинович ДАВЫДОВ, 1941 г.р., инженер-геолог (окончил ЛГИ), до ареста работал старшим лаборантом в Ленинградском институте геологии и геохронологии докембрия АН СССР, отец троих детей (9, 8 и 2 лет).

Вячеслав Валентинович ПЕТРОВ, 1937 г.р., имеет среднее образование, холост, до ареста работал разнорабочим на Металлическом заводе имени XXII съезда.

ДАВЫДОВ был арестован органами КГБ 22 сентября 1972 г. на московском аэровокзале, по пути в Ленинград. При аресте у ДАВЫДОВА изъяли несколько пакетов самиздатовской литературы, полученных накануне от А.БОЛОНКИНА (сам БОЛОНКИН был арестован 21 сентября). 22 сентября в Москве был арестован В.И.БАЛАКИРЕВ, а 28 сентября – В.А.ШАКЛЕИН.

В.В.ПЕТРОВА, на квартире которого в Ленинграде 22 сентября 1972 г. была изъята самиздатовская литература, арестовали 5 февраля 1973 г. До ареста его неоднократно допрашивали в качестве свидетеля по делу ДАВЫДОВА.

Следствие по делу ДАВЫДОВА и ПЕТРОВА велось более 9 месяцев. Свидетелями проходило более 50 человек. Следствие велось Ленинградским УКГБ (старший следователь майор ГЛУШКОВ, следователи: ГОРДЕЕВ, ПОСПЕЛОВ, ЕГЕРЕВ и др.). <...>

В.В.ПЕТРОВ обвиняется в том, что в марте 1972 г. совместно с ДАВЫДОВЫМ он изготовил на mimeографе у себя дома не менее 40 экземпляров «Тактики ДДСС», а в дальнейшем хранил восковки и готовые брошюры. Весной 1972 г. им была написана работа под названием «Российский социал-демократический трудовой союз», квалифицированная следствием как программный документ, в котором изложены методы борьбы с советской властью. Эту работу ПЕТРОВ дал переписать ДАВЫДОВУ с целью ознакомления и высказывания критических замечаний.

ДАВЫДОВ, в ходе следствия не признавший себя виновным, на суде полностью признал вину. ПЕТРОВ, как на следствии, так и на суде, признал себя виновным частично.

Подтверждая фактическую сторону обвинения, ДАВЫДОВ на суде подчеркивал самую незначительную роль ПЕТРОВА в их совместной работе. Как и на предварительном следствии, ДАВЫДОВ отказался назвать ленинградский источник получения литературы.

ПЕТРОВ, излагая суду свою позицию, сказал, что может с некоторыми оговорками признать лишь фактическую сторону дела, но категорически отверг обвинение в наличии у него целей подрыва и ослабления советской власти.<...>

Свидетель М.ПРИМА, член КПСС, начальник заводского научно-технического отдела, бывший школьный товарищ ПЕТРОВА, дал показания об антисоветских настроениях последнего в период их знакомства в конце 50-х годов. Он вспомнил, что ПЕТРОВ приветствовал венгерские события 1956г. Подсудимому пришлось уточнить, что в это время он служил в армии и не мог обсуждать события со свидетелем.

Свидетель Валерий Иванович БАЛАКИРЕВ (1940 г.р., бывший преподаватель Московского

металлургического техникума), также находящийся под стражей, дал суду подробные показания о своих встречах с ДАВЫДОВЫМ, об обмене литературой и факте обучения им ДАВЫДОВА в присутствии ПЕТРОВА работе на mimeографе. <...>

Свидетельница Г.СЕМЕНОВА (старший лаборант института «Механобр»), бывшая жена подсудимого ПЕТРОВА, подтвердила на суде свои показания о том, что в 1964-68 гг. ПЕТРОВ неоднократно выражал недовольство Октябрьской революцией, обвинял коммунистическое руководство в гибели его отца во время войны, а однажды знакомил ее с двумя самиздатовскими работами. Свидетельница признала, однако, что свое недовольство ПЕТРОВ высказывал, главным образом, по бытовым вопросам и, как правило, в пьяном виде.

Государственный обвинитель ПОНОМАРЕВ пересказал фактическую сторону дела, в основном, повторив текст обвинительного заключения, и потребовал для ДАВЫДОВА лишения свободы сроком на 6 лет с последующей ссылкой на 3 года, для ПЕТРОВА – лишения свободы сроком на 4 года с последующей ссылкой на 3 года. <...>

Защитник ПЕТРОВА адвокат ХЕЙФЕЦ, никоим образом не оспаривая выводы следствия, подробно остановился на мотивах, побудивших ПЕТРОВА встать на ложный путь, нарисовав портрет неудачника, недоучки, человека, не нашедшего своего места в жизни. Адвокат напомнил, что за последние 10 лет ПЕТРОВ 45 раз менял место работы «в поисках самого себя». Говоря об изготовлении ПЕТРОВЫМ совместно с ДАВЫДОВЫМ на mimeографе 40 экз. «Тактики ДДСС», ХЕЙФЕЦ подчеркнул, что решающим моментом здесь было наличие у подзащитного отдельной квартиры, что сам ДАВЫДОВ не считал ПЕТРОВА единомышленником, не доверял ему, из-за чего просил БАЛАКИРЕВА, обучавшего их работе с mimeографом, называться для ПЕТРОВА другим именем. Адвокат говорил о несерьезности провозглашения клочка бумаги под названием «Российский социал-демократический трудовой союз» программным документом борьбы с советской властью, подчеркнул, что нет доказательств распространения ПЕТРОВЫМ этого своего наброска. Защитник просил для ПЕТРОВА минимальный срок по ст.70 ч.1 (6 месяцев лишения свободы). <...>

ПЕТРОВ в последнем слове выразил недоумение сроком, потребованным для него прокурором. Он вспомнил, как в период следствия и следователь, и сам прокурор говорили, что его главная и единственная вина в недоносительстве. («Сел бы на стул, написал все, как РУДОЙ, и шел бы на процесс в качестве свидетеля»). Но, что-то, а Иудин грех взять на душу он никак не мог и не возьмет. ПЕТРОВ еще раз отметил, что ни в какой форме не распространял антисоветскую литературу, а о своем недовольстве режимом говорил всегда открыто вплоть до 66 г., когда вышла ст.190-1, запрещающая и эту устную форму выражения несогласия. С тех пор он замолчал. ПЕТРОВ сказал, что в 56 г. он действительно приветствовал венгерские события, за что и был наказан, но никто его тогда не объявлял антисоветчиком и оружие ему доверяли, не боясь выстрела в спину. ПЕТРОВ просил суд отправить их с ДАВЫДОВЫМ «в один острог», дабы ДАВЫДОВ, который как он убежден, антисоветчиком никогда не был, оградил его от влияния истинных врагов советской власти. ПЕТРОВ отметил, что его дружба с ДАВЫДОВЫМ возникла отнюдь не на почве самиздата, а основана на глубокой личной симпатии.

В приговоре вновь повторены все пункты обвинительного заключения, а вина Г.В.ДАВЫДОВА и В.В. ПЕТРОВА в совершении особо опасного государственного преступления по статье 70 ч.1 УК РСФСР сочтена полностью доказанной. Приговор: ДАВЫДОВУ – 5 лет ИТЛ строгого режима с последующей ссылкой на 2 года; ПЕТРОВУ – 3 года ИТЛ строгого режима с последующей ссылкой на 2 года».

Александр Романов, тоже политический сиделец, саратовский знакомый Петрова, так вспоминает о нем: «Особый интерес представляют его письма. Он издавал журнал «Слово»; но если ему попадались какие-нибудь западные издания, «тамиздат», так называемый, или местный самиздат, он старался знакомить <с ним> окружающих. Были у него всякие католические журналы и православная самиздатская литература...» (Альманах «Василиск», N 4). В этом отрывке описывается жизнь Петрова в то время, когда стал возможен «легальный» самиздат, имеется в виду

конец 80-х. Слава Петров, по-видимому, всегда обладал какой-то особой магнетической притягательностью, которая, наряду с надежностью и порядочностью, несмотря на разгульный, подчас, образ жизни, притягивала к этому человеку самых разных людей из самых разных социальных групп. На излете советской эпохи он немного воспрял, жизнь стала наполняться не только разговорами и известиями о том, кого посадили и кого выпустили. Стала возможной некараемая – в определенных пределах, разумеется – социальная активность. Слава, полагаю, был умеренным почвенником, такого же направления придерживалось и машинописное «Слово», которое он одно время редактировал.

К сожалению, ему было отпущено мало времени – в 1989 году Вячеслав Петров скончался. Он ненадолго пережил своего адресата и сумел, несмотря на стесненное материальное положение и неизменные проблемы со здоровьем, приехать в Саратов на похороны Валерия Белохова.

О Валерии Белохове: родился в 1947 году, работал в СКБ сейсмического приборостроения, арестован в сентябре 1972 года, в декабре осужден по 70-й статье на пять лет. Рассказ о нем и публикация его лагерных стихов – в № 4 альманаха «Василиск».

Саратовский историк Виктор Селезнев так описывает историю «группы Белохова»: «В те дни, когда в Саратове узнали о суде над Александром Романовым и его друзьями, двадцатитрехлетний Валерий Белохов, первокурсник-заочник исторического факультета, решил создать подпольный кружок. Валерий и десять его единомышленников объединились в «Союз прогрессивного социализма». Они разделяли позиции правой социал-демократии, были сторонниками шведской модели социализма.

Союз выпустил первый номер (он же оказался и последним) журнала «Время перемен». На обложке – профиль Ленина. Белохов надеялся таким способом увлечь более широкий круг читателей, тех, кто сверял новые веяния с ленинским учением: им легче было бы воспринять иные идеи, иной взгляд на советскую действительность.

Подпольщики задумали создать первую в Саратове свободную радиостанцию; она должна была действовать в пределах города, рассказывать правду о положении в стране, о противозаконных действиях местных и центральных властей. <...>

Учредительную конференцию «Союза прогрессивного социализма» провести не удалось. Осенью 1972 года участники Союза были арестованы. Но инсценировать в Саратове еще один громкий политический процесс партначальство не отважилось. Валерия Белохова судили одного и приговорили к 5 годам заключения («Мемориал. Информационный бюллетень». № 16. Март-апрель 2000 г.).

Белохов был освобожден в сентябре 1974 года досрочно, по помилованию. Это, пожалуй, всё, что можно сказать с полной определенностью. Остальное либо требует уточнения (обстоятельства дела), либо фантастично (А.Романов: «Он просидел меньше пяти лет, которые получил по приговору. По его словам, его отец дал взятку председателю Верховного Суда Николаю Подгорному, после чего Подгорный его выпустил». Альманах «Василиск», № 4), либо упречно: диссидентская репутация Белохова в заключении была испорчена.

«Хроника текущих событий» № 32 от 17 июля 1974 г.: «заключенные добились от БЕЛОХОВА признания в том, что он сотрудничает с КГБ». № 40 от 20 мая 1976 г.: «В.БЕЛОХОВ – разоблаченный стукач». Та же информация была и в бюллетене «Вести из СССР», который издавал Кронид Любарский.

Об этом есть и в переписке Петрова с Белоховым – как об эпизоде несомненном, но оставшемся далеко в прошлом.

Атмосфера этой переписки (конец 1985 – начало 1986 года) – душноватая и безысходная. «Бойцы вспоминают минувшие дни», но иносказательно, намеками. Рассказывают друг другу о бытовых неурядицах и болезнях. Скептически относятся к новому лидеру – на их веку это уже не первый соблазн перемен, впрочем, еще толком и не озвученных.

Слава Петров жил на Заневском проспекте в однокомнатной квартире типового советского дома вместе с парализованной мамой, за которой он ухаживал (ей было суждено пережить сына).

Переписка для него – как и для многих в ту эпоху – окно в мир. К письмам он относился очень тщательно, пользовался исключительно чернилами, презирая авторучки. Изъяснялся кудряво, но всегда точно и ясно, выработал своеобразный стиль, вполне адекватный его владельцу.

Подстать ему был и адресат. Белохов и Петров педантично нумеровали отправляемые друг другу письма, все эти «№ 17» и тому подобное – указание на номер письма, которое было отослано, уведомление о том, что оно было получено. Или не получено (цензура, мать ее), и в этом случае нумерация была оправдана сугубо утилитарно.

Олег Рогов

№ 9

1985 г. 06.10 по Р.Х.
СПб – Ленинград

А 17-ый объявился. После 19-го N-ра. Однако, ты сыплешь.

N-17. Брюзжишь? Все мы лепим схемы. Все. Например: вот закончу 10-ый, поступлю в МГУ, курса с 3-его начну писать, а там печататься... ну, и т.д. и т.п. А встретил через 20 лет, ничем там из схемы и не пахло.

Но есть допуски, эти самые + –, за которые выходить нельзя и которые определяются сущностью, природой человека.

Какая уж тут категоричность!

И вот тут-то вся собачка и зарыта: «...Да никому я ничего не должен...»

Добавочка же «...и мне никто ничего не должен» вовсе не спасительна. И потому, что это не очень правда (ты совсем не так и беспамятен на долги), и потому, что наше собственное невзыскание с должников не избавляет нас от обязанностей перед работодателями.

А с Ольги¹ что спрашивать-то? И баба, и лет-то... Что же до подарка Жанке², то прикинь, каков был бы подарок, если не него потратить половину хоть только за последний год прожитых денег. Сегодня вот пришла записочка от Романова, где он вспомнил, что если бы во время вашей последней встречи он «не выдал бы 6 рублей, то они (вы) бы померли-с». Хорош, значит, был! И тогда Жанкино 16-летие было не за горами. Что виноватых-то искать?! У нормальных людей все нормально и проходит.

Фрукты Олькину маму – увы! – тоже не спасут. Олька могла б иметь и миллион рэ, и он не помог бы тоже... Ну, ей извинительно по полу и малолетству. Ах, в прошлом она не думала о матери! А кто о родителях в 20 лет думает, особенно, ежели родителям самим по 44? Дети всегда меньше думают о родителях, нежели те о них. Ты вот и о детях не шибко-то издумался, а на 16-летие вдрут всполошился.

Да всё это оттенки. Главное, – и тебе писал я, и говорили другие, наверное, – не хрена браки эти лепить! Жил бы себе на два дома (родительский и Вовикова³ халупа). И все было бы хоть внешне прилично. А так опять срам! И всё от того, что ничего не должен! Да перед собственным именем должен! Про совесть, чей один край «плюс», другой – «минус», уж молчу! Бедное имя! Кто 100 раз женится эффектно и со срамом расходится? – Белохов! Кто из политзоны исчез, оставив темное недоумение⁴? – Белохов. Кто на бытовой у цириков окопался⁵? – Белохов! Всего уж перебирать неохота. Другому бы я не написал бы этого. А тут волею случая да сроком времени мое имя вплотную упоминается рядом с Белоховым, тем самым получаю право и потребность.

Т<ак> что полковнику Белохову⁶ не позавидуешь. Помолодеешь тут... Ну, не вышел из тебя хор. сов. человек с карьерой, то пусть бы просто милый человек вышел. Я не думаю, что я зрячей К.Г. Он, может быть, видит и знает побольше моего, включая лагерно-технократическую историю.

11. 06

День четвертый беспрерывно идет дождь. Разный. Серым-серо. И сыро. Только сюда бы тебе. С начинающейся чахоткой. У вас, конечно, не фонтан, но все-таки, думаю, менее вредно. В прошлом веке, судя по лит<ерату>ре, СПб числился в России одним из самых распрочахоточных мест. Теперь это как-то не бросается в глаза. Правильно замечено, что всякий век, может, период в два века, но каждый имеет свою болезнь. Вот и 19-тый всё чахоткой и отличался. И СПб в этом смысле подобрел теперь.

Новостей, повторяю, никаких. Кроме писульки Саши Р<оманова>⁷, из которой знаю, что Огу-рец⁸ сменил адрес. Сам он меня покамест об этом не уведомлял, т<ак> что адресишко Иг<оря> Вяч<еславови>ча тебе придется подождать или взять у Саши Р.

Пиши Кр<ониду> Аркад<ьевичу>⁹. Тем более, что я теперь несколько вооружен на предмет исчезновения писем за кордон. И ежели стигнет писулька твоя, попробуем разыскать положенную сумму. Всё на глоток-другой тебе в санатории с какой-нибудь тубичкой хватит.

Почему тянут с больничкой? Про какие боли в легких ты пишешь? Легкие сами, точнее, *ткань самого легкого не болит и болеть не может*. А то мучительнее туберкулеза и болезнь найти трудно было бы. Тубики кровью плюют, а ничего не болит. Повторяю, три материна брата и ее мать (бабушка) умерли от туберкулеза.

Ну, ладно. Опять мы про болезни... Мне в отношении их нужны ответы на вопросы, заданные в № 8-ом. А то у тебя все эмоции. Еврейского, к сожалению, образца. Действительно, откуда бы такое?...

* * *

Вчера вдруг принесли бандероль. Из Мюнхена. Непонятное содержание, непонятный от-правитель. Четыре сборника И. Бунина, причем одинаковых (?). Книжечки (две), одна – прозы, другая – стихов, Солоухина. Я и в Совдепии Солоухиных, Абрамовых и проч. хор. сов. литерато-ров не особенно читаю, чтобы еще получать их из Баварии. Изд-ва советские.

Чудеса! Может бандероль «со значением»? Может только через меня? Разъяснений нет. По-дождем... Отправитель – J. Woznessenskaja (Ю. Вознесенская?)¹⁰. Никогда не знал этой писа-тельской. И, конечно, не читывал. Чудеса!

За бандероль не платил ни копейки, они б за джинсики так-то... Чудеса!

* * *

Значит, говоришь, папаше вручили I степени. Я уж как-то забыл отличие I-ой от II-ой. Кажет-ся, I-ая на висюльке, а не на винте. И выходит у твоего папаша 3 ордена (а не 4), т.е. два ордена Кр<асной>. Звезды и две степени ордена Отечественной Войны.

Кр<асную>. Звезду я, грешный человек, не люблю. Он какой-то общий. Всем. И ментам. В действующей армии типично советский – где солдатику медаль, там офицеру – Кр<асную>. Звез-ду. Вот «За отвагу» – славная медаль! И для офицера, и для нижнего чина. Единственная в Совде-пии чисто серебряная медаль. Правда, ее, смотрю, и в Афганистане дают. Жаль... Медали же типа «За оборону...», «За взятие...» хороши только своей неповторимостью. Теперь если только немцы отчеканят «За освобождение Кенигсберга».

И Обороны Л<енингра>да не будет. Последняя мне особенно мила на груди урожденных л<енингра>дцев. Тетке II-ю степень пожаловали, но пока не дали. Сказали, что нижние чины будут «охвачены в течение 2-х лет». Тетка смеется, напоминая, что ей уже 77 – рискует и не по-лучить.

Да! У Кузюкина¹¹ тоже была Кр<асная>. Звезда. За усердие. И за Чехословакию... Отобрал трибунал. Вместе с капитанским чином. Он теперь рядовой запаса.

Что-то, кстати говоря, примолк... Здоров ли... Забавная страна Совдепия! У Капитана вот чин отняли, а ребятам, что получили чин в институте на кафедре, кое-кому за срок отсидки повышение вышло: сел лейтенантом, вышел – старшим. Мы очень смеялись, помню...

Ну, вот и всё. Дела стоят, а не могу выйти в магазин – должны прийти сестра (укол) и участковый врач.

Завтра же – будет происходить ВТЭК на дому. Воткнул матери инвалидность. Теоретически должны прибавку сделать к пенсии. Ежели б так, то не помешало бы нам... Хотя и червонец.

Вот и совсем всё.

Жду серьезного письма.

И начинай выздоравливать. И не скули о больничке. Там, у тубиков, прилично. Да и ходячий ты. Потом в санаторий поедешь. Тоже хорошо!

В. Петров

№12

27.06.1985 г. по Р. Х.

СПб – Ленинград

Милостивый государь!

Получил № 24. На 7 страницах. И весьма человеческое письмо. Правильно же я тебе говорил, что болезнь будет не без приятности. Первые, я смотрю, обретаешь – разборка хлама, отсутствие висения над душой всяческих служебных необходимостей... И дальше будет, полагаю, не хуже, только болезнь бы не прогрессировала!

Ты вот выразил опасение, что в ответ на твои «сентименты» я тебя «непременно огорошу. Этак селёдкой по морде!» (А почему именно селёдкой? Это что, неприятней, чем чем-либо иным?)

Несколько огорошил ты меня:

Сотня моих писем, копии твоих собственных. Внимательно, значит, относитесь к собственному эпистолярному наследию. Вообще себя очень цените. Любите, хоть и браните. А уж что жалеете-то... Твоя мысль, что мои письма с копиями твоих, собранные воедино, – это небезынтересно, мысль есть неплохая. Но если этот «сборник» отдать в руки третьему лицу. Желательно литератору глубокому, искреннему... Что-нибудь типа Исаича, пусть покамест и вовсе неизвестному. А у нас с тобой – у тебя ли, у меня ли – в руках, или в руках какого-нибудь нашего знакомого нашего же пошиба этот «сборник» – хлам, макулатура.

Или эту подборку надо отдавать талантливому негодяю, типа литератора (или, как говорят, представляют его по телевизору) писателя Генриха Боровика. Тут к сборничку надо еще кратенькие биографические справочки приложить. Он бы в двух местах заработал – частью на политическую, антидиссидентскую публицистику бы потратил в нужный момент, а частью во что-нибудь художественное вернул. Желательно в пьесу, сценарий. Подоходней!

Дело в общем твое, но мне не хотелось бы быть читаемым кем-то от просто так. Ведь писано и по поводу, и в связи, и конкретному лицу. И конкретно.

Хотя тут же и плевать...

Оказывается, ты уже успел писнуть Болонкину¹². Вы бесспорно старые приятели, вместе в Барашево на сомнительных основаниях (Ваша милость особенно) обретались¹³, но вообще-то можно было бы и со мной посоветоваться, а время ли сейчас писать в Улан-Удэ? Я ведь все-таки адресочек дал. И не спросясь. Обильная переписка сейчас Болонкину вредна, а он ее тоже любит. И в письмах излишне старомоден, словно и не прошло 15-ти лет, – нет-нет да и обличнёт порядки в прямо-таки классическом стиле самиздата конца 60-х – начала 70-х гг. Это ему сейчас ни к чему-с. За ним грешки многие....

Зачем тебе эта переписка? Что ждешь? Писал бы мне да девочкам, если есть подходящие. Мне – отдушина. Девочкам – авось пожалеют при случае. А так бы читал себе Зюссов¹⁴ да прочее. Чем не жизнь? Но вообще-то вы с Сан Санычем несколько родственники – в 1-ю очередь озабочены собственной персоной. Сан Саныч даже политику воспринимает сугубо через свои удачи и неудачи, успехи и проч. Ты-то хоть в быту (не должен никому ничего, да и все тут!), когда же в общие рассуждения уходишь, то тут, грешить не буду, о себе забываешь. Тут – Белохов. Но не о Белохове, а о предмете рассуждения. Саныч же все также о себе посредством предмета разговора.

29.06

Только что покалякали. Я не очень жалую телефонные разговоры (они продуктивны, когда очень спешно очень конкретно. Или же, когда они ну, хоть бы через день минут по 10), но все-таки разнообразие.

Еще о Болонкине. Он меня в письме спрашивал о достоверности мордовского слуха о том, что Белохов расплатился за помиловку выступлением в Саратовском ун<иверситете>те. Я ответил, что ни от Белохова, ни от кого другого из саратовцев ничего о таком выступлении не слышал. Да и кто, собственно, Белохов для эффективности такого выступления? Профессор, доцент Ун<иверситете>та? Иль хотя бы популярный студент-отличник выпускного курса, впавший в диссидентство, а потом «осознавший ошибочность своих действий»?

Ты про эту мою откровенность Сашке не пиши. Пусть сам спросит, коли я его не убедил. Мужик большой путаник и несчастный в общем-то человек. Бог ему судья...

* * *

Закрытый процесс – это, конечно, лучше, чем открытый... Но носителем, так сказать, инфекции, ты всё же являешься. И квартирка необходима! 1-ой бабе тоже бы уместно в этом плане почесаться. Пусть Ирка¹⁵ за нее напишет, а та подмахнет. Тем более, что время есть – твои лечения годик сожрут. Чесаться, чесаться надо, милостисдарь! Термин же, столь нелюбимый мной термин «распадание» я слышу уже от второго человека. То же говорили и о Борисе Быстрове до последнего обострения болезни, из-за которой и вылез всё решивший рачок.

Может наука теперь находит этот термин наиболее соответствующим действительности? Хрен тогда с ними... Пусть тогда «распадение», но растянутое еще лет на 25-30. Распадаться можно по-разному.

И повторяю вопрос: Какие лекарства дают тебе от сердца?!

От Огурца не имею до сей поры ничегошеньки. А значит, и нового адреса. Я им вообще-то нешибко балуем. Сашка в большой чести. Или на более официальной ноге? Не знаю... Не уязвлен. Я, смотрю, становлюсь с годами все менее и менее уязвим. И тебе рекомендую. Очень облегчает жизнь.

2.07 (Уже июль!)

А Иг<орь> Вяч<еславович>, даст Бог, поживет – легок на помине, 30 открыточку прислал. Весьма кратенькую. Сильно хворал, пишет. О причине смены адреса (собственно, только улица и № дома изменились) ни слова. Причины могут быть разными... и «хитрыми»... По-разному «хитрыми».

Адресок-то я мог бы и вложить, но надо ли, старина? У Иг<оря> Вяч<еславович>ча и своей кислоты хватает. А тут еще туберкулез твой! Человек он вежливый, так что будет силиться, но ответит. А надобны ли ему сейчас усилия на некоторое лицемерие, ибо вы не так и близки, да и «мнение общественное» о тебе? И опять же Александр Иванович, надо думать, не похвалил... Так что ты, В<алерий>.К<онстантинович>, покамест воздержись. Я тебе адресок в самое время «подошло», как теперь говорят...

* * *

Пришел №25. А ничего письмецо! Гладко, братец, пишешь: и «аккумулируется» там что-то у тебя, и все такое прочее... Никаких ироний не усматривай! Я на полном серьезе. Я вот так не сумею, даже если захочу специально. Не умею. Или не дано. Мысли мне твои не удивительны. Подобное может осенить и меня, но вот изложить именно так, я – увы! – не могу.

Хотя, может, тут и не нужно этого «увы»?.. т<ак>к<ак>. это, может, и хорошо, что я неисправимый Петров. Надо же кому-то безнадежно быть самим собою. Я могу написать на эту тему, но понесу это образно. Образ – вот моя стихия. Наверное, не надо было бросать стихи. Или маленькие поэтические рассказы. Верх объемности – повестушка. Хотя бывает, что и поэты пишут толстые романы. Ну, хоть бы «Доктор Живаго». Я тут перечитал не так давно. Очень красиво написано. Порою описание чего-либо – нерифмованные и неритмические стихи. Зорек старик Пастернак был.

6.07

Однаке, смотрю, ты что-то раззвонился. Деньги завелись? Так ты их лучше в больничку, а лучше – в санаторий прижми. Пропить с какой-нибудь девочкой. Не исключено, что и там попадетса тебе евреечка (они, слава, Богу, тоже чахотствуют).

Да! А я вот потерял №-р твоего телефона!!

7.07

Получил и №27. И время вроде бы было, чтоб написать тебе, да вот что-то не идет... Дух смят, здоровье сниккое (следствие возлияний). Хотелось бы встряхнуться, но нет ни здоровья, ни зубов, ни денег, ни досуга, ни квартиры. А что, собственно, есть-то? Хорошую б бабу. Молодую, смазливенькую, незалёжанную. Целочку-соплишечку совсем бы хорошо. Казалось бы, старческое желание. Но я всегда их любил. Даже когда сам был почти сопляк. Сейчас же попробую лечь спать. Один. Без столь желанной, не побоюсь сказать, необходимой сопливочки. А в балде вдруг завертелось нечто, подобное частушке:

Эх, да сопливочки!
Вы словно сливочки!

Если, усесться, плотно, то многое еще можно было бы присочинить в таком же духе. Я умел писать «на заказ». И если бы не бросил, то был бы как Роберт Рождественский. Хи-хи!

8.07

Мне вообще-то хотелось бы написать Вашей милости относительно твоих вкругеврейских рассуждений. Эко нагорожено! Их, оказывается, даже нужно «изучать»! Да они давно изучены. Никаких секретов в общем-то нет. Кроме разве точно организованной структуры руководства масонами. Ну, и естественно – списков с адресами. Я как-нибудь выскажусь... Покудова что-то лень. Да и висит несколько очень нужных писем. Не в струе.

Это письмо получишь, надо думать, в больничке. Так что затыкаюсь.

Выздравливай. Пописывай.

В. Петров

№13

14.07.1985 года по Р.Х.

Милостивый Государь!

Получил сразу три письма. В том числе и из больничное (№31). А что? Начало, ей-ей, терпимое. Мне так увиделось из твоего первого впечатления. Пристроишься, думаю. Ты и в тюрьме, брат, – особенно в последней, – приспособливался. Тебе ли скисать, старик? Да ты и не скисаешь. Это я для порядка. На всякий случай. Что нам больничка...

А вот сердечной бойся. Там такого шику, как пьяные, не узришь. Там будут все трезвы (и ты!), хоть на каждый столик будет поставлен графин со спиртом. Занудно там! Ходят люди и шаги, и удары пульса, слушая, подсчитывают. Я вообще-то уже тебе пишу. Не с особой охотой, если признаться. Но посчитал необходимым закруглить ту темку. Там нам не столкнуться. Но там, в том разговоре (письме), ужасно много слов. Когда их побуквенно вырисуешь ещё... Так что делаю без №-ра. Занумерую по изготовлению.

Как противно так вот писать – урывками, случаем и т.п.. Не вкусно. Хоть не пиши.

15.07

Вот наступила и половина июля. Уведомления же нет и нет о моем заказном письме Болонкину (на имя Шаромовой Т.Н. от 27.06). Люди генерала ГВ Верещагина бдят (надо думать, что, кроме спецобъектов, и делать-то в общем нечего. Особенно по диссидентской линии). А тебя черт корчит с «воспоминаниями» о Твердохлебовской истории и т.п.! Кому это надо?! Уж сам Твердохлебов[16] забыл, как оно и жилось-то в Совдепии, а у тебя всё ещё отгрыивается... Ты всё от дерьма никак не оботрешься, а люди Верещагина при случае ткнут Болонкину в нос, что он-де опять что-то собирает, обобщает и т.д. и т.п.

Думаешь, ему моя «сообразительность» не повредит? Дай Господи, чтоб Сашка догадался отпереться – знать, мол, ни хрена не знаю! Кто сказал? Кто просил? Ах, Петров? Ну, и спрашивайте у Петрова!!

Писал бы о каком-нибудь солидном «вообще», о «Ней» и прочее... Тебе вредно адреса давать стало, Валерий Константинович!

Письма копишь. Как-то их там кастрируешь при этом. Нет, брат, копить так уж копить! Без кастраций. Тем более, что Брежневы, Черненко, Сусловы и Андроповы – это уже не очень правильное бывшее теперь...

16.07.

Пришло письмо от Сашки Б<олонкина>. Даю копию кусочка (даже не цитату – со всеми знаками и т.п.):

«Сегодня, 8.07, получил письмо от Белохова (обширное). Прислал твоё и своё фото. Пишет, что нигде не выступал и даже не писал помиловку (!?), а написал «отказ от оппозиционной политической деятельности», т.е. от марксизма, т.к. сидел как марксист. Пишет, написал насчет меня Любарскому (!) и хочет написать Вагину. Советует меняться на Саратов, т<ак>к<ак> от Саратова 18 часов езды до Москвы».

Как это прикажешь понимать?!

Ну, от собственного дерьма, повторяю, которым ты, обгавившись, измарался, ты волен в общем-то обтираться как, где и перед кем угодно.

Но вот зачем гадить другим людям?! Впечатление, что у тебя обнаружили затемнение не в легких, а в мозгу! За коим хреном ты полез с Болонкиным к Любарскому?! Ты подумал перед этим,

что такое ты, Болонкин и кто теперь Любарский? Вообще-то, наверное, подумал. Как и понимал, что лепишь глупость, если не заведомую гадость, иначе в своем письмообилии ко мне ты непременно сообщил бы об этом. Ты же ни гу-гу.

Ходатай выискался!

Любарский и его евреи, столь любимые тобою евреи, очень зорки и памятьливы на чужие грехи, слабости и ошибки. Тем более, что сам-то Кр<онид> Арк<адьевич> официально чист и даже благодаря лагерной возне – герой. Образец диссидента. Фигура и там.

А Сан Саныч – это грехи, слабости и ошибки и как раз те, о которых помнят. И вдруг раде-телем за него из забвения выныривает... Белохов! Есть диссидентские штампы, и на наш с тобой век они незыблемы, несменяемы, несмываемы. Ты что, забыл, что у тебя за клеймишко?! Зачем Болонкину такие фигуры рядом? Дай Бог, чтобы ему помогли благосклонные к нему тени Давыдова[17] и Петрова... На хрен тут Белохов и подобные? Вот обормоту Вагину¹⁸ можешь писать, что тебе угодно! Хотя и о Вагине подумать недурно... Он не в особой чести, и можешь ли ты поручиться, что его переписка не перлюстрируется? Там!

И что же обнаруживают твои горячо чтимые евреи, очень помнящие и Вагина-лагерника и «великодержавность» его?

Письма Белохова, хорошо оплачиваемой тёмной лошадки (3 из 5 – роскошная плата! И «экспертон» выскажется, тот же Кронид), по поводу А.А. Болонкина.

Вопрос один – что это Белохов завертелся вокруг Болонкина? Что ловит этот «человек так и не проявившихся нигде технократов»? «Технократов», скорее всего, с Лубянки, т.к. Саратовскому УКГБ отстегивать по трюнделю из пятёрки не по рылу.

Тебе такой примерно ход мыслей в тыкву не пришел?

Нет, братец мой, отныне ни единого адреса от меня ты не получишь. Увольте-с! А всё чрезмерная озабоченность собственной персоной (с полной беззаботностью о том, что должочки-то взыщут, считай там ты себя должником или не считай!); очень хотелось спать с Ишутиной¹⁹ и совсем не хотелось на шконке в зоне, БУРе, а то и во Владимире (5-ти годов на всё бы хватило) и поэтому позволил создаться помиловочной ситуации. Как и чем, знать не могу-с! Да, признаться, и не интересуюсь особенно. Но вот удивляюсь непониманию, что за это надо платить. В этом плане в «общественно-мненийной валюте» платить. Например, и после Гумилева с Санькой Романовым тебе вровень всё равно никогда не стаивать. Хоть 10 Гумилевых и 5 Ключевых! Хочешь писнуть Вагину? – Валяй, но без людей. И уж тем более Любарскому. Тем, что ли, кроме Саныча, нет? А мне всегда казалось (с твоих престранно-неконкретных слов), что у вас с К<ронидом> А<ркадьевичем> всегда есть общая кучка общего грязного белья, где можно всласть покопаться... Коль охота пришла.

Огорчил ты меня. Более, чем зародышами чахотки. От болезней серьезных люди обычно умнеют...

Я просто вижу и слышу, как Кронид умничает в ответ на хлопоты Жорки о добывании подходящей кандидатуры в Болонкинские папы – а, мол, стоит ли? И тот ли человек теперь Болонкин? Ну, и твоё славное имячко там витает...

Болонкинские «сделки» – на виду. На прилавке: товар – выступление по телевизору, гонорар – Улан-Удэ вместо спеца²⁰.

У тебя же всё – «технократическая» тайна. И знай я тебя столь же мало, как, к примеру, Жорж Давылов; не будь я столь и многообразно искушен в твоей почти патологической озабоченности собственной персоной, я бы тоже мог подумать, а, дескать, случайно ли появление Белохова? Не попросили ли паренька осложнить делишки Болонкина?

Политики херовы...

19.07

Господи Иисусе Христе! Час от часу не легче! Получил записочку от неугомонного Сан Саныча. Получил, значит, и прочитал этоакое (подчеркнуто мною):

«Новостей у меня по-прежнему нет. Получил ещё одно письмо от Белохова. Он *задублировал твоё сообщение*. Скоро ложится в больницу»

Что ты там «дублируешь»? Куда?!

Признаться, мне захотелось (первый порыв! В беседе б я воскликнул) начать письмо Болонкину фразой: «О, если бы Белохов ложился скоро в гроб, то тогда бы мы с тобой были бы спасены от всяческих неожиданных возможных последствий Белоховского эпистолярно-политического зуда! Но увы! Эта зануда ещё весьма и весьма поживет. И попишет...»

Да! Я получил и твое письмо №32. Чем бы не письмо и для Сан Саныча?

Что ты пыжишься, во что-то тужишься?! Болеешь и болей. Повкуснее по возможности. Писал бы ты свои уже почти постоянные вкруг-еврейские глупости, высосанные из Фейхтвангера, а вскоре из Ш. Алейхема. Да из воспоминаний о семействе Абраши Карасика²¹... Как же мама и пап исчерпали всё о евреях! Он и она – это «в сущности – две основные популяции среди евреев».

Как же, выкуси-ка!

А мордовских евреев ты вспомнил?! Я их очень хорошо посмотрел, всласть и послушал... Бутман, Ягман, Хнох, Глезер, Каминский, Школьник²²... Все такие разные и в сути монолитные, неразделимые. А ты с каким-то Абрашей и его половиной лезешь! С Ш. Алейхом как с меркой, пробиром... Кого теперь интересует этот Рабинович?! Что он там отображает 1,5 минуты из еврейских суток? А впрочем, я напишу не на эту тему. Чтоб (повторю лист №1) «закруглить ту темку».

А покамест прошу тебя (прошу еще!) уgomониться и не совать нос не в свои дела. Я-то, старый дурак, наивно полагал, что ты повзрослел, изжил страсть принимать значительный вид и т.д., поделился, так, мыслишкой и прочее. Для осведомления, для раздумий... *От себя и о себе* ты волен писать, что угодно и кому угодно! Доказывать, что ты совсем не то, за кого тебя принимают. Дело твоё, если ты не хочешь понять, что никто тебе никогда не поверит. Не идиоты же вокруг!! Это мне наплевать на многие вокругтебяшные мордовские непонятности! Это я могу перешагнуть через твои теперешние увереньица, что тебя-де за «отказ от марксизма» к Иштуиной под бок пустили (Сан Саныча пощади! Он эти торги и горечь платы по их ценам, ох!, как знает!).

Короче, эту тему закончим, но чтоб я больше о тебе как о действователе не слышал. А то нам придется раззнакомиться (я себе ведь тоже гадить не шибко хочу). Тебе вообще лучше забыть о себе в качестве активного диссика и, тем более, зека мордовского лагеря. Живи себе просто Белоховым. Чем не жизнь? Я вот, например, почти так и живу. А коли встрял в заботы Сан Саныча, так только из некоторой близости дел, подельников, мест заключения.

Уведомляю тебя, что напишу Сан Санычу, чтоб он не потакал твоим излипаниям на диссотемы. Уши б не развешивал... Толкуйте о перемене на Саратов, о туберкулезе и проч.

Саратов, конечно, не Улан-Удэ. Саратов – это, без сомнения, неплохо. Да вот ты будешь Болонкину не в радость, хоть он сразу это не поймет...

Ну, ладно. Лечись. И что же там с сердцем все-таки? Точно надо сказать. Как вот о затемнениях.

У меня ничего нового. Да и откуда быть? Пописывай

В. Петров

Да! А каков медперсонал? Это тоже кадры и кадры... ведь больничка, надо думать, не так и мала.

№ 14

3.08.1985 г. По Р.Х.
СПб-Ленинград

Привет, старина!

Письма твои получаю, но вот отвечаю, к.видишь, через пень-колоду. Что-то всё вокруг и, наверное, сам (главное, пожалуй) как-то неказисто. Нельзя сказать, чтоб был занят – делаю только

необходимое, неизбежное, остальное же в удручающем запустении... Т<ак> что время на письмо выгадал бы, но не пишу. Никому не пишу. Не пишу даже сверхнужные письма. Читать тоже, можно сказать, не читаю. Так, урывками. Например, сглотнул Исаича 10-летней давности. Интересно. Полезно. Но от всё-таки злой сыч. Всё очень понятно, справедливо, но лучше б злости поменьше. Никогда не пошутит. Слишком серьезно всегда. Может от безулыбчивости этой, от отсутствия шутки такое впечатление многой злости? Возможно... С бабой бы его поговорить. С нынешней. С Алей.

Новостей, разумеется, никаких. И письменных.

Мама тухнет. Я, кажется, начал терять надежду.

Жаль маму. Как это без мамы? Пусть даже самой пребеспомощной?

А ты правильно поступил, отказавшись от операции. Ишь, моду взяли! Пусть лечат. Пусть бы и сердце было здоровым!!

Ну, ладно. Лечись. Пописывай.

В. Петров

№ 16

23.08.1985 г. По Р. Х.

СПб-Ленинград

Валерий Константинович!

Пришло твоё письмо. Скорее записочка. № 37. Грустная, надо сказать, записочка. Т<ак> что какие уж тут в жопе комментарии!

Не понимаю потери тобою веса. Может это, наоборот, какая-то нормализация? Что эскулапы-то, судье племя, рекут? Ты не дитя. Тебе вот 38 исполнилось. Ты мужик, а не девица 17-лет. Т. что ты уж вытряси из них правду. Без прикрас. Даже если очень паршиво. Расскажи, разумеется, узнанное мне. Я, признаться, рассчитывал, что выздоровление твоё пойдёт веселее и резвее... Господь взыскивает! Несомненно, что заслуженно, но легче ли от понимания этого?.. Нам нет, т<ак> к<ак> христиане говённые!

Мать что-то вдруг вникла в мой рассказ о твоей болезни. Просила кланяться тебе. Сказала, что пусть, мол, Белохов не сердится на неё за ругания в наш адрес. В твой, в частности. В воспитательных целях бранилась, сам понимаешь. Теперь же вот прощения у всех просит в той или иной форме. Очень понимает, что хворь ее, как там не рассуждай, конец. Сколько он протянется, Бог весть... Но 74 года исключают всякие «а вдруг» да «а вот если». Не думаю, что ей весело, хоть она и всем и поминутно долдонит, что, дескать, не боится смерти, а в часы резких ухудшений так почти богохульствует, торопя, призывая смерть.

Поэтому, полагаю, очень понимает паскудность твоего положения – ведь 38 совсем не 74. Да и память о братьях, один из которых умер буквально у неё на руках...

Ну, я, кажется, завёл свою шарманку! Надо, пожалуй, на время подзаткнуться.

24.08

Суббота. В час пойду в механическую прачечную (по предварит<ельной> записи). Занятница! Т. что сейчас надо что-нибудь «запиздопарить» старушке на обед (Я кормлю ее в 14.00) и поставить уже готовым на стол, чтоб она по однорукости смогла «поштефкать» («поесть» из жаргона мужских школ конца 40 – начала 50-х). Распишешься тут, как же!!

10.09

Вот, брат, паузы... Даже чернила высохли (разводил). И перо заржавело.

И твоя записочка за № 38 успела придти. И забавная, но, пожалуй, и трогательная открыточка от Сашки Р<оманова>.

А я всё отмалчиваюсь... Даже Огурцу не выдавил писульки (ему ведь где-то в конце августа 48 уже шандарахнуло...) Ну хорошо-с.

По привычке заглядываю, правда, в ящичек, но ты «в отказе». Слабое недоумение (всё-таки привычка!) и даже тревогу (ты же как-никак серьезно хвор) удобно прогоняю мыслью, – мол, рассердился, хрыч! Коли так, то не беда – надо же и тебе малость посердиться. Новостей, конечно, нет. Каких-нибудь бытовых приятностей тоже.

Сан Саныч, правда, недавно напоминал о себе звонком из Москвы – чуть ли не извинялся, что не осталось времени заехать в СПб. Ну, и традиционные вопросы, конечно... Отмекеался в ответ. Получленораздельно. Да и что бы я мог, В<алерий> К<онстантинович>, вразумительного сказать? Сам понимаешь...

Мой бытик также угрюм. Хуже, что подыссяк в рвении ухаживать за маманей. Не выдерживаю Божьего испытания. Скверно, старина. Нет, я всё в общем-то делаю. Но с какой-то сверхкислостью. Зачастил было с допинг-глоточками. И на свои (буквально) медяки, и на халяву, конечно. Самочувствие упало. Последняя кардиограмма признана ухудшившейся в сравнении с прежней (что именно, чёрт разберёт в этих «пучках Гисса» и т.п.).

19 сентября кончается год инвалидности, а переосвидетельствование назначено на... 1 ноября (очередь, в которую поздно встал. А кто бы мне объяснил ситуацию?).

В общем суетень и мутота всяческие.

Маманя тоже оставляет желать лучшего. Несчастливая старушка. Для меня является загадкой не то, как она переваливает через вспышки хворей, а то, как она не умрёт от тосчищи своего существования (не может смотреть даже телевизор, не то, чтоб хоть что-то читать). А что за беседы со мной? Я или в каких-то (т<ак>сказать) «мыслях», или раздражен, или последнее + занят каким-нибудь домашнедельным дерьмом (не люблю и никак не привыкну!). Несчастливая, повторяю, старуха!

Вот каковы дела, В<алерий> К<онстантинович>.... Что там у Вас, милостисдарь?

Да! Капитан, действительно, пропал. Я писал и ни гу-гу.

То же самое и Ив. Шахов.

Ой, надо бы обоим бы продублировать записочки! Чего, брат, не бывает...

Ты, к сожалению, не слушаешь теперь радио, а то вьется слушок, что на спецу умер Василий Стус²³. Помнишь Стуса? Я-то и сталкивался с ним то у вас на 19, на киче, то тогда в Барашево.

А вот Супер²⁴, помнится, мне говаривал уже после отсидок и проч., что Стус – гениальный украинский поэт. И не по «национально-патриотическому» счету.

Надо бы написать в Львов, там бы внесли ясность, да ты по почерку (по перу) можешь судить, сколь я письмовен. Как собраться?

Встряхнуться б, старик... Встретиться б где-нибудь на нейтральной почве (чтоб выскочить из т<ак> называемого «динамического стереотипа»).... При деньгах, конечно...

Несбыточно! Как оздоровление!!! Как омоложение!!!!

Ну, ладно, стари. Держись там. Надо б подлататься!

Привет народу.

Пописывай

В. Петров

№1

16.01. 1986 года по Р. Х.

СПб – Ленинград

Старина!

Спасибо за письма, на которые я не отвечаю. Разумеется, ты очень вправе и сердиться, и

брюзжать, но попробуй и понять – не могу, хоть ты лопни! Я ведь никому не пишу. Никому! Я не могу даже выдавать полуофициальные, этакие рапортообразные отписочки родне о здоровье Лидии Ефремовны²⁵. А уж это чистый сволочизм, сам понимаешь. Я как-то душевно захворал что ли... Правда, нельзя исключить и большую долю условий внешних.

Ты сам написал, что любишь писать письма «в условиях комфортных». Что в общем-то и подтвердилось с возвращением твоим на Огородную²⁶. Мне особой комфортности не требуется, но привычное просто необходимо. А это привычное исчезло почти год назад с болезнью мамы. Даже вот пера с чернилами никак не соображу и, к<ак> видишь, пишу (с отвращением!) шариком...

По регистрационной книге последнее письмо (51-е) написано 11 сентября Белохову (№16). За август всего два – 49 и 50 – тому же Белохову.

Больше я не написал ни слова...

К тому же мешает попытка сократить курево (а это наиневобходимейше!). А коли брошу вовсе? Тогда полгода верного молчания! Кроме тебя мне тоже никто не пишет (все любили получать письма от Петрова). Я не в обиде. Я вообще какой-то отсутствующий, что ли...

Очень съеден домашними заботами, нищетой, нездоровьем и *полной бесперспективностью!*

Мать очень слаба. И неясно (то есть нельзя ничего даже тускло предугадать – может она скоро умрет, а может будет еще год-другой дотлеть).

Состояние очень неровно, психика на детский лад и т.п.

Я же мог бы быть получше, нежели есть. Причины – слабости стары: а) табак, б) глотки (в основном «на халяву»; есть еще парочка-другая старых знакомцев, почему-то оказавшихся верными).

Правда, ни пива, ни бормоты не пью. Думаю прижать и водочку, но покамест что-то хило вышло (с Нового года собирался очень прижать себя). Но, полагаю, выйдет. Мишка Горбачев очень поспособствует ценой. И прочими благоглупостями.

Вот и дождались ровесника! Но в ужасе не столько от него (а он мне неприятен более всех последних вождей), сколько от Запада – мямлями были, мямлями и подохнут!

Новостями не располагаю совсем.

Твоими рассказами о Сашке Р<оманове>. не удивлен. Странный парень... И в этих странностях уже ничего нового.

Что-то нового ни в чем не видится... Да оно и должно быть так – мир так стар, и воистину: «...что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

Как-то тут прозвучал по телефону Валентин Кн<аженцев>²⁷. И знаешь, во всей этой новизне тоже не увиделось нового.

Твоя вырезка о регенте цела²⁸. Как-нибудь пришло (ближайшая почта прихлопнулась по безлюдью (в смысле работников), и надо с заказным переться черти-куда...

Вот покамест и всё. Пописывай. Поклон Н.П., народу (теперь одному Сашке, кажется?).

Да поможет нам Господь!

Славка

№ 8

27.05.1986 г. По Р. Х.

СПб-Ленинград

А сегодня-то всё-таки 28, среда... Сбиваюсь в этом однообразии.

Привет!

Число меня заинтересовало тем, что только что вынул из ящика два N-ра – 39 и 40. В них меня волновали числа их написания. Это 20-е и 22-е. Однако!

Думаю, с Сашкой опять что-то приключилось. Если не физически, то физиологически. Моз-

гово. По всем моим припоминаниям оказия прибыла в Саратов 7 мая. А нынче вот 28, от Сашки же ни гу-гу. «Иов» Юнгера²⁹ ему должен был бы угодить. Самое то, если верить Сашкиным же собственным заверениям о его сугубом интересе к текстам Св.Писания (библиист-текстолог новоявленный!).

Любочка³⁰, клизма, могла б тебе и позвонить. А ты, известно, тоже типус, чтоб зайти к приятелю. Всё, да и все у вас в Саратове не так, как бывает: Саша, ты, Черваков, Княженцев...

А я пишу в разумной нечастоте. Не о чем чаще-с. Увы!

Что ты там врешь о каком-то моем особом пристрастии к каким-то «винным суррогатам»? Это что еще имеется в виду? Я, разумеется, в трудный момент пью и одеколон, и гидролизный спирт, но это в трудный, тесный, повторяю, миг.

Бормотухи я никогда не любил и падал до оной либо из-за скудости рэ, либо из-за компании (пригласили), либо после 19-ти часов (бывало! Водка-то перестала продаваться...). Кто хорошо знает Петрова, тому ведомо, что любимое его – это «на троих». Водочку-с.

Этот стаканчик («порция») – моя слабость и мой основной разор (ведь теперь это 2 рэ 30 коп. Для меня – суммища! Да и институт «на троих» почти уничтожен ценой + ценой (стоимостью) кары, если «залетишь». Сволочи!!).

Нет и уведомления от Огурца. А уже дней 10 прошло. Ежели спёрли, то им будет неприятно читать – я был там желчен. А ну, как решат отомстить? Меня ведь легко лягнуть и внесудебно.

Улан-Удэ³¹ молчит. Действует. Ох, надеждует оно себе снова шишек!

Что до, к. ты выразился, «анонимных телефонных звонков», то нам с мамой также вот звонят уже год. Почти без интервалов. Неделя перерыва – это ЧП. И их я и трёх не вспомню.

Но ГБ не подозреваю. Зачем?

Думал об одной бабе. Мама склонялась туда же.

А у тебя не Олька ли?

Есть в этой молчаливой трубке что-то бабье.

Если до прибытия этого письма Сашка не появится, ты не сходишь к нему, то позвони по тел. 25-29-34 и спроси Олега Рогова³², а у него узнай, отдавал ли он моё письмо для тебя Романову. Да и что с Его Величеством Александром IV?

Вот покамест и всё.

Всего наилучшего.

В. Петров

¹ Последняя подруга Белохова.

² Дочь Валерия Белохова от первого брака.

³ Вовикова халупа – частный дом в Ангельсе, в котором жил Владимир Алексеевич Черваков (1955–2005). Певец, любимец саратовской музыкальной элиты. Не сделал карьеры по причине слабости к алкоголю. Последние годы пел в церковном хоре в Самаре.

⁴ Обстоятельства досрочного освобождения Белохова по сей день окончательно не ясны.

⁵ В первой половине 80-х, уже после освобождения и выхода из политической зоны Белохов отсидел год в уголовном лагере за неуплату алиментов.

⁶ Белохов К.Г. – отец Валерия, служил в Германии, около 10 лет жил в Кенигсберге. В Саратове пребывал уже в статусе отставника.

⁷ Романов Александр Иванович (р. 1948 г.). Будучи студентом-историком Саратовского университета, с 1969 года – политзаключенный: осужден за участие в «Группе революционного коммунизма». По 70-й статье получил 6 лет.

⁸ Огурцов Игорь Вячеславович (р. 1937 г.), в 1967 г. был осужден на 15 лет заключения и 5 лет ссылки за создание ВСХСОН (Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа). Поддерживал переписку с бывшими политзаключенными. Почетный гражданин Франции, лауреат Ватиканской премии за успехи в распространении христианства. В настоящее время живет в Петербурге. Не реабилитирован.

⁹ Любарский Кронид Аркадьевич (1934–1996). Один из крупнейших советских астрофизиков. Правозащитник, политзаключенный, эмигрант. В период переписки жил в Германии, издавал журнал «Страна и мир» и бюллетень «Вести из СССР» (1978–1988), где, в частности, содержались сведения о бывших политзеках, в том числе Александре

Романове, Валерии Белохове и др. Последние годы был заместителем редактора журнала «Новое время». Один из создателей Конституции РФ, принятой в 1993 году.

¹⁰ Вознесенская Юлия Николаевна (р. 1940) – правозащитница, политзаключенная, с 1980 г. в эмиграции.

¹¹ Кузюкин Владимир Иванович, капитан советской армии, политзаключенный

¹² Болонкин Александр Александрович (р. в 1937 г.) Профессор МВТУ им. Баумана, с 1972 г. политзаключенный. С 1987 г. в эмиграции.

¹³ Барашево – поселок, где находилась лагерная больница. Вяч. Петров намекает на то, что совместное помещение в больницу было инспирировано властями.

¹⁴ Зюссон – «Еврей Зюсс», роман Л. Фейхтвангера.

¹⁵ Сестра Валерия Белохова.

¹⁶ Твердохлебов Андрей Николаевич (р. 1940 г.), физик, правозащитник, политзаключенный. С 1980 г. в эмиграции. Валерий Белохов проходил свидетелем по его делу.

¹⁷ Давыдов Георгий, бывший политзаключенный, подельник Вячеслава Петрова. В эмиграции был сотрудником радио «Свобода».

¹⁸ Вагин Евгений Александрович (р. 1938 г.). Был научным сотрудником Пушкинского Дома. В 1967 году осужден на 8 лет по процессу ВСХСОН. После освобождения работал кочегаром, в итальянской эмиграции – профессор русского языка и литературы, диктор радио Ватикана.

¹⁹ Ишутина Галина, вторая жена Валерия Белохова, библиотекарь.

²⁰ Имеется в виду выступление А. Болонкина по ЦТ в 1982 году с осуждением правозащитной деятельности. В 1985 г. А. Болонкин написал заявление об отказе от этого выступления, подчеркивая, что оно было вынужденным и осуществлялось под давлением КГБ.

²¹ Абрам Карасик – отец Тамары Карасик, последней неофициальной жены Валерия Белохова. Врач-психиатр (убита клиентом психиатрической лечебницы в г.Энгельсе в 1985 году).

²² Бутман, Ягман, Хнох, Глезер, Каминский, Школьник – политзаключенные, осужденные на сионистских процессах в Кишиневе, Ленинграде и Риге (1971 год).

²³ Стус Василий (1938–1985), известный украинский поэт, правозащитник и политзаключенный.

²⁴ Суперфин Габриэль (р. 1943 г.) – филолог, архивист. Участник правозащитного движения в СССР, политзаключенный. С 1983 г. в эмиграции.

²⁵ Мать Вячеслава Петрова.

²⁶ Речь идет о возвращении на квартиру родителей.

²⁷ Княженцев Валентин Яковлевич, саратовский знакомый Белохова и Петрова. Ныне настоятель Валаамского подворья в Карелии. Ему посвящено четверостишие Вячеслава Петрова:

Как кандидата на бессмертье,
Чтоб всё, чем жил, отозвалось,
Меня не только звоном мерьте
Стакана, но и кандалов.

²⁸ Имеется в виду какая-либо публикация о членах царской семьи.

²⁹ Книга русского богослова XIX века.

³⁰ Романова Любовь Ивановна (1948–2004), жена Александра Романова.

³¹ Болонкин был в ссылке в Улан-Удэ. Попадание в этот город, а не в лагерь особого режима (как могло быть назначено судом) – заслуга Александра Романова и его матери, распространившим многочисленные письма в защиту Болонкина.

³² Я несколько раз бывал у Петрова у Ленинграде, встречал его в Саратове, когда он приезжал (прилетал, очевидно?) на похороны Белохова. Помню, он запоздал к выносу тела и, едва дыша, тяжело топя сапогами, бежал за отъезжающим похоронным автобусом (и догнал его!).

Комментарии Александра Романова и Олега Рогова

Сергей СЛЕПУХИН

Последний обход (памяти Игоря Алексеева)

В «губернский город С.» приезжает молодой врач. «Знаем, знаем!» – скажете вы, Далее по тексту: жалобы на скуку и однообразие, обыватели раздражают, неудачное сватовство к барышне из интересной и приятной семьи Туркиных, метаморфоза, большая практика, богатство, «Прррава держи!», черствость, ожирение, одышка, одиночество...

Ионыч, одним словом. Сюжет классический, но сколько в России «губернских городов С.», сколько молодых врачей, не спеша идущих в больницу пешком и напевающих «Когда еще я не пил слез из чаши бытия», сколько несхожих судеб?

Вот лирический герой саратовского поэта Игоря Алексеева тоже, казалось бы, мог, как и Дмитрий Ионыч Старцев, прогуляться пешком и уйти в жизнь по намеченной великим рассказчиком дорожке, но он, *доктор Игорь Геннадьевич*, садится «в усатый троллейбус, / в светящийся белый троллейбус, / в промерзший до дрожи троллейбус» и отправляется на ночное дежурство. Но вечерний обход дежурного врача начинается не в тот момент, когда кондуктор объявит «*Ночная глухая больница номер такой-то*», а сразу же, как доктор выйдет из дома, заскочит на подножку с «*талончиком в легкой руке*» и... увидит родные «*недобрые лица*».

Так уж устроен врач, что всякий раз с новым и странным чувством он приглядывается к окружающим его людям. Всякий раз его поражает, как мало среди них здоровых, почти каждый чем-то болен. Но если врач к тому же еще и поэт, его главным пациентом становится время, в котором ему и его современникам выпало жить, а весь мир воспринимается как одна громадная, сплошная больница. Несомненно, нормальный человек – это человек больной, а счастливый, здоровый, довольный жизнью – представляет собой лишь редкое уродство, увы, резкое отклонение от нормы.

Предметом изучения врача и поэта является живой, страдающий человек. Известная привычка к чужому страданию, в некотором роде «очерствение», врачу – необходимо, а поэту и художнику – противопоказано. «*Все это мне положено любить*». Перед врачом-поэтом во время вечернего обхода встает полутемная палата: «*провинциальная пустыня*», «*город ветхих надежд*», «*временчко котуподхвостное*», «*тысячелетие второе*», укладывающееся на «*неведомое дно*»... А «*сам человек втекает в форму сна. / Становится недвижимым и лежащим. / В трубу меж будущим и настоящим / летит, летит, не достигая дна*».

*Жизнь в областном захолустье
Очень похожа на смерть.
Труд в полунищей конторе.
Дача, мечты об авто.
Неимоверное горе
В виде пятна на пальто.*

*<...>
Я ни о чем не жалею.
Я ничего не прошу.
Вешалка. Кошкино блюдце.
Века последняя треть.
Страшно назад обернуться.
Страшно вперед посмотреть.
(«Небо тревожное, русье...»)*

Никакая это не врачебная тайна, что одинокое страдание не может стать для поэта предметом равнодушных объяснений и упражнений, точкой приложения бездушных диагнозов: «*обывательский синдром*», «*хроническая хандра*», «*провинциальное бескультурье и слабоумие*».

*Жизнь, перечисление деталей
Быта удивительной страны,
Жжет от головы до гениталий
Спицей ностальгической вины.
Свет дробит вокзальных окон призма.
Бродит между верстовых столбов
Призрак развитого коммунизма.
Сызрань, Пенза, Ртищево, Тамбов...
(«Что-то есть от возрастного ценза...»)*

Человек в маленьком городке... «Мой давний друг, издерганный Адам...» Играющий роль «человека при делах», ощущающий себя запавшей клавишей «на середине такта», «ломающийся на углах», перемогающий «остаток жизни / в забытой Богом стороне», попавший «в силки бытовой истерии». Галерея написанных Игорем портретов сливается в одно нерадостное лицо: это и «старуха в железнодорожной робе», «мадам в оранжевом манто», машущая фонарем, «как заводная»; и полубезумный старик, «человек с ружьем», борющийся с несправедливой жестокой судьбой и «слепо целящийся во тьму»; и друг, вернувшийся из Домбая, и, говорят, увернувшийся от снайпера, «а тень у него за спиной / с огромной дырой в голове». Это и сам поэт, чей автопортрет заставляет вспомнить Брейгеля и его полных трагизма «Обезьян»: «внушающая страх», «жутко улыбающаяся» «огромная больная обезьяна»...

Бедный брат мой Авель,
Брат мой Каин,
Все мы одинаковы с лица.

Мы знаем этих людей, мы сами – эти люди. Это мы, в «клиническом раздражении» глядим в мутное стекло маршрутки на «лакированную морду» чужого Мерседеса и осознаем «неадекватную подмену» собственного трехрублевого счастья: «жилье, одежда и еда». Это мы, совершающие «обоюдное движение / по колее, ведущей в ад / предместий»... «И все мы ждем: собака ждет удара, / Мужчины – водки, женщины – любви».

Гете вложил в уста Мефистофеля великие слова:

Der Geist der Medizin ist leicht zu fassen:
Ihr durchstudiert die gross und kleine Welt,
Um es am Ende gehen zu lassen,
Wie's Gott gefällt.

«Дух медицины понять нетрудно: вы тщательно изучаете и большой и малый мир, чтобы, в конце концов, предоставить всему идти, как угодно Богу». Алексеевский доктор Игорь Геннадьевич и не стремится вылечить недуги окружающего мира, он, как никто другой, осознает шаткость и неопределенность показаний,

обилие предлагаемых против каждой болезни Времени средств – и рядом с этим крайнюю неуверенность в действенности этих средств. Болезни неизлечимы: «Дороги нет. Она заменена», «никогда война / страну не покидала», «негодяев больше, чем годяев», «зверь попал в капкан», «и безутешен свет, / где всем ходить в солдатах, / где виноватых нет / и нет невиноватых».

Шатаются от ветра человеки.
Шатаются и падают плашмя
Кто в лужу, кто на камни, кто в говно.
Не сообразно своему хотенью.
Но сообразно силе тяготенья
И принципу паденья домино.
Бугрятся куртки, ватники, пальто
Профессоров, дельцов, буфетчиц, зеков.
Посмотришь на лежащих человек –
И как-то сразу понимаешь, что
Легко жилось бы в областной дыре
В изгибах геометрии старинной,
Когда б не этот разворот равнинный,
Когда б не этот ветер на дворе.
(«У нас дома такие – будь здоров!..»)

Врач-поэт Игорь Алексеев категорически не приемлет заведомо недейственных, «безличных» лекарств, ему претит предписываемый наступившей эпохой и вновь вошедший в моду метод лжецов и шарлатанов: ut aliquid fieri videatur – «чтобы больному казалось, будто для него что-то делают».

Лучше выпей на шару
Все, что есть в стеклотаре.
Покосись на гитару.
И сыграй на гитаре.
Прокричись до изнанки,
До осиплого вопу,
Как советские танки
Распахали Европу.
И обмякни на стуле,
Как закат лучезарен.
Улыбнись, как Никулин.
И уйди, как Гагарин.
(«Снегопад»)

Анаэробное существование, умение обходиться «без воздуха, / без солнца и даров земных», довольствоваться самым малым,

самообман, давно приучивший тебя «*кошмар воспринимать как пейзаж*», казалось бы, сулят человеку-гражданину пусть тягостное, но долголетие. Легко и привычно произносить устами своего собственного литературного «доктора Живаго» (то есть доктора Игоря Геннадьевича) нехитрый эпикриз:

*Работа. Кислый «Нескафе»
И утренняя сигарета.
Пункт первый «На х. мне все это».
«П.» – в итоговой графе.
Насмешка в том, что мне к утру
Все это дадено, как счастье.
И в этом месте в одиночасье
Я заболел и умру.
(«Работа. Кислый “Нескафе”...»)*

Но есть в «губернском городе С.» и другие врачи. И случается, во время твоего очередного отгула совершается иной вечерний обход. И тогда-то во время этой непредсказуемой встречи тебе вдруг неожиданно вспомнится, как несчастный, обреченный «школьный» Иван Ильич мучился над страшным силлогизмом: «Кай – человек, люди смертны, потому Кай смертен» (...) «и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми моими чувствами, мыслями, – мне это другое дело. И не может быть, чтобы мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно».

Но...

*Последний доктор входит в наш подъезд,
Где виснут ключья вырванной проводки.
И, судя по медлительной походке,
последний доктор не из наших мест.
К его услугам мыло и вода.
Мрачна его презрительная мина.
Бесчувственный, он чище хлорамина,
он холодней искусственного льда.
Он не попросит пищи и питье.
Он не оценит мзды в слепом конверте.
Он вынимает инструменты смерти.
Он прячет инструменты забвения.
(«Последний доктор входит в наш
подъезд...»)*

Жизнь проделывает над человеком свои опыты и, глумясь, предъявляет получающиеся

результаты. Но что же, чем во всем этом может помочь медицина? Какая цена ее жалким средствам, которыми она пытается чинить то, что глубоко уродует жизнь. От зловещего падения в «*черный город вдоль мертвого моря*» не спасет ни рентген, ни кселода*...

Для человека, если этот человек поэт, есть только одно средство: воля и мужество «*напомянуть Небесам, что ты еще на связи*», до самого конца не изменять своему призванию и оставаться поэтом: не потерять умение сквозь дождь слышать как «*в бредовой предрасветной рани*» «*душа на грани / качнется, грань переходя*», и, «*спускаясь по зыбкому склону*», «*ловя очертания сна*», помнить, что ты «*равнокрылый богам*», что ты «*равновесен вселенным*»... Последнее мужество Поэта.

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

Формула преодоления

Игорь Алексеев. Если дорóга. Стихи. – Саратов, 2008. – 114 с. Редактор и автор предисловия Андрей Тавров.

Книгу стихотворений, вышедшую уже после смерти саратовского писателя, предваряет статья Андрея Таврова «Путь поэта», в которой в частности говорится: «Стихи Игоря Алексеева, его новая книга – уникальны. Он силой вещей, мне пока недоступных, в результате нелегкой болезни оказался в тесном соседстве со смертью и тем ничем не отличается от нас... Но у него все стало конкретным и определенным. И определенность ситуации Алексеев принял как вызов и, как прежде осваивал одну сторону Жизни – жизнь, так теперь осваивает другую ее сторону – смерть...» Ну, наверное так. Хотя «осваивает» какой-то уж слишком холодный глагол по отношению к стихам Игоря. Его вызов скорее сродни скоморошеской смелости перед всеильным князем, смертельной храбрости шута. «Страшно так, что хочется острить...» – эта формула отчаянного преодоления, а не скучной повседневной работы.

* «Кселода» – препарат химиотерапии.

«Если дорога» – очень живая и хорошо составленная книга, стихи в ней, насколько я могу судить, расположены почти в хронологическом порядке: от традиционных для Алексеева достаточно жестко сформулированных личных тем до «песенок» и баллад в духе знаменитого «Окурочка» Алешковского. Пафосные стихотворения, а их у Алексеева всегда было немало – говорю об этом не в укор, скорее для обозначения особенности поэтики, – в этом сборнике занимают немного места, да и в них в финальных строчках пробивается какая-то новая для автора уговаривающая, просящая интонация.

Тем не менее, те самые конкретность и определенность, о которых пишет Тавров, помноженные на предельную точность в оценке собственных сил делают Игоря Алексеева поэтом.

Мне много от жизни не надо:
еда да вот эта тетрадь.
Соседи линяют в Канаду.
Мне как-то на это насрать.

Линяет в стиральной машине
на светлую – темная ткань.
Мила инвалиду-мужчине
губернская тмутаракань...

Таких ярких, цепляющих строчек в книге с избытком. Как и переключек с классиками – с Мандельштамом («Жизнь от первого лица / отследить...»), Хлебниковым (как в процитированном выше фрагменте), Рыжим, Новиковым и другими поэтами, попадающими в поле его интересов. Любопытно, что некоторые рифмы у Игоря заставляют вспомнить постфутуристические стихи Елагина, что, видимо, не задумывалось автором нарочно. Вот совпадение с другим значительным саратовским поэтом Александром Ханьжовым – это вряд ли случай, но, говоря на похожие темы, и тот и другой скорее спорят, чем соглашаются.

День Победы – красный шелк,
как прекрасно ты прошел!

По булыжнику – парадом,
по бумажнику – пиратом...

День Победы...

Как заплеванный померк
мой рублевый фейерверк.

Опростали нас друзья,
не осталось ни копыя.

Я шажком, шажком, шажком
вдоль по Питерской пешком,

вдоль по Набережной, где
тени пляшут по воде,

где на пристани толкутся
резервисты-лилипутцы,

где кайфуют у кафе
голиафы в галифе.

Александр Ханьжов, 1970 г.

Девятое мая – пора шашлыков.
Мы катимся вдоль постаментов облезлых,
Стоящих кружком стариканов железных
с медальной броней на груди пиджаков.

Мы едем надраться под дым шашлыка.
По дури залезть в ледяную протоку.
И сразу замерзнуть до дрожи жестокой.
И вновь накатить граммов сто коньяка.

Весь этот кураж издевательски странен.
Мы будто забыли под пьяный запал:
у каждого дед был убит или ранен.
А мой, тот и вовсе без вести пропал.

Игорь Алексеев, 2007 г.

И все-таки лучшие стихи Алексеева вовсе не о войне или о смерти, а о быте, пожирающем человека, которого автор, как шаман, заговаривает «последними словами». В этом смысле название книги мне кажется очень удачным, словно отводящим удар, в отличие от броских, но слишком «заданных» в предыдущих сборниках «Трамвай живых» и «Русский день».

Олег РОГОВ

В роли свидетеля

Юрий Штерн. Сквозь июни. – М.: Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2007.

Посмертное издание произведений Юрия Штерна (1937–2006) включает в себя стихотворения и прозу, книга иллюстрирована фотографиями автора. В небольшом введении Юрий Штерн так характеризует свое творчество:

«Всю жизнь меня раздрают три страсти: медицина, фотография, литература. Я попеременно отдавался то одной, то другой, то третьей, пока не увидел главного: все три есть суть составляющего единого целого – страсти к познанию и исследованиям.

Так что моя профессия – исследователь.

Хороший или плохой – не мне судить. Но почему-то неизбежно, глядя в окуляр фотоаппарата, я с неотвязным постоянством слышал стихи и музыку; ловил себя на том, что, разговаривая с больными, почти бессознательно мыслю музыкальными и поэтическими образами, воображаю кадры увиденного и отснятого, а в литературе все пережитое в смежных моих увлечениях, помимо воли сплавляю, по выражению А. Блока, в единый музыкальный напор».

Штерн не был профессиональным литератором и не претендовал на этот статус. Его стихи – философские рефлексии, проза – биографические и лирические зарисовки, размышления об увиденном или прочитанном. Это уровень беседы интеллигентных людей, которая может быть интересна многим за пределами этого круга личного общения. В этом есть что-то от универсального старорежимного образования, когда считалось чем-то само собой разумеющимся, что хорошо образованный человек может писать стихи или заниматься живописью. Сейчас эта область интересов, наверное, покрывается понятием «хобби», как не диковато это прозвучит.

Жизнь советского интеллигента неизбежно пересекалась – у всех в разной степени – с областью инакомыслия. Для современных и будущих исследователей многие страницы за-

меток Штерна будут представлять несомненный интерес.

Это, например, новелла «Бастрыкина» – о матери Ольги Ивинской («она ежедневно в течение вот уже десяти лет ровно в пять утра выпивает по сто граммов водки, чем поминает своего мужа») и воспроизведение ее рассказа о западных гонорах Пастернака, обыске и аресте Ивинской.

Или мемуар «Проявитель и фотопленка» о пресс-конференции на квартире Александра Глезера в сентябре 1974 накануне «бульдозерной выставки» и о самой выставке. Про нее уже много написано, но это не умаляет ценности еще одного исторического свидетельства.

«Блажен, кто посетил...»? Конечно, потому что может об этом рассказать. Роль свидетеля – одна из главных, так как герои обычно не выживают, или снова чем-то заняты, или, по определению, не могут быть беспристрастными.

Да и вся жизнь того удивительного сословия, которое мы называли интеллигенцией – что она есть, как не свидетельствование, постоянное бережение и воспроизведение культурных смыслов, воплощенных в ежедневном бытовании?

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

Кроме шуток

Международный информационный журнал литературы и изобразительного искусства «У», №5, сезоны 2007. Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской.

Сегодняшний журнал «У» – это 180-ти страничное издание, публикации в котором обильно снабжены фотографиями, интернет-адресами и рекламой печатной продукции. Цель журнала сформулирована уж очень общо: «пропаганда авторов некоммерческого искусства и их произведений», – а потому и нет ничего странного, что чем дальше тем больше это все походит на пухлый рекламный проспект, разросшийся до размеров литературного журнала. Отсюда и кричащие (наверное, тут уместно произнести модное слово «креативные») колонтитулы и оформление обложки, на кото-

рую зачем-то помещена репродукция суриковской «Боярыни Морозовой». Складывается впечатление, что это «некоммерческое искусство» на самом деле мечтает стать коммерческим, однако то ли стесняется, то ли боится об этом говорить на людях.

Не менее эклектичен и набор авторов, ну как, например, сосуществуют рядом подборки стихов хороших, но «зеркальных» по отношению друг к другу поэтов Всеволода Емелина и Николая Рубцова, разделенные двумя страницами графики?

Разве что кто-нибудь после лирики Рубцова на полном серьезе перечитает вот эти строки:

...Пойду я ближе к полночи
В коммерческий ларёк,
Возьму бутылку водочки
И «Сникерса» брусок.

Я выпью русской водочки
За проданную Русь,
Занюхаю я корочкой
И горько прослезюсь.

Я пью с душевной негою
За память тех деньков,
Когда в России не было
Коммерческих ларьков...

(из стихотворения «Городской романс»
Всеволода Емелина)

Кроме шуток, пожалуй, единственное, что хоть как-то объясняет редакторский произвол, так это небольшие ностальгического толка вводные Анатолия Богатых. Вообще одной из причин неудачи, а я склонен рассматривать этот номер именно так, является постоянная необходимость для редактора превращаться в автора, закрывая своими текстами смысловые дыры в структуре журнала. Я намеренно не говорю о качестве стихов и прозы, как и не упоминаю большинства имен, т.к. такая невнятная подача сводит на нет впечатление от отдельных хороших текстов.

Конечно, в журнале есть замечательные стихотворения Александра Еременко и Георгия Иванова, которые уж точно в никакой пропаганде не нуждаются, а также материалы других менее известных авторов, которые, на

мой взгляд, только проигрывают от вынужденного, случайного соседства. Есть рубрика «Странички редактора», где Богатых высказывается на злободневные темы, а диапазон их широк – от чеченской войны до выборов, последняя заметка написана весьма энергично и заканчивается кратким резюме «Владимир Путин наш президент». Ясно, что к литературе этот раздел никакого отношения не имеет, хотя туда и странным образом затесалась статья «Юрий Казаков», посвященная памяти умершего в 1982 году русского писателя. Но почему-то данные об авторах предваряют не каждую публикацию, рубрика «Мои друзья», куда помещены пьесы Валентины Кизило, – единственная, если не считать тех же «Страничек редактора», и повисает в воздухе.

С другой стороны, перечитывая на второй и третьей страницах журнала обширный перечень книг, выпущенных издательством в 2007 году, понимаешь, что в таком механизме бессмысленно что-то исправлять, а тем паче улучшать. Что плохого в журнале, рекламирующем собственную книжную продукцию и печатающем в основном своих же авторов, т.е. читай потенциальных клиентов? Видимо, недаром журнал характеризуется как «информационный», в этом тоже вроде бы нет ничего зазорного. Как и в публикациях в номере учредителей и членов общественного совета. Надо заметить, что слова «друзья» и «содружество», «благожелательно» – частые гости на его страницах, и это вторая причина неудачи журнала как самостоятельного литературного издания, каковым он все-таки хочет казаться, если судить по «Открытому письму Александру Яковлеву», опубликованному в качестве редакционной статьи.

Олег РОГОВ

Солженицын в контексте...

Людмила Герасимова. Этюды о Солженицыне. – Саратов: Новый ветер, 2007.

Книга статей известного ученого издана в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках».

Семь статей, составляющие книгу, посвящены разным аспектам творчества писателя. Л. Герасимова пишет о «контекстах XX века», которые, при рассмотрении через их фокус творчества Солженицына, позволяют найти наиболее важные его, творчества, особенности. Тематика статей книги разнообразна – самая общая или глобальная (статьи, сопоставляющие «планетарное сознание» в понимании Вернадского и Солженицына; рассуждения о смысловом пространстве истории у Солженицына и Лотмана; сравнение метафизических констант Солженицына и Бродского), жанровые особенности (эпопеи Солженицына и Гроссмана; малая проза Солженицына), личность и историческом повествовании (образ Столыпина) и наблюдение за читательскими способностями нобелевского лауреата (анализ этюда Солженицына о комедии «Горе от ума»).

Солженицын – тот автор, который благодарно открывается внимательному читателю. Этого писателя числят в «своих» или «чужих» самые разные идеологические лагеря, выступления Солженицына на общественно-значимые темы провоцируют примерку к нему разнообразных, подчас взаимоисключающих по сути, ярлыков. Но Солженицын полнее откроется хорошему литературоведу, чем публицисту, именно такой подход (если и пристрастный, то лишь в смысле сугубой заинтересованности) к его произведениям позволяет осознать особость этого автора, его идеологии и стилистики, слишком широкую для помещения его в какие-либо определенные рамки. Л. Герасимова обозначила жанр книги как «этюды». На самом деле перед нами вдумчивое и проницательное исследование, не скованное, разве что, ограничениями научной формы.

Любопытно наблюдать, как трансформируется и уточняется тезис Вернадского о планетарном единстве, какие новые – и опасные! – обертоны он приобретает, будучи вписан в солженицынскую систему координат. Каков будет фундамент этого объединения, станет ли он духовным, не приведет ли оно к новому, более изощренному закабалению человека, – эти вопросы подняты уже Солженицыным.

Сопоставление исторических моделей

Лотмана и эпической хроники Солженицына обнаруживает неожиданные сближения, ко-ренящиеся в естественно-научном пространстве. Л. Герасимова демонстрирует, как идеи И. Пригожина, к которым апеллирует Ю.Лотман, коррелируют с приемами художественного повествования «Красного колеса». Я, во всяком случае, при чтении неоднократно ловил себя на мысли, что «забываю», чем «кончится» это произведение – настолько явным представляется читателю исторический механизм, который медленно, неуклонно – но и не неотвратимо, не предрешенно! – приводил к точке невозврата. Осмелюсь добавить – читательское соучастие в данном случае представляется почти буквальным, актуальным именно в юридическом аспекте этого слова: как чувство вины (или, хотя бы, сожаления) за упущенные возможности.

Сопоставление и противопоставление с Гроссманом доказательно демонстрирует новаторство Солженицына в жанре исторического повествования, а соседство с Бродским в ряду отечественных нобелевских лауреатов неизбежно влечет разговор о различии метафизических оснований их творчества, удачно начатый в свое время Львом Лосевым. Этот разговор наиболее интересен при формальном сходстве религиозного фундамента мировоззрений и различии мировоззренческих выводов: принятия абсурда бытия и проживания, пропуска через себя, приручения и одомашнивания его у Бродского – и противостояния ему у Солженицына.

Сергей ТРУНЕВ

Лучше «сушеный Чехов»...

Карвер Реймонд. Если спросишь, где я: Рассказы / Пер. с англ., послесл. Н. Рейнгольд. – М: Б. С. Г. – ПРЕСС, 2007. – 591 с.

По-видимому, в пространстве мировой литературы найдется не так уж много авторов, чьи произведения никак не могут пострадать от перевода. Чем суше слог, чем яснее и четче повествование, тем больше шансов сохранить видимость оригинала. Впрочем, «серьезная»

литература, как правило, чужда столь удобного для нее минимализма.

Рассказы Р. Карвера сравнивают с рассказами А. Чехова... На мой взгляд, написать их мог кто угодно, обладай он достаточным жизненным опытом и умением видеть происходящее со стороны, превращая исходный материал в серию коротких сюжетов с непременным внезапным поворотом. Опыта, если судить по биографии, у Р. Карвера было достаточно: женитьба в восемнадцать, двое детей, алкоголизм и бесконечные поиски работы. Что до умения видеть, то здесь, как мне кажется, он превзошел многих. Любая жизненная ситуация, очищенная от мелочей, превращается у него в рассказ, точно записанный со слов участника-наблюдателя.

В послесловии Н. Рейнгольд отмечает именно эту особенность: опору повествования на голос, как бы «рассказывающий свою историю» (С. 584), принадлежащую одному из тех ничем не примечательных людей, мимо которых проходит «большая» история, история эпохальных событий и судьбоносных изменений. Сущность подобного рода произведений прекрасно выразил О. Дарк применительно к роману А. Сергеева «Альбом для марок» (Букеровская премия в России 1996 года): «Гибнут в забвении детали и приметы эпохи, которые были бы уже непонятны моему сыну, если бы он вообще о них когда-нибудь узнал. А также черты людей, прежде всего ничем не знаменитых и не интересных, кроме того, что они были»*. И хотя Р. Карвер всячески отрицал свое назначение служить рупором чужих голосов, он, с другой стороны, усматривал миссию писателя в том, чтобы быть *свидетелем* человеческих судеб.

Примечательно, что судьба представляется в рассказах не как линейная последовательность событий, но именно как поворот, причиной которого может служить какое угодно событие. В этой связи тексты Р. Карвера представляются своеобразным доэпическим началом литературы, в фокусе которого находится не характер, а действие. Характеры здесь вторичны; они не описываются в терминах движений внутреннего мира, но подаются

через совокупность физических реакций. И потому, в какой момент герой «сел», «встал», «потянулся» и т. д., мы считываем его внутреннее состояние и отношение к происходящему. Отсутствие развернутых описаний составляет специфику карверовского стиля, определить который можно двумя понятиями: сухой и точный, предоставляющий нам функциональный каркас ситуации, и заставляющий трудиться воображение.

Как и в обыденной, повседневной жизни, судьбоносные ситуации возникают в пространстве общения между близкими и далекими родственниками, соседями и т. д. Но семейный быт триады отец-мать-сын, служащий основой многих рассказов, в авторской трактовке не укладывается в уютный саркофаг классического психоанализа (что ожидаемо: ведь американец, все-таки!). Как ни крути, жизнь на поверку оказывается куда более богатой и разнообразной, и рассказы Р. Карвера, несмотря на стилистическую скупость, отражают ее богатство в полной мере.

Впрочем, кому-то это не нравится. В приватной беседе один из переводчиков Р. Карвера, а именно В. Михайлин, поведал о том, что некоторые из переводов подверглись без согласия переводчика существенной правке с целью смягчения стилистической скупости поповской кучерявостью. Ну, что тут поделывать: хозяин – барин. Однако, на мой вкус, лучше «сушенный Чехов» (определение В. Михайлина), чем очередной полуанонимный «шедевр» в жанре дешевого литературного психологизма.

Роман АРБИТМАН

Козлы и жены

Ариэль Бюто. «Козлы!» Роман. – М.: Фантом Пресс; ЭКСМО, 2007;

Кэтрин Райан Хайд. Любовь в настоящем времени: Роман. – М.: Фантом Пресс, 2008;

Ким Эдвардс. Дочь хранителя тайны: Роман. – М.: Фантом Пресс, 2007.

Московское издательство «Фантом Пресс» долгое время было известно благодаря при-

* Дарк О. Андреевы игрушки // Знамя, № 3, 1999. С. 65.

быльному, но одинокому проекту – выпуску книг мастерицы польского детектива Иоанны Хмелевской. Выйти за пределы одной темы долгое время не удавалось: придуманная в середине 90-х отечественная серия «Ирония судьбы» не задалась; серии «Сан-Антонио» (детектив брутальный переводной) и «Мышь-як и кружево» (детектив женский переводной) оказались чуть успешнее, но не настолько, чтобы издатели смогли почивать на лаврах. Свою нишу новую издатели сумели найти, лишь взявшись за англоязычную ироническую прозу – именно «Фантом Пресс» открыл нам Стивена Фрая, Хью Лори, Кристофера Мура и др.

Недавно издатели взялись за женскую переводную (англо- и франкоязычную) внежанровую прозу: это иронические тексты, временами тяготеющие к pulp fiction, однако всегда выходящие за рамки привычного «развлекательного чтения» и навязшей в зубах «гламурной попсы». Для обзора мы отобрали три наиболее характерных книги.

Восклицательный знак в названии романа «Козлы!» известной французской писательницы Ариэль Бюто сразу настраивает читателя на соответствующий лад. Разумеется, в романе речь идет не о мужских особях известных парнокопытных животных, а о мужчинах – тех самых существах, которые превращают жизнь женщин в кошмар. В начале повествования три подружки – Флоранс, Каролина и Элиза – решительно несчастны. Первую из дам бросил муж-негодяй, от второй отвернулся любовник-мерзавец, а у третьей вроде бы все хорошо (муж, дети, хозяйство), но жизнь непереносимо скучна, хоть в петлю, хоть в бега... Начало романа и его финал разделяет почти десятилетие, и за этот срок жизнь героинь изрядно попетляла. Ариэль Бюто ведет три параллельных линии повествования, изредка их пересекая, дабы три грации могли на собственном печальном опыте осознать всю неприглядность маскулинной половины вида homo sapiens: на пути тридцатилетних французенок попадаются вруны, пьяницы, зануды, мямли, клятвопреступники, прелюбодеи, один маньяк-убийца и даже один русский медведь Николая. В отличие от этой компании, наши героини – само совершенство. Они скромны, красивы, добры, верны... и даже если изредка изменяют одним козлам с

другими, то лишь потому, что родных козлов не следует чересчур баловать, а то еще возмнят о себе бог знает что.

«Каждый подросток считает, что его мама – ангел. Сама Мадонна, прекрасная и непорочная. Я – не исключение, я тоже так думаю. Только вот есть два вопроса, на которые она мне так и не ответила, как я к ней ни приставал. Кто был мой отец? И какая у меня фамилия?» Вопросы эти задает юный Леонард, один из главных героев книги Кэтрин Райан Хайд «Любовь в настоящем времени». Композиция романа прихотлива, пазлы флэшбеков начинают складываться далеко не сразу, а Леонард предстает перед читателем то пятилетним мальчиком, то семнадцатилетним юношей, то снова мальчиком... В первой главе мать Леонарда совершила нечто ужасное, через десяток страниц расплата настигла ее, пятилетний ребенок остался один – на попечение полужнакомого соседа, компьютерщика Митча, который волею судеб стал мальчику настоящим отцом, единственным из живущих родным человеком. Автор рассказывает драматическую историю без надрыва и попыток вышибить слезу из читателя, но и без фальшивого хэппи-энда. Кэтрин Райан Хайд известна российской публике, главным образом, романом «Заплати другому» (Pay It Forward), а точнее – его одноименной экранизацией с Хэйли Джозлом Осментом в роли мальчугана Тревора, погибавшего в финале. Уцелеет ли в новой книге юноша Леонард или в день совершеннолетия разделит судьбу матери? Повествование выстроено так, чтобы читатель получил ответ лишь в самом конце.

История, которая рассказана в романе Ким Эдвардс «Дочь хранителя тайны», началась зимней заснеженной ночью 1964 года, когда доктору Дэвиду Генри пришлось самому принимать роды у своей жены Норы. Та уже заранее придумала имя будущему ребенку: «Если девочка, то Феба. А мальчик – Пол». Родились и мальчик, и девочка, но... Обнаружив, что мальчик здоров, а у девочки – выраженный синдром Дауна, доктор Генри просит свою медсестру Каролину увезти новорожденную в приют, а Норе сказать, что ребенок умер. Этот поступок на четверть века изменит судьбу всех героев книги – и Дэвида, и Норы, и Пола, и Фебы, и Каролины, решивший удочерить де-

вочку. Двадцать пять лет поступок, совершенный зимней ночью 1964 года, будет пригибать Генри, душить его, вставать стеной между ним и Норой, мешать нормальным отношениям с сыном и, в конце концов, сведет в могилу... Слово «тайна» в русском варианте заглавия книги намекает на возможность детективных коллизий, но ничего подобного здесь нет. Ким Эдвардс сознательно освобождает схему от беллетристических стереотипов. Здесь не

будет ни шантажа, ни случайных совпадений, ни мучительных финансовых проблем, ни выплеска роковых страстей в духе телесериалов. Все упрятано вглубь души героя, а на поверхности – то же, что у многих: приличный, хотя и не слишком удачный брак; достойная, хотя и не слишком удавшаяся жизнь. Сюжет для небольшого романа. Ведь, как известно, все несчастные семьи несчастливы по-своему, а про семьи счастливые книг обычно не пишут.

Иван КОЗЛОВ

Артхаусная мозаика

Контроль

Фильм «Контроль» необычен во многих отношениях: кто снимал, о ком этот фильм и как он сделан.

Режиссер фильма – культовый голландский фотограф Антон Корбайн. Он известен, прежде всего, своими фотографиями музыкальных знаменитостей. Его стихия – постеры, обложки для CD и фото для первых страниц глянцевого журналов. Эта лента – его кинодебют в качестве режиссера полнометражного художественного фильма. Дебют был столь же удачен, сколь и труден – чтобы увеличить финансирование фильма, режиссеру пришлось заложить свой дом.

Герой его ленты – Йен Кертис, хедлайнер знаменитой группы Joy Division. Камера прослеживает его путь от юности, когда музыкальная карьера только начиналась, до последних минут жизни, когда он покончил с собой.

Как это сделано. Слово «байопик» на язык не просится, это очень странный фильм. Корбайн остается верен своей фотографической манере и выстраивает кадр настолько тщательно, что создается впечатление динамичного фотоальбома, в котором зарегистрированы звуковые изображения нескольких лет из жизни известного музыканта.

Если учесть, что Корбайн работал с документальными источниками и тщательно воспроизводил их, то это впечатление лишь усиливается. Приблизительно в то же время на экраны вышел документальный фильм про Joy Division и зрители могут сравнить сюжеты – например, съемки с концертов или жестокое воспроизведение знаковых телеинтервью главного героя, которого играет Сэм Райли. Причем Джон Купер Кларк, бравший у него интервью, «играет» в этом фильме самого себя. Стихия «воспроизведения» реальности настолько тотальна в этом фильме, что даже

все песни, которые звучат в фильме, сыграны заново – актерам, игравшим музыкантов Joy Division, пришлось исполнять их композиции самим.

Впечатление почти мистическое – Корбайн как бы «дополняет» своим фильмом неснятые материалы, снимает полудокументальный фильм «задним числом».

Визуальный ряд настолько мощен, что забывает всё остальное. Впрочем, с этим самым «остальным» всё тоже непросто. Изначально фильм был снят в цветном варианте, но для пущей достоверности «документалки» был переведен в черно-белый ряд.

Корбайн тщательно вытравляет какую бы то ни было романтизацию, свойственную рок-поведению в бытовом его представлении. Нет ни денег, ни комфорта, ни радости творчества. Собственно, творчества как такового в фильме нет. Есть неустроенный быт, рефлексирующий и невротичный герой, жутковатого вида городские декорации, переезд группы с места на место. Ахматовский «сор», из которого ничего – во всяком случае, на наших глазах – не растет.

Лента как бы говорит зрителям о том, что остается «за кадром» концертов и альбомов, любимых миллионами людей. О человеке, который, собственно, и делал ту музыку, которая звучит в ваших наушниках. О невозможности знака равенства между творчеством и жизнью. Фильм позволяет зрителям общаться с человеком, прежде всего, а не музыкантом в первую очередь. И это знакомство оказывается очень тяжелым.

Сценарий фильма снят по книге вдовы Кертиса, которая выступила продюсером ленты. Ее название явно отсылает к одной из главных песен Joy Division «She's lost control» и отражает общее состояние неустроенности и саморазрушения, заложенных в характере главного героя.

Скафандр и бабочка

Джулиан Шнабель, снявший этот фильм, известен нам по таким лентам, как «Пока не

наступит ночь» и «Баския». Как можно заметить, все эти фильмы имеют под собой биографическую основу. «Пока не наступит ночь» был снят по мемуарам кубинского поэта-эмигранта Рейнальда Аренаса, «Баския» был посвящен известному художнику круга Энди Уорхола. «Скафандр и бабочка» рассказывает о последних годах жизни Жана-Доминика Боби. Редактор журнала «Elle» в результате автокатастрофы оказался почти полностью парализованным, однако, сумел написать книгу.

Шнабель не экранизирует это произведение. Как, собственно, и «Пока не наступит ночь» не была в прямом смысле экранизацией мемуаров – ведь герой умирает в последних кадрах и, разумеется, не мог об этом написать. Так и в «Скафандре» – фильм и по книге, и о том, как она создавалась.

На главную роль планировался Джонни Депп, но он не смог отказаться от съемок последней части «Пиратов Карибского моря» и эту роль сыграл Матье Амарьик (наши зрители могут помнить его еще по французским фильмам Отара Иоселиани «Фавориты Луны» и «Охота на бабочек»).

Тема отрезанного от мира человека, парализованного или перенесшего инсульт, в последнее время активно обсуждалась в самых разных сообществах. Можно вспомнить недавний фильм Аляхандро Аменабара «Море внутри». Более радикальный случай – ситуация «запертого внутри себя» человека, описанная, например, в психологическом бестселлере трансперсонального психолога Арнольда Минделла «Кома: ключ к пробуждению».

Фильм Шнабеля близок этой тематике. Он гуманистичен и метафизичен, одновременно. Его герой и борется за право общения с миром, и путешествует по иным реальностям. Первое возможно лишь с помощью одного глаза, которым он может мигать, второе в избытке присутствовало во время коматозного состояния, в снах и забытьи.

Уединение – очень мощная практика, но она часто навязывается людям, а не выбирается добровольно, как монахами-отшельниками, среди которых тоже были вполне светские и успешные люди. В случае с Баби, выражаясь эзотерическими терминами, произошла оста-

новка мира, и теперь приходится упорядочивать внутренний диалог.

Первая часть фильма позволяет нам понять, что и как видит человек в положении главного героя, камера «превращается» в его глаз, и авангардные ухищрения, к которым мы привыкли в кино, внезапно становятся самым что ни на есть реализмом. Дальше – уроки общения, когда мигнуть один раз означает «да», а два раза «нет». И – книга, которая пишется буква за буквой, куратор больного называет буквы по порядку и Баби в нужном случае мигает. Так медленно, наверное, никто и никогда не писал книг.

Этот фильм не сентиментален и не героичен. Это просто еще одна «повесть о настоящем человеке» в совсем иных обстоятельствах.

Молодость без молодости

Великим быть трудно. После главного успеха принято либо замолкать, либо подтверждать статус. Впрочем, сегодня эта точка зрения кажется уже устаревшей и романтической. Кинорежиссеры, давно снявший свой «опус магнум» продолжают делать фильмы, явно не дотягивающие до культового статуса, но, уже в силу магии имени, привлекающие внимание зрителей и критиков. В этом есть своего рода смирение – продолжать работать, несмотря на прохладный прием.

Фрэнсис Форд Коппола не повторил успеха «Крестного отца» и «Апокалипсиса сегодня», хотя и снял после них добрый десяток фильмов. Последний из них от «Молодости без молодости» отделяет десять лет. Коппола вернулся к зрителю лентой, снятой по повести Мирча Элиаде, которого кто-то считает культурологом, кто-то философом, а кто-то мистиком и эзотериком.

Фильм рассказывает историю румынского лингвиста, который потерял жизненные ориентиры и подумывал о самоубийстве, но в него вдруг ударила молния. После этого незаурядного события течение жизни изменилось в буквальном смысле. Он начал молодеть и обрел сверхъестественные способности (которыми пользовался, надо отметить к его чести, лишь в исключительных случаях).

Первая часть фильма посвящена его бегству от нацистов, которые пытаются ра-

ботать с особыми электрическими полями, создающими эффект, близкий к тому, который суждено было пережить нашему герою. Вторая часть – история любви, ее обретения и утраты.

Эта лента – бенефис Тима Рота, актера одинаково адекватного и в серьезном интеллектуальном кино, и в так называемом жанровом кинематографе. Возраст его героя меняется на протяжении фильма несколько раз, причем не линейно, например, он играет старика в молодом теле. Фильм провоцирует неизбежные аллюзии с «Портретом Дориана Грея» и «Фа-

устом», осложненные вектором научных интересов героя, который пытается прорываться к иной молодости – праязыку.

Коппола уже достиг того режиссерского «возраста», когда, продюсируя собственные ленты, может снимать фильмы так, как хочет, и о чем хочет. «Молодость без молодости» – пронзительное, грустное и философское произведение, мы смотрим одновременно и мистическую медитацию, и триллер, и историю о последней любви. Одно из достоинств великих – умение говорить обо всем сразу, и Коппола им мастерски владеет.

Редколлегия журнала:

Анна Сафронова
Сергей Боровиков
Алексей Александров
Роман Арбитман
Алексей Голицын
Алексей Слаповский

Формат 70х100 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 21,45
Уч.-изд. л. 20,8. Тираж 300 экз.
Подписано в печать « » сентября 2008 г.
Журнал отпечатан в типографии
Адрес типографии:

Заказ №
Цена свободная

Рукописи принимаются по адресу:
E-mail: safronova-volga21@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://magazines.russ.ru/volga/>

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.